МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ

Б.Ф.Усманов

СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАТИКА

Учебное пособие

Издание третье, переработанное и дополненное

Рекомендовано
Научно-методическим советом Союза негосударственных
вузов Москвы и Московской области
для студентов гуманитарных вузов

Москва
2009

УДК 17
ББК 87.7
У75

Рецензенты:

Ю.Д.Красовский – доктор социологических наук,
профессор Государственной академии управления им.С.Орджоникидзе

В.А.Луков – доктор философских наук,
профессор Московского гуманитарного университета

В.А. Никитин – доктор философских наук,
профессор Московского гуманитарного университета

У 75

Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: Учебное пособие. Изд.3-е, перераб. и дополн. – М.: Социум, 2009. с.??

ISBN 978-5-98079-310-4

Пособие адресовано студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам, специалистам, которые профессионально занимаются теорией и практикой нововведений, проблемами социальной сферы и социальной политики, организуют и ведут социальную работу.

ББК – 87.7

© Усманов Б.Ф., 2009
© Московский гуманитарный университет, 2009

ОБ АВТОРЕ

Борис Фатыхович Усманов окончил Казанский авиационный институт. Работал инженером в ЦКБ машиностроения, которым руководил академик В.Н.Челомей.

Несколько лет был на комсомольской работе, избирался первым секретарем Балашихинского горкома ВЛКСМ Московской области.

После окончания аспирантуры Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ защитил кандидатскую диссертацию по проблемам воспитания молодежи. С 1974 года на преподавательской работе.

В 1994 году защитил докторскую диссертацию «Проблемы стиля в политическом управлении: социологический аспект». Автор книг «Стиль управления: методологические и социологические аспекты» (1993), «Социальная инноватика» (2000), «Стиль управления и управление стилем» (2006, в соавторстве) и др.

Является профессором кафедры социальной политики и социальной работы Московского гуманитарного университета, читает будущим специалистам учебные курсы «Технология социальной работы» и «Социальная инновация».

Оглавление

Предисловие ко второму изданию ……..6

Предисловие к третьему изданию ……9

Введение 13

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИННОВАТИКИ 21

Глава 1. Сущность предмета и основные научные понятия 24

Глава 2. Философия и психология поиска: творчество без границ и границы для творчества..... 42

Глава 3. Инновационная экономика и правовые факторы нововведений 64

Глава 4. Технологии управления инновационными процессами ……89

Глава 5. Типология нововведений 113

Глава 6. Социальные инновации..... 133

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ПРАКТИЧЕСКАЯ ИННОВАТИКА 155

Глава 7. Системная организация социальных нововведений 157

Глава 8. Причины торможения инноваций в социальной сфере 175

Глава 9. Социальный эксперимент в инновационном процессе 193

Глава 10. Отраслевая специфика социальной инноватики 216

Глава 11. Инновационный опыт социальных работников 238

Глава 12. Инновационные организации 260

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ НОВОВВЕДЕНИЙ 285

Глава 13. Самоорганизация и адаптация инноваторов в условиях рынка..... 288

Глава 14. Творцы нововведений: роли и позиции 306

Глава 15. Единство индивидуального и коллективного..... 322

Глава 16. Учеба без конца..... 342

Глава 17. Инновационные игры как метод
генерирования идей 361
Глава 18. Инновационный потенциал и
возможности развития 385
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС ЖИЗНЕСБЕРЕЖЕНИЯ 404
Глава 19. Приоритетные национальные проекты развития 408
Глава 20. Прикладная социализация,
или Фундамент жизнесбережения народа 429
Глава 21. Индекс социального развития:
страна – территория – личность 455
Глава 22. Социальные технопарки в зонах
управленческого партнерства 476
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 499
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ..... 506
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА..... 511
ОТВЕТЫ НА УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ..... 515

Предисловие ко второму изданию

С момента выхода «Социальной инноватики» в 2000 году прошло семь лет. Это в общем-то не так много. Но время до и после появления в свет учебного пособия существенно разнится для страны и способом политического правления, и выбором приоритетов общественного развития. Хотя хотелось бы, чтобы разница с ельцинской порой была бы еще значительнее, даже радикальнее. Желание подобного рода особенно усиливается, когда заново препарируешь все отправные мотивы предыдущего издания, сопоставляешь его содержание и, в частности, результаты социальной практики с ожидавшимися изменениями в жизни людей.

Впрочем, нельзя и преувеличивать реальные инновационные скорости, тем более в столь уязвимой всегда сфере, как социальная политика. В условиях глобального российского передела этап длиною меньше чем в два президентских срока все же не очень велик, чтобы успеть компенсировать накопившиеся за полтора десятка лет социальные потери. Что же касается уже не политики и практики, а теории вопроса, то тут в такие короткие сроки больших качественных накоплений и принципиально быть не может. Другое дело, что естественным образом идут уточнения подходов, позиций, адаптация инновационных технологий к специфике вялотекущих отечественных реформ. И эта сторона научных исследований неизбежно находит свое отражение в учебных программах, методах вузовской подготовки будущих специалистов.

Выделю при этом два важных ситуационных отличия в подходах к теме. Во-первых, стала очевидной общегосударственная проблема, которую можно обозначить как аварийный поиск *ресурсов жизнесбережения*, имея в виду острый демографический кризис, дефицит деторождения, высокую смертность населения в трудоспособном возрасте. Во-вторых, налицо рост потребностей в социальных инновациях, поскольку в России начали

действовать долгосрочные национальные проекты, ориентированные на социальную сферу (включая здравоохранение, образование, доступное жилье). Социальные инновации в таком нерядовом контексте должны приобретать системный и целенаправленный характер, становиться первейшим средством жизнесбережения, а главное – входить в обойму институционально признанных государством и обществом инструментов кризисного управления.

Полагаю, что возобновление спроса на социальную тематику в науке и учебном процессе – закономерный ответ не только на сами обнажившиеся проблемы народной жизни, но и на растущие в последние годы возможности в бюджетном финансировании социального сектора. Устранение явных и видимых всеми перекосов в доходах, общественном благополучии разных слоев населения приобретает стратегическое значение. Государству сегодня есть что вкладывать в развитие страны и своего народа, а вот как справедливо реализовать вложение средств действительно стратегически – получается пока плохо. Научимся этому – сможем вернуть обществу его совокупное здоровье. Не научимся (не захотим), значит останемся сидеть на социальной пороховой бочке.

Именно появление и осознание новых задач определили дополнения и коррекции в содержание книги, дали основание ввести ранее отсутствовавшие главы и целый самостоятельный раздел. Подверглись изменениям многие примеры из практики и дидактический материал, расширена источнико-библиографическая база.

Как и первое, новое издание, разумеется не может претендовать на всеобъемлющий характер. Границы вузовского курса тем не менее позволяют варьировать и углублять тематику предмета. Собственно, и сам предмет таков, что требует изменений.

Ни в одной области, говорил известный всем классик-социолог К.Маркс, не может происходить развития, не отрицающего своих прежних форм существования. Применительно к инноватике это вдвойне справедливо. Изучая суть и особенности применения нововведений, мы наращиваем и развиваем знание, поисковые навыки. И пределов у такого процесса нет и

быть не может. Здесь все взаимозамещаемо и открыто для совершенствования.

Б.Усманов
Март 2007 года

Предисловие к третьему изданию

Кризисная ситуация 2008-2009 годов заставила мировое сообщество критически взглянуть на многие прежние приоритеты. Обнаружившаяся вдруг несостоятельность финансовой системы, резкий спад производства, прибыли, ВВП и нынешний натужный вывод экономики на путь оздоровления нарушили привычный ход развития. Обострились социальные болезни, возник новый дисбаланс на рынке труда и потребления. Причем российская действительность и здесь продемонстрировала свою особость.

Все более очевидны сырьевая однобокость отечественной экономики, дефицит высоких технологий, противоестественная для столь богатой ресурсами страны продуктовая импортная зависимость и целый ряд других слабостей, которые явно противоречат интересам общества и государства, стремлению правительства и в условиях кризиса сохранить населению социальные преференции, компенсировать пенсионерам, инвалидам, малоимущим семьям нескончаемые инфляционные потери.

На этом фоне мы наблюдаем картину двойственную и одновременно неизбежную в момент девальвации (и даже банкротства) определенных общественных ценностей. Декларируемые государством инновационные цели, желание добиться технологического прорыва и вместе с тем приучить постсоветский бизнес к социальной ответственности плохо сочетаются с поглотившей экономику торгашеской психологией, для которой гораздо важнее сиюминутная и максимально возможная выгода, чем стратегически ценные результаты, касающиеся здоровья нации и общего жизнесбережения, ресурсной достаточности, промышленного и сельскохозяйственного воспроизводства, конкурентного потенциала страны. То есть, с одной стороны, никто не отменял с появлением глобального кризиса лозунгов и программ инновационного экономического и научно-технического развития, а с другой – понятен и вопрос, насколько могут совмещаться призывы к нововведениям с принудительным отступлением назад, на уровень

прожиточных министандартов, признанием нормой (пусть и на время) высокой безработицы и необеспеченной старости.

Вопрос кому-то наверняка покажется риторическим. Хотя, может быть, риторику в данном случае лучше вспоминать в последнюю очередь. Ведь чем, как не новыми идеями и решениями, легче всего, казалось бы, стимулировать поиск антикризисных начинаний, инновационных технологий, социальных нововведений на государственном или местном уровне.

Между тем, замечено уже многими, тотального наступления инноваций на российских просторах не наблюдается, пока мало кто готов воспользоваться предлагаемыми идеями и готовыми проектами и уж тем более не находится желающих радикально изменить систему самого поиска новых творческих решений, модернизировать существующие инновационно-внедренческие подходы и формы организации научно-технических исследований в академических, вузовских, производственных коллективах.

Публикуемые в открытой печати данные показывают весьма неоднозначную динамику изменений в сфере инновационных разработок. До начала кризиса темпы роста финансирования научных исследований в последние два-три года достигли примерно 20%. Это значительный ежегодный прирост. Тут Россия обогнала Италию и приблизилась к Англии. Но характерно прежде всего другое: удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленного производства в нашей стране составляет сегодня лишь 5%, а тот же показатель в Финляндии – более 30%, в Италии, Португалии, Испании - от 10 до 20%. Причем у нас доля инновационно активных предприятий (тех, где в течение трех лет применили хотя бы одну инновацию) не превышает 10%.

Сознаваемый специалистами парадокс в том, что экономический кризис может стать стратегически выгодным моментом, чтобы избавиться от страха обновления, вырваться из консервативных пут, пользуясь возникшими форс-мажорными обстоятельствами. Показательно, что те же

правительственные чиновники прямо говорят о необходимости экономически помогать только тем предприятиям, которые нацелены модернизировать производство, технологии.

Вплоть до сдачи третьего издания "Социальной инноватики" в печать я отмечал все новые усилия руководителей страны к тому, чтобы дополнительно стимулировать инициативу потенциальных инноваторов, придать научно-техническому творчеству антикризисную направленность.

Отдельного внимания здесь, полагаю, заслуживает факт награждения лучших молодых ученых премиями Президента РФ в области науки и инноваций. Поздравляя лауреатов в феврале 2009 года, Д.А.Медведев подчеркнул, что конкурентоспособность государств и экономик определяется их готовностью создавать новое. Причем это касается не только технологий или культуры производства, но и новых образцов, стандартов жизни - то есть умения предвидеть, находить новые точки роста, столь важные именно в условиях кризиса.

В русле антикризисных мер правительство и парламент страны подготовили, а президент РФ подписал закон об инновационных предприятиях при вузах и научных учреждениях. Знаменательно и то, что председатель правительства В.В.Путин при обсуждении в августе инновационных перспектив приоритетных национальных проектов сделал особый акцент на их значении в решении кризисных социальных задач.

И наконец радикальный вывод в недавнем ноябрьском Послании президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию о значении модернизации, обновления всей производственной сферы и общественной системы как непременного условия выживания нашей страны в современном мире. Вывод, делающий задачи инновационного развития приоритетными не только на ближайший обозримый период времени.

Естественное для нынешней экономической ситуации восприятие инновационных программ как лучшего средства против глобальных угроз делает представленную в книге тематику еще более актуальной, чем прежде.

Соответственно этому сделанные автором дополнения и коррекции призваны приблизить содержание материала к проблемам нового порядка – в полной мере модернизационного, ориентированного на конструктивное и социально мотивированное творчество.

Б.Усманов

Ноябрь 2009 года

Введение

Парадокс, подмеченный еще древними греками, но не менее задевающий и нас: «Если мы не знаем, что ищем, то как искать? А если знаем, что ищем, то зачем искать?»

Подтекст парадокса можно, разумеется, прочитать по-разному. Ведь, как известно, «о том каждый говорит, что у него болит». И все же приподнимемся над сугубо личным восприятием функции поиска. Когда природа этой функции социальна (а она в большинстве случаев социальна изначально, по сути своей, независимо от сферы применения – производство ли это, техника, социальная работа, образование или что-то иное), то на первый план выходит очевидная для всех диалектика.

Человек ищет и ищет постоянно, потому что хочет улучшить свою жизнь. Он не всегда знает, чем ее улучшить, но знает, где она слаба или скупа. И знает, что только неустанный поиск, настойчивость, игра ума приведут в конце концов к нужному решению, обновят некое устаревшее, одряхлевшее социальное качество. Опыт человека, многовековой и всепланетный, убедили его: вся свита разума – и воля, знания, и эмоции, вдохновение, и интуиция, случай – не останутся без дела, когда начнется процесс творчества.

В социальной жизни нет неизменных объектов. Динамика общественных преобразований с каждым новым поколением все выше. Кто-то даже склонен воспринимать ее в геометрической прогрессии. Это если иметь в виду глобальные измерения, мировое сообщество и земную цивилизацию.

Феномен жизни, однако, не столь однороден. В разных странах, разных обществах возникают свои аномалии развития. Далеко не везде, даже в пределах одного континента, одинаково быстро и с равным желанием реагируют на социально выгодные нововведения. Неприятие развивающего начала, торможение общественных «скоростей» неизбежно порождают

застой, создают социальные аномалии с признаками регресса. Нединамичное, закостеневшее общество отстает от других обществ, стремящихся к инновациям, и не может претендовать на благополучие в социальной жизни, и в то же время сами носители «социальности», люди, будучи в роли «социальных пассионеров», способны стать субъектами качественных изменений, если их волевое начало совпадает с тенденциями развития социальной сферы общества /1/.

О совпадении начал и тенденций при выборе инновационных вариантов следует говорить особо пристрастно с учетом недавно нажитого страной опыта. И прежде всего надо четко представлять себе, насколько опасна ситуация форсированного передела общественных стандартов. Резкая смена ориентиров создает обществу экстремальность на грани выживания.

Примерно в этой ситуации оказалась после 1985 года Россия, находившаяся тогда в границах СССР. Позднее, после декабря 1991 года, в стране наступил тотальный кризис – естественная реакция на слом прежних экономических, социальных и политических структур, отношений форм собственности на средства производства, землю, жилье. Возвращение, как говорят одни с иронией, а другие с пафосом, «на магистральный путь развития человечества» сопровождалось таким обвальным уровнем социальных издержек, какого не мог предвидеть никто.

Социальная сфера в условиях реформ 90-х годов пострадала больше всех по понятным причинам. Государственный бюджет при разрушенной экономике и отсутствии эффективной налоговой системы перестал обеспечивать тот гарантированный минимум, который шел на социальные нужды при социализме. Государственные отрасли, ведавшие бытом, образованием, здравоохранением, отдыхом, социальной защитой населения, лишились привычной материальной базы. И были абсолютно не готовы к кризисному развитию событий, а тем более к какой-либо борьбе, поиску альтернатив и нововведений. Пореформенная социальная среда складывалась, по сути, заново, в обстановке, когда подавляющая часть

россиян едва сохраняла за собой подобие прожиточного минимума, и помочь преодолеть огромный разрыв в имущественной дифференциации не могут до сих пор ни государственные службы, ни общественные благотворительные организации и фонды.

Как свидетельствуют научные исследования того периода, в частности проведенные в Институте молодежи (ныне Московский гуманитарный университет) /2/, государство, инициируя рыночные и демократические реформы, так и не сумело выполнить роль гаранта экономических, социальных и других прав человека, предусмотренных Конституцией РФ и общепринятыми международными стандартами. В то же время мировое сообщество на пороге XXI века в качестве приоритетной выдвинуло задачу активизации социального развития на принципе социальной справедливости, а в качестве стратегической цели – обеспечение социальной защиты людей. По мнению ООН, с точки зрения социального развития реальный экономический прогресс невозможен без прогресса в социальной сфере. При этом важно заметить: тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан не просто ставил вопрос «как изменить» мировое социальное пространство, а прямо призывал в новом веке осваивать «управление процессом преобразований» /3/.

Накопление негативных тенденций в социальной практике разных стран находит отражение в социальном заказе. Слова Аннана характерны именно тем, что такой заказ гласно или негласно, но существует. Управлять нововведениями, понимать природу инновационного процесса, стимулировать интерес к поиску новых решений стало актуальной научно-практической задачей. В условиях трансформирующейся России теория и практика смыкаются в русле этой задачи все плотнее и плотнее. Приходит понимание того, что современное развитие невозможно без инноваций, которые являются формой обновления общества, а уровень развития стран все больше начинает оцениваться по их инновационной способности /4/.

С одной стороны, отечественная наука под влиянием быстробегущих событий уже не в состоянии довольствоваться требованием «успеть за изменениями», которым достаточно смело руководствовались, к примеру, социологи 1980-х годов, и сменила прежний девиз на вполне реформаторский: «жить и продуктивно работать в непрерывно меняющемся мире» /5/. С другой стороны, чтобы двигаться сообразно времени, от науки логично ждать более действенных методов исследования природы социальных изменений и конструирования новообразований, в том числе лучшего, чем сейчас, представления о механизмах управления инновациями.

По тем же критериям формируется и своя доля заказа для практики. В период перестройки общества деятели социальной сферы, социономы – специалисты по социальной работе вынуждены оперативно решать сложнейшие социальные проблемы. Приходится на ходу приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, динамичной окружающей среде. И такая адаптация, понятно, связана прежде всего с обновлением, поиском и разработкой оригинальных подходов и идей. Одним словом – с инноватикой. Причем ее направления и содержательные уровни, если посмотреть ретроспективу последних десятилетий, самые разнообразные. Они так или иначе отражают намерение реформируемой России передать подрастающему поколению эшелонированную систему надежно действующих, профессионально оформленных инновационных технологий.

Может быть, утверждать это не совсем правомерно, но социальные инновации на фоне глобализации международной конкуренции, торговли и рынка труда играют ныне гораздо более универсальную роль, чем еще сравнительно недавно. Если принято считать, что инновации в целом превратились в «промышленную религию» и активно содействуют перемещению ресурсов в сферу наиболее высоких производительности и прибыли /6/, то специфика социальных инноваций позволяет, на мой взгляд, говорить о них как реальном средстве накопления конкурентных

преимуществ в соревновании стран и регионов за сохранение своих жизненноважных ресурсов на собственных территориях.

Естественный в разговоре о социальной инноватике акцент на социальной работе и социономах, социальной сфере будет присутствовать в тексте учебного пособия и дальше. Вычленяя социальную инноватику как жизненно важную часть научно-практического поиска, нельзя забывать, конечно, о ее принадлежности к базовой дисциплине. Вместе с тем и любая из особенностей рассматриваемого предмета, и вся преамбула к ним нужны, чтобы подчеркнуть тот факт, что не случайно, а более чем мотивированно государственным образовательным стандартом по специальности «социальная работа» в перечень обязательных дисциплин был ранее включен учебный курс «Социальная инновация». Сейчас он в ином статусе, его включают в учебные программы по усмотрению самого вуза. Но так ли это верно? И так ли отвечает заявленным нацпроектам?

Стоит напомнить, что социальная работа как область научного знания и профильная дисциплина относительно недавно вошла в российскую образовательную обойму. Нынешнему ее положению, помимо прочего, способствовало укрепление во многих странах приоритетной роли государственной социальной политики. Именно ***государственной***, ибо эффективность здравоохранения, образования, науки, условия труда и быта человека всегда остаются заботой официальной власти.

Политический аспект приобрел в социальной сфере России новое звучание по причине, особо понятной после неудачной попытки монетизации льгот. Абстрактные методы рыночного менеджмента столкнулись с высокой политикой, гражданскими интересами – и реформа забуксовала.

Политизацию такого рода В.Толстых объясняет просто и доступно. Для менеджера (читай: администратора, чиновника) важно добиться успеха любой ценой – надо ради прибыли, так он отключит свет в жилых домах, солдатских казармах, больницах. Политик же мыслит и поступает иначе. Любую проблему он будет решать с учетом интересов производства и

воспроизводства общества и народонаселения. Политика, как ее ни толкуй (по Максу Веберу или Владимиру Ленину), подчеркивает Толстых, будучи по форме властвованием, по сути – способ соотнесения и согласования интересов всех существующих в стране классов, социальных групп, этносов и наций. Она обречена на поражение, если власть имущие проигнорируют известный еще с древних времен принцип «общего блага» /7/.

Серьезное восприятие социальной работы именно в таком масштабе и таком качестве постепенно поднимает значение и связанных с ней научных исследований, обучающих программ, опыта организации отраслевой, территориальной и индустриальной практики.

Социальная работа, рискну сказать, перестала замыкаться на сравнительно узких, приземленных проблемах и адресах. Ее институты занимаются комплексным изучением закономерностей индивидуального и общественного благосостояния, проблемами разумного использования человеческих ресурсов, физического, психического и социокультурного развития людей. Профессиональная среда понимает, что в отличие от других наук о человеке социальная работа рассматривает параметры индивидуального благосостояния в контексте общественных процессов, как системообразующее единство, совокупность категорий, сущность которых может быть количественно и качественно определена, описана и прогнозируема на различных уровнях социума.

Говорить о полномасштабности социальной работы следует, разумеется, с учетом и задач социального образования. С этой точки зрения, как выявили сравнительные исследования в постсоветских и западных странах, в равной мере важны и приобретаемые знания, и практические умения, но достичь такого равенства мало кому из выпускников вузов пока удается. В России, Беларуси, Украине студенты показывают очень высокие результаты по критериям "знание", "понимание" и очень низкие – по критериям "применение знаний на практике", "анализ", "синтез", "оценивание". Студенты же таких стран, как США, Франция, Канада,

Израиль, демонстрируют другой крен: у них высоко развиты навыки анализа, синтеза, умение принимать решения при общем невысоком уровне показателя "знание" /8/. Здесь не стоит вопрос, какие крайности лучше или хуже, но с очевидной остротой (и одновременно простотой) констатируется царящее на нынешнем рынке труда настроение: востребованы не знания сами по себе, а способность применять их на практике, иметь необходимый для того опыт.

Конечно, опыт – не только отечественный, но совокупный мировой – многое определяет в выборе стратегии и тактики социальной работы, в оценке инновационных идей. Однако лучший вариант – баланс опыта, оперативных, на злобу дня решений и прогнозируемых для тех или иных видов деятельности перспектив, на которые, собственно, и должны в значительной мере ориентироваться как непосредственный инновационный процесс, так и программа обучения социальной инноватике.

Учебный курс «Социальные инновации» читается автором в Московском гуманитарном университете (ранее Институт молодежи) с 1994 года. В ходе лекций, семинарских и практических занятий прошли своеобразные испытания почти все предлагаемые здесь концептуальные подходы и взгляды.

Структура учебного пособия учитывает специфику усвоения теоретических основ социальной инноватики, инновационных технологий. Содержание разделов книги построено таким образом, чтобы наука, практическая инноватика, социальные инновации в качестве ресурса жизнесбережения и человек как субъект и объект нововведений предстали перед студентами в системном виде. Каждая глава любого из обозначенных разделов выполняет свою функциональную роль и одновременно дополняет другие, связывает их в единую логическую цепь. Дидактический аутотренинг в конце очередной главы позволяет закрепить прочитанное, проверить знание предмета по ходу анализа и оценки предложенных фактов и типовых проблемных ситуаций.

Источники

1. См.: *Никитин В.А., Отюцкий Г.П.* Теоретико-методологические вопросы социальной работы. – М., 2006. – С.4-5; Фролов С.С. Социология. – М., 1996. – С.273.
2. См.: *Козенко Н.Г.* Социальное самообеспечение как принцип и направление развития местного самоуправления / Автореф. дис… канд. социол. наук. – М., 1999. – С.3.
3. *Аннан К.А.* Обновление на переходном этапе. – Нью-Йорк, 1997. – С.14.
4. См.: *Крючкова С.Е.* Инновации: философско-методологический анализ / Автореф. дис… док. филос. наук. – М., 2001. – С.3.
5. *Дудченко В.С.* Основы инновационной методологии. – М., 1996. – С.3.
6. *Исаченко Т.М.*, Волков А.А. Инновационная политика и трудовые ресурсы // Труд за рубежом. – 2003. – №2. – С.4.
7. *Толстых В*. Реформы – для большинства! // Литературная газета. – 2005. – 6-12 апреля.
8. *Колков В.В.* Болонские парадоксы и ответ МосГу в области социального образования // Высшее образование для XXI века: V международная научная конференция / Доклады и материалы. Секция 8. Социальное образование.- М.: МосГУ, 2008.- С.38-39.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИННОВАТИКИ

В основе сущего лежит
циклическое творческое усилие…
Леонид Леонов

Всегда, прежде чем может
быть возведено что-то новое,
должен быть поколеблен
авторитет уже существующего.

Стефан Цвейг

Как инструмент преобразований и адаптации к изменяющимся условиям среды инновации (нововведения) стали по-настоящему серьезным объектом изучения в первые десятилетия XX века. Постепенно сложилась самостоятельная область науки – инноватика. Свою специализацию в ней приобрели культурологи, инженеры, экономисты, психологи, педагоги, менеджеры, юристы… Относительно позднее к ним присоединились теоретики и практики социального управления. А теперь и социальные работники. По мере развития науки появились собственные тематические направления: формирование новшеств, диффузия (распространение) нововведений, их адаптация к человеческим потребностям, инновационные решения, сопротивление нововведениям, инновационные организации и т.д.

Проблематика социальных нововведений, поначалу отставшая в востребованности от технической, экономической, ныне прогрессирует. Зона научного поиска и знания в этом плане в последние десятилетия значительно расширились. На Западе действует немало исследовательских центров, специализирующихся в данной области. Среди наиболее известных – Лондонский Институт социальных изобретений, Копенгагенский изобретательский центр, Амстердамский Институт сотворчества, Институт им. К.Райса (США)… Их аналоги есть в Японии, Германии, Франции и других государствах.

В Советском Союзе, пожалуй, выход теории за рамки сугубо технических, технологических, производственно-экономических нововведений осуществился к середине 1970-х годов – именно тогда на международной конференции в Ереване констатировалось наличие в стране организационных новаций, связанных с изменениями социальных параметров объекта, а равно и с методами социального управления. Эту направленность научных изысканий в значительной мере поддержал своими многолетними программами Всесоюзный НИИ системных исследований –

его проект «Нововведения в организациях» приобрел с 1980 года значение теоретического и методологического центра разработки проблем инноватики.

С середины 1987 года в стране функционировал Фонд социальных изобретений, за короткий срок аккумулировавший почти двадцать тысяч идей и разработок. Вообще, надо сказать, в годы перестройки в бывшем СССР сложилась уникальная по масштабам и потенциальной значимости иерархия социальных нововведений (начиная от декларации принципов гласности и разделения властей, внедрения свободных демократических выборов) – другое дело, в какой степени они оказались осмыслены и подкреплены наукой.

Период новой российской действительности придал дополнительный и еще более сильный импульс социально-инновационной научной деятельности. Иногда сугубо вынужденной, защитной применительно к жестким рыночным условиям, а в остальных случаях – как ответ на новые общественные потребности, социальные проблемы переходного периода.

Есть все основания считать, что Россия перешла порог XXI века с максимальными потребностями на нововведения. Тотальная переделка социальной политики – это и бесспорный пик внимания к инноватике, инновационным технологиям, социальному проектированию и экспериментированию. А раз так, то ближайшему поколению россиян не избежать участия в поиске и интервенции новых идей под нужды современной глобальной трансформации. Со всеми ее производными – ведь спектр социальной тематики, о чем пойдет речь в завершающей главе данного раздела, весьма велик и разнообразен. Но до этого необходимо уточнить то, что относится к пониманию интересующей нас дисциплины, является предметом инноватики и ее научным аппаратом, а также проговорить все, что касается философии, социологии, экономических и правовых аспектов, технологии инновационной деятельности, подходов к типологии нововведений.

Глава 1. Сущность предмета и основные научные понятия

Когда весной 2008 года в преддверии смены президента страны была обнародована преемственная программа инновационного развития общества до 2020 года, возникли естественные вопросы: что считать инновационным обществом? Кого называть инновационным человеком? Какому пониманию инноваций отдать предпочтение?

В условиях предстоящего 12-летнего цикла государству и обществу нужны ясно очерченные границы смысла и механизмов инновационного развития. Ведь все начинается с элементарных понятий, азбучных первооснов. Чем быстрее предметная область инноватики примет подобающий ей вид, тем меньше будет поводов для сомнений в самой надобности имеющегося сегодня инструментария нововведений.

До сих пор имеет место искусственное разведение терминов «инновация» и «нововведение» (иностранного первоисточника понятия и его переводного аналога). Некоторые исследователи становятся заложниками неточного перевода, или же выдают желаемое за действительное, вольно сужая и расширяя при необходимости используемое смысловое пространство.

В том числе и поэтому надо разобраться в нюансах понятия, лежащего в основе инноватики как отрасли научного знания.

Английское «innovation» имеет равнозначный перевод: «нововведение», «новшество» /1/. В Большом Российском энциклопедическом словаре лингвистический смысл слова «инновация» приравнен к «новообразованию» /2/, а слово «новация» (от позднелатинского novatio – обновление, изменение) означает что-либо новое, только что вошедшее в обиход, новшество /3/. Добавим сюда толкование С.И. Ожеговым слов «нововведение» – новое правило, вновь установленный порядок и «новообразование» – появление новых форм или элементов чего-

нибудь, а также сама вновь образовавшаяся форма, элемент и т.п. /4/. То и другое в трактовках автора классического «Словаря русского языка» является, по сути, двумя разными плоскостями одного и того же понятия, идентичного инновации.

Особенно доказательным мне представляется анализ словарных статей «новатор». В английском языке это русское слово переводится как «innovator», что уже само по себе знаменательно. Однако характерно еще и то, что современный толковый словарь иностранных слов и выражений интерпретирует новатора как любителя нововведений, нововводителя /5/, а латинское «novator» в стереотипном иноязычном словаре означает «обновитель», то есть человек, вносящий и осуществляющий новые, прогрессивные принципы, идеи, приемы в какой-либо области деятельности /6/.

Если исходить из естественного для данной ситуации аналогового принципа, напрашивается вывод, что во всех словарных вариантах «инновация» выступает синонимом русского «нововведения», а «инноватор» – русского «новатора». Тем самым закрывается вопрос о якобы самостоятельном (несовпадающем) значении слов «инновация» и «нововведение».

Иное дело – не попытки противопоставлять одинаковые по смыслу иноязычные и русские термины, а стремление по-своему объяснить присутствие в словах «innovation» или «innovator» предлога «in» (в латинском, английском или немецком он означает «в», «внутри»). Меняет ли что-то его добавление к словам «новация», «новатор»? На мой взгляд, за скромным «в» кроется признак не просто новации как некой идеи, а новации как идеи, реализуемой в деле. В данном случае чисто русский аналог «нововведение», если вдуматься, тоже сохраняет подобный оттенок: новое вводится, оно включено уже в процесс, имеющий свою реальную степень завершенности. Здесь, конечно, больше умозрительности и абстрактной логики, чем чисто лексического соответствия. Тем не менее и такое

объяснение может принести пользу – дать толчок к новым, более продуктивным толкованиям понятийного смысла, касающегося и самих инноваций, и смежных с ними терминов.

Один из представителей американской эмпирической школы в теории управления П.Друкер не случайно предостерегал не путать инновации с изобретениями и открытиями. Инновация может потребовать и того, и другого. Ее суть – скорее концептуальная, нежели научно-техническая /7/.

Уточним, что изобретение с открытием тоже не надо путать друг с другом, у них есть вполне заметные отличия. Классик философии И.Кант видел разницу между ними так: «Изобрести что-то это совсем не то, что **открыть**, ведь то, что **открывают**, предполагается уже существующим до этого открытия, только оно еще не было известным, например, Америка до Колумба; но то, что ИЗОБРЕТАЮТ, например, порох, не было **никому** известно до мастера, который его сделал» /8 /.

Австрийский экономист Й.Шумпетер, который ввел в обиход термин «инновация», считал что изобретение – это только идея или прототип нового продукта, технологического процесса, и оно не превращается в инновацию до тех пор, пока не достигнет рынка. Саму же инновацию он определил *как коммерциализацию всех новых комбинаций, основанных на применении новых материалов и компонентов, введении новых процессов и организационных форм, открытии новых рынков.*

В продолжение идей Й.Шумпетера голландский ученый Ф.Янсен особо выделяет возможность рассматривать инновации и как событие, то есть возникновение в мире бизнеса чего-то нового, и как процесс, при котором одно новшество вызывает другое. Изменение в технологии приводит к появлению нового продукта, а тот, если он используется эффективно, требует изменений в организации бизнес-структур. В дальнейшем новые продукты могут подтолкнуть к формированию новых рынков и их расширению. И так далее /9/.

Отечественный исследователь Н.Н.Молчанов предложил в 1990-е годы свою дифференциацию понятий:

Открытие – установление неизвестных ранее, обычно существенных закономерностей, свойств и явлений материального мира.

Изобретение – новое и обладающее существенными отличиями техническое решение практической задачи, которое может найти реальное воплощение в настоящий момент или в отдаленном будущем.

Нововведение – результат научного труда, направленный на совершенствование общественной практики и предназначенный для непосредственной реализации /10/.

Разведение неоднозначных по смыслу понятий (как в этом случае, так и в любых других) почти никогда не снимает до конца существующих вопросов. У Н.Н.Молчанова «нововведение», отделенное от «открытия» и «изобретения», заведомо равнозначно понятию «инновация». Такую же позицию демонстрировал позднее руководитель Института стратегических инноваций А.Н.Николаев: «Мы придерживаемся устоявшегося в профессиональном общении понимания инновации, или нововведения, как реализованного новшества независимо от сферы применения» /11/.

В то же время С.Е.Крючкова категорически против использования «инновации» и «нововведения» в качестве синонимов. С ее точки зрения, инновация – это сложный процесс взаимосвязанных и сознательно инициируемых изменений, берущий начало в сфере фундаментального знания, продолжающийся с социально значимыми эффектами в научно-технической сфере и завершающийся в сфере потребления, а термин «нововведение» говорит как бы сам за себя – здесь очевиден процесс внедрения новшества в какую-то систему, приводящий к ее изменению /12/.

Любой поворот в прочтении смысла можно подозревать в словарной статье коллективного учебного пособия «Муниципальное управление»: «Инновации – изменения, ведущие к улучшению работы, повышению

эффективности; деятельность по разработке и реализации нововведений» /13/. Неужели тут «инновации реализуют нововведения»?

Наконец, в Концепции инновационной политики Российской Федерации, подготовленной правительством, с учетом принятых международных стандартов*, *инновация – конечный результат инновационной деятельности в виде нового или усовершенствованного рыночного продукта, нового или усовершенствованного технологического процесса* /14/.

Уже из этих уточняющих дефиниций (сущностных определений) вырисовывается контур **предмета инноватики** – создание, внедрение и в подобающем случае тиражирование разного рода новшеств, внесение изменений в существующий порядок вещей. Можно сказать и иначе – границы предмета определяет изучение творческой, созидающей деятельности по обновлению, преобразованию некой предшествующей деятельности.

Независимо от характера вносимых изменений и сферы их использования инновационная деятельность сохраняет общие черты и закономерности – и поэтому является зоной повышенного научного интереса. Теоретики давно расписали алгоритмы рождения инноваций – от момента определения целей изменений и до «отмирания» нововведения, когда оно исчерпывается морально или физически. Предметом изучения при этом становились и организационные механизмы, и социопсихологические мотивы преодоления инерции сложившейся практики, форм существования, предвиденных (желаемых) или неожиданных (вредных) последствий инновационного вмешательства.

Нововведения как особая работа присутствуют во многих целенаправленных изменениях, отмечает один из пионеров изучения социальных проблем инноватики А.И.Пригожин. И справедливо сам себя уточняет: «Именно из нововведений и состоят подлинные изменения». По

* Имеется в виду, в частности, «Руководство Фраскатти» (принятый в 1993 году документ ОЭСР)

его мнению, в широком общественном смысле *нововведения выступают как форма управляемого развития.* Но важно сознавать, что какие бы материальные или социальные элементы не несли за собой провозглашенные изменения, каждый из них сам по себе представляет лишь *новшество, то есть предмет нововведения* (допустим, более прогрессивная форма социальной помощи человеку или архипроизводительный компьютерный принтер). *Суть же нововведения – процесс, то есть переход некоторой системы из одного состояния в другое.* И такой переход, собственно говоря, – основной предмет инноватики /15/.

Новшество – предмет нововведения. Нововведение как процесс перехода субстанции из одного состояния (качества) в другое – предмет инноватики. Если исходить из такой логической схемы, то каким образом максимально емко и точно обозначить понятия «инновация», «инновационный процесс», «инновационный потенциал» и иные, родственные им? .. Вопрос отнюдь не риторический, как может показаться при формальном обилии, казалось бы, самых разных трактовок, ибо чаще всего они страдают либо однобокостью, либо ограниченностью, или что еще хуже – повторяемостью, заданностью смысла.

Допустима упоминавшаяся трактовка Н.Н.Молчанова, однако суженный угол зрения, профессиональный уклон («результат научного труда», «совершенствование общественной практики») заведомо снижают универсальность используемых категорий, искажают представление об объеме инновационного процесса. Наоборот, не суженной, а несколько размытой в своих границах выглядит инновация в варианте Г.А.Лахтина и Л.Э.Миндели – «спектр преобразований в материальном производстве, различающихся источниками появления новшеств, масштабностью, предметом нововведения и т.д.» /16 /.

Без каких-либо принципиальных отличий (в том числе и текстуальных) повторяют своих предшественников многие авторы. Обозначая то ли

преемственность научных школ, то ли стихийную интеграцию исследовательского опыта.

К примеру, в 1970-е годы И.Перлаки дал такую формулу-дефиницию: «Нововведение есть комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой или лучшего удовлетворения известной общественной потребности» /17/.

Через некоторое время Н.И.Лапин в Москве дублирует словацкий источник: «Нововведение – комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества, новинки) для новой общественной потребности» /18/. А позже в официальном политиздатовском словаре под редакцией Н.И.Лапина и Д.М.Гвишиани появляется более расширенная формулировка: «Нововведение (инновация) – комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся под воздействием закономерного развития общества, а также сопряженные с данным новшеством изменения в социальной и вещественной среде» /19/.

На следующем этапе (вслед за словарем) Ф.Ш.Терегулов в Уфе «уточняет»: «Инновация – это комплексный процесс создания, распространения и использования нового средства для удовлетворения наличной общественной потребности, связанной с требованиями той социальной среды, в которой новшество совершается» /20 /.

К подобным примерам можно добавлять и другие, так и не получая ответа на поставленный вопрос о максимальном приближении понятий к некоему оптимуму. Выход видится один: надо реально представлять, что стоит за каждым из вариантов встречающихся нам научных дефиниций, каковы побудительные мотивы и цели теоретических интерпретаций.

С этой точки зрения важны – и с исторической, и с методологической стороны – ретроспектива предмета, возникновение и развитие тех или иных

видов инноваций. Ведь именно в сопутствующих им обстоятельствах легче всего обнаружить смысловые корни предлагаемых теоретиками определений.

Впервые понятие «инновация» появилось не в технической среде, как обычно принято считать, а в научных исследованиях культурологов. И не в XX веке, когда инноватика оформилась в самостоятельную дисциплину, а еще в XIX-м. В своем первоначальном варианте инновация означала введение некоторых элементов одной культуры в другую – в реальном виде речь шла об инфильтрации европейских обычаев и способов организации жизни в традиционные азиатские и африканские общества.

Это вариант «узкого» профессионального подхода.

В начале XX века на первый план вышли технические нововведения. И как раз тогда, под влиянием бурно развивающегося научно-технического прогресса, акцент в определениях естественным образом сосредоточился на материально-технических объектах, технологических разработках, овеществленных продуктах труда. В зарубежной теории и практике «innovations» (нововведения) долгое время обозначали процесс внесения изменений в технику и технологию производства, которые в свою очередь уже могли привносить с собой и изменения иного характера – организационного, социального, экономического /21/.

Определенный сдвиг в сторону расширения границ понимания инновационной специфики произошел благодаря отечественному ученому Н.Д.Кондратьеву в 1930-х годах. Его теория «больших циклов» или «длинных волн» (второе название предпочитают за рубежом) убедительно доказала, что от каждого базового нововведения образуется множество вторичных, резонирующих изменений, по характеру и качеству чаще всего вполне соответствующих той же квалификации «нововведение».

Теорию Кондратьева успешно использовали западные экономисты для обоснования циклических кризисов производства, исследования проблематики длинных (приблизительно полувековых) волн экономической

конъюнктуры, а затем и системного анализа долгосрочных тенденций макроэкономической динамики /22/.

В частности, Й.Шумпетер с появлением этой теории увидел возможность целенаправленного и форсированного преодоления последствий производственного спада за счет радикальных технико-экономических нововведений. По сути, ученые обнажили очевидную выгоду, скажем так, интеграции техники и экономики, ибо стало ясно, что источником прибыли может быть не только изменение цен или экономия на производственных затратах, но и замена одного выпускаемого изделия на другое – более технически совершенное. Производители стали разрабатывать свою «инновационную политику» – создавать динамичную систему продуктных нововведений, обеспечивающих рынок в соответствии с его конъюнктурой. Можно утверждать, делает по этому поводу вывод А.И.Пригожин, что современные теории маркетинга основываются не столько на ценовом механизме, сколько на инновационном /23/.

Но своеобразный «любовный треугольник» (техника – экономика – рынок) при всей взаимозависимости внутренних интересов подчеркнул и сохраняющуюся диалектику отношений между участниками инновационного процесса. Поскольку извлечение прибыли само по себе не нуждается в нововведениях, товаропроизводитель (бизнесмен) там, где возможно, старается игнорировать или обходить потребительские требования и, лишь наталкиваясь на непреодолимое воздействие внешней среды (рынок, закон), пускает в ход инновации как средство защиты своих интересов.

Столь «неопровержимую» функцию подтверждает П.Друкер: «Управляющие должны преобразовывать общественные потребности в благоприятные возможности для прибыльного бизнеса. Это и есть определение нововведения». И такое же определение дает американский доктор Л.Кокс: «Нововведение представляет собой сложную систему, с помощью которой идея или изобретение превращаются в коммерческую

реальность в первую очередь. Это означает успешное внедрение продукта или услуги на рынок и в экономику» /24/.

Смещение определений инновации в экономическую плоскость на фоне столь акцентированного развития общественной конъюнктуры не может вызывать особого удивления. Тут своя закономерность. Но нельзя согласиться с другим. С легкой руки Й.Шумпетера на долгие годы прижилось мнение, будто инновации принципиально обязаны своим появлением исключительно предпринимателю, ибо «сущность предпринимательской функции заключается в распознании и реализации новых возможностей в хозяйственной области». Только предпринимателя ученый воспринимал как двигатель технических, экономических, организационных и социальных изменений, как нечто большее, чем просто вдохновитель, реализатор и первый пользователь технического изобретения. Такая точка зрения уязвима хотя бы потому, что не объясняет всех причин возникновения нововведений, не учитывает различия предпринимательских, исследовательских и изобретательских подходов и видов труда /25/.

Отрицая саму неправомерность какой-либо однобокости в определениях инновации и вместе с тем сознавая причины подобных аномалий, нельзя повторять ту же ошибку (несправедливость) на этапе усилившейся социализации экономики и целей производства, выступающей ничем иным, как отражением меняющегося морального климата в обществе, принуждающего предпринимательскую среду вести социально ответственный бизнес /26/.

Если мы говорим, что в последние годы потребность в социальных нововведениях нарастает, это не означает призыва менять акценты в определениях инновации именно в пользу социальной сферы. Одни крайности не должны обернуться другими. Искомый наукой знаменатель для дефиниции не может не выступать интегральным, объединяющим началом.

Выбор такой позиции диктует и общий методологический подход, и поиск универсальных составных под теоретически обоснованное и, следовательно, «правильное» определение.

Следует согласиться, к примеру, с В.А.Лопатиным, который предлагает подходить к нововведениям «как специфическому процессу становления нового социального качества и как основной форме управляемого развития» /27/. Несомненно, отвечает критериям универсальности определение Б.Санто: «Инновация – это любое целенаправленное, позитивное изменение материальных и нематериальных элементов организации, т.е. изменение, способствующее развитию и повышению эффективности данной организации» /28/. Вполне современно звучит трактовка Р.А.Фатхутдинова, в которой инновация предстает «конечным результатом внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта» /29/.

Появление именно такой интерпретации понятий – отражение не только усилившейся социализации экономики и бизнеса (о чем уже шла речь), здесь и осознание наукой, организаторами производства и рыночных структур роли инноваторов как «социальных строителей» (термин 1920-х годов, принадлежавший отечественному ученому Н.А.Витке) /30/.

Вот с точки зрения «социальных строителей» и попробуем выделить и обобщить наиболее повторяющиеся, типичные элементы в многочисленных определениях инновации. Обобщить, чтобы дать оптимальный, на мой взгляд, вариант научной дефиниции.

Чаще всего указывается, что нововведения обозначают:

- понимание необходимости перемен и появление идеи под эти новые потребности;
- разработку механизмов, технологий внедрения новшества;
- реализацию новшества и получение неких существенных изменений в общественной практике или продукте человеческой деятельности;

- переход определенного системного качества из одного состояния в другое;
- тиражирование, диффузию инновационного продукта;
- эффект или факт управляемого развития;
- результат научного, творческого труда;
- резонансный, волновой и, по сути, комплексный характер намеченных и полученных изменений.

Синтез перечисленных обобщений позволяет предложить такое определение:

Инновация есть воплощенное в жизнь новшество (идея), зафиксированное в сознании и практике человека изменение существующих реалий. В стратегическом значении – продукт управляемого человеком развития, который целенаправленно используется обществом и его структурами для достижения прогресса в той или иной сфере жизнедеятельности.

Допустим, возникла идея ввести в армии институт воспитанников воинской части – несовершеннолетних, которые по каким-либо причинам лишились семейного очага и нуждаются в социальной опеке. Новшество санкционируется приказом командования, определяются статус «сына полка», условия его солдатского довольствия, атрибуты форменной одежды и т.д. Инновация это уже или пока только оформление идеи, продекларированное новшество? Да, тут еще стадия подготовки нововведения. Когда же новый институт воспитанников материализуется в практику и даст первый результат, *заработает весь комплекс предусмотренных близких и дальних изменений,* тогда лишь можно будет говорить о рождении инновации – воплощение новшества в жизнь.

Дав базовое толкование, сформулируем (и скорректируем) производные научные понятия. Их может быть больше или меньше, но в основе каждого из них будут неизменно превалировать мотивы исходного определения. Вот некоторые возможные варианты, включая и те, что

непосредственно связаны с потребностями программы инновационного развития общества до 2020 года.

Инновационный процесс – последовательные стадии реализации нововведения от идеи до получения конечного результата с использованием принятых управленческих технологий.

Инновационная деятельность – создание и реализация новой идеи путем организации необходимых видов работ, финансового и материально-технического их обеспечения вплоть до выхода готового продукта.

Инновационная среда – реальный жизненный фон, потенциально готовый к переменам и нуждающийся в нововведениях, или же процесс, территория, сообщество, где целенаправленно происходят управляемые человеком качественные изменения.

(Здесь уместна маленькая ремарка. Есть в дополнение к инновационной и так называемая «синкретическая» среда – рутинно-инновационная, объединяющая разнородные по характеру состояния социального ландшафта: частью расположенные к нововведениям, а частью репродуктивные /31/.

Инновационный потенциал – способность среды, коллектива, человека создавать и реализовывать возможности своего развития.

Инновационный поток – динамичная совокупность нововведений, имеющих общую радикальную суть (эффект «длинной волны») и предметно связанных между собой в исходном или конечном пункте изменений.

Инновационная стратегия – способ управления долгосрочными целями, ориентированный на достижение ожидаемого результата за счет нововведений, наиболее полного использования инновационного потенциала страны и общества.

Инновационное развитие – поступательное и целенаправленное движение вперед, приобретение нового социального качества на основе применения новшеств, инноваций в различных отраслях жизнедеятельности общества.

Инновационный человек – не только новатор (то есть человек, вносящий и осуществляющий новые идеи), но и носитель новых знаний и передовой культуры, новой общественной психологии, нацеленной на всемерную поддержку нововведений и стратегии инновационного развития.

Инновационное общество – системная общность людей, приоритетами которых являются инновационное развитие, целенаправленное воспроизводство нового социального качества, высоких и постоянно растущих стандартов жизни.

Понимание заложенного в этих определениях смысла, на мой взгляд, поможет всем участникам инновационных программ сформировать ту шкалу ориентиров и ценностей, которая снимет многие перманентно возникающие вопросы.

Совокупный итог сделанного в главе анализа позволяет следующим образом квалифицировать главный объект нашего рассмотрения:

Инноватика – отрасль науки и практики, изучающая роль и место инноваций, творческий и организующий потенциал их создателей (инноваторов) в процессах управляемого развития, особенности качественных изменений продуктов человеческой деятельности в ходе реализации тех или иных полезных обществу новшеств.

Принципиален в этом определении прежде всего тот момент, что оно дает возможность увидеть в инноватике наличие целого ряда институциональных признаков. Здесь есть и устоявшиеся категории, неизменно повторяющиеся процессы, и присутствуют носители действия, имеющие «заказанные» обществом и потому постоянно востребованные созидающие функции.

Источники

1. *Займовский С.Г.* Англо-русский и русско-английский словарь. 19-е изд. – М.:Русский язык, 1974. – С. 118, 345.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 579.

3. Там же. – С.1055.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1961. – С.406
5. Большой Российский энциклопедический словарь… – С.528.
6. Словарь иностранных слов. 8-е изд. – М.: Русский язык, 1981. – С.345.
7. *Драккер П.Ф.* Управление, нацеленное на результаты: Пер. с англ. – М., 1994. – С.147. *(В этом издании фамилия П.Друкера дается в иной транскрипции).*
8. *Кант И.*Сочинения. – М., 1968. – Т.6. – С.466.
9. См.: *Янсен Ф.* Эпоха инноваций: Пер. с англ. – М., 2002. – С.4.
10. *Молчанов Н.Н.* Инновационный процесс: организация и маркетинг. – СПб., 1994. – С.4.
11. *Николаев А.* Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №5. – С.57.
12. *Крючкова С.Е.* Инновации: философско-методологический анализ / Автореф. дис… док. филос. наук. – М., 2001. – С.19.
13. Муниципальное управление: Учеб. пособие для вузов / Под общ. ред. *В.Н.Иванова, В.И.Патрушева.* – М., 2002. – С.546.
14. См.: *Маренков Н.Л.* Инновации. – М., 2004. – С.16.
15. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С.28.
16. См.: *Лахтин Г.А., Миндели Л.Э.* Трудные пути инноваций // Вестник РАН. – 1998. – Т.68. – №4. – С.310.
17. *Перлаки И.* Нововведения в организациях: Пер. со словацк. – М., 1979. – С.12.
18. *Лапин Н.И.* Нововведения в инновационном потоке // Структура инновационного процесса. – М., 1981. – С.15.
19. Краткий словарь по социологии. – М., 1988. – С.185.
20. *Терегулов Ф.Ш.* Учителю о передовом педагогическом опыте. – Уфа, 1990. – С.188.

21. Американские буржуазные теории управления (критический анализ). – М., 1978. – С.29.
22. См., напр.: *Глазьев С.Ю.* Долгосрочный аспект инновационной политики (о «длинных волнах» в технико-экономическом развитии) // Нововведения как фактор развития. Вып.16. – М., 1987. – С.2-25.
23. *Пригожин А.И.* Указ. соч. – С.21-22.
24. Американские буржуазные теории управления… – С.297.
25. *Фоломьев А.Н., Гейгер Э.А.* Менеджмент инноваций: теория и практика. – М., 1998. – С.17.
26. См.: *Калашников С.* Инвестиции в человека // Охрана труда и социальное страхование. – 2006. – №11. – С.12-13.
27. *Лопатин В.А.* Специфика противоречий инновационного процесса (методологический аспект). – Минск, 1985. – С.12.
28. *Санто Б.* Инновации как средство экономического развития: Пер. с венг. – М., 1990. – С.100.
29. *Гончаренко Л.П.,* Арутюнов Ю.А. Инновационная политика. – М.: Кнорус, 2009. – С.18.
30. См.: *Витке Н.А.* Организация управления и индустриальное развитие. – М., 1925.
31. *Лапин Н.И., Попов К.Н.* Нововведения в инновационном потоке // Нововведения как фактор развития. Вып.16. – М., 1987. – С.26.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Чем отличаются между собой открытие, изобретение, нововведение?
2. Что представляет собой инноватика как отрасль науки и практики?
3. Какой вам видится логика зарождения инноваций в тот или иной исторический период?

4. Что подразумевает трактовка нововведения как формы управляемого развития?
5. Какие производные научные понятия от инновации /нововведения/ вы можете назвать?

Экспертиза

Пользуясь данными в главе определениями, установите к какой категории – инноваций, открытий, изобретений – принадлежат упоминаемые в газетных сообщениях факты.

1. Российские отцы смогут уходить в декрет. Об этом заявила на днях глава думского комитета по делам женщин, семьи и детей. По ее словам, сейчас 3% мужчин фактически находятся в декретных отпусках. С нового года они будут иметь право на денежное пособие наравне с матерями.

(«Московская правда», 2006, 19 мая)

2. Почти наполовину сократить транспортные расходы в некоторых областях производства взялись студентка Гомельского государственного технического университета Инна Еременко и ее научный руководитель Владимир Шипинский. Идея состоит в том, чтобы избавиться от коробок, ящиков и поддонов при перевозке всевозможных банок и бутылок с круглым сечением, использовать природную склонность таких предметов самопроизвольно собираться в форму шестиугольника при воздействии с разных сторон. Был разработан агрегат, который формирует стеклянные и пластиковые бутылки и банки в призматические транспортные пакеты и обтягивает пленкой. В результате вдвое эффективнее загружается пространство вагона или трюма и соответственно сокращается количество перевозок. Кроме того, на одном таком пакете экономится около 10 квадратных метров картона, десятки килограммов дерева, снижаются затраты труда.

(«Российская газета», 2005, 7 октября)

3. В ГИБДД Татарстана начали отучать сотрудников брать взятки новым для России способом. В случае, если постовой милиционер

отказывается от взятки, руководство выплачивает ему ту же сумму, которую обещал заплатить нарушитель. Чтобы получить «компенсацию», инспектор ДПС должен в суде доказать, что пойманный им нарушитель предлагал ему мзду. Первопроходцы в этом деле уже есть.

(«Gazeta.ru», 2006, 19 мая)

4. Сотрудники Института радиотехники и электроники РАН исследовали свойства воды, подвергнутой воздействию сильных электромагнитных полей. Объекту предстояло растворять лаки и красители. Предполагалось, что метавода станет экологически чистой альтернативой вредным химическим растворителям. Все шло по плану до тех пор, пока стоящий в лаборатории аквариум не натолкнул ученых еще на одну мысль – проверить влияние воды на живые организмы. Выяснилось, что благодаря своей особенной структуре и биологической активности метавода оказывает благотворное влияние на иммунозащитные силы организма человека, подавляет размножение вируса и разрушает его белковую оболочку. Причем это касается вирусов от гриппа до ВИЧ. Удивительные результаты получены при проведении экспериментов с подавлением клеток злокачественных опухолей.

(«Труд», 2006, 23 ноября)

Поспорь!

Средневековый английский философ Фрэнсис Бэкон как-то выдал такую сентенцию: *«Человеческий разум нуждается не столько в крыльях, сколько в балласте, который умерял бы полет его фантазии».*

Значительно позже другой англичанин, но уже политик, Уинстон Черчилль еще больше «сгустил краски»: *«Опасайтесь ненужных нововведений, особенно если они логически обоснованы».*

Как быть в таком случае с нашим пониманием нововведений, призывами к прогрессу и вообще с задачами науки?

Глава 2. Философия и психология поиска: творчество без границ и границы для творчества

Инноватика в обыденном философском смысле – это способность извлекать простую пользу из сложных теорий. Хотя примитивизм здесь скорее больше «голая истина», чем упрощенная до нельзя схема получения рецептов для улучшения окружающей нас действительности.

Но что есть простая польза? Прежде всего, надо полагать, она сводится к умению мыслить нужным образом и нужными категориями. А потом уже и к задаче приобрести навык и опыт сверять полученные результаты с теоретическими постулатами-знаниями. Впрочем, процесс тут двусторонний. То практика оглядывается на теорию, то теория внимательно поглядывает на практику.

Соответственно, позволю себе заметить, и мыслительная деятельность человека ищущего находится как бы в разнополюсном информационном мире. В одном случае исследователь рассматривает и оценивает существующий опыт. И такой вариант, по мнению авторитетнейшего философа и психолога Эдварда де Боно, можно назвать «мышлением, обращенным вспять». Но он же, человек ищущий, занимается не только анализом имеющейся предметной среды, а творит и элементы новые, включает свой интеллектуальный ресурс в процесс созидающей творческой деятельности. И это уже «мышление, смотрящее вперед» /1/. Вместе взятое, пребывание на двух «думающих» полюсах, собственно, и делает мыслительный аппарат творца, как характеризовал подобное состояние де Боно, «системой самоорганизующейся информации» /2/.

Навыки мыслительного аппарата складываются на базе своеобычной культуры и определенной философии. С этой точки зрения не случайно понятие «инновация» появилось именно в культурологии и было связано с инфильтрацией европейских обычаев и способов организации жизни в азиатские и африканские общества (этот факт уже зафиксирован нами ранее).

Очевидно, что мыслелогика древних греков или римлян сильно отличалась, к примеру, от взглядов на житейский смысл древних китайских философов. Так же контрастируют между собой и нынешние социокультурные, цивилизационные концепции развития, хотя одновременно идет и нарастающее по мере уплотнения трансконтинентальных информационных полей взаимопроникновение соседствующих культур и идеологий.

В канве событий XX и начала XXI веков, замечает Н.И. Иконникова /3/, переворот в технологическом способе производства означает переход человеческой деятельности на качественно новую технику – автоматизацию и роботизацию производства, информационные технологии, электронную культуру. Если вспомнить английского философа и социолога А.Тойнби, то в его исследовании генезиса цивилизаций выделены два фактора вызовов – природный и собственно человеческий. Современный вызов как инновационный концентрирует в диалектическом единстве вызовы одновременно и природе, и человеческой деятельности. Инновационный вызов – это смена потребительской парадигмы природопользования на новую конструктивную парадигму и объединение человечества не только на путях развития электронной культуры, но и на основе принципов гуманизма.

Интеграция развивающего начала, базовых культур и философии создает свои зоны влияния, формирующие некие глобальные подходы к творчеству, видению инновационных задач. Однако параллельно – не без участия этого интегрирующего фактора – складывается и сугубо индивидуальная творческая ниша. У каждого инноватора неизбежно образуется своя методика поиска, которая зиждется на собственной философии творчества. Как справедливо отмечает А.В. Шевырёв, мастера в любом деле выделяет не только качество его изделий, есть более тонкое отличие – мастер особенно заботится о своих рабочих инструментах. Лишь имея надежный и проверенный инструмент, человек способен достичь желаемого /4/.

Под «инструментами» в данном случае подразумевается, конечно же, вся совокупность условий и средств творческого процесса, включая интеллектуальные, умственные и психофизические ресурсы. В рамках эвристического подхода (а эвристика, как известно, наука о творческом мышлении) любое решение проблем связано с определением (и пониманием!) того, за счет каких общетеоретических приемов и правил мы намерены получить искомый результат, как собираемся организовать и активизировать свою мыслительную деятельность. Люди, которым свойственно думать и действовать не по шаблону, получают несомненное преимущество в созидании нового. Но их нешаблонность – проявление и неординарной психологии, особой философской константы.

Любопытный пример на эту тему приводится П.Потаповым в «Комсомольской правде» /5/ и в двукнижии А.В.Шевырёва, предназначенном «для тех, кто хочет думать своей головой», – касается он гениального японского изобретателя, нашего современника Есиро Накамацу /6/.

Накамацу имел на тот момент свыше 3 тысяч запатентованных открытий и изобретений, что втрое превышает показатель американца Томаса Эдисона (1093). Доктор Накамацу тщательно следит за своей рабочей формой. Спит четыре часа в сутки, но в особом, сконструированном им кресле, которое улучшает кровообращение и сокращает реабилитационный период для нуждающегося в отдыхе человека. Час сна в нем приравнивается к восьми часам обычного сна. Регулярные получасовые сеансы снимают усталость, стабилизируют зрение, общую ориентацию, улучшают память, математические способности, помогают снизить артериальное давление и восстановить потенцию. Ест гений исключительно полезную для мозговой деятельности пищу. В меню умного человека, считает он, необходимо включать овощи, морские водоросли, сушеные креветки, рыбу, сыр, яйца, соевый творог, говядину, куриную печень, угрей, простоквашу. Изобретенный им концентрат «закуска Юмми» содержит все это вместе с

витаминными добавками. На десерт подается «печенье Накамацу», воздействие которого на мозг, по словам создателя, неотразимо.

Описывая достижения этого уникального человека, его биографы первым номером в списке новаций числят модификацию стабилизатора для авиамодели, сделанную Есиро в пятилетнем (!) возрасте. Потом были: домашний обогреватель и сверхоригинальный бытовой насос, принцип треугольного крыла для истребителей (украденный впоследствии американцами), сапоги-скороходы – кроссовки с пружинным механизмом, повышающим скорость бега в три раза, а нагрузки на организм уменьшающим в несколько раз. Разнообразие его идей поражает – им созданы бумага и карандаши для использования под водой, найдена «формула смеха», резко повышающая рейтинг развлекательных телешоу, изобретены электронные цифровые часы и мотор, работающий на воде… Мировую славу Накамацу принесло изобретение флоппи-диска, компьютерных дискет, которым предшествовала еще и разработка звуконосителя, известного сегодня как лазерный диск. Не менее двух десятков лет ему не было равных на международных конкурсах инноваторов!

Многосторонность интересов японского уникума, разумеется, показательна не сама по себе. Столь подробно расписывать его образ мысли и образ жизни заставляет просматривающаяся в этом примере всеобъемлющая закономерность. Современное знание и соответствующий ему творческий поиск характеризуются своими объективными измерениями – миропониманием и мироощущением, находящимися в полисистемном гносеологическом (познавательном) пространстве. Философский смысл такого открытого для мыследеятельности пространства предстает в разных системах координат. Их особенности на базе зарубежных и отечественных источников А.В.Шевырёв группирует по четырем основаниям, и подобное деление, по-видимому, наиболее целесообразно /7/, хотя интерпретировать его, на мой взгляд, стоило бы несколько иначе. Более определенно.

Во-первых, всякий интересующий нас предмет выступает в качестве самостоятельной системы – причем даже тогда, когда является несомненной составной частью, структурной единицей другого исследуемого или реконструируемого объекта. Здесь вряд ли нужны какие-то наводящие примеры. Универсальность данного случая очевидна.

Во-вторых, тот же предмет – часть своей видородовой макросистемы и подчиняется ее природным (общественным) законам. Допустим, в социальной сфере таковыми могут быть лечебно-профилактическое учреждение и система здравоохранения региона, страны.

В-третьих, тот же предмет подчинен требованиям микромира – тут уже свои условия существования, влияние своих закономерностей и фоновых зависимостей. К примеру, лечебная специализация и средства, которые она предполагает, открывают почти бесконечное многообразие пластов проникновения в процесс реабилитации больного – на микробиологическом, медико-санитарном или сугубо социальном уровнях. И каждый уровень – опять же своя микросистема.

В-четвертых, предмет всегда рассматривается вкупе со средой, в системе внешних взаимодействий. И это, как доказала современная философия, **абсолютно необходимо**. Для объектов социальной инноватики – тем более, ибо «длинные волны» (Н.Д.Кондратьев), резонансная сила и территория инновационных последствий в социальной среде особенно велики, а часто и непредсказуемы.

В свете сказанного для философии и психологии инновационного поиска, замечу, характерна одна особенность, которую до сих пор почему-то предпочитают обходить стороной. Суть ее в том, что философия нововведения всегда исходит из перманентности развития (и, следовательно, из постоянного изменения) существующих в жизни продуктов и процессов, а психология инноватора с ее естественными человеческими эмоциями, социальной рефлексией сосредоточена главным образом на самой необходимости достичь результата на какой-то ограниченной во времени

дистанции, вне связи с последствиями «длинной волны». И это скрытое противоречие между двумя мыследеятельными субстанциями по-своему мешает творчеству, по понятным причинам неизменно ориентированному на внешние общественные, в том числе рыночные потребности.

В известной мере мое заключение (может быть, и не столь уж и бесспорное) подтверждает Том Питерс, строя свой «круг инноваций». В нем он перечислил целый ряд психологических или эмоциональных сторон, присущих нововведениям – «творческие волны желаний», «вы не можете жить, не уничтожив старое», «мы здесь, чтобы прожить ярко» и т.д. /8/. Когда сопоставляешь их с анализом деятельности организаций, имеющих длинные циклы жизни, выясняется определенное несоответствие эмоционального фона «круга инноваций» и прагматической стратегии компаний-долгожителей.

Примеры из исследований, проведенных нефтяной компанией «Шелл», свидетельствуют, что в компаниях со стажем от 100 до 700 лет (шведская Stora) имеется несколько совпадающих признаков:

- чувствительность к окружающей среде;
- способность к сохранению своей сущности;
- терпимость;
- консервативность в отношении финансирования.

При этом обращает на себя внимание, комментирует Ф.Янсен, что отмеченные аналитиками признаки не относятся к тем, о которых рассказывается на известных уроках менеджмента. И значит, предписания дающих такие уроки авторитетов должны считаться отнюдь не универсальными, а «временного действия», пригодными только к определенному периоду и не могут переноситься на другие эпохи.

Стоит добавить, что в своих выводах исследователи, на которых ссылается Ф.Янсен, в числе разрушенных мифов по поводу «нормальных правил» для успешных организаций напрямую называют некоторые свойственные инновационной философии «догмы»: единственная постоянная

– это постоянное изменение; первоклассные компании («голубые фишки») действуют на рынке без риска; чтобы стимулировать фундаментальное изменение, следует нанять управляющих высшего ранга извне и т.п. /9/.

Проблема поведения «по правилам» при выборе средств развития возникает, конечно, не на чисто умозрительном уровне. Инновации нужны практике, а потому и ищутся некие закономерности, изобретаются научно обоснованные стандарты управления, способные помочь моделированию коллективного строительства новшеств. Не случайно, допустим, исследователи любят вспоминать, как здорово термиты и муравьи умеют формировать сложные социальные структуры, следуя очень немногим простым правилам поведения.

Противоречия инновационных «догм» и устанавливаемых менеджментом «нормальных правил» с прагматизмом и консерватизмом компаний-долгожителей (развивающихся «неспеша» и с оглядкой) сопряжены во всех случаях с попытками осмысления природы нового, законов и механизмов, причастных к процессам инновационного творчества. С этой точки зрения правомерно утверждать, что философия уже с античных времен находилась в постоянном поиске логики открытий и изобретений.

В течение нескольких веков ученые стремились найти подходы к построению такого учения и таких методов, которые позволяли бы иметь, если говорить современным языком, подобающий инновационной задаче алгоритм – то есть управляемый и наглядный процесс приращения новых знаний и создания на их основе того, чего раньше не было.

Одно из философских направлений – эмпиризм (Ф.Бэкон) опиралось в «логике открытия» на индуктивный метод, но так и не смогло преодолеть трудности в решении «загадки индукции», когда индуктивные обобщения несут в себе большее содержание, нежели изначальные посылки. Приверженцы второго направления – рационализма (начиная с Р.Декарта) выводили открытие из канонов познания, шли опять-таки в русле своего «правильного» метода, основанного на интуиции и дедукции. В том же

направлении, хотя и вполне самостоятельно искал ключ к логике изобретения Г.Лейбниц. Он ценил свойство разума не только видеть явное, но и открывать скрытое, уповал прежде всего на комбинаторику. Логика, по его мнению, должна была научить другие науки методу открытия и доказательства всех следствий, вытекающих из заданных посылок. Но ни век XIX-й, ни XX-й не продвинули подобные идеи к реальному их воплощению: сугубо логически конструировать новые знания оказалось невозможно.

И все же философы работали не зря. В среде исследователей закрепилось убеждение, что существуют универсальные познавательные и организующие приемы, способные быть представленными в виде алгоритма, что открытие нового, несмотря на огромную роль человеческой интуиции, носит детерминированный характер и является процессом рациональным и программируемым /10/. Именно в логике такого философского обобщения, на мой взгляд, как раз и следует искать причины и мотивы появления инноватики в качестве той области знания, в которой сосредоточивается сегодня вся многомерность поисковой инновационной деятельности.

Многомерность, нельзя не согласиться со сложившимся мнением, потому и становится необходимой в анализе реалий и попытках строить некие новые модели, что полное представление о чем-то невозможно при исключении одного из компонентов, а по отдельности, независимо от своей значимости, части целого все равно остаются только частями (элементами материальными или умозрительными аспектами знания), и по ним трудно судить о масштабах и границах искомого.

Поиск полноты представлений о предмете тем продуктивнее, чем глубже, прочнее проникает философия творчества в сознание и душу человека. Психологическая готовность к переменам не может быть сколько-нибудь высокой, пока не осмыслены как потребность, так и возможность изменений.

Впрочем, сама связь умственных процессов и душевных влечений может оцениваться по-разному. И дело не в пресловутом делении людей на

«физиков» и «лириков». С одной стороны, немало тех, кто, смирив гордыню, считает: можно думать головой, разумом и можно думать сердцем (вспомним предвыборные плакаты, предлагавшие «голосовать сердцем»). С другой – есть сторонники тезиса, что мысль без чувства бедна, и надо верить древней китайской пословице, которая гласит: «разум охватывает большее пространство, чем сердце, но сердце добирается дальше».

Как бы ни относиться к вековым спорам о гармонии разума и чувства, одно отрицать не приходится: общественное начало в них не просто преобладает – оно присутствует в той активной форме, которая подчеркивает неизменную остроту проблемы социального роста, тягу человека к совершенствованию и самого себя, и коллективных жизненных устоев (говоря сегодняшним научным языком – тягу к социальной инновации). Скрытый здесь диалектический подтекст зримо проявляется, когда читаешь трактаты Гегеля (может быть, не столь близкие по времени к высказываниям древних китайцев, но вполне близкие нам, если сделать к ним небольшие поправки на идеализм).

Именно в личности, полагает Гегель, дух выступает как целостность, ибо признает, что его предмет и его цель разумны. Деятельность духа предполагает творчество. Преодолевая свою ограниченность, он должен реализовать себя в двух формах – теоретической и практической. Теоретический дух отрицает односторонность сознания, находящегося в зависимости от внешних объектов. Практический дух отрицает односторонность самосознания, замыкающегося в субъекте. Такая своеобразная дихотомия означает отнюдь не равноправное «разделение труда»: теория призвана исправлять односторонность практики, в то время как последняя лишена прямого и скорого влияния на научные постулаты.

По Гегелю, теоретический дух (или ум) и практический дух (или воля) посредством друг друга определяют свою суть и могут восприниматься в единстве («мыслящая воля»). Философ не принимал утверждения, будто ум в состоянии действовать не желая того, а воля – обходиться без ума. Он четко

видел соотношение чувств и мышления, ощущал важность ориентации на объективную действительность: «Если кто-либо по поводу чего-либо ссылается не на природу или понятие предмета… но на свое чувство, то ничего другого не остается, как предоставить его самому себе, ибо вследствие этого он отказывается от общения на основе разумности и замыкается в свою субъективность…» /11/.

Разумность предполагает знание. Его накопление и использование. И это использование – в определенных условиях и формах – воплощается в нововведениях, является по природе своей инновационным процессом. Рассматривая философско-онтологические аспекты связанных с этим явлений, представлений, В.Н.Николко сделал, по-моему, одну из редких и серьезных для отечественной науки попыток объединить природные начала, свойственные и независимому физическому обновлению мира, и сознательному преобразующему творчеству человека. В заявленной им концепции много созвучного логике нашего учебного материала, но больше всего привлекает в ней ретроспективность и глубина взгляда на проблему преобразований.

В обновлении мира, отмечает философ, есть закономерность. Суть ее в том, что сущностные изменения материи реализуются в трех направлениях и проходят три стадии – нестационарность, эволюционность, творчество. При этом наращивать качественное разнообразие элементов, веществ можно тремя же аналогичными по названию и характеру способами. Каждая разновидность новационности, обновления специфицируется особой производящей категорией. *Нестационарность* действует на базе физических сил, *эволюционность* – витальных (жизненных) сил, а *творчество* – психических сил.

Принципиально то, как В.Н. Николко трактует Платона и его сторонников, которых многие склонны обвинять в отождествлении творчества и новоделания. По его мнению, в определениях творчества неправомерно игнорируется реальное значение нового, сама способность

новатора отступать от традиционных форм мышления и деятельности. Новое в творчестве – больше, чем цель, подчеркивает он. Вы хотите создать более экономичный двигатель внутреннего сгорания? Чем не цель творчества? Но это можно сделать только посредством нового. Вы хотите накормить все человечество? Чем не цель творчества? Но придется открыть новые дешевые источники питания… Творчество и обновление неизбежно переплетаются, однако важно понимать, что чаще всего новация не столько цель, сколько средство достижения цели /12/.

Добавлю: та же эвристическая деятельность будучи отражением новаторского мышления создает в первую очередь новую систему действий или открывает неизвестные ранее закономерности окружающих человека объектов /13/, а не выступает чьей-то ориентированной на определенный результат целью. Это было бы невозможно уже хотя бы потому, что ни новая система действий, ни тем более вытекающие из открытых закономерностей задачи не являются универсальными, они требуют приспособления к реальному объекту будущих изменений.

Понимание смысла формируется не сразу, порой долгими десятилетиями. Но когда оно созрело до конца, легче воспринимаются границы разумности, пределы знания, от которых, собственно, предстояло или предстоит вести отсчет нового качества, новых целей. Стоит отметить, тем не менее, что свои витки развития общество проходит, не всегда экономно расходуя опыт и знания. Сколько социальных проблем крутятся из года в год в своем беличьем колесе только потому, что некому показать рукой на «пограничный столб» и сказать о возврате к прошлому, потере времени.

Цель и средство. Обновление, конечно, ориентирует на рациональное достижение цели. Творчество не может допускать вариантов с «любыми средствами». Еще в начале XX века в книге «Теория творчества» П.К.Энгельмейер приводил слова Э.Маха о приоритетности той именно изобретательской мысли, которая отвечает требованиям целесообразности. И

выстраивал – руководствуясь философией нацеленного действия – свой «трехакт»: желание как цель творчества, знание как база и план достижения цели, умение как средство выполнения плана, т.е. достижение цели /14/. Неизвестно переиздавалась ли эта вышедшая в Петербурге работа в наше время, но и в ряду современных своих аналогов она не выглядит старомодной, а главное хорошо крепит мост между прошлым и будущим эвристической философии.

Над тайной созидательного творчества ломали голову многие поколения. Философский взгляд на творчество и его преобразующую роль естественным образом трансформировался. Разница в восприятии сопутствующих ему проблем, тем не менее, остается всегда. Скажем, характерны и приводившиеся уже точки зрения, и в известной мере суммирующая их формула Л.А.Пьяновой: «Творчество – это универсально-преобразующая, целостная, культурно-историческая самодеятельность, в процессе которой осуществляется самопроизводство социальных сил людей» /15/. Однако независимо от согласия или несогласия с чем-то человеку присуще сопротивляться логике целесообразности. Муки творчества остаются для него как бы обязательной категорией подсознания. Преодолеть свои внутренние барьеры при столкновении с новым достаточно легко он не способен, причем эта психологическая особенность с возрастом усугубляется – дети в отличие от взрослых несопоставимо свободнее, раскрепощеннее переносят «тяготы первооткрывателя».

Большинство из нас, констатирует американский исследователь Р.Акофф, считает само собой разумеющимся наличие у детей способности к творчеству и утрату ее впоследствии. Мы не только не пытаемся предотвратить эту утрату, но даже не стремимся понять ее причины. Между тем, по его представлению, они не являются такими уж таинственными и необъяснимыми /16/.

Интересно, что доктор философии Д.Моррис (Великобритания) полагает творчество не более как проекцией детских качеств на жизнь

взрослого. Ребячьи игры сходны с поведением старшего поколения, хотя есть и разница. У взрослого один из способов поведения – выдумывание новых шаблонов. В игре этот момент выражен куда сильнее. Буквально каждое действие растущего ребенка для него самого – открытие, изобретение, пусть и тривиальные (инженерные находки пятилетнего Накамацу – конечно, не типичны). Но если бы процессы, с которыми они связаны – чувство удивления и любопытства, тяга к пробам, поиску, можно было предохранить от возрастного увядания и они преобладали бы и в поведении взрослого, тогда бы мы победили в великой битве – битве за творчество /17/.

В детстве каждый из нас прошел школу, а кто-то и университеты исследования и творчества, достаточные для формирования базового инновационного потенциала, но конечный творческо-поисковый уровень, как справедливо замечает доктор Моррис, разительно меняется у взрослых, очень малое их число отваживается на новые эксперименты. Изыскания влекут за собой неопределенность, а та пугает. Лишь в двух ситуациях можем мы побороть свои страхи: первая – беда, вторая – полное благополучие, обеспеченность. К примеру, в тяготах войны человеческое сообщество вынуждено проявлять изобретательность, чтобы выжить, а в условиях процветания – чтобы реализовать «свободный» интеллектуальный потенциал. В процветающей стране, впрочем, слишком немногие занимаются активным творчеством, предпочитая телевизор, спорт или примитивные игры. Последнее заставляет задавать естественный вопрос: почему не все развивают в себе неуемную детскую любознательность?

Частичная разгадка, по мнению британца, в том, что дети подчинены взрослым, которые видят в них угрозу своему господству. Логика, разум просят уступить дорогу молодым, но их изобретательский дух подавляется. Борьба неравна. К тому времени, когда растущее поколение достигнет зрелости и сможет думать об инновациях, оно уже обременено конформизмом. И само начинает тормозить спешащих ему на смену молодых

новаторов. Лишь те редкие личности, детство которых было в этом смысле необычным, достигают, как Накамацу, высокого творческого уровня /18/.

В ином контексте, философско-культурном и этическом, оценивает человеческие борения Н.А.Бердяев. При определенном созвучии с толкованиями доктора Морриса относительно ситуаций для активизации творчества у русского философа обнаруживается и свой явно неоднозначный, но требующий внимания мотив.

На вершинах культуры, замечает он, человека мучит противоположность между тем, чтобы создавать что-то, и тем, чтобы быть чем-то. Гении творили, но недостаточно; святые были, но мало творили. *Творчество рождалось из несовершенства и недостатка. Слишком совершенные перестают творить* (!). Вступите на путь йоги, или православной святости, или толстовства, на путь собственного совершенствования, и вы перестанете творить. Существует двоякая трагедия творчества: оно антогонистично, с одной стороны, совершенству человека, с другой – совершенству культуры /19/.

Выход в разговоре о творчестве на философские противоречия такого уровня как раз и создает подступы к теме, вглубь которой нам идти пока не след, но знать о которой, бесспорно, нужно (или скажем так: «лучше знать, чем не знать»).

В культуре, по убеждению Н.А.Бердяева, есть вечная, мучительная неудовлетворенность. Кризис культуры в XX веке – отражение воли человека к переходу от символически-условных достижений к достижениям реально-абсолютным. Человек желает не символов истины, а саму истину, не символов красоты, а саму красоту, и т.д. Неудовлетворенность возникает потому, что культура закрепляет плохую бесконечность и никогда не достигает вечности. Культура есть лишь творчество плохой бесконечности, бесконечной срединности. Творчество новой эпохи преодолеет культуру изнутри, не извне. Творческая мировая эпоха может быть лишь

сверхкультурной, а не докультурной и внекультурной. Культура всегда права против нигилизма и анархии, против дикости и варварства /20/.

Прислушиваясь к бердяевским мотивам, философию поиска, нововведений стоит рассматривать особенно внимательно с той именно стороны, где остро проявляет себя социальное качество и где человек пытается преодолеть нравственно-психологические, этнические барьеры в противостоянии с социальной несправедливостью, правовой незащищенностью. С этой точки зрения творчество, полагаю, не должно восприниматься и тем более выглядеть на практике «как преодоление непреодолимого». Самое большее, что допустимо в созидании нового, «новоделании» (по Платону) – это признание реальной философской категорией самого противоречия между необходимостью знать, где целесообразно себя ограничить, а где можно и продолжить бесконечный полет фантазии.

Разумеется, при этом сохраняются принятые постулаты типа: «Творчество – процесс создания нового, который требует выхода за существующие границы знания» /21/. Или право на ограничения, которые мы сами же вводим, презрев вероятность лучших решений. Или внутренние и внешние ограничения на возможные значения управляемых и неуправляемых переменных (например, указание на предельную сумму, которую можно израсходовать). То есть творчество допускает *творческий подход к ограничениям* /22/.

Парадокс парадоксов находится,однако, рядом со всем этим. Если творчество, как полагает педагогическая эвристика, требует выхода за существующие границы знания, то учебно-педагогический процесс должен брать на себя и задачу формирования у учащихся креативности, способности к творческому развитию и личности, и предмета изучения, и способов пользования знаниями. На самом же деле более 85% учебной деятельности осуществляется в репродуктивных нетворческих формах. У студентов, по свидетельству исследователей, преобладает интерес к одному виду

творчества – решению проблемных учебно-познавательных задач. До сих пор в учебниках педагогики нередко именно этим ограничивают воспитание творческой личности /23/.

Замечу: при всем том в последние годы усилилось внимание к развитию креативных способностей. Утверждает свои права креатология – одна из наиболее интегративных наук. Она формируется на стыке философии, психологии, педагогики, инноватики, науковедения, информатики, кибернетики. Ее разработки определяют базовые направления новейших программ обучения творчеству.

С учетом интегративного характера инновационных (творческих) процессов нет речи о какой-либо философской или психологической регламентации. Стоит лишь еще раз напомнить: инновационная деятельность имеет те составные, которые одинаково касаются и более абстрактных проблем – мышления, философии, психологии, педагогики, культуры, и более осязаемых проблем – концепций, идей нововведений, непосредственной инновационной практики.

В этом ряду философия и психология олицетворяет собой, помимо прочего, социогуманитарные науки. Совокупная их задача – обеспечивать базовые знания участникам инновационного процесса – вряд ли кем может подвергаться сомнению. По крайней мере, философия всегда оставалась началом всех начал. Однако в последние годы многими учеными подчеркивается особо необходимость жестче концентрировать возможности социогуманитарных дисциплин на распространении в нашем обществе инновационной психологии и внедрении в массовое сознание соответствующих ей установок /24/. Конечно, сама по себе такая целеориентированная психологическая подготовка сформировать производство нововведений не способна. Изменить же отношение к делу – в состоянии. Стимулировать использование научно-образовательного потенциала – может.

Базовые знания не ограничиваются ничем, но им есть что ограничивать в сфере практики. Опыт использования знаний может быть ограничен той или иной сферой и временем применения, но ему ничто не мешает трансформироваться под любые социальные цели и экономические доминанты.

Несомненно, важен для нынешних кризисных условий России принцип общедоступности творчества. Причем понимаемый буквально: творческая деятельность может и должна стать близкой каждому. Поднимая эту тему, профессор МГУ А.Бузгалин четко обозначает психологический барьер в понимании ролей, отведенных сегодня «элите» и «массе»: «Когда интеллектуалы размышляют о креативности, они обычно имеют в виду великих ученых, художников, политиков, менеджеров… А я хочу вести речь о главных и массовых творческих профессиях экономики ближайшего будущего – учителях и врачах, воспитателях детского сада и садовниках, социальных работниках и библиотекарях, создателях новых технологий и картин…» /25/.

Настолько ли реален сам барьер? И что мешает массовой креативности, тяге к новациям? По сути, в подобной постановке вопросов превалирует мировоззренческий подтекст, и креативность в нем подразумевает ту созидательную жизненную силу, которая определяет место человека в обществе, характер его взаимодействия с окружающим миром и отражает философский смысл творчества как источника всеобщего развития. То есть здесь мы, во-первых, находим прямую связь творчества, креатива с инновацией, являющейся продуктом созидательной деятельности, а во-вторых, приобретаемый в результате инновационный смысл ассимилируется в общую иерархию ценностей, которые обеспечивают всем социальным субъектам возможность реализовать актуальные для них права и потребности /26/.

Впрочем, с философской мудростью надо сознавать и другое. Достаточно скоро в процессе потребления то, что некогда считалось

инновацией, превращается в тривиальность и демонстрирует очевидное изнашивание новизны первоначального смысла. И тут типична картина, нарисованная А.Бергсоном. Орудие, созданное с помощью интеллекта, констатирует ученый, есть орудие несовершенное. Оно влияет на природу создавшего его существа, ибо, призывая его к выполнению новой функции, дарует ему, так сказать, более богатую организацию, будучи искусственным органом, продолжающим естественный организм. Для каждой удовлетворяемой им потребности оно создает новую потребность, открывает этой деятельности безграничное поле /27/. Границы существуют только в одном: любая деятельность человека всегда социально обусловлена, поскольку имеет своей целью не простое приспособление к среде, а ее изменение, обновление.

Источники

1. *Де Боно Э.* Латеральное мышление: Пер. с англ. – СПб., 1997. – С.112.
2. Там же. – С.6.
3. *Иконникова Н.И.* Инновационный вызов современной цивилизации и бытие человека // Социальные технологии, исследования. – 2008. – №3. – С. 26.
4. *Шевырёв А.В.* Технология творческого решения проблем (эвристический подход) или книга для тех, кто хочет думать своей головой. – Белгород, 1995. – Кн.1. – С.8.
5. Комсомольская правда. – 1995. – 6 декабря.
6. *Шевырёв А.В.* Указ. соч. – С. 7-8.
7. Там же. – С. 9-10.
8. См.: *Янсен Ф.* Эпоха инноваций: Пер. с англ. – М., 2002. – С.44-45.
9. Там же. – С. 19-21.
10. См.: *Крючкова С.Е.* Инновации: философско-методологический анализ / Автореф. дис… док. филос. наук. – М., 2001. – С. 15.
11. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. – М., 1997. – Т .3. – С. 270.

12. *Николко В.Н.* Творчество как новационный процесс: Философско-онтологический анализ. – Симферополь, 1991. – С. 34-38.
13. *Пушкин В.Н.* Эвристика – наука о творческом мышлении. – М., 1967. – С. 6.
14. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. – СПб., 1910. – С. 4.
15. *Пьянова Л.А.* Творчество и развитие личности / Автореф. дис… канд. филос. наук. – М., 1983. – С. 12.
16. *Акофф Р.* Искусство решения проблем: Пер. с англ. – М., 1982. – С. 10.
17. *Моррис Д.* Этот стандартный взрослый человек… // Диалоги продолжаются: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. – М., 1989. – С. 146.
18. Там же. – С. 148-149.
19. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 520.
20. Там же. – С. 522.
21. *Соколов В.Н.* Педагогическая эвристика. – М., 1995. – С. 212.
22. *Акофф Р.* Указ. соч. – С. 14-16.
23. См.: *Бердышева Т.В.* Формирование креативных способностей у студентов // Проблемы совершенствования подготовки специалистов социальной работы: Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 85.
24. См.: *Юревич А.В.* Ретранслятор западных концепций // Независимая газета. – 2004. – 9 июня.
25. *Бузгалин А.* Поймать ветер истории // Литературная газета. – 2008. – №6.
26. *Сайфуллин Н.Ф.* Становление инноваций // Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления / Материалы Первой научно-практической конференции. Том II. Часть 2-я. – М., 2004. – С. 241-242.
27. *Бергсон А.* Творческая эволюция: Пер. с англ. – М., 2001. – С 153-155.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Как вы понимаете философский смысл инноватики? Где и в чем этот смысл связан с психологией поиска?
2. По какой причине, на ваш взгляд, оказались неудачными попытки философов вооружить инноваторов «логикой открытия»?
3. Какова роль социогуманитарных наук в формировании базовых знаний для инновационного творчества?
4. Насколько вы разделяете мысль Николая Бердяева о том, что «совершенные люди перестают творить»?

Сверяя с Пушкиным

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель…

Александр Сергеевич чувствовал и понимал диалектику нового. И по-своему был идеологом и пропагандистом нововведений. Сопоставьте скрытую в его поэтических строках философию с положениями:

а) гегелевской теории о деятельности духа в теоретической и практической сферах;

б) концепции В.Н.Николко (см. текст главы) об обновлении материального мира на основании трех «производящих категорий» – нестационарности, эволюционности и творчества.

Что показывает ваш экспресс-анализ?

Рецепт Вуджека-кулинара

Творческое блюдо готовится из трех продуктов, полагает канадский специалист. Первый – новизна. Второй – ценность того, что получается в результате. Третий компонент – страстное желание, которое психологи называют внутренней мотивацией.

И что, этими «ингредиентами» все ограничивается? – удивленно спросите вы. Конечно, нет. Остальное по вкусу. Выберите сами, что еще может предложить ваш творческий ум (см. рисунок из книги: Вуджек Том. Как создать идею/ Пер. с англ. – Спб., 1997. – С 46.):).

Дым развеется – идея останется

Творчество – это хитрая вещь, уверяет Том Вуджек. Определить его – все равно что попытаться схватить колечко дыма кончиками пальцев.

А если не поверить «эксперту» и попробовать колечко схватить? Прикиньте, на что вы годитесь, готовы ли экспромтом родить идею. Какую? Допустим, если бы вам захотелось:

а) написать книгу, то она была бы о чем?

б) создать художественное полотно, то с каким сюжетом?

в) организовать собственное дело, то в какой сфере?

г) снять кинофильм, то о чем?

д) заняться социальной работой, то какого профиля?

е) провести исследование, то по какой проблеме?

ж) ……

Оставим строку открытой – чем бы вам еще хотелось поделиться с миром?

Эвристика вам в помощь!

В повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь» подробно описывается разработанная ее героем – Александром Александровичем Любищевым – инновационная технология использования времени.

1. Внимательно прочитав повесть, вычлените и в определенной последовательности (поэлементно) опишите эту уникальную инновацию.

2. Сформулируйте проблему, которая обусловила появление креатива.

3. И ответьте – подробно характеризуя мировоззренческие и психологические мотивы – на вопрос: разве жизнь Любищева стоит называть *странной*?

Глава 3. Инновационная экономика и правовые факторы нововведений

Что касается инноваций и экономики, то мировой кризис 2008-2009 годов со всеми его возможными продолжениями и пока еще неочевидными последствиями одно успел подтвердить многократно: скупой платит дважды.

В странах, где экономика опирается на инновационное развитие (лучший пример – Китай), совокупные потери от кризиса оказались меньше. Там, где в предкризисные годы преобладали преимущественно благие намерения и инновационный фундамент был слаб (типичный пример – Россия), падение производства и ВВП достигло очень серьезных величин. Вовремя не вложенные деньги, упущенный для преобразующей диверсификации момент, ослабленная централизация управления финансовыми и человеческими ресурсами требуют теперь двойных, тройных компенсаторов. Едва ли не идеального сложения сил. И кто знает, какой в результате станет стоимость неизбежных для глобальной конкуренции инновационных преобразований?

Взаимозависимость инноваций и экономики обнаружилась уже в первых антикризисных шагах зарубежных правительств. Стратегия преобладала схожая. Понятно, к примеру почему США при видимых трудностях национального бюджета увеличивает в 2009 году на 18 млрд долларов финансирование фундаментальной науки и, в частности, ориентирует своих исследователей найти способы на 25% сократить к 2020 году потребление нефти. Ясно, из-за чего Израиль вкладывает в науку немалые средства, предлагая побыстрее решить проблему опреснения морской воды. У нас в России тоже намечено восемь приоритетных направлений развития науки и техники, выбрано свыше тридцати прорывных технологий, но каким образом это отражается в бюджетном планировании, понять непросто, поскольку бюджет формируется по объектам и какое-либо единое руководство процессом отсутствует, «не просматривается» /1/.

Вопрос о централизации управления инновационным развитием многими специалистами скромно замалчивается по банальной причине. Люди боятся неудобных параллелей с прошлой советской плановой системой, государственной экономикой. Эта ложная боязнь уже наделала немало бед отечественной экономике. Между тем, те же американцы искренне гордятся, что у них создана эффективная централизованная система распределения государственных ресурсов на науку. В США нет министерства науки, которое раньше существовало в нашей стране, но 94% средств на научные исследования выдается четырьмя ведомствами (министерствами энергетики, обороны, торговли и NASA), действующими в рамках государственной научно-технической политики, сформированной советом по науке при президенте США. Столь высокую концентрацию управления никто не считает помехой инновациям и не подвергает сомнению с точки зрения общественной целесообразности.

Академик А.А.Дынкин, директор ИМЭМО /2/, оценивая общий контекст кризисного периода, констатировал меняющийся характер двух основных фактов роста мировой экономики – глобализации и инноваций. По его мнению, глобализация влияет на количественные параметры роста, а инновации – на качество и саму парадигму развития. Будущее глобализации после кризиса, по всем признакам, туманно и турбулентно. Денежный оборот в должной мере возобновится только в том случае, если появится продукция нового качества, которая возобновит спрос. Именно эти задачи решают инновации. И не случайно Билл Гейтс предрекает, что во время нынешнего кризиса произойдет инновационный скачок, ибо как раз в такие моменты всегда совершаются великие открытия.

Известный антикризисный план Полсона, ставший для американцев законом, кроме финансового аспекта делает ставку на инновации прежде всего в энергетической сфере. Закон Обамы–Байдена наметил создание в XXI веке новой национальной платформы конкурентоспособности. Инвестиции в фундаментальную науку вырастут в два раза за 10 лет. В России же, как

считает академик Дынкин, даже крупные и преуспевающие компании делают смешные по мировым меркам вложения в науку, а страна в целом имеет здесь такие низкие показатели, что вплотную приблизилась к разряду инновационно отстающих государств.

В подтверждение подобных выводов можно привести тот факт, что такой гигант, как корпорация «Газпром», тратит на научные исследования и инновационные разработки 0,5% выручки, в то время как финская Nokia – 10% /1/. Лишь к 2020 году, по прогнозам ИМЭМО, Россия при определенных условиях выйдет на уровень Европы по финансированию науки, но будет уступать не только США и Японии, а также Китаю и Индии. И причины подобного положения эксперты связывают в том числе с дефицитом в России настоящих инноваторов, вытеснением технологической ренты на отечественные открытия за рубеж. При этом признается, что наши соотечественники креативны, но не любят рисковать, хотя инновации неизбежно предполагают финансовый риск /2/.

Пресловутые риски особенно актуальны в кризисной обстановке, когда рассчитать прямой или диффузный эффект нововведений очень трудно (если вообще возможно). Однако технологии расчетов поддаются локализации. Свой отдельный участок представляет и та часть проблем, которая связана с затратами и доходами в самом инновационном процессе. Причем за данность необходимо сразу же принять тот непреложный факт, что инновации в сколько-нибудь значимых масштабах не могут обходиться без определенных финансовых, материальных и трудовых вложений. И уж совсем не в состоянии себя обеспечивать без подобающих инвестиций нововведения, предназначенные для социальной сферы.

Каждая доля участия в разработке идеи, технологии внедрения, организации тиражирования и эффективной эксплуатации той или иной инновации имеет свою цену. Как в производстве товара, продукции или реализации сугубо коммерческого проекта. И присутствует в масштабах государства, региона, предприятия, организации, любого даже небольшого

социального объекта. Так что нет смысла искать особой разницы между ними, когда речь идет именно о принципиальной схеме экономических отношений в инновационной деятельности.

Логика этой схемы достаточно проста, но за всеми ее элементами скрыты сложные взаимозависимости. Суть, естественно, в том, что инновационная деятельность является прежде всего фактором экономического развития. Нововведения поддерживают относительно стабильное воспроизводство национального богатства, а выполнение этого условия в свою очередь создает предпосылки к развитию инновационных процессов. Внешне нормальная диалектика. Но с точки зрения повседневной производственной деятельности, как отмечает В.Н.Архангельский, затратные инновации неэффективны, они отвлекают ресурсы от текущего распределения, предлагая получение эффекта в будущем. Поэтому названная взаимозависимость почти не срабатывает, а в период экономического кризиса, тем более глубокого и длительного, инновационные и инвестиционные процессы и вообще могут резко замедлиться /3/.

Понятно, что снижать инновационную активность и сокращать инвестиции заставляют объективные обстоятельства. К тому же в какой-то мере проявляется психология «мнимой пользы»: ведь перераспределение ресурсов не в пользу инноваций на какое-то время реально снижает напряженность бюджета – те же социальные нужды пусть и на короткий срок оказываются нормально обеспеченными. Однако это не более чем, как говорят спортсмены, «отложенный штраф». Очевидна неизбежность наказания за несвоевременность жизненно важных вложений. Если государство не уделяет должного внимания сохранению и развитию своего общественного и научно-производственного потенциала, воспроизводству основных ресурсов, оно обрекает свою экономику на скорый упадок.

В мировой практике, напоминает В.Н.Архангельский, определены рациональные периоды смены базовых технологий и оборудования, которые, к примеру, для предприятий обрабатывающей промышленности составляют

соответственно 10-15 и 3-5 лет. При проведении в России инновационно-инвестиционной политики прошлых лет эти требования, по сути, не учитывались. В том числе и из-за ограниченности выделяемых средств. В результате отставание от мирового уровня достигало двух-трех и более поколений техники /4/.

Не лишне на этом фоне заметить, что исследователи указывают в ряду системообразующих характеристик на степень взаимовлияния новаций и экономики. Судя по всему, наиболее благоприятным периодом для нововведений является следующая за экономическим кризисом депрессия. Она усиливает потребность а преобразующих усилиях, дабы ускорить выход из кризиса. В то же время – злой парадокс! – в периоды подъема экономики (а значит, и наличия большего инвестиционного ресурса) новые идеи могут и подождать, поскольку их внедрение непроизвольно способствует дестабилизации относительно устойчивой на тот момент экономики /5/.

Если абстрагироваться от парадоксов-противоречий, то инновационно-инвестиционный климат – это объективно действующая, поддерживаемая государством экономическая тенденция. Меняется климат – меняются приоритеты. При этом средневзвешенные направления воздействия инновационных и инвестиционных условий на экономику, по Архангельскому, состоят:

- *для научного комплекса* – в создании предпосылок и стимулов к воспроизводству знаний и их материализации;
- *для производственной сферы* – в стимулировании воспроизводственных процессов на новой научно-технической базе и повышении общей эффективности производства;
- *для общественных потребностей* – в создании материальной базы под социальные процессы, экономии непроизводственных ресурсов, социальной и экономической защите населения /6/.

Стоит заметить, что воздействие инновационных и инвестиционных условий на экономику оценивается в последние годы все гибче и с учетом

формирующейся рыночной психологии. Инновационная экономика, став национальным приоритетом, заставляет по-новому задумываться о соотношении затрат на знания, науку и создание инновационного потребительского продукта. Во-первых, источником инноваций сегодня является знание, полученное в ходе научных исследований. Во-вторых, в конкурентной борьбе далеко не во всех случаях выигрывает тот, кто создает знание. Нередко победитель тот, кто способен первым обнаружить новое знание, выгодно приобрести его и быстрее других найти ему эффективное применение. Отсюда уже и иные задачи у государства или корпораций при финансировании науки и продвижении инновационных продуктов на рынки сбыта. Инвесторы обеспечивают деньги на знания как основу инноваций, а затем возвращают деньги с помощью знаний, материализованных в инновации. Но это все при сохранении главенствующего стратегического догмата: у страны, которая перестает быть источником знаний, гласит неписаный закон, не может быть достойного будущего /7/.

Разумеется, как и философский взгляд на целесообразность каких-либо действий, экономическая мысль не в состоянии балансировать столь «стерильно чисто», чтобы оптимально обеспечивать инвестиционные приоритеты. Инновационные проекты в свою очередь тоже не могут гарантировать полную самоотдачу, которая бы помогала государственным или иным структурам хоть как-то уравновесить «затраты-выгоды». Значит ли это, что «средневзвешенный» подход целиком нереален? И уж тем более – в том пункте обозначенных направлений, где и без того остаточный принцип государственного финансирования давно стал притчей во языцех?

Сошлюсь на позицию американских специалистов. Дискутируя по проблемам эффективности государственного управления, они в вопросе о выделении средств на те или иные небесспорные проекты оставили за собой право на альтернативу: или оценивать целесообразность расходов по договорной схеме, или по критерию «затраты-выгоды». Если используется первый вариант, то отдельный проект рассматривается в контексте всех

остальных и его сторонники получают нужное им решение, как только заручатся поддержкой сторонников других. Этот вариант всегда чреват перерасходом средств. Если использовать второй случай, то главное в нем – уравновешенность выгод и зримый на сей момент выигрыш обществом бюджетных ресурсов. Но, делает вывод профессор из Ньюарка Д.Миллер, «те, кто поддерживает договорную схему, ставят во главу угла потребности общества, по крайней мере те нужды общества, которые в конце концов делают его выгоды гораздо более существенными, чем затраты» /8/.

Ответ вполне ассоциативен. Он гасит сомнения не только в отношении невоспроизводимых ресурсов. Считать все-таки правильнее по критерию «длинных волн».

Инновационные процессы осуществляются за счет осознанно выделяемой обществом значительной доли ВВП (валового внутреннего продукта). Финансовые ресурсы формируются правительством в виде прямых бюджетных и внебюджетных ассигнований, а также через систему экономического стимулирования. Страны, не боящиеся вкладывать средства и проводить активную инновационно-инвестиционную политику, получают в перспективе немалые преимущества на мировом рынке и одновременно высокие возможности для решения внутренних социальных задач. Показательны примеры Японии, США, Великобритании, Франции, да и многих других государств, где созданы широкомасштабные, разноуровневые системы инновационного сотрудничества.

В названных странах сложилась общая для них особенность, в которой проглядывают характерные закономерности современных рыночных отношений. Мировой опыт свидетельствует, что инновационные процессы идут интенсивнее и устойчивее при участии малых научно-технических фирм и организаций. По оценкам нидерландской палаты содействия развитию торговли, эффективность малых научных предприятий в два раза выше, чем крупных /9/. Американские компании с числом занятых менее тысячи человек разрабатывают в 17 раз больше значимых нововведений, чем

фирмы с персоналом свыше 10 тысяч человек. В послевоенный период примерно 40-46% базовых инноваций осуществлены в США на мелких предприятиях /10/.

То, что я обозначил особенностью, скорее всего можно квалифицировать и как феномен. Экономическая подоплека практики малых форм по-своему удивительна, потому что ее закономерности не вписываются подчас в абстрактную логику и, на первый взгляд, противоречат привычным представлениям о силе и творческой способности монополистов.

В анализе В.В.Гончарова сообщается, к примеру, что для мелких фирм инновации сопряжены с меньшим риском, ибо возможные неудачи не подрывают коммерческую репутацию всей остальной продукции компании – просто и резонно. К их преимуществам, между тем, следует отнести то, что они тратят намного меньше времени на процесс от разработки нового продукта до выхода его на рынок (им требуется на это в среднем 2,3 года, а крупным конкурентам – 3,1 года). Примерно равноценные изобретения, находки обходятся малым предприятиям значительно дешевле: скажем, на разработку одного из них они расходовали в 1990-х годах в среднем 87 тысяч долларов, а большие фирмы – 2 миллиона! Согласно результатам американского исследования, фирмы до 500 человек в расчете на доллар, вложенный в научно-исследовательские разработки, дали в 4 раза больше новинок, чем компании до 1000 человек, и в 24 раза больше, чем гиганты, имевшие в своем активе свыше 10 тысяч сотрудников /11/.

В трактовке А.С.Серегина и Л.А.Щербакова объяснение ситуации получает дополнительные аргументы. С их точки зрения, развитие инноваций находится в прямой зависимости от риска, который витает над малыми фирмами. Но они сознательно готовы идти на риск, ибо инноваторы понимают, что могут получить у себя гораздо большее денежное вознаграждение за свои разработки, нежели бы они имели за те же новации в штате крупного предприятия. Немалую роль в тех же США играет и стимулирование на правительственном уровне – учреждена Федеральная

программа поддержки инноваций малых предприятий. Она особо учитывает технологические нововведения, помогающие решать проблемы создания новых рабочих мест, повышения производительности труда и конкурентоспособности, противодействия инфляции и дефициту платежного баланса. Правительство практикует выделение средств для малых предприятий из бюджета ведомств (до 10%) на исследования и разработки. Серьезным стимулом является, кроме того, снижение налогов в ответ на расширение инновационной деятельности. Для предприятий и фирм с численностью до 500 человек налоги на доходы от прироста капитала были снижены на 25%, а с численностью до 100 человек – до 10% /12/.

Феномен инновационной практики малых форм, судя по примерам, достаточно устойчив. Но существует и ротация небольших предприятий, фирм, поскольку не каждая единица способна долго конкурировать с гигантами. Нередко большие «поглощают» маленьких. Происходят и другие трансформации, мотивы которых тоже по-своему объективны и объяснимы.

Выделю два аспекта оценочных альтернатив. На один из них указывал руководитель научно-организационного управления РАН В.В.Иванов, считавший явным заблуждением веру в то, что малые предприятия «вытащат» всю экономику. Ведь не они, а крупные корпорации составляют основу современной экономики, и именно последние способны вложить достаточные средства в развитие науки, ориентированной на их интересы. Малые предприятия, полагает Иванов, могут быть хороши в бытовой сфере, но в серьезной науке им выжить трудно. Даже в благополучной Германии среди малых предприятий научно-технической сферы каждый год разоряется около 20% от их общего числа. То есть в течение пяти лет условно происходит полное обновление прежнего состава этого своеобразного профессионального пула /13/.

Обобщая имеющуюся в научных источниках информацию, А.В.Ламанов /14/ дал любопытное сравнение (см. табл. 3.1.) недостатков двух организационных форм, конкурирующих в инноватике – малых предприятий

и корпоративных структур. Для первых главными слабыми местами оказались дефицит финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов при реализации в полном масштабе крупных инновационных проектов, недополучение прибыли после продажи новшеств крупным организациям, очевидный рыночный риск и опасность разорения. Для вторых – недостаточная общая мобильность, медленное прохождение основных этапов инновационного цикла, чрезмерная перестраховка при выборе направлений развития.

Таблица 3.1

Сравнение недостатков малых предприятий и корпораций в инноватике

Малые хозяйственные системы	Корпоративные системы
Как правило, невозможность создания системы технологий и осуществления инноваций в целом	Недостаточная мобильность, гибкость в реагировании на конъюнктуру рынка
Недостаток средств для реализации крупных проектов	Излишняя бюрократизация, усложненная система управления
Сложность доступа к кредитам банков	Слабое использование стимулирующих импульсов предпринимательства
Отсутствие достаточного числа высококвалифицированных специалистов	Стремление к монопольному владению инно-фактором, сдерживающее НТП
Недополучение прибыли после продажи изобретения (технологии) более крупным организациям	Длительная продолжительность цикла создания и использования инноваций
Большой финансовый риск, слабая устойчивость, опасность разорения	Избегание риска, перестраховка и консервативность в выборе направлений разработок

Это, по сути, разнополюсные слабости, избежать которых ни та, ни другая хозяйственная система сама по себе не может. Тут нужна «золотая середина». Ее одновременный поиск двумя противостоящими сторонами приводит в конце концов или к гибели малых форм, или к появлению средних по масштабу деятельности инновационных организаций. Вот их-то рождение и существование и есть второй аспект естественных трансформаций, происходящих в ходе конкурентной борьбы «карликов» и «великанов».

Сокращение в России с 1993-го по 1998 год числа малых инновационных предприятий с 64,8 до 37,1 тысячи А.В.Ламанов правомерно рассматривает именно в этом ключе. То есть снижение количества означает не только распад, но и переход в новую стадию (иное качество). Определенная часть предприятий интегрировалась с промышленно-финансовым капиталом и перешла в производительную инноватику. И создание таких хозяйственных структур, способных замкнуть весь инновационный цикл, – наиболее оптимальный вариант среднего предприятия, остающегося близким к малым формам, но уже значительно сократившего дистанцию до корпоративной формы, до параметров монополиста. Здесь в наличии необходимые ресурсы, управленческий опыт, а главное – люди, прошедшие испытания хаосом рынка, в том числе и инновационного.

И все же ведущую роль в создании инновационно-инвестиционного климата играет государство. Правительство несет делегированную ему государством ответственность за развитие экономики со всеми ее производными, за воспроизводство капитала, ресурсов, за научное обеспечение технического и производственного потенциала страны и общества. В данной ситуации я на стороне тех, кто убежден, что расчеты на коммерциализацию науки нельзя абсолютизировать и использовать как предлог для вытеснения государства из инновационной сферы.

Более того, все очевиднее, что реформируемая экономическая система России обязана решительно менять общественный фон, нацеливать все свои ресурсы на научно-технический и социальный прогресс. Необходимы экономические предпосылки для развития инновационной деятельности на постоянной и управляемой базе. Нужен цельный экономический механизм, который бы объединил две формируемые государством составляющие – бюджетную и стимулирующую.

Пока это категории долженствования. Поменять ситуацию с долженствования на реальные действия призваны помочь новые рабочие механизмы, которые усилят инновационно-инвестиционные возможности. Создавать их и поддерживать на достойном уровне способно лишь поступательно реформируемое нормотворчество. Развитие экономических и правовых основ инноватики – встречные и коррелирующиеся процессы.

Сделать решающий рывок к новой экономике с помощью наукоемких технологий заведомо нельзя без подобающей правовой и инвестиционной базы. Стратегия такого прорыва заложена в принципиальных положениях «Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом РФ 30 марта 2002 года, №Пр-576). В этом документе переход к инновационной экономике целиком соотносится с приоритетным развитием науки, в первую очередь с фундаментальными исследованиями в сфере высоких технологий, стимулированием всех видов научно-технической и инновационной деятельности.

Спустя три года федеральным правительством были приняты «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года» (подписаны председателем правительства РФ 5 августа 2005 года, №2473п-П7). Достаточно акцентированная конкретизация позиций государства, которая прослеживается в тексте, позволяет говорить, на мой взгляд, прежде всего о трех вещах:

а) о стремлении сформировать равноправное партнерство государства и бизнеса в инновационной деятельности;

б) о введении в обиход понятия «инновационная система», предполагающего структурирование деятельности и единое управление в ранее разрозненном инновационном поле;

в) о желании иметь некие базовые показатели, которые могли бы характеризовать качество существующей (или строящейся) инновационной системы.

Что касается *пункта «а»,* то тут оценивать следует две стороны декларируемого государственно-частного партнерства. Одна сторона – позитивная, ибо отрицать полезность привлечения бизнеса, предпринимательства к инвестициям в инновационные проекты не приходится. Скажем, опыт стран с наиболее высоким уровнем развития науки показывает, что место «под солнцем» им в значительной степени обеспечивает частный бизнес. Это относится, например, к США, Японии, ФРГ, Великобритании, Франции, на которых вместе падает около 80% мировых затрат на науку. А Республика Корея, занимающая место во втором десятке стран-лидеров по совокупным показателям, имеет самую большую в мире долю частного капитала в научных исследованиях – 82% /15/.

В то же время, как указывает академик Е.М.Примаков /16/, динамика расходов на исследования и разработки за счет собственных средств предприятия частного сектора в России крайне низка и растет медленно. Ситуация такова, что нельзя не стимулировать частный бизнес к расширению его доли в финансировании инновационной деятельности – и межведомственная рабочая группа при администрации президента подготовила целый ряд законопроектов, предусматривающих субсидирование НИОКР, государственные гарантии малому наукоемкому бизнесу по банковским кредитам, таможенные льготы российским экспортерам высоких технологий, налоговые льготы производителям инновационных продуктов. Впрочем, подчеркивает нынешний глава торгово-

промышленной палаты страны, нельзя и другое – отказываться от направляющей и главенствующей роли государства в создании инновационной экономики. В России государственные средства остаются основным источником финансирования сферы научно-технических исследований.

Для справки: в Российской Федерации сегодня насчитывается около 4 тысяч научных учреждений и 70% из них – в госсобственности и имеют прямое бюджетное финансирование /17/.

В США общие расходы на НИОКР в 2002 году достигли 285,6 млрд долларов, в том числе корпоративные затраты составили 195 млрд, федеральное финансирование – 75,5 млрд, доля академического сектора – 15,4 млрд. При этом следует учесть, что в объеме инвестиций, которые сделали в 2001 году 500 лидирующих в сфере науки и технологий корпораций мира, доля американских корпораций достигла 46%, а европейских – 31% /18/.

Для справки: в США научные исследования проводятся в более чем 16000 лабораторий, из которых 14000 – промышленные, 700 – федеральные и около 2000 – университетские /19/.

Принимая во внимание, что посредством названных фактов оценивается (конечно, косвенно) потенциал предполагаемого российским правительством государственно-частного партнерства, нелишне заметить, что зоны влияния и пропорции сотрудничества разных секторов в условиях США формируются отнюдь не только стихийно. Во-первых, налицо тесная координация инновационной активности через базовые технологические центры, усиление интереса к иностранным инновационным структурам. Во-вторых, научно-техническая глобализация находит свое выражение в создании виртуальных инновационных альянсов, в основе которых сотрудничество правительства, университетов и корпоративного сектора. Существуют они на базе университетов и на них уходит минимум средств и времени, поскольку тут не требуется физической инфраструктуры – ее

заменяет сетевой мобильный и гибкий механизм. Виртуальные центры такого рода объединяют интеллектуальные возможности представителей фундаментальной науки и многофункциональные промышленные группы при сильной государственной поддержке /20/.

Но в посылах пункта «а», как уже было заявлено, есть и вторая, менее позитивная сторона. Она касается не столько самого партнерства государства и бизнеса в инновационной сфере, сколько скрытой здесь тенденции, которую, если мягко, можно называть «сомнительной», а если более жестко – то весьма опасной в российских реалиях.

Дело в том, что фактическое сужение участия государства в научных инвестициях, легко угадываемое за призывами увеличивать долю частного бизнеса в инновационной деятельности, – это палка о двух концах.

Понятны бюджетные трудности. Каждый год государственное финансирование научных исследований росло до кризиса не менее чем на 20-30%, но до намеченных Законом о науке 4% от расходов бюджета все равно еще далеко.

Характерный факт. По данным журнала «Эксперт», который совместно с АФК «Система» провел несколько ежегодных конкурсов русских инноваций, объем зарубежных инвестиций, полученных отечественными технологическими компаниями, составил за три года 281 млн долларов на всю огромную страну. Рекордным был 2003 году – 76 млн. Капля в море. При этом объем наших собственных инвестиций отстает от зарубежных на порядок. По-прежнему в инновационных отраслях доминирует программное обеспечение, инвесторы не рискуют вкладывать деньги во что-то крупномасштабное и долгосрочное /21/.

То есть мы наблюдаем картину, вполне объясняющую стремление к государственно-частному партнерству. Однако, как справедливо замечают исследователи-правоведы, в России, где именно государство всегда являлось главным субъектом социального действия и основным мотором всех преобразований, без больших усилий с его стороны еще долго не будет

сколько-нибудь заметного гражданского общества с присущими ему формами поддержки науки. И значит, что функция двигателя прогресса должна сохраняться за государством (читай: за его деньгами). Применительно к науке, инновациям речь в настоящий момент должна идти не о снижении государственных расходов под лозунгом повышения эффективности бюджетного сектора экономики, а совсем напротив – о резком увеличении этих расходов при усилении внимания государства к проблеме обеспечения эффективного использования средств бюджета по назначению /22/.

В логике и традиционного для России патернализма, и нового партнерства с частным капиталом государственная поддержка науки и вся инновационная политика власти в целом должны восприниматься в условиях рынка как однозначное принятие государством на себя стратегических рисков, связанных с непредсказуемостью результатов научного поиска, «длинной» окупаемостью вложений в фундаментальные исследования, характером широкоформатного, многоадресного и потому не всегда одинаково успешно контролируемого инновационного процесса.

Последнее особенно касается инноваций в социальной сфере.

Здесь любые затраты не могут восприниматься одномерно. Давно пора понять, делает вывод аудитор Счетной палаты РФ В.Горегляд, что социальная политика – это и долгосрочный государственный бизнес. Социальные, медицинские, образовательные программы – это инвестиции в человеческий капитал, в будущее экономики страны. Но надо научиться управлять результатами расходов. Разумный патернализм – тот, что направлен не на формирование иждивенчества, а на развитие личности, – жизненно необходим для свободы человека. Не может быть справедливым общество, где гражданин не имеет возможности свободно реализовать себя. Даже такой известный либерал, как Ф.Хайек, признавал, что манипулирование «принципом справедливости» в несвободном обществе вызывает «рост произвола, ненадежности суда и законодательства» /23/.

Как бы там ни было, партнерство государства и бизнеса предполагает некий разумный и, не исключено, справедливый компромисс в затратах на инновационные исследования и поддержание свободного творчества инноваторов. И правительственный документ, где сформулированы цели партнерских отношений, создает определенные правовые предпосылки к реализации этих целей.

Второй выделенный мною отличительный признак *(пункт «б»)* «Основных направлений политики…» – введение правительством в обиход понятия «инновационная система». В контексте предлагаемых трактовок система ассоциируется со структурой управляемой деятельности, которая включает:

- воспроизводство знаний путем проведения фундаментальных и поисковых исследований в государственных научных учреждениях и университетах страны;
- проведение прикладных исследований и технологических разработок, внедрение их результатов в производство;
- промышленное и сельскохозяйственное производство конкурентоспособной инновационной продукции;
- развитие инфраструктуры инновационной системы;
- подготовку управленческих кадров для сферы инновационной деятельности.

Сама попытка строить государственную целеориентированную систему может только приветствоваться. Как и появление инноватики в качестве новой области теоретических и практических знаний, создание в верхних эшелонах управления адекватной организующей системы для реализации инновационной политики, несомненно, закономерно. В известной степени здесь просматривается и подоплека для правовой институциональной сферы инновационной деятельности, которая предусматривала бы свою субъектно-объектную специфику, выстроенные в заданном порядке отношения сотрудничества участников инновационного процесса. И именно в таком

ключе, например, воспринимает ее профессор А.В.Мартыненко /24/. Однако, чтобы приблизиться к реальной форме системных представлений о предмете и средствах управления, сказанного в документе все же явно мало. Хотя, конечно, надо ожидать, что в последующих нормативно-правовых актах будет неизбежно происходить уточнение и заявленных позиций, и приоритетов действия.

В частности, уверен, большего внимания заслуживает централизованное начало в управлении. Это относится в первую очередь к организационным штабам и структурам, но, видимо, имеет значение и для перестройки, которую Д.Львов обозначил как «переход к новой институциональной организации процесса научного поиска». Речь идет о той интеграции, когда объединяются усилия, интеллектуальная мощь многих мыслителей вокруг лидеров нового научного направления, а индивидуальный разум, образно говоря, замещается коллективным /25/.

Несомненно, в этом русле должна восприниматься принятая федеральным правительством целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы /26/. Ее главная задача – создание условий для улучшения качества подготовки профессорско-преподавательского состава и исследователей, а также налаживание эффективной системы мотивации научного труда.

Наконец, третий *пункт «в»:* необходимость в базовых показателях для учета результатов инновационной системы. Здесь вопрос не в количестве – показателей больше или меньше, главное – сама возможность иметь постоянные критерии, чтобы отслеживать, сопоставлять и сравнивать динамику прогресса (или регресса). С этой точки зрения каждый из предложенных в «Основных направлениях политики…» показателей способен помочь правительству и ученым контролировать эффективность инновационных программ и проектов. Учитываются:

- доля внутренних затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте;

- доля предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе предприятий в Российской Федерации;
- доля инновационной продукции в общем объеме продаж продукции на внутреннем и мировом рынках;
- сальдо экспорта-импорта технологий.

Оцениваемый документ имеет одну отличительную черту применительно к теме данной главы. Он определяет в числе трех главных направлений политики в области развития инновационной системы задачи, связанные с созданием благоприятной экономической и правовой среды в отношении инновационной деятельности. Их несколько:

1. Охрана, использование и защита результатов интеллектуальной деятельности.
2. Определение правовых норм, регламентирующих использование ресурсов систем научно-технической и военно-технической информации, включая обмен знаниями и технологиями между оборонно-промышленным и гражданским секторами экономики.
3. Создание правовых условий для консолидации усилий федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления по формированию инновационной системы.
4. Расширение полномочий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований по ресурсной поддержке инновационной деятельности.
5. Разработка и реализация мер налоговой, таможенной и тарифной политики, нацеленных на стимулирование коммерциализации и внедрение в производство новых технологий.
6. Создание нормативно-правовой базы для привлечения частных инвестиций в инновационную деятельность, включая развитие форм совместного финансирования проектов за счет средств федерального бюджета и частных инвесторов.

7. Создание институциональных и правовых условий для развития венчурного предпринимательства в области наукоемких инновационных проектов.

Решение обозначенных задач предполагает совершенствование законодательной базы инновационной деятельности. И те законы, которыми пользовались раньше, и любые новые установления призваны выполнять не просто регулирующую роль, им предназначается создавать реально стимулирующий человека инновационный климат. Допустим, на предыдущем этапе важное значение в этом плане сыграл Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» (№127-ФЗ от 23 августа 1996 года). Он установил характер отношений между субъектами научно-технической деятельности и потребителями инновационной продукции, определил порядок формирования и реализации государственной инновационной политики. На его базе строились как концептуальные подходы, так и программы научно-технического и социального развития отраслей, предприятий, административных территорий.

Подзаконными актами разного уровня регулируются отдельные аспекты инновационной деятельности. Например, постановлением Госкомстата РФ от 3 августа 1998 года была утверждена форма федерального государственного статистического наблюдения за технологическими инновациями предприятий (организаций). Целый ряд соответствующих положений содержит законодательство об интеллектуальной собственности.

Приняты специальные законы, определяющие правовой режим изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, программ для ЭВМ и баз данных, топологий интегральных микросхем, товарных знаков и т.п. Инновационные отношения регулируются и международными соглашениями (Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Евразийская патентная конвенция и др.).

Вопросов, тем не менее, здесь остается немало. Один из них – отсутствие специального федерального закона об инновационной

деятельности. Как ни странно, на территории бывшего СССР подобного основополагающего документа до сих пор нет лишь в России и Азербайджане. Второй важный вопрос – об обеспечении такого законодательства, которое позволяло бы в сфере инноваций работать на опережение, иметь свободу для эксперимента и разумного предпринимательского риска.

В обществе, пусть пока и медленно, происходит осознание меняющихся приоритетов и инновационных ролей. Понимание того, что экономика основана на инновациях и именно они определяют уровень цивилизованности, давно откровением не является. Зато сложнее понять действительный и полный смысл инновационной экономики, скрытый за уже привычными, но все-таки не до конца проявленными словами. По-моему, директор Курчатовского института М.В.Ковальчук /27/ прояснил этот смысл наилучшим образом, заявив, что инновационная экономика может существовать только в той общественной формации, где наука становится неотъемлемой частью промышленного производства и непосредственной производительной силой.

Насколько таким критериям реально соответствует сегодняшняя ситуация? Глава ведущего российского научного центра видит вполне обнадеживающую тенденцию. Вплоть до XX века время, которое требовалось, чтобы придуманное новшество стало частью экономики, могло быть бесконечно долгим, поскольку наука мало соприкасалась с повседневной жизнью. В постиндустриальном обществе время от рождения идеи до ее внедрения стремится к нулю. Внедрение идет с колес – компьютер и мобильный телефон становятся устаревшими в тот момент, когда их выпустили на продажу. В интегральной схеме, которая стоит сотни миллионов долларов, очень мало исходных материалов, но очень много «науки». И сейчас именно интеллектуальный труд выступает безоговорочной доминантой в любой инновации.

При всем том, конечно, о каком – то приближении к искомым моделям говорить рано. Насколько эффективной может быть в будущем складывающаяся инновационная система, покажет время. Пока можно лишь утверждать, что инновационная экономика так или иначе обозначает себя в большинстве правовых установлений по поводу инновационной и изобретательской деятельности. Все коррелирующиеся процессы – ничто иное, как отражение адаптационных возможностей системы управления, которая главенствует над ними. Чтобы совершенствовать финансово-экономическое и организационно-правовое обеспечение нововведений, надо реально представлять и управленческий механизм инновационной деятельности, его корригирующий потенциал.

Источники

1. См.: *Морозов А.* Кризис с приставкой «пост»//Независимая газета. – 2009. – 22 апреля.
2. Известия. – 2009. – 13 марта. – С. 9.
3. *Архангельский В.Н.* Экономика инновационной деятельности в малых организационных формах. – М., 1997. – С. 7.
4. Там же. – С. 8.
5. *Гончаров В.В.* Руководство для высшего управленческого персонала. – М., 1997. – Т.1. – С. 62.
6. *Архангельский В.Н.* Указ. соч. – С. 8-9.
7. *Идрисов А., Потоцкий И.* Новая индустриализация: как преодолеть экономическую патологию // Независимая газета. – 2009. – 28 апреля. – С. 7.
8. *Миллер Д.* Анализ по критерию «затраты-выгоды» // Эффективность государственного управления: Пер. с англ. – М., 1998. – С. 341.
9. Экономика и жизнь. – 1996. – №38.
10. *Гончаров В.В.* Указ. соч. – С. 224.
11. Там же. – С. 224-225.

12. *Серегин А.С., Щербаков Л.А.* Управление малым бизнесом: опыт и проблемы развития. – М., 1994. – С. 12-13.

13. *Иванов В.В.* Триада приоритетов // Инновации. – 2003. – №5. – С. 39.

14. См.: *Ламанов А.В.* Вынужденный монополизм: Социологические аспекты инновационной деятельности. – М., 2001. – С. 39, 92-93.

15. См.: *Викторова Л.* Двойки и пятерки мозгового штурма // Литературная газета. – 2005. – 25 сентября.

16. *Примаков Е.М.* Приоритеты развития//Российская газета. – 2007. – 2 октября.

17. См.: *Морозов А.* Указ. соч.

18. *Тюрина А.В.* Об источниках и формах финансирования инновационной деятельности // Ученые записки РГСУ. – 2004. – №2. – С. 117-118.

19. *Иванов В.В.* Указ. соч. – С. 38.

20. *Тюрина А.В.* Указ. соч. – С. 118.

21. См.: *Рылов А.* Нефть, газ, водка, Калашников и… // Литературная газета. – 2005. – 15 февраля.

22. См.: Законодательство о науке: Современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. д.ю.н. *В.В.Лапаева.* – М., 2004. – С. 8.

23. *Горегляд В.* «Идея справедливости вновь стала овладевать умами» // Известия. – 2005. – 29 августа.

24. *Мартыненко А.В.* Высокие технологии и высшее образование // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – №1. – С.65.

25. См.: *Львов Д.* Контуры будущей России // Завтра. – 2006. – Ноябрь, №47.

26. Постановление правительства РФ от 28 июля 2008 года. №568 «О федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы»//Социальные технологии, исследования. – 2009. – №1. – С. 78-95.

27. *Ковальчук М.В.* Для успеха инновационной экономики надо освоить парное катание// Известия. – 2008. – 26 декабря.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Что имеется в виду, когда инновационная деятельность характеризуется как фактор экономического развития?
2. Какое место вы отвели бы экономике в ресурсной базе нововведений?
3. Чем отличаются экономические условия в малых, средних инновационных предприятиях и структурах монопольного типа?
4. Какой вам представляется государственная инновационная политика?
5. Какие стороны правового обеспечения инновационных процессов наиболее существенны для российской действительности?

Экспертиза

Что из предлагаемых вариантов можно считать, на ваш взгляд, экономическими стимулами нововведений, а что нет и почему?

– включение затрат на инновации в стоимость совокупной товарной массы, производимой в данной организации;

– наличие целевых программ государственной поддержки инновационной деятельности (на уровне малых предприятий и фирм, отраслей, научно-технических направлений);

– получение кредитов на программы развития предприятий и организаций;

– сдельную форму оплаты труда разработчиков и реализаторов нововведений;

– систему льгот по уплате налогов на исследование и разработку новых идей и жизненно важных продуктов.

Строка в Закон

Это не задание. Вы – член комиссии, готовящей законопроект об инновационной деятельности. И вам дано право предложить в будущий государственный документ статью «о чем хотите». Какую тему для себя вы предпочтете? Каков ее лейтмотив?

«Капитал» и прибавочная стоимость

С 14 мая каждое воскресенье в телепрограмме «Капитал» пять крупных бизнесменов покупают хорошие идеи.

А у вас есть хорошая идея?

(«Новая неделя», 2006, №20)

Оцените перспективу такой акции.

Может ли «открытый экран» сохранить ваши авторские права на новшество?

Выдача грантов под бой курантов

Московское правительство выделяет гранты на прикладные научные исследования в области инновационного развития. Разные по своему денежному содержанию, они будут прежде всего предоставляться ученым и изобретателям. Эта «привилегированная» категория получит их до 30 в год (по 0,5 – 1,0 млн. рублей каждому инноватору).

Общий объем финансирования инновационной системы в столице составит на 2008-2010 годы около 7,8 млрд рублей.

(«МК», 2008, июнь)

Включайтесь в творческий конкурс!

Глава 4. Технологии управления инновационными процессами

Существует несколько общих по своему характеру концептуальных мотивов, без уяснения которых было бы трудно оценить суть подходов к управлению в современных условиях (не только, кстати, российских). Причем все они напрямую проецируются на инновационные процессы – и в первую очередь потому, что нововведения неизбежно концентрируют в себе поисковые управленческие технологии, отражают саму направленность цивилизационной мысли.

Каждый из мотивов – это и информация к размышлению, и методологический подтекст, который отнюдь не помешает как конструктивной, так и критической оценке тех или иных подходов. Некоторые сопутствующие вопросы, проблемы, темы могут порой казаться разнопорядковыми, но путь от простого к сложному или, наоборот, от сложного к простому, увы, не бывает одномерным и прямым, хотя кому-то этого и хотелось бы.

В первой главе, напомню, мы исходили из того, что нововведения есть форма управляемого развития. Такой широкий философский смысл подразумевает и многоэтапность деятельностного процесса (от рождения идеи до ее внедрения), и диффузный управленческий эффект, и разнохарактерные, контролируемые и регулируемые обществом последствия любых локальных или сложноорганизованных, длительного действия новаций.

Подчеркивалось, что именно из нововведений и состоят подлинные изменения, касаются ли они овеществленных продуктов или неких социальных достижений, гражданских инициатив. Была показана диалектика предпринимательского подхода, использующего инновации – в вынужденном варианте – как средство защиты частных рыночных интересов. Последнее даже сформировало устойчивый односторонний взгляд, приписывающий все положения современной теории нововведений сугубо

рыночной экономике. По мнению сторонников столь гипертрофированной версии, объединяющим условием управляемого инновационного механизма является наличие рыночной среды – без нее отрицается сама возможность естественного возникновения нововведений.

Полагаю, рассмотрение управленческих аспектов инновационных процессов помогает определиться в неправомерности любых однополюсных взглядов, ибо эффективность организационных усилий, способы достижения результативности нововведений иллюстрируют жесткие и многогранные взаимозависимости. Рыночная среда – это не только производство и продажа товара. Это люди и широкая социальная инфраструктура, масса ее производных элементов. Когда под таким углом зрения рассматриваешь задачи управления, то даже давно знакомые проблемы приобретают совсем иную окраску, свои неожиданные оттенки и объяснения.

Немецкий философ и экономист П.Козловски мог бы предложить для наших рассуждений свою ключевую преамбулу. По его представлению, рынок – это система правил, позволяющих установить существенные и предсказуемые для управления процессы и результаты, но в их рамках можно познать и заранее описать только системные структуры и типы действий, а не действия индивидуальные. Управляемая плановая система, напротив, предполагает программирование всех возможных этапов деятельности, величину затрат и результатов, а экономический процесс в целом интерпретирует как процесс максимизации целей, оставляя индивидуальные поступки и действия в качестве инструментальных его функций. Слабость рыночной системы, делает вывод профессор из Ганновера, состоит в том, что нельзя зафиксировать совокупный результат процесса, его итоговое распределение или конечное состояние, они остаются открытыми и неопределенными. Впрочем, отмечает он, «эта результативная открытость рынка создает вместе с тем условия для индивидуального целеполагания и целеосуществления» /1/.

Со своей стороны замечу: в рыночной среде при описываемых ее особенностях нововведение как форма управляемого развития не может обеспечить завершенного результата (исключения – не в счет), а следовательно, невозможно говорить о какой-то особенной природной совместимости (или даже родстве) свойственных рынку и свойственных инновациям методов управления. Конкурентные законы могут диктовать свою идеологическую тактику и последовательность действий, но это не значит, что внутренний организационный порядок в инновационном процессе должен им целиком подчиняться. Он сумеет и будет иметь собственные управленческие критерии и установки.

Что касается отмеченных немецким коллегой рыночных условий для индивидуального целеполагания и целеосуществления, то вряд ли они чем-то принципиально могут отличаться и от принятых в любом управленческом процессе правил поведения, и от совокупного процедурного действия (в том числе при разработке инноваций).

Ведь что как элемент управления означает *целеполагание*? Определение цели, при котором в том или ином варианте и объеме, соотношении присутствуют некие исходные мотивы-формы. *Целеустремление* – мечта, фантазия, интуитивное желание. *Целеоснование* – ситуация, потребности, заказ. *Целепостановка* – идея, образ, проект. *Целеориентиры* – рейтинг проблем, приоритетов, экспертные оценки, диагностические заключения.

А что как элемент управления означает *целеосуществление*? Это, по крайней мере, два направления. Во-первых, *целеобеспечение* предполагает расчет и привлечение необходимых человеческих, финансовых, материально-технических, коммуникативных и пространственно-временных ресурсов. Во-вторых, *целепостижение* – организация управляемого процесса, в котором предусмотрена траектория движения к результату, поэтапная детализация использования технологических средств в рамках реализуемого проекта.

Словом, немало оснований утверждать, что независимо от сферы применения – в рыночных условиях или нет – подходы к управлению нововведениями не могут радикально отличаться от известных организационно-управленческих стандартов. Не случайно в первой главе мы определяли инновационный процесс как последовательные стадии реализации нововведения от идеи до получения конечного результата с использованием *принятых управленческих технологий.*

Другое дело – какие из принятых технологий считать соответствующими времени перемен, преобразований в обществе. Пограничье веков, как мы говорили, своими календарными сроками подстегнуло если не сам глобальный процесс земных изменений, то уж остроту его восприятия – точно. Возник иной акцент и в понимании соотношения верхнего и нижнего условных уровней инновационного процесса. Больше того, есть смысл, видимо, отдельно вычленять и рассматривать задачи прикладного технологического уровня и глобального инновационного управления.

Если говорить о первом, то здесь следует иметь в виду: а) *структуру инновационного процесса* – она предполагает некое содержание, некие субъектно-объектные отношения, некую организацию действий по достижению целей, результата; б) *основные стадии процесса* – зарождение и оформление идеи, ее реализация, диффузия, рутинизация; в) *внешние условия,* сопутствующие процессу – прежде всего социокультурные и организационно-управленческие.

Если брать во внимание второе, то тут ясности меньше и, полагаю, можно лишь чисто субъективно выбирать ту или иную оценочную логику. И здесь, мне кажется, стоит прислушаться к наблюдениям и заключениям специалистов.

Р.Мак-Гоун и Р.Спаньола (Денверский университет, США) отталкиваются от того, что инновационный процесс внутри организации нередко оказывается критическим фактором конкурентоспособности в

условиях все более состязательной и меняющейся среды. Исследование инновационного управления в 400 организациях позволило обнаружить, что новые технологии имеют решающее значение в масштабах всех отраслей, но очень часто при производстве новшеств отсутствуют эффективные механизмы оценки и управления /2/.

В значительной мере, надо полагать, это связано с недостатками стратегического мышления, недоучетом междисциплинарной природы решений, в которых нуждаются нововведения. Во многих современных исследованиях подчеркивается необходимость осознания значения *организационных изменений* в ходе стратегических решений относительно выбора направлений развития и вложения средств. Хотя концепция организационных изменений имеет очень широкий смысл в приложении к управлению, ее применение в области технологий инновационного управления отличается особым своеобразием. Оно основано на нескольких важных параметрах – жизненном цикле самой технологии, жизненном цикле продукта и жизненном цикле организации. Появился даже характерный термин – *организационное сопряжение*. Суть его определяет потребность учитывать и интегрировать в инновационную деятельность одновременно несколько процессов.

Организационное сопряжение в более масштабном виде можно идентифицировать как последовательные взаимосвязанные и взаимообусловленные фазы. При этом успешные изменения включают в себя два ключевых элемента: перераспределение управленческих, властных полномочий с упором на их разделение между многими субъектами и изменения в интересах развития. Критически важными составляющими, считают американские ученые, являются «генеральный план» и более высокая степень участия людей в организационных изменениях на всех уровнях /3/.

С иного поля делает заход к глобалистике и еще выше поднимает ее планку российский исследователь П.Г.Щедровицкий. По его заключению, во второй половине XX века инновационная деятельность (от научных

открытий до управления внедрением) превратилась в самостоятельный хозяйственно-экономический уклад, ориентированный на создание новых технологий и получающий часть мирового дохода в формах технологической ренты. Алгебра этого уклада – экономическая конкуренция, основное оружие – бренд (товарный знак). Причем производство знаков и знаковых систем, управляющих массовым поведением, становится ведущим сектором инновационной экономики.

Стратегический бренд-менеджмент за счет рекламы сначала обеспечивал торговлю товарами, а затем, – внимание! – начав *торговать стилями жизни*, не только превратил рекламу в ведущий элемент современной культуры, но и незаметно открыл дорогу еще одной ипостаси меняющегося мира. Исследования природы и ее среды все больше вытесняются исследованиями деятельности человека и общества. Традиционные институты науки замещаются институтами управления и обеспечивающими их *технологиями методологического мышления* /4/.

Два момента у П.Г.Щедровицкого, несомненно, заслуживают комментария. Конечно, принципиальна констатация появления «технологической ренты», хотя я предпочел бы здесь термин более близкий к нововведениям – ренту заслуживают именно инноваторы и те структуры, включая государственные, которые дальновидно инвестируют нужные средства. Однако еще значимее, на мой взгляд, тезис об управлении с помощью экономических и социальных инноваций массовым поведением, сознанием, что выливается в торговлю «стилями жизни» (скажу резче: «образом жизни»). Это не просто «заслуга» инновированных знаковых систем. Это уже целое *знаковое явление*! На него необходима реакция общества. Ему необходима адекватная форма межгосударственного, транснационального управления.

В сказанном нет преувеличения. Инновации в информационную эру не признают территориальных границ – интернет-империя стремительно растет, нововведения в этой области человеческого общения форсированно ведут к

формированию иной психологии восприятия проблем, еще недавно казавшихся бредом, а не брендом; люди столь интенсивно обмениваются информацией, что новшество подчас тиражируется самым непредсказуемым (а то и просто контрафактным) способом.

Информационные глобальные сети, автоматизированные гибкие производственные и коммуникационные системы, прочие современные технологии существенно корректируют содержание, мотивы и условия управленческого труда. Как мне с моим коллегой уже приходилось отмечать /5/, интеллектуализация и креативный характер такого труда, рост информационной, нервно-эмоциональной нагрузки, расширение сфер ответственности требуют от людей более высокого уровня знаний, новых профессиональных компетенций, творческих и коммуникативных способностей, умения работать в команде, устойчивости к стрессам, навыков самоорганизации. Трансформируются глубинные пласты организационной культуры и стиля руководства. Причем не каждая складывающаяся тенденция, если смотреть реально, обозначает только позитив, поступательное развитие. Некоторые из них создают хотя и временные, но серьезные проблемы в структурах управления.

Нарастающие технологические и человеческие сложности остаются, тем не менее, адекватными характеру инновационных изменений. И с этой точки зрения все современные процессы одинаково взаимообусловлены самой глобальностью цивилизационного прогресса. Закономерно, что появление компьютера привело к информационной революции и ускорило рождение нанотехнологий. Но закономерно и то, что появление таких масштабных нововведений, как интернет-сеть, предопределило и новые проблемы в нашем восприятии управления.

Когда в предыдущей главе оценивалась правительственная система управления инновационной деятельностью в стране, были видны многие не очень прочные стыки структурного, процессного, межотраслевого плана. Значит ли это, что существующие сложности и сама природа наблюдаемых

изменений не предполагают достойного нас регулирующего участия? Отвечу на этот вопрос словами упоминавшегося уже мною Феликса Янсена: «…мы не говорим, что инновациями легко управлять! Нисколько. Однако мы полагаем, что риски, связанные с этим, становятся намного меньше, возможности намного больше и операционные трудности преодолимы, если инновационный процесс хорошо понят и должным образом управляем» /6/.

Признание определенного несоответствия теории и практики управления современным инновационным задачам не следует, разумеется, воспринимать излишне категорично. Существуют и продолжают работать проверенные опытом десятилетий управленческие технологии. Их только надо совершенствовать. Однако прежде – знать, научиться ими пользоваться. И уж потом – совершенствовать.

Меня могут упрекнуть в долгом «запрягании коней», но все-таки сделаю еще некоторые пояснения.

Во-первых – о терминах и понятиях. Управление, как правило, определяют в качестве целенаправленной деятельности, связанной с реализацией властных функций в рамках той или иной системы, воздействием субъекта (управляющего) на объект (управляемого). Аналогично любой деятельности, управление зависит от условий, в которых оно осуществляется, специфики элементов взаимодействия (типы личности, группы, организации), предметной среды – производственной, политической, социальной и т.д. /7/.

Мне представляется более уместным и универсальным другое определение, где находит свое косвенное отражение именно специфика инновационного управления. Я сформулировал бы так: *«Управление есть функция социальных, биологических, технических систем, обеспечивающая им сохранение структуры и определенного состояния (перевод в другое состояние) в соответствии с имеющейся программой или сознательно поставленной целью».*

В русле этого оправданна и такая трактовка социального управления, где оно выступает *организованным воздействием на общество и его структурные звенья в целях их упорядочения и развития в рамках заданной качественной определенности.*

Во-вторых – о соотношении управления и технологий его осуществления (чтобы не возникло предубеждения по типу «масло масляное» или «соль соленая»); об особом месте в этом ряду социальных технологий, поскольку в большинстве своем инновации (даже технические, машинные) так или иначе связаны с человеком как их пользователем.

Интерес к технологизации управленческой деятельности, к социальным технологиям в частности – закономерность и общецивилизационного процесса, и последствий той мощной преобразующей интервенции, которая коснулась всех сторон окружающей нас жизни благодаря успехам высоких технологий и тотальной информатизации.

Естественно, цель технологизации в любой сфере – прежде всего повышение эффективности, суммарной отдачи какой-либо действующей системы. Логика выбора здесь очевидна: оптимально организованный, нормативно упорядоченный процесс всегда предпочтительнее спонтанных, разрозненных, малопросчитанных и недостаточно ориентированных практических шагов. Вопрос же организации и использования технологии при этом упирается в одно – готовность или неготовность людей понимать рабочую схему (нововведения или рутинного процесса) и адекватными средствами решать предлагаемые технологические задачи.

Есть определенная ясность, на чем зиждятся представления о могуществе технологий нынешнего поколения. Они основываются на исторических трансформациях, приведших понимание предмета *от рождения* самого термина «технология» (И.Бекман, 1772 г.), использовавшегося на первых порах для обозначения методов обработки сырья и материалов, а позднее трактовавшего уже способы преобразования энергии и информации, свойства техники, выраженные в чертежах и

инструментарии, правилах эксплуатации механизмов, инженерных проектов, *к появлению* традиций М.Хайдеггера и Дж.Гэлбрейта, когда в обиход вошли по их протекции «нетехнические технологии», которые определялись как систематизированное применение научного (строго организованного) знания для решения практических задач. Последнее, собственно, и дало основание говорить о технологии деятельности, технологии управления отдельными сторонами общественной жизни и общества в целом.

И, наконец, есть тот базисный мотив технологизации, который носит уже более узконаправленный характер, однако для актуализации инновационной темы принципиален: нынешняя максимально оснащенная компьютерной электроникой технология «научена» подобающему языку и с удобствами алгоритмизирует управленческую деятельность, а следовательно, и без особого труда может быть многократно использована, тиражирована для решения близких по смыслу задач.

Методологически технологии управления инновационными процессами более всего близки к социальным технологиям, социальной инженерии. Большинство исследований – и вполне резонно – рассматривают социальную инженерию как разновидность управленческой деятельности и, кроме того, считают само понятие «социальная инженерия» символически обобщенной формой выражения инженерного подхода в социальной сфере /8/.

Именно с учетом родового сходства технологических видов к задачам методологического обеспечения технологизации управленческой деятельности целесообразно приступать, в полной мере используя уже апробированные приемы, методы, критерии социальных технологий.

Нельзя игнорировать, в частности, тот факт, что социальные управленческие технологии, по-видимому, единственный тип технологического процесса, построенный не столько на отношениях субъекта и объекта, сколько на субъект-субъектных отношениях. Надо помнить, что всякая подобная технология опирается на некий обязательный фундамент,

который включает в себя необходимость постоянного и глубокого изучения как общества в целом, так и его структурных элементов, находящихся в зоне социального влияния и управляющего воздействия, а также требует операционализации процессов и единства процедур. Сюда же следует добавить высокое субъективное содержание и значение для технологий незаурядных личностей – участников организующей деятельности.

С точки зрения разработки и практического использования управленческая технология в инновационном процессе может рассматриваться с разных исходных позиций.

На этапе создания технологий должны быть обоснованы прежде всего основные управленческие действия. В их числе: а) выбор решений, контроль и регулирование адекватных ему форм деятельности; б) унификация управления за счет рационального сокращения операций; в) определение четких содержательных и временных границ для оптимального включения в дело каждого исполнителя; г) организация постоянных информационных потоков и обработка полученных данных на ЭВМ.

В более прикладном плане за этим стоят разделение процесса на последовательные операции, фазы, поэтапная координация действий во имя достижения программного результата, безусловное выполнение в заданных параметрах всех процедур, вошедших в технологический ряд.

Но можно к созданию технологии управления инновационной деятельностью подойти и с позиций более глобальных, имея в виду многоаспектные и масштабные цели. В таком случае подготовка включает несколько предварительных этапов (допустим, делаются прогнозные разработки относительно состояния объекта, формируются критерии целеполагания, соответствующие функциональные установки, пространственно-временная структура, выбираются организационные параметры дальнего прицела и т.д.), и только затем полученные данные складываются в единую организованную систему.

Правильно сформированная технология задает системе управления программируемые ей и ее компонентам результирующие свойства и качества, обеспечивает рациональность процесса за счет систематизированных наукой знаний и апробированного опыта.

Функции управления инновационными процессами можно сгруппировать по пяти основным направлениям: а) *диагностика* – анализ ситуации, выявление проблем; б) *генерация идей, прогноз* – рассмотрение автохтонных (рожденных самостоятельно) и аллохтонных (привнесенных извне) альтернатив, выбор и коррекция целей, перспектив изменений; в) *программирование*
(проектирование) – определение этапов, сроков, технологий, средств решения задач; г) *организация* – выстраивание рабочих структур и связей, обеспечение реализации нововведения; д) *контроль и оценка результатов* инновационной деятельности.

В русле каждого из направлений возникают свои дополнительные функциональные обязанности – нормативно-правовые, научно-методические, охраны труда и техники безопасности и т.п. Отдельно, в соответствии с уровнем, масштабом инновационной программы, определяются поддерживающие меры, цель которых максимизировать инновационный потенциал организации, создать мотивы и стимулы для творчества, активизации кадровых ресурсов.

Быстрое и результативное нововведение, справедливо декларирует В.С. Толстой, возможно лишь тогда, когда оно базируется на обстоятельном организационном проекте. Содержание его зависит от того, на какие факторы намерен воздействовать орган управления: технические, технологические, социальные, демографические, социально-психологические и т.д. По сути, проектировать динамику всех этих факторов очень трудно, ресурсы разработчиков и исполнителей, как правило, очень ограничены. Более перспективным считается управление одним из них – предикативными

отношениями, складывающимися внутри организаций. Они могут существенно влиять, в частности, на сроки освоения новшеств /9/.

Чтобы сформировать реальное содержание проекта, нужна та диагностика, которая названа в числе основных функций управления инновациями. В своем исследовании В.С.Толстой рассматривает два характерных для нее вида анализа – внутренних и внешних взаимодействий. Подобный сетевой анализ не является, понятно, самоцелью. Он предпосылка следующего этапа – синтеза полученной информации, чтобы: а) на основе частных данных составить целостную картину состояния оргсистемы; б) регламентировать способы взаимодействия ее элементов. Проект – своего рода модель будущего поведения, если точнее – система нормативных моделей поведения, предписываемого отдельным людям и социальным образованиям /10/.

Независимо от внутриорганизационных факторов или инновационных мотивов управляющая система вправе выбирать позиции, где обозначают себя узловые проблемы и на чем главным образом сосредоточено внимание руководителей. На мой взгляд, этим позициям вполне отвечает матрица управления, предложенная профессором Ю.Д.Красовским (см. таблицу 4.1)

Таблица 4.1

Матрица инновационной организации управления

Этапы нововведений	**Организация управления**		
	Политика управления	**Технология управления**	**Культура управления**
Осознание необходимости перемен	Перераспределение власти и делегирование полномочий	Перераспреде-ление ресурсов	Отработка целей и новых ценностей персонала
Новое видение	***	***	***

организации			
Подготовка нововведений	***	***	***
Апробация нововведений	***	***	***
Внедрение нововведений	***	***	***
Контроль нововведений	***	***	***
Оценка результатов нововведений	***	***	***

Примечание. Три точки означают развертывание процессов инновационного управления по трем указанным в первой (верхней) графе позициям: перераспределение власти и делегирование полномочий, перераспределение ресурсов, а также отработка целей и новых ценностей персонала.

Такая матрица при ее заполнении позволяет выдать достаточно полные рекомендации по всему спектру проблем управления – политическому (стратегическому), технологическому, культурологическому (поведенческому). Левая колонка, содержащая аналоги обозначенных нами ранее функций и этапов управленческого цикла, предлагает определиться по перераспределению полномочий, ресурсов, отработке новых ценностных ориентиров для персонала на подготовительных стадиях нововведения, апробации и внедрения инновационного проекта, а также при выполнении контрольных функций и подведении итогов программных преобразований /11/.

Но одно дело заполнить матрицу и другое – сделать запроектированное работающим, поддающимся управлению. Автор столь многообещающей методы, проверяя ее действие на практике, столкнулся с массой

психологических барьеров как сверху (со стороны руководителей высшего уровня), так и в горизонтальном управленческом поле (среднее звено руководства). В одной из глав раздела «Практическая инноватика», где пойдет речь о сопротивлении нововведениям, нам еще придется коснуться матричной темы. Отметим пока вместе с профессором Красовским недостаток, ставший, согласно его наблюдениям, типичным при расстановке управленческих акцентов в инновационных программах.

Основное внимание (и это логично) организаторы инноваций уделяют отработке диагностики и генерации идей, схем управления процессом реализации технологий нововведений. Чтобы запустить новшество в большое и серьезное плавание, нужна определенность в том, чем предстоит заниматься. Но акцент на внутреннем содержании непроизвольно оставляет в тени все очевидные стыки со структурами «внешнего круга». Противоречие между содержанием дела и в то же время обособленностью организующих действий становится уже изначально причиной возникновения разнохарактерных и разноуровневых конфликтов. Напряжение нарастает и потому, что выделенные под инновационную программу ресурсы «оттягиваются» из других подразделений /12/.

Управленческие системы и схемы, которые рассмотрены, при всей своей типичности и повторяемости предполагают целевой (разовый) режим востребованности. Каждый раз это свой проект, своя тема. Могут ли существовать на предприятии, в организации, отраслевой системе инновационные управленческие коммуникации, рассчитанные на постоянный режим работы? Утвердительно отвечает на этот вопрос Ю.Д.Красовский, анализируя опыт «подсказывающей инноватики» в Перми, Уфе, Вологде и других городах, где ему пришлось участвовать в проектировании подобных коммуникаций.

Неуправляемую сферу «коммуникационного пространства», считает профессор, можно постепенно трансформировать в управляемую, если разбудить интерес работников к самим себе и делу, создав

самонастраивающуюся систему управления по отклонениям. Самонастройка такой системы реальна, когда «снизу» по каналам «горячей связи» поступает информация, свидетельствующая, с одной стороны, о неблагополучии в «коммуникативном пространстве», а с другой – подсказывающая, как это неблагополучие преодолеть. В отечественной практике прошлых лет в этой роли выступал «телефон доверия», который функционировал на предприятиях, принявших концепцию управления по отклонениям.

Формирование коммуникаций через стимуляцию обратных связей в конечном счете дает большой инновационный эффект, если устранить те организационные преграды, которые мешают работникам свободно общаться между собой. В этом смысле классическая программа инновирования, заслуживающая войти в стратегические достижения отечественного менеджмента, была разработана в 1980-х годах директором одного из приборостроительных заводов В.И.Угаровым. Она действовала на основе стимуляции инициативных предложений «снизу» и стала главным направлением инновационной деятельности всего управленческого персонала.

Авторы системы инновационных управленческих коммуникаций глубоко продумали организационные и поощрительные методы поддержки ответственного делового поведения людей. Были организованы заводские советы разных уровней под девизом «Прогрессивная мысль – производству» (ПМП). Те идеи, которые не могли быть запущены в дело на своем уровне, передавались выше, вплоть до директора. Каждый уровень столь разветвленной сети коммуникаций различался по весомости решаемых задач, по степени контроля, по возможности внедрения, по срокам отдачи, но ничто из инициатив не пропадало: у директора накапливался банк идей, которым он оперировал по ходу меняющейся ситуации и рыночной конъюнктуры. На этой базе в конце концов была создана и своя инновационная стратегия управления, и отработана та технология инновационных процессов, где любое звено знало «свой маневр» /13/.

Управление творчеством и инновациями с использованием принципов построения отношений с людьми попыталась в свое время на материалах американских корпораций оценить В.Громыко (МГУ). Она отметила несколько характерных признаков управленческой стратегии и тактики:

1. *Тяготение к организационным структурам с жестким контролем.* Им присущи немногочисленные штаты и эффективное использование временных творческих групп (команд), децентрализованное принятие решений и множественность центров распоряжений.

2. *Ориентация на человеческий фактор.* Поощряется внутренняя ротация кадров и их взаимодействие. За этим – теоретическое положение о трех стадиях на рабочем месте: социализация, инновационная активность и психологическое привыкание.

3. *Высокий уровень коммуникации между научными дисциплинами.* Когда проблема управляемо штурмуется с разных сторон, образуются новые информационные комбинации – и инновационные структуры стремятся максимально включить этот ресурс.

4. *Применение стиля, называемого «участие в управлении».* По мнению экспертов, работники должны быть вовлечены во все фазы внедрения новой технологии и принятия решений – такое участие предупреждает сопротивление персонала нововведениям.

5. *Использование комплексных мотивационных систем.* Подразумевает формы и методы материального поощрения инновационной деятельности, включая самый широкий набор мер социально-психологического воздействия на производственно-бытовом и досуговом уровне.

То есть, иначе говоря, одной из актуальных задач стала – причем уже реально – необходимость формировать и развивать новую корпоративную управленческую технологическую культуру. Во имя роста инновационной активности /14/.

Технологии управления инновационными процессами с их неизбежной ориентацией на человеческий фактор (при сохранении, естественно, и общих принципов кибернетической процессной модели) во многом совпадают с социальными технологиями. Последние, как известно, представляют собой определенным образом организованные (алгоритмизированные) процедуры, операции, приемы, предназначенные для социально обусловленных сфер человеческой деятельности. В их содержании присутствует общественно значимая цель, которая проецируется на интересы личности и тем самым предлагает ей соучаствовать в достижении оптимального социального результата при реализации неких задач или проектов.

Определяя именно так особенности социальных технологий, я нахожу совпадение прежде всего в самих мотивах технологизации инновационных и социальных процессов. Для тех и других в одинаковой мере необходимы перечисляемые специалистами /15/ исходные условия: наличие объекта достаточной сложности, со своими элементами структуры, закономерностями их функционирования; наличие субъекта управления, способного формализовать реальные процессы и представить их в виде показателей, операций, процедур, создать инновационную среду для воспроизводства и обеспечить должный уровень управленческого воздействия. При этом эксперты сходятся в том, что все технологические звенья будут работать эффективно только при хорошей организации, тесной стыковке материалов и алгоритмов одного этапа с модельными ожиданиями этапа последующего.

Обычно модель инновационного процесса в принятом коммуникационном пространстве организации предполагает четыре крупноблочных этапа /16/:

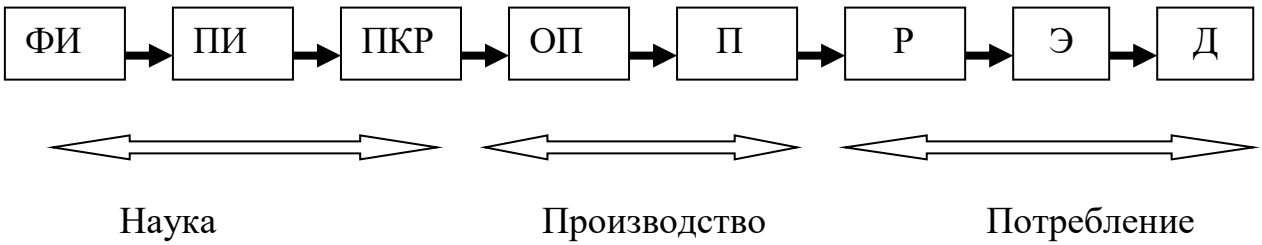
1. Одобрение новшества (решение об освоении).
2. Проверка, т.е. внедрение новшества в часть организации для оценки его возможных последствий.

3. Полномасштабное внедрение, встраивание новшества в существующую структуру и деятельность организации.

4. Институционализация – процесс лишения новшества статуса "нововведение" и превращения его тем самым в неотъемлемую часть действующей системы.

Замечу: четвертый этап – не столько технологическое действие, сколько констатация завершения производства нового продукта. Инновация становится естественной частью текущей деятельности организации и окончательно приобретает потребительский статус.

По сравнению с таким более локализованным вариантом многие современные модели управления включают довольно детальные и разветвленные построения. Причем технологической пространностью отличаются даже относительно простые из них. По мнению А.А.Бовина, Л,Е.Чередниковой, В.А.Якимович /17/, наиболее простой моделью инновационного процесса служит инновационная цепь, которая включает полный научно-производственный цикл, состоящий из технологи чески связанных автономных этапов и стадий (рис. 4.1).



Стадия "наука" в инновационной цепи имеет в виду:

- фундаментальные исследования (ФИ);
- прикладные исследования (ПИ);
- проектно-конструкторские работы (ПКР).

На стадии «производство» идет реализация результатов предыдущих

этапов цикла:

- освоение производства продукции (ОП), которое предполагает полную информационную, техническую и организационную подготовку используемой системы;
- собственно производство продукции (П).

Стадия "потребление" включает следующие этапы:

- реализация новой продукции (Р);
- эксплуатация новой продукции потребителем (Э) – с возможным обслуживанием пользователей со стороны производителя новшества;
- диффузия новшества (Д).

Все рассмотренные в главе аспекты темы в конечном счете позволяют, как представляется, определить *технологию управления инновационными процессами в виде упорядоченных и контролируемых действий по организации разработки новшества, обоснованию его перспектив, внедрению в практику и достижению прогнозируемых результатов с минимальными затратами и издержками.*

Технологизация инновационного управления, добавлю еще и это, перекликается с мотивами всеобщей модернизации. Меняются традиционные основания жизнедеятельности общества, элитарные, договорные принципы всемерно проникают в гражданские отношения, на очереди рациональная переорганизация всех связей меду людьми на началах эффективности, прагматизма, минимизации затрат.

Такая перспектива заставляет ученых, аналитиков с опаской делать какие-либо обязывающие умозаключения. Можно быть уверенными, например, что эффективны и полезны сейчас глобальные информационные сети. Но есть ли основания быть удовлетворенными качеством, направленностью, духовным содержанием некоторых социальных нововведений?

Впрочем, для успокоения давайте будем считать, что технологизация инновационного управления не стоит на обочине прогресса.

Источники

1. *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм: Пер. с нем. – М., 1998. – С. 267.
2. *Мак-Гоун Р.*, Спаньола *Р.* Разработка новых технологий // Эффективность государственного управления: Пер. с англ. – М., 1998. – С. 760.
3. Там же. – С. 761.
4. *Щедровицкий П.Г.* Русский мир: Возможные цели самоопределения // Независимая газета. – 2000. – 11 февраля.
5. См.: *Заречкин Е.Ю., Усманов Б.Ф.* Стиль управления и управление стилем: Монография. – М., 2006. – С. 177.
6. *Янсен Ф.* Эпоха инноваций: Пер. с англ. – М., 2002. – С. 5.
7. См., напр.: *Слепенков И.М., Аверин Ю.П.* Основы социального управления. – М., 1990. – С.10; *Волков Ю.Е.* Управление как вид социальной деятельности // Социология власти. – 2005. - №5. – С. 5-6.
8. *Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть II. – М., 1998. – С. 451-457.
9. *Толстой В.С.* Проектирование нововведений как метод преодоления механизма торможения // Нововведения как фактор развития. – М., 1987. – С. 49.
10. Там же. – С. 50-51.
11. *Красовский Ю.Д.* Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы. – М., 1997. – С. 268.
12. Там же. – С. 268-269.
13. Там же. – С. 284, 288-289.
14. *Громыко В.* Управление творчеством и нововведениями // Проблемы теории и практики управления. – 1991. – №4. – С. 57-58

15. См., в част.: Социальный менеджмент / Под ред. *В.Н.Иванова, В.И.Патрушева.* – М.: Гардарики, 2009. – С. 83-85.
16. *Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р.* Коммуникации в организаци ях: Пер. с англ.-М.: Экономика, 1981 . – С.159.
17. *Бовин А.А., Чередникова Л.Е., Якимович В.А.* Управление инновациями в организации. – 3-е изд., стер. - М.: Омега-Л, 2009. – С. 37 – 38.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Как соотносятся, по-вашему, управление нововведениями и технологические принципы, свойственные любому производственному процессу?
2. Чему более всего близки технологии инновационного управления? Какие признаки определяют эту близость?
3. Назовите основные функции управления нововведениями. Какая из них, на ваш взгляд, требует особых управленческих усилий и почему именно?
4. Что бы вы добавили к авторскому определению технологии управления инновационными процессами?

Афоризм с прицепом

Кто не знает, в какую гавань он плывет, для того нет попутного ветра.

Сенека

Предлагаю «прицепиться» к этой многозначной фразе и продолжить ее, сохраняя заложенный в ней первоначальный афористичный смысл, уже в

новом тематическом русле. Естественно, максимально приближаясь к инновационным управленческим технологиям.

Ключ с правом передачи

Задача для инноватора при выборе технологии управления

В качестве ключа предлагаю знаменитую цитату из Михаила Жванецкого: *«Маленькие, но сегодня… большие, но вчера…»*

Есть так называемые «слоновые» задачи. Это те задачи (проблемы), которые масштабны, требуют длительной работы и немалых затрат, не обещая в скором времени видимых промежуточных результатов.

Большинство людей ошибочно думает, что раз «слон» слишком велик для их рта, лучше подождать, пока их рот вырастет. Не вырастет! И единственный способ съесть большого «слона» маленьким ртом – это сделать объект своего вожделения меньше.

Известны два варианта уменьшения «слонов». Попробуйте догадаться и найти их. А найдя – постарайтесь определить, какой из них поддается реальной «фокусировке» и технологически обеспечивает управляемость инновационной идее. Ведь второй – доказано – на практике бесполезен.

Учебное задание

Представьте, что при областном правительстве или городской администрации создан орган по управлению инновационными процессами. Какой бы в этом случае вы видели организационную структуру подобного органа и технологию управления, основные функциональные звенья создаваемой системы?

Задумайтесь над тем, в какой мере на этом фоне можно было бы говорить о преобладании в территориальной инновационной политике социальных составляющих. Ведь даже при первом приближении кажется очевидным, что, не управляя ныне рыночными производственными объектами, областные и городские руководители поневоле должны

сосредоточивать свое внимание на социальной инноватике (все за рамками производства так или иначе относится к социальной сфере!). Или этот тезис неправомочен?..

Глава 5. Типология нововведений

Оснований для деления инноваций по видам, типам с каждым годом становится все больше. Расширяется, интенсифицируется процесс рождения научных идей, совершенствуются и вторгаются в неизвестные глубины микротехнологии, происходят поистине революционные изменения в мировом информационном пространстве. И вместе с этими качественными преобразованиями наращивается и становится детальнее отбор научно квалифицируемых нововведений.

Динамика и направленность типологии прямо отражают те процессы, которые связаны с развитием техники и технологий, рыночного экономического уклада и общественного прогресса в целом.

Есть достаточно общее, грубое категориальное деление: от примитивно-формального, по принципу условной эффективности – успешные и неудачные инновации, до функционально-полезного – технологические и нетехнологические инновации. При этом нетехнологические касаются изменений в формах и методах управления, социальных сдвигов и т.д., а технологические подразумевают совершенно новый или значительно улучшенный продукт (процесс), который предлагается потенциальному потребителю /1/.

Немецкий экономист Г. Менш предложил подразделять нововведения на *базовые, улучшающие и псевдоинновации*. Базовые ориентируются на появление новых промышленных отраслей или рынков сбыта. Далее они по мере своего совершенствования превращаются в улучшающие. Когда же их потенциал новизны исчерпывается, то инновации, возникающие на основе тех же идей, заносятся в класс «псевдо» /2/.

По поводу последнего нужна, впрочем, небольшая ремарка: **псевдо*инновация*** в предлагаемом варианте – скорее не ложная или мнимая (см. греческий корень), а только «слаборезонирующая» или «затухающая» форма новшества. Точная транскрипция смысла здесь все же ближе к тому,

чтобы характеризовать этим термином некое подобие действительной инновации, то есть нечто, выдаваемое за новое, но им не являющееся.

Близок к Г. Меншу отечественный исследователь Н.И.Лапин, когда делит нововведения на две части по степени новизны их предметного содержания – на *радикальные*, открывающие принципиально новые средства для каких-либо качественных приращений, и *модифицирующие*, т.е. совершенствующие средства удовлетворения общественных потребностей. Вместе с тем, разводя понятия «нововведение» и «новшество», он группирует инновации в зависимости от степени содержания в них новизны:

1. *Продуктивные* – направленные на производство и использование новых конечных продуктов.
2. *Технологические* – они связаны с созданием и применением новых технологий для производства товаров и услуг.
3. *Социальные* – предназначенные формировать новые экономические, организационные и иные структуры, механизмы для народохозяйственных отраслей и их подсистем.
4. *Комплексные* – представляющие собой органическое единство двух или трех названных выше видов /3/.

Полагаю, в данном случае подразумеваемые критерии, несмотря на заявленные основания, не являются однотипными и тем более достаточно точными. Термин «продуктивные» сам по себе можно рассматривать как выражающий некую степень дееспособного качества, но его объяснение сводит все к факту производства продукта – и только. Непонятно положение нового применительно к двум следующим видам – в них один акцент на принадлежность к сфере применения инноваций. Лишь намек на степень содержания новаций заложен в термине «комплексный» – да, концентрат качеств, взятых от «смежников», а что дальше?

Характеризуя классификатор инноваций в «Основах инновационного менеджмента» (М., Экономика, 2000), Н.Л.Маренков считает, что он позволяет оценивать их конкретнее, полнее, объективнее, комплексно

определять их результативность, а также выявлять неоднородность инноваций и подбирать методы управления ими /4/. Но приводимый им классификатор вновь демонстрирует уже отмечавшиеся недостатки – несовпадение показанных классификационных признаков и группируемых под них типов нововведений. Допустим, обозначенный вторым признак «этапы НТП», результатом которых стали инновации, имеет в виду почему-то научные, технические, технологические, конструкторские, информационные и т.п. инновации. Причем здесь этапы научно-технического прогресса?.. Двусмысленно выглядит другой признак – «эффективность инноваций». Ведь ассоциируется с ним прежде всего классификация по степени результативности нововведения, а вместо этого фигурируют экономические, социальные, экологические и интегральные инновации. То есть подразумевается, видимо, эффективность новшества именно в каждой из названных сфер. Да, может отдельно существовать экономическая или социальная эффективность, однако классификационная чистота в данном случае явно оставляет желать лучшего.

Конечно, когда признак результативности естественным образом соотносится в другой графе того же классификатора с подобающими теме характеристиками «высокая, низкая, стабильная», это не вызывает вопросов. Кроме того, в таблице столь же уместно присутствует типология, ориентированная на темпы осуществления инноваций, что далеко не всегда можно увидеть в качестве классификационного основания. Хотя в общем-то применительно к социальным инновациям такой признак правомерно использовать широко и часто. Не случайно теоретики-исследователи при классификации социальных изменений полагают необходимым выделять в особую категорию скорости и ритм их протекания. Например, Г.Р.Хамзина делит социальные изменения на постепенные и революционные, мгновенные и долговременные, быстротекущие и вялотекущие /5/.

Надо сказать, что Н.Л.Маренков приводит кальки разных классификаций. И в некоторых из них критериальная целостность – не в пример критиковавшимся позициям – выглядит достаточно прочно.

Скажем, для определенных случаев вполне пригодна классификация чешского экономиста Ф.Валенты, в основе которой оценка нововведений, сформулирую так, «по принципу качественной иерархии инновационных изменений». Сам автор этого подхода дифференцирует возможные тут варианты на восемь пунктов. Логика деления становится понятной, если назвать хотя бы несколько звеньев иерархии: снизу по нарастающей идут сначала инновации *нулевого порядка* – регенерирование первоначальных свойств системы, сохранение и обновление ее существующих функций; затем *первого порядка* – изменение количественных свойств системы; *второго порядка* – перегруппировка составных частей системы с целью улучшения ее функционирования; …*пятого порядка* – новое поколение, меняются все или большинство свойств системы, но базовая структурная концепция сохраняется; …*седьмого порядка* – новый род, высшее (принципиальное) изменение в функциональных свойствах системы и ее частей /6/.

Болгарский ученый Н.Мончев исходит из того, что наиболее ценными для классификации являются критерии, в основе которых лежат закономерности осуществления нововведений, но одновременно в качестве критерия могут, по его мнению, выступать величина и характер эффекта от их реализации. Под таким углом зрения рассматриваются: *технические* инновации – как процесс организации использования существующей техники отраслью, в которой она ранее не применялась; *научные* нововведения – как процесс переноса и использования достижений одной науки в другую или процесс формирования нового научного направления; *научно-технические* инновации – как процесс научных разработок, который завершается в производственной сфере и вызывает при этом принципиальные изменения в социально-экономической жизни /7/.

Подход болгарского специалиста поддерживается прежде всего теми учеными и практиками, которые во главу угла ставят роль научно-технического прогресса. Подобная позиция, на мой взгляд, правомерна лишь тогда, когда она не приобретает одномерности, однобокости в оценках знания и его потенциальных возможностей для производства общественного продукта. С поправкой на эти крайности, но в логике, вполне допустимой как отражение объективных тенденций, нужно воспринимать тезис о том, что «инновация – это проявление НТП, особый вид знания, результат инновационного творческого труда, обладающий совокупностью функций, наиболее важными из которых являются преобразовательные, информационные, социально-потребительские» /8/.

Такое понимание инновации, считают Э.А.Гейгер и А.Н.Фоломьев, дает исследователю новый критерий для классификации инноваций: это критерий наибольшей результативности в выполнении основных функций. В соответствии с ним следует различать *базисные и рационализаторские инновации*.

Рационализаторские инновации простой, первой ступени вызывают лишь незначительные изменения в параметрах или конструкции конечной продукции.

Рационализаторские инновации более сложной, второй ступени отличаются изменением множества технико-экономических параметров, однако по-прежнему основываются на устоявшихся технологических и конструктивных принципах и концепциях.

Базисные инновации, составляющие третью и наиболее важную ступень, характерны изделиями, разрабатываемыми на основе новых технологических концепций и принципов. Это часто то, что мы называем «открытием века», «лицом века», передовыми или ключевыми технологиями. Они не просто революционизируют экономическую и социальную жизнь – вызываемые ими последствия резонансно накладываются друг на друга и

обычно сопровождаются интенсивным экспериментальным использованием трансформирующегося знания.

Исследователи подчеркивают, что хотя вероятность успеха изделия или производственного процесса, рожденных на базисной инновации, в начальной стадии внедрения невелика, решающие результаты проявляются позднее, причем нередко открывают дорогу новой отрасли или даже нескольким отраслям сразу.

Критерием направления (точнее, видимо, «направленности») энтропийного воздействия научно-технического прогресса в результате рационализаторских инноваций служат – здесь Э.А.Гейгер и А.Н.Фоломьев ссылаются на зарубежный источник – спектральная, субституционная и экономическая инновации.

Спектральная через широкий спектр, полосу импульсов ведет к разработке нового изделия во многих отраслях хозяйства.

Субституционная подразумевает технологические замещения, причем в первую очередь происходит замена рабочей силы человека материальными системами.

Экономическая инновация регулирует расход труда, сырья и энергии, экономит ресурсы.

Развивая сложившиеся подходы к типологии, ученые дают свои интерпретации отмеченным в начале главы особенностям технологических нововведений, которые выливаются в *инновации-продукты* и *инновации-процессы* – у Гейгера и Фоломьева: *инновации-технологии*. По их оценке, при возрастающей насыщенности рынка особую важность приобретает прежде всего базисное обновление продукта. На олигополистическом рынке царит, как правило, соревнование за высокое качество, двигателем которого стали рационализаторские инновации.

Отмечу особо мысль этих авторов по поводу *инноваций с мощными преобразовательными функциями*. Они могут радикально изменять производственный аппарат, его организацию, а с ними и общую

эффективность производственно-экономического комплекса. К таким инновациям относят преимущественно новую технику и технологии и у этого вида закрепилось свое название – *инновации-факторы*. Их роль, считается, более всего близка задачам, гарантирующим учет основных факторов развития организации – производственно-техническое и технологическое обеспечение, управленческое крепкое начало и экономическую устойчивость, стабильную прибыльность предприятия, фирмы, чего бы под прибыльностью не подразумевали /9/.

Свою систему классификации предложил польский экономист М.Хучек /10/. Он рассматривает, как я определил для себя, шесть типологических групп, в которых содержатся выделенные им разновидности инноваций.

1. С точки зрения критерия оригинальности изменений разводятся между собой:

- *оригинальные (креативные) инновации*, являющиеся самостоятельными результатами работы отдельного человека, группы или предприятия;
- *имитирующие инновации*, в основе которых копирование и воспроизводство оригинальных изменений, приносящих очевидные выгоды.

2. С учетом отрасли, в которой они рождаются, можно выделить:

- *твердые инновации* – воплощенные в материале (в том числе машины, механизмы, оборудование);
- *мягкие инновации* - невоплощенные в материале, могущие иметь вид новой системы организации, улучшений в трудовом или учебном процессе и т.д.

3. Если принять во внимание масштабы вызываемых ими последствий, то можно назвать:

- *стратегические инновации*, служащие реализации долгосрочных целей развития крупных структур и комплексов,*

- *текущие инновации,* целью которых остается повышение эффективности труда и управления на относительно коротких временных отрезках деятельности.

4. По критерию приносимой обществу пользы выделяются инновации:

- ведущие к сокращению затрат;
- приводящие к улучшению качества продукции;
- способствующие росту производства;
- сберегающие человеческий труд;
- помогающие охране окружающей среды, экологические.

5. С учетом предмета инновации особенно важны следующие нововведения:

- технические (включая продуктовые);
- организационные (имея в виду и функции управления);
- экономические;
- социальные;
- инновации в области управления человеческими ресурсами.

Логика подобных схем у каждого автора своя и она, разумеется, учитывает временной контекст, тот или иной этап глобального или локального развития. Не случайно в связи с этим появление в научных работах и тех классификационных признаков, которые напрямую отражают феномен переживаемого обществом кризиса. Усилилось, к примеру, внимание к организационно-управленческим инновациям как способу противостояния системным экономическим проблемам последнего времени. Более того, появился сообразный ситуации тип нововведений – антикризисные инновации, задача которых содействовать ликвидации кризиса в зоне полномочий хозяйствующего субъекта, создание условий для его последующего развития /11/.

Показательно и другое. Характер инновационного воздействия поневоле начинает квалифицироваться по признакам нетрадиционным, даже неожиданным. Так, М.В.Ковальчук считает, что инновации могут быть

взрывными, когда, как в случае с самолетом, компьютером, мобильным телефоном, они резко изменили привычную картину жизни, а могут быть и эволюционными, как мы наблюдаем в истории с автомобилем. При этом отдельно важны инновации, связанные с принципами построения бизнеса. Тот же челночный бизнес – российское изобретение – дал возможность решить целый комплекс социальных проблем кризисных 1990-х годов: нивелировать безработицу в среде научно-технической интеллигенции, наполнить рынок дешевыми товарами, дал возможность образованным людям самоорганизоваться в тяжелый для них период экономической стихии /12/.

Анализ используемой типологии нововведений показывает, что многое в подходах к ней зависит от научной или практической специализации авторов. Смещение тех или иных акцентов не означает, тем не менее, существенного расхождения в применении самих принципов видовой дифференциации инноваций. В учебно-методических разработках институтов и факультетов социальной работы, в частности при рассмотрении оснований типологии, выделяются мотивы, связанные с социальными инновациями /13/. Но типология – и это, по-моему, очевидно – должна быть сбалансированной, максимально полно учитывать все области общественной практики. Подобный баланс, на мой взгляд, более всего присутствует в работах А.И.Пригожина /14/.

Ученый выделяет три наиболее общих основания для систематизации нововведений:

- по типу новшества;
- по механизму осуществления нововведения;
- по особенностям инновационного процесса.

В первой обозначенной ипостаси, по Пригожину, две основные группы – *материально-технические* и *социальные* новшества.

К *материально-техническим* он относит нововведения в области техники, технологии, промышленных материалов.

К *социальным* – экономические, организационно-управленческие (структуры, формы и методы организации), социально-управленческие (внутриколлективные отношения), правовые, педагогические.

По особенностям механизма своего осуществления нововведения делятся А.И.Пригожиным на ряд групп, среди которых есть уже нам знакомые.

Единичные (осуществляемые на одном объекте) и *диффузные* (тиражируемые по разным объектам) инновации констатируют, помимо прочего, наличие проблемы управляемого распространения новшеств – учений касается ее в связи с задачами прежней советской отраслевой системы хозяйствования, но актуальна она сегодня и в рыночных условиях (хотя тут уже и другие механизмы, и вопросы ценообразования).

Завершенные и *незавершенные* нововведения. При всей ясности терминологии здесь существует некий феномен скрытой инновационной патологии, который может признать начатое нецелесообразным или по изменившимся обстоятельствам, или в связи с ошибками при конструировании идей, или по причинам экономического банкротства.

Успешные и *неуспешные* нововведения. Та же ясность – и те же варианты продолжений. Разница видится одна: неуспешным инновационным проектом можно признать и вполне завершенное нововведение, с официально оформленным финалом.

Однако сюда добавляется и мотив, применимый во многих случаях, когда дело касается самых разных инноваций. Мотив этот – как оценивать результативность вообще и эффективность с точки зрения затрат – в частности. Причем важно не забывать, что эффект бывает не только экономическим, но и социальным, а здесь не все измеряется деньгами и, кроме того, не всегда зримыми (быстрыми) сроками. Положительные результаты могут возникнуть и спустя десять-пятнадцать лет. И нельзя не согласиться с другим: в инноватике эффективность часто связана с тиражированием нововведений, суммарной прогрессией.

Полагаю, тут уместно привести слова А.И.Пригожина, сказанные несколько по другому поводу: «Неоднократный запуск в оборот одних и тех же идей экономит время и средства. Инновационный антиквариат растет в цене» /15/.

По особенностям инновационного процесса профессор выделяет *внутриорганизационные* и *межорганизационные* нововведения. В первом варианте разработчик, проектировщик новшества находится на том же предприятии, в учреждении, где и его изготовитель и пользователь. Во втором случае все эти роли распределены между специализированными организациями. Радикальные нововведения очень редко бывают локальными, внутриорганизационными.

В анализируемой работе содержится упоминание о классе научно-технических нововведений, как их формулировал Н.Мончев. Их особенность в данном случае сопрягается с тем, что значительная часть инновационного процесса уходит на исследовательскую составляющую, в том числе на базе фундаментальных областей знания.

А.И.Пригожин сводит все типы нововведений в две таблицы (в нашей нумерации – 5.1 и 5.2).

Таблица 5.1

Типы нововведений

Основания для типологии нововведений					
Признаки новшества	**Особенности осуществления нововведений**			**Особенности инновационного процесса**	
См. таблицу 5.2.	Тиражируе-мость	завершен-ность	результа-тивность	организацион-ные границы	источник инициа-тивы

	единичные диффузные	завершенные незавершенные	результативные нерезультативные	внутриорганизационные межорганизационные	заказные авторские

В комментариях к таблицам ученый напоминает о взятых за основу трех структурных элементах процесса нововведения: новшество как таковое, его реализация и сам процесс. И признает сложность, которая стоит за типологией по характеру новшества. В ней признаки поделены на две категории – эмпирические и проблемные. Эмпирические как бы очевидны и представляют собой простое перечисление известных и бесспорных особенностей новаций по сферам их действия (технология, право и т.п.). Что касается проблемных признаков, то по ним выделяются такие группы нововведений, которые имеют оценочный характер и выражают некое значимое противоречие, трудность в инноватике. За этой разницей признаков двух категорий могут стоять и стоят самые разные, корректируемые временем, объяснения.

Что дают подобные типологии? Прежде всего, полагает А.И.Пригожин, возможность более точной идентификации каждого нововведения. Этим способом задаются определенные рамки его описания, в том числе и по признакам, которыми нередко пренебрегают. Достигаемая при этом системность характеристик нововведений позволяет сравнить потенциал каждого из них, оценить его место в ряду других, себе подобных. Очень важно знать и соотношения разных типов нововведений в тех или иных сферах общественной жизни, выявлять динамику и тенденции изменения таких соотношений в разные периоды развития общества и государства, получать своего рода диагностику этих периодов с инновационных позиций.

В том же русле оценивают значение классификации нововведений Л.П.Гончаренко и Ю.А.Арутюнов /16/. По их мнению, она позволяет, помимо прочего:

— рационально организовывать инновационный процесс;

—осуществлять привязку к типу нововведения тот или иной вид стратегии;

— конструировать экономические механизмы и организационные формы инновационной деятельности;

— определять положение отдельно взятого нововведения формами его реализации и продвижения на рынке;

— осуществлять кодирование, производить различные информационные автоматизированные операции, создавать и эффективно использовать банки данных и т.д.

Таблица 5.2

Типология нововведений по признакам новшества

Эмпирические признаки / **Проблемные признаки**	**Материально-технические**				**Социальные**		
	Комплексные (по новшеству, по реализации)						
	Технические	Технологические	Материальные	Педагогические	Правовые	Социально-управленческие	Экономические
Инновационный потенциал	радикальные комбинаторные совершенствующие						
Место в производственном цикле	обеспечивающие продуктивные						

Отношение к предыдущему свойству	заменяющие отменяющие возвратные открывающие ретровведения
Объем	точечные системные стратегические
Цели	эффективность производства эффективность управления улучшение условий труда обогащение содержания труда качество продукции сохранение здоровья улучшение досуга улучшение образования экономия (материалов, энергии, труда, средств) экологические цели многоцелевые нововведения
Социальные последствия	дающие социальные преимущества вызывающие социальные издержки

Большинство исследователей, которые занимались проблемами инноватики, неизбежно касались типологии нововведений и предлагали свои варианты их классификации. Чаще всего при этом в качестве критериев системного отбора ими используются такие существенные признаки, как уровень новизны, область применения, предметное содержание, общественное предназначение, характер и радиус действия инноваций. Хочу подчеркнуть: с одной стороны, количество критериев может быть разным (приводившиеся примеры объясняют причины этого), но с другой – что должно главенствовать во всех случаях – сколько бы их ни было, они

обязаны обеспечивать реальные стыки теории с практикой, вооружать оценочный механизм «мерилом истинности».

В выборе критериев – это одна из самых больших трудностей, мешающих иметь некую универсальную типологию инноваций. Некоторые исследователи вообще отрицают возможность претендовать на «всеохватывающий» вариант систематизации видов. Например, С.Е.Крючкова множественность видов инноваций считает неизбежностью и множественности классификаций, построенных по разным основаниям и с разными целями, учитывая нелинейный характер их осуществления. Однако и этот автор одновременно подтверждает необходимость и стремление найти какой-то наиболее общий критерий, из которого может вытекать максимум производных. В роли такового предлагается сфера применения или область осуществления инноваций, где то или иное новшество реализуется и приобретает законченный вид, а сам инновационный процесс выступает в некоем единстве связей и отношений /17/. По данному критерию в числе прочих нововведений естественно и удобно выделять в отдельный вид и социальные инновации.

Источники

1. *Гончаров В.В.* Руководство для высшего управленческого персонала. – М., 1997. – Ч.1. – С. 61.
2. Там же. – С. 61.
3. См.: *Лапин Н.И.* Актуальные проблемы исследований нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах: Сб. трудов конференции. – М., 1980.
4. *Маренков Н.Л.* Инновации. – М., 2004. – С. 17.
5. *Хамзина Г.Р.* Локальная специфика изменений российского общества / Автореф. дис… докт. социол. наук. – Казань, 2006. – С. 24.
6. *Маренков Н.Л.* Указ соч. – С. 18.
7. См.: Мончев Н. Разработки и нововведения: Пер. с болг. – М., 1978.

8. *Фоломьев А.Н.,* Гейгер Э.А. Менеджмент инноваций: Теория и практика. – М., 1998. – С. 12.
9. Там же. – С. 13-16.
10. *Хучек М.* Социально-экономическое содержание инновации на предприятии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика..- 1995, – №1, – С. 62-71.
11. *Киселева О.Н.* Особенности использования организационно-управленческих инноваций в системе антикризисного управления предприятием / Автореф. дис… канд. экон. наук. – Саратов, 2007. – С. 10-12.
12. *Ковальчук М. – Лесков С.* Для успеха инновационной экономики надо освоить парное катание // Известия. – 2008. – 26 декабря.
13. См.: *Гриценко Г.А.* Социальная инновация: Программа курса / Уральский гос. педагогический университет. – Екатеринбург, 2000; *Подвойский В.П.* Социальная инновация: Учебно-методический материал. – М.: МГСУ, 1998.
14. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 32-51.
15. Там же. – С. 46.
16. *Гончаренко Л.П., Арутюнов Ю.А.* Инновационная политика: Учебник. – М.: Кнорус. 2009. – С. 32.
17. *Крючкова С.Е.* Инновации: философско-методологический анализ / Автореф. дис… докт. филос. наук. – М., 2001. – С. 29-31.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. По каким основаниям, вы полагаете, было бы целесообразнее строить типологию нововведений?
2. Чем отличаются между собой внутриорганизационные и межорганизационные инновации?

3. Как традиционно делят материально-технические и социальные нововведения?
4. В чем двойной смысл так называемых «псевдоинновацией»? И можно ли в их разряд включать те, что принято обозначать как «ретроинновации»?
5. Какой новый тип инноваций появился или замечен вами в последние годы?

Экспертиза

Классифицируйте пять предложенных типов инноваций по известным вам основаниям.

Попутно ответьте, выдвинув необходимые аргументы:

а) Какой общественной потребностью вызвано их появление?

б) Каковы, по-вашему мнению, возможные социальные последствия (положительные и отрицательные), диффузный эффект этих нововведений?

1.

В Новокузнецке открылся единственный в стране Музей социальной службы. В народе он получил другое название: первые же посетители переименовали его в «музей богоугодных дел». Здесь собраны документы, фотографии, письма и личные вещи людей, которые по долгу службы или по велению души в разное время помогали сиротам, вдовам, калекам и нищим. Устроители музея с одинаковой долей благодарности и уважения рассказывают и о тех, кто внес в пользу нуждающихся щедрый многотысячные взнос, и о тех, кто поделился с ними куском хлеба в голодную годину.

(«Семья», 2003, №8)

2.

Дорогой юный друг! Сегодня у подростков Отрадного маленький праздник – выходит в свет первый номер их собственной газеты «ПППП» (Четыре Пэ). Расшифровывается эта аббревиатура просто – Подросток,

Подъезд, Подвал, Подворотня. Комментарии, как говорится, излишни. Это и есть объекты нашего центра «Дети с улиц Отрадного». Кто-то уже успел прочитать название газеты как «ЧП – Чрезвычайное происшествие». Мы не отвергаем и такую трактовку названия, т.к. убеждены, что многое происходящее в среде подростков и вокруг них иначе как чрезвычайным происшествием и не назовешь.

Идея создания газеты, ее подготовка и выпуск принадлежат твоим сверстникам. Мы, взрослые, только подставили свое плечо. Для нас газета в первую очередь информатор и компас в мире местных подростковых проблем. Для вас – возможность высказаться и быть услышанными на любом уровне власти, поделиться со своими сверстниками наболевшим, успехами, радостями, попросить помощи и совета.

(Московская газета «4П», 2003, №1)

3.

Женщины, осужденные на длительные сроки тюремного заключения, на некоторое время могут уйти в монастырь. Такое решение приняла администрация шведской тюрьмы Кумла. Ранее эта возможность была лишь у арестантов мужского пола. Нововведение получило широкое одобрение среди нарушителей закона: в очереди на право попасть в монастырь стоит сегодня 159 человек.

(«Труд», 2007, 13 марта)

4.

Сотрудники тюменского ГАИ организовали специальные курсы для будущих мам. Им объясняют как правильно вести себя с малышом на дороге, чего ни в коем случае делать нельзя. Преподаватели говорят, что одна из главных задач – отучить всех, кто пришел на курсы, держать детей на руках во время поездки в автомобиле и заставить обязательно пристегиваться ремнем безопасности.

(ТВ, 2008, 2 апреля)

5.

Жители села Никольское Новгородской области протянули через ставшую в период паводка полноводной речку Пьяну полиэтиленовый шланг, чтобы перекачать молоко с одного берега на другой. Два молоковоза ставятся с двух сторон реки, между ними крепится труба на сваях, и идет перекачка с помощью насосов. Экономия и времени, и бензина.

(«АиФ», 2008, 2-8 апреля)

Антиквариат

Проблема самотождественности нововведения на каждой из последующих стадий его развития (допустим, от фотографии к голографии) не имеет пока однозначного теоретического решения.

Попробуйте сформировать и сформулировать собственное представление о границах между тем, что было новым в одном качестве, но стало принципиально иным и, следовательно, новым на базе «старого нового»:

1. Когда все-таки, на ваш взгляд, некий скачок в развитии нововведения превращает его в другое нововведение?

2. Какими могут быть критерии, которые позволили бы фиксировать «генетическую» связь нововведений и их типологизации, а соответственно, и определять возникновение явно отличимых по типу и смыслу новообразований?

И посмотрите с этой точки зрения еще на два сюжета: в какой степени и что именно развивают названные в них типичные ретроинновации? Есть ли за таким «антиквариатом» какой-то принципиально новый смысл и реальная перспектива?

Старая «Зарница» на новый лад

В Красноярске на базе оздоровительного лагеря «Гренада» проводится давно забытая, кажется, игра «Зарница». В краевой центр съехались около 500 ребят из 34 территорий, участие в игре принимают воспитанники

кадетских корпусов и мариинских гимназий. Организаторами «Зарницы» стали управление образования, крайвоенкомат, комитет по молодежной политике и делам несовершеннолетних администрации края. Цель игры – отработать навыки выживания и спасения в ситуациях, приближенных к экстремальным, подготовить подростков к службе в армии.

(«Труд», 2001, 9 октября)

Дублеры в кабинетах власти

Почти полгода в высших управленческих кабинетах действовало правительство Москвы, целиком состоявшее из дублеров. Причем оно не было «теневым», а обладало всеми полномочиями в решении актуальных проблем.

Студенческое правительство дублеров сформировали из воспитанников московских вузов по результатам их работы на семинарах и тренингах, по итогам защиты собственных проектов развития столицы. Всего в конкурсе участвовали 182 студента из 105 вузов. Из них 39 стали дублерами руководителей префектур, комитетов и департаментов, остальные – членами комитетов.

И вот результат: недавно ребята выступали на заседании правительства в качестве основных докладчиков, и ряд их предложений был поддержан мэром города.

(«Литературная газета», 2006, 5 сентября)

Глава 6. Социальные инновации

При всем обилии видов многокритериальной типологии нововведений социальные инновации – все же особый пласт. Доктор философии и экономики А.И.Субетто, связывая ситуацию последних десятилетий XX века с системной революцией, не случайно делает упор на системности именно социальной онтологии: «общество-организм, человек-организм все больше становятся реальностью, отрицающей либеральную модель представлений об обществе» /1/. По его мнению, системность всех изменений бытия человечества – технологического, информационного, *интеллектуально-инновационного*, квалитативного (революция качества), образовательного и т.д. – формирует новые императивы и одновременно с ними демонстрирует закономерности тех перемен, что происходят в обществе, цивилизации в целом и представляют собой «арену развития жизненных сил человека, его жизненного пространства» /2/.

На мой взгляд, столь явная зависимость тенденций и задач социологии с характером идущих и ожидаемых изменений в социальном пространстве человека, направленностью инновационных процессов – суть сложившегося в науке понимания социальных нововведений. В каждом случае по-своему и со своей субъективной окраской, но эти мотивы совпадают в большинстве теоретических работ и используемых дефиниций.

Так, профессор В.И.Чупров рассматривает социальные инновации как социологическую категорию, в которой находят отражение: 1) процесс преобразования нововведений в социально-культурные нормы и образцы, обеспечивающий их институциональное оформление и закрепление в сфере духовной и материальной культуры общества; 2) результат творческой деятельности, получивший широкое применение и послуживший основанием для значимых социальных изменений /3/.

Характерно, что П. Друкер в популярной своей книге "Инновация и предпринимательство" /4/ утверждает: признанный всем миром экономи-

ческий успех Японии базируется именно на социальной инновации. Основная цель этой страны – в истинном духе дзюдо (дзю – мягкость, до – путь) – заключалась в том, чтобы использовать оружие Запада, оставаясь Японией. При такой подоплеке социальная инновация становится куда более значимей любого технического новшества, ибо акцент смещается на то, чтобы социальные институты (учебные заведения, банки, гражданское право, трудовые соглашения и т.п.) обеспечивали идущим преобразованиям присущую времени высокотехнологичность, но гарантировали при этом еще и присутствие в управлении собственных граждан. Исходный мотив подобных целенаправленных нововведений: технологии могут импортироваться по низкой цене и с незначительным риском для культуры нации.

Японская параллель обобщающего толка подчеркивает отнюдь не узкий и приземленный характер социальных инноваций, которые чаще всего воспринимают сугубо по принадлежности к социальной сфере жизнедеятельности. У них очень даже немалый потенциал, вплоть до возможности вносить революционные изменения в судьбу общества. И для них столь же естественным выглядит фронт участия на производстве, где они приложимы к социально-бытовым проблемам работников, безопасности их труда, культурным потребностям, организации свободного времени, задачам непрерывного образования и повышения квалификации, формирования творческого потенциала людей.

Как бы продолжая эту мысль, А.И.Субетто констатирует: «Интеллектуально-инновационная революция ознаменовала становление «мира изменений», инновационно-креативной социальной онтологии, в которой человек уже не может адаптироваться, не находясь в постоянном творчестве и самоизменении, саморазвитии на базе непрерывного образования и самообразования. Ее итогом уже к концу XX века стало появление «горячих», интеллектуально-образовательных и наукоемких, быстро меняющихся, высокотемповых экономик и социальных систем…» /5/.

Возникает необходимость в организации образовательной среды, способной дать человеку интегральную информацию и интегральные знания не только о традиционных (давно сложившихся) общественных процессах, но и о тех, которых раньше не было, но которые могут вызвать социальные аномалии. Все больше исследователей, считающих, что сочетание традиций и инноваций – это социокультурная норма отношений старого и нового, исключающая их противопоставление и утверждающая их взаимодополнение и взаимокомпенсацию. Среди факторов, определяющих инновационное состояние современного социального и культурного пространства, на первом плане утвердились те, которые отражают деятельностную и социально-психологическую парадигму социума:

– новая логика формирования мировоззрения;

– субъективная позиция в социальном взаимодействии;

– толерантность в социальных отношениях;

– самоорганизация в жизнедеятельности /6/.

Суммирующий и определяющий итог при этом – радикальные качественные изменения социальной жизни во всех ее проявлениях, «революция качества» или «квалитативная революция», по терминологии профессора Субетто. По сути, именно такая направленность коррелирует содержание социальных нововведений, независимо от их формальной тематики. Убеждают в существовании этого глобального подтекста наблюдения последних десятилетий прошлого века и начала нынешнего. Революция качества, характерная для нового тысячелетия, демонстрирует нарастающий процесс влияния квалитативизации на развитие экономики и социума, появление экономики качества, квалитативно регулируемого рынка, сдвиг от качества товара и качества технологий как фактора конкуренции к качеству жизни человека, качеству личности, качеству образования как доминирующему фактору конкуренции, приобретающему геополитические формы: качество человека и общества предстает как синтезатор, символ происходящих изменений.

Конечно, при всем совпадении взглядов, которые не могут не считаться с объективно складывающимися закономерностями общественного развития, было бы непродуктивно и ненаучно эти взгляды абсолютизировать априори. Если они таковы сейчас, то понятен путь непростых преобразовании, свойственный любому поиску истины. Еще совсем недавно были основания заявлять, что существует своего рода недооценка квалитативного фактора.

В частности, на роль непроизводственной, социальной сферы в социальной системе еще в середине 1990-х годов предлагал более внимательно посмотреть С.А.Кузьмин. Фактически, отмечал он, и в наше время, как бы ни декларировалась важность этой сферы, реальная политика продолжает отводить ей второстепенное место, и надо в свете современного общественного разделения труда рассматривать ее сугубо наравне со сферой материальной. И социальные, и материальные блага одинаково важны для человека. Другое дело, что социальный продукт, как и материальный, может быть хорошим, посредственным или плохим. Совершенно правомерно ученый подчеркивает: «Качество социального продукта имеет гораздо большее влияние на состояние общества и взаимоотношения между различными его членами, чем об этом принято говорить. Чем хуже социальный продукт, тем менее благополучно и социально устойчиво общество, тем менее высок социальный статус производителей этого продукта, тем менее престижно их положение в обществе» /7/.

Спустя десять лет С.А.Кузьмин, говоря об усложнении связей материального производства с непроизводственной и потребительской сферами, выделил проблему новых развивающихся «вспомогательных» подсистем: а) распределения созданных в обществе материальных благ и услуг; б) информационной. Первая, по его мнению, превратилась в необходимую часть социальной системы, поскольку прямо сопряжена с экономической деятельностью, общественно-политической жизнью, физическим и духовным состоянием населения, поддержкой этносов и прочим /8/.

Итак, понятны качественная направленность социального заказа для нововведений и экспонента их развития (социальная функция). Известны основные типологические ряды социальных нововведений, обозначенные в предыдущей главе. Напомню, по классификации А.И.Пригожина они делятся на: экономические, организационно-управленческие, социально-управленческие, правовые, педагогические. И теперь моя и наша с вами задача – провести дифференциацию социальных инноваций уже в соответствии и с новым, заданным временем, качеством социальных продуктов, и с общей системой тенденций развития общества, подводящей к необходимости рассматривать человеческую жизнь как главную цель глобальных инновационных изменений.

Наиболее близко к этой задаче, на мой взгляд, подошел профессор И.В. Бестужев-Лада, последовательно исследовавшей проблемы прогнозного обоснования социальных нововведений. По его мнению, в отечественной научной литературе получили равное хождение два противоположных понимания термина «социальное» и несколько промежуточных – каждый раз в зависимости от усмотрения того или иного автора /9/.

Первое предполагает широкое понимание «социального» – тождественное «общественному» и потому противоположное «естественному» или «техническому» («научно-техническому»). То есть в этом случае большей частью речь идет о противопоставлении предметов, изучаемых общественными науками, тем предметам, которые относятся к естествоведению и техноведению.

Второе, узкое понимание «социального» тождественно «социологическому», когда на прицеле социальные связи и отношения людей как членов определенных социальных групп или социальных институтов. Узость и условность такого подхода профессор Бестужев-Лада видит прежде всего в том, что в реальной жизни «социальное» обычно выступает в форме «социально-экономического», «социально-демографического», «социально-педагогического» и т.д. Как предмет социологического исследования

«социальное» легко вычленяется из такого рода пар, однако в практике расклад иной – тесно взаимосвязаны не только элементы отдельно взятой пары, но и все пары между собой.

Ученый предлагает свой вариант: для правильного понимания социальных нововведений необходимо такое промежуточное значение «социального», которое не сводило бы его лишь к социологическому, а вместе с тем отделяло бы социальные нововведения не только от технических (продуктных) и технологических, но и от экономических, медицинских, педагогических, художественных, градостроительных, экологических, правовых, политических и т.д.. И декларирует сам принцип междисциплинарных границ – вычленять из соответствующих научных дисциплин *собственно социологическую и примыкающую к ней проблематику.* Например, из экономических можно выделить социальные – в сфере социальной организации и социальных стимулов труда; из педагогических – в сфере социальной организации народного образования и социальных стимулов труда педагогов (отношения типа «учитель – ученик», «учитель – родитель», «учитель – учитель», «ученик – ученик» и т.п.) Аналогичны и остальные «разграничения полномочий», касающиеся медицины, политики, экологии, права /10/.

Ориентация в типологии социальных нововведений на более специализированный социологический подход не кажется бесперспективной. В какой-то мере с ней схожа позиция авторитетного социолога-теоретика П.Штомпки, пришедшего к выводу, что изучение социальных изменений – основное в социологии. Изменение – настолько очевидная черта социальной реальности, полагает он, что любая научная социальная теория, какой бы ни была ее исходная концептуальная позиция, рано или поздно должна подойти к этому вопросу. Польский профессор прямо подводит к мысли о наличии достаточно серьезных оснований для признания особой социологической дисциплины, называемой им «социологией социальных изменений» /11/.

Под иным углом зрения выделяет социологическую составляющую социальных нововведений В.Н.Иванов. Он считает, что в науке вновь появился интерес к понимающей социологии М.Вебера, ибо сложившиеся концептуальные объяснения научно-технической, информационной революции и текущего этапа постиндустриального общества оказались малоэффективными. Появилась острая необходимость в новой социологической парадигме, осмыслении того, «кто мы» и «куда идем», «какие цели преследуем». Такая парадигма означает превращение социологии из науки объясняющей, обслуживающей – в науку созидательно-преобразующую, инновационную. Причем ее опережающее, прогнозирующее воздействие все более проникает в процесс социальной диагностики и конструирования социального будущего. По мнению профессора Иванова, эта конструктивная, творческая, *инновационная социология* выполняет теоретико-познавательную и созидательно-преобразующую функцию в их органической связи. Первая функция реализуется с помощью информатизации, вторая – на основе технологизации социального пространства /12/.

Органическая составная социология в социальных инновациях, несомненно, присутствует, поэтому можно говорить о перспективности предложенной И.В.Бестужевым-Ладой логической схемы. Уточню: говорить *в принципе*. Но не спешить абсолютизировать, поскольку и у самого автора специализированного «социологического подхода», осмелюсь предполагать, возникают некоторые сомнения относительно чистоты метода и его критериев. Об этом свидетельствует, в частности, та заинтересованность, с какой он сравнивает проблематику социальных нововведений у нас в стране и за рубежом.

В качестве материала для сравнения им взяты данные из научной работы лауреата Нобелевской премии Д.Габора «Инновации: научные, технические и социальные» (Лондон, 1970). Нашего профессора интересует, что включает автор указанной работы в число объектов социальных

нововведений на последние три десятилетия XX века. Это «экология человека и эстетика», чему в определенной степени способствуют темы в собственном исследовании Бестужева-Лады – «Оптимизация расселения», «Социальная организация здравоохранения», «Спасение природы». Это «Борьба с преступностью и коррупцией» – полный аналог бестужевской главы «Редукция преступности». Это «Финансовая и экономическая реформа» – аналог главы «Социальная организация труда». Это «Внутренний и международный мир», «К устойчивому, совершенному обществу» – темы, которые перекликаются с проблематикой «Альтернативной цивилизации».

Если суммировать внутреннее содержание работы Д.Габора, то обнаруживается малое внимание к социальным нововведениям в области социальной организации власти, стабилизации семьи, модернизации школы, социальной организации труда в сфере науки и культуры, дезалкоголизации общества. Факт, с одной стороны, свидетельствующий об относительной устойчивости английского менталитета и западного мира в целом к угрозам цивилизационной стихии, а с другой – об очень медленном изменении социального пространства в большинстве стран, ибо совпадение многих проблем в России и Англии, других государствах подчеркивает и идентичность скоростей социального развития. Как и не очень большую разницу в содержании социальных нововведений, хотя отличия все-таки есть.

Например по Габору, в тематике раздела «Борьба с преступностью и коррупцией» самые серьезные изменения следует ожидать по части криминологического прогнозирования, очистки трущоб, профилактики наркобизнеса, расширения практики безналичных расчетов, немотивированной преступности подростков и т.п. /13/. Так все оно в течение этих десятилетий и было. Но разве можно сравнивать заявленный английский фон с характером инновируемых российских ситуаций?! Уровнем криминальных разборок, «черного нала» и налоговых неплатежей, количеством и масштабом взяток госчиновникам? Или уровнем детской бездомности, преступности?.. Впрочем, наличие совпадений в словах еще не

означает идентичности в содержании. Формальное же сравнение инновационного потенциала в данном случае имеет для нас только одно неоспоримое значение: нам нужны аналоги, и с этой стороны, объективно говоря, в наборе предметных сфер для социальных нововведений у Д.Габора больше схожего с «крупноблочной классификацией» А.И.Пригожина, чем с социологически обособленной схемой И.В.Бестужева-Лады. То есть круг как бы замыкается.

Но замыкать круг не хочется. И единственно верный путь – искать «золотую середину». Попытаться еще раз внимательно посмотреть на коренные отличия научно-технических и социальных инноваций, а затем сопоставить их с «плюсами» и «минусами» варианта И.В.Бестужева-Лады и попробовать найти разумный, обоснованный компромисс. Некую теоретическую альтернативу, которая бы уточняла статус и соответственно типологический ряд социальных нововведений.

За последние два десятка лет сложилось определенное представление о различиях в научно-технических и социальных нововведениях в плане не только формальной принадлежности к той или иной сфере, но и реально проявляющих себя их свойств, общественных функций, способностей к адаптации и диффузии. Словом, сегодня можно более полно представить специфику содержания и места в социальном пространстве каждого из видов инноваций. Мне эта специфика видится так, что в сравнении с научно-техническими (собственно техническими, технологическими, продуктными) социальным нововведениям присущи:

1. Гораздо большая зона применения – они в меньшей степени жестко привязаны к отраслевым или региональным условиям, они ориентированы на гражданское большинство и они требуются в широком диапазоне даже тогда, когда в основе совокупных изменений чисто технические новшества (им всегда необходимы решения соответствующей направленности: управленческие, правовые, нормативные, экономические, обслуживающие).

2. «Длинноволновая», обязательно многозвенная резонансная сфера – результаты социальных нововведений не просто трудно поддаются количественным изменениям, нередко вообще невозможно оценить заранее, чем аукнется вводимое изменение, каких потребует коррекций в правовое нормирование, как повлияет на социально-психологический климат социальной группы, местного сообщества и т.д.

3. Не столь осязаемые и доказуемые преимущества, как в сфере технической – определить и тем более подсчитать их эффективность можно лишь достаточно условно, проводить лабораторную проверку невозможно, а параметры действующего социального объекта не всегда поддаются корректным оценкам и не имеют апробированных для надлежащего случая критериев.

4. Отсутствие принятой в технике стадии изготовления продукта, в процессе которой есть возможность зримо доводить проект до нужных параметров – такой «недостаток» социальных инноваций, во-первых, усугубляется, как правило, еще и междисциплинарным, межотраслевым характером инновационного процесса и, во-вторых, заставляет уповать в основном на усилия проектировщиков, их квалификацию и добросовестность, а это порой чрезмерно повышает коэффициент субъективности, лишает даже минимума гарантий на надежность прогнозируемого результата.

5. Размытость, неопределенность реальной цены нововведения – затраты видимы только в двух основных вариантах: когда они ассоциированы с непосредственными деньгами на организацию инновационного процесса или предполагают некие прямые выплаты участникам (например, социальные пособия). Что касается резонирующих последствий или так называемых «стрессовых точек», то просчитать сразу потенциальные потери государственного инновационного бюджета никто чаще всего не хочет, понимая и без того традиционную ограниченность, вторичность затрат на социальные мероприятия.

6. Меньшее число авторов-инноваторов, превалирующее значение коллективных разработок – у этого феномена два главных объяснения: а) база возникновения социальных идей чаще всего сосредоточена в организациях, общественных комиссиях и комитетах, а соответственно и их реализация проходит в границах «коллективного разума»; б) индивидуальная инициатива ограничена, поскольку социальная часть национальных программ редко пользуется государственным признанием и материальные стимулы из-за этого работают несопоставимо хуже, чем моральные.

7. Сильная зависимость новшеств от групповых и личных качеств пользователей – в первую очередь это относится к тем случаям, где преобладают ожидания новых образцов служебного поведения, требуется корректировка социальных приоритетов (а они понимаются по-разному), возникает необходимость в дополнительной учебе, повышении общекультурных стандартов, иной мотивации своей деятельности.

8. Тесная связь с общим комплексом общественных отношений, местным сообществом, социальной сферой предприятия, организации, района, города, региона – следовательно, социальные инновации могут больше претендовать на вневедомственный статус и только с помощью общественности, гражданского населения в состоянии влиять на социальное пространство.

9. Потребность выходить за рамки нормативных социальных установлений как результат процесса накопления определенных общественных настроений, притязаний и решений, приобретающих со временем отмеренное им новое качество.

Проекция даже этих девяти специфических отличий социальных нововведений (а их может быть и больше) на вариант И.В.Бестужева-Лады заставляет обратить внимание на целый ряд сложностей при попытке делить «социальное» и «несоциальное» в экономике, здравоохранении, экологии, образовании и т.п.

Во многих отмеченных позициях прочно присутствует мотив комплексности, взаимообусловленности социальных проблем, и его учет при делении инноваций по тем или иным искусственно обособленным признакам неизбежно приводит не только к техническим трудностям или методическим накладкам. Не спасают в данном случае ни теоретически возможные подсказки-клише (как в некоторых примерах у Бестужева-Лады) – все жизненные повороты предусмотреть просто нельзя, ни призыв А.И.Пригожина отличать подлинную комплексность нововведений, предполагающих «равнозначность компонентов различной природы», от тех вариантов, «которые базируются на одном новшестве, но вызывают затем шлейф других проблем» /14/ – здесь мы сталкиваемся с такими парадоксами логики, которыми впору заниматься теоретикам и уж никак – практикам.

Последнее поясню все же подробнее. На чем основывается А.И.Пригожин? Он отталкивается от того, что многосоставное новшество вызывает к жизни комплексное нововведение («комплексное по новшеству»), а однородное новшество, тянущее за собой проблемы иной природы в процессе своего внедрения, оно рождает другое комплексное нововведение («комплексное по реализации»). То есть возникает, по Пригожину, комплексность первичного порядка и комплексность вторичного порядка /15/.

Разумеется, серьезность научных аргументов не должна подвергаться сомнению. Суть же непрочности приводимых обоснований, на мой взгляд, в том, что они, во-первых, не снимают проблему комплексного воздействия социальных нововведений: комплексность независимо от своего происхождения все равно остается в том и другом случае комплексностью. Во-вторых, пусть косвенно, но своей логикой профессор Пригожин низводит до минимума возможность на практике применять методику профессора Бестужева-Лады. Ведь что многосоставное новшество, что однородное (однопрофильное) с шлейфом разнородных инновационных эффектов – они одинаково многотрудны для расчленения на момент их организации,

внедрения и тем более повторного использования в других местах, иных условиях и со своим подбором пользователей.

Насколько непрост подобный процесс, показывает, к примеру, экономист В.Н.Костюк. Он рассматривает, как под воздействием несовершенной конкуренции происходит *непрерывное изменение* многообразия предлагаемых товаров и услуг *посредством инноваций*, поддерживающих сохранение контроля над ценой в изменяющихся условиях. Одни инновации порождают другие, в результате чего возникают не просто отдельные, а «цепляющиеся» друг за друга инновации, создающие устойчивые и растущие *инновационные потоки*. При этом многочисленные такие потоки приводят к быстрым и неожиданным изменениям среды, ускорению темпов научно-технического прогресса. Изменениям подвергается не только фактический, но и потенциальный совокупный выпуск продукта. Издержки перемещения людей, вещей и информации быстро сокращаются, объемы перемещений возрастают /16/. Конечно, расчленить столь интенсивный инновационный процесс хотя бы на «социальные» и «экономические» составные, не говоря уж о чем-то еще, было бы крайне трудно, а главное – чревато потерей управляемости. Причем это касается и информационно-аналитической работы, и всех других сторон обеспечения результативности нововведений.

Приведём мнение выдающегося социолога А.А.Зиновьева. Он отвергал упование на причинно-следственные связи в научном анализе социальных отношений (в нашем случае это вся совокупность «комплексности» социальных нововведений). Сфера социальных явлений включает в себя огромное разнообразие видов эмпирических связей – чаще всего говорят о причинно-следственных. Но что такое причина и следствие? Никакой очевидности здесь нет. Можно лишь одно, по мнению ученого, – принять допущение, что каждое эмпирическое явление причинно обусловлено (ничто не происходит без причины), но фактически и логически ошибочно думать,

будто для каждого эмпирического явления можно указать его причину или причины /17/.

Трудно просчитать и расчленить все возможные социологические составные многомерного, часто весьма масштабного социального нововведения. Оно ведь не только само по себе детерминировано различными, порой противоположными по своему значению факторами (переменными): внутренними и внешними, положительными и отрицательными, прямыми и косвенными /18/. Оно нередко нарушает еще и нормативные рамки принятых и институционализированных в обществе правил, установлений, законов (см. девятый пункт «отличий»). И у этого явления есть своя связь с комплексными зависимостями, о которых только что шел разговор.

Дело в том, что процесс нормативного морфогенеза (изменения норм) подразумевает прежде всего два пути – вмешательство посредством нормативных новаций и вмешательство посредством нормативных отклонений. Первый путь (наш предмет) ставит под сомнение действенность самих норм, отрицает те или иные привычки, традиции, обычаи, законы, причем делается это открыто, а иногда даже с вызовом, демонстративно, в форме «бунта». П.Штомпка отмечает, что между тем моментом, когда выдвигается какая-то новация, и временем, когда она становится наконец общепринятой, лежит значительная дистанция. Процесс может быть разбит на четыре условные стадии: начало изменений, их отбор («фильтрация»), «прорастание» изменений, узаконивание новых норм. Каждая стадия полна случайностей – процесс может застопориться, достичь конечной фазы морфогенеза или остановиться на полпути /19/.

Все четыре стадии – это, по сути, *накопление новаций* на производном и малорегулируемом социальном пространстве, и естественно встает вопрос, как учитывать и готовить к классификации этот процесс, после своего финиша (узаконивания новой нормы) получающий статус нормативной инновации. То есть и здесь мы участвуем в столь многосложных связях,

отношениях, что задача – расчленять процесс тематически или параллелить по Лобачевскому пересекающиеся в одной точке инновационные прямые – уже сама по себе могла бы претендовать на статус нововведения.

Завершим рассмотрения аргументами. Предлагаю, как мне представляется, не глобальный, но достаточно рациональный и реалистичный вариант классификации социальных инноваций.

Принцип типологии – по принадлежности к сфере применения.

Критерии допуска – в любом социальном нововведении могут присутствовать элементы профессионально-отраслевого свойства и технического обеспечения инновационного процесса, как и в любом научном, техническом, технологическом нововведении естественно присутствие социальных элементов, социальных последствий их внедрения и использования.

Соответственно выделяются *четыре типологические группы внутри социальных инноваций:*

1. Инновации социальной сферы.
2. Социально-экономические.
3. Социально-управленческие.
4. Правовые.

При определении содержания и дифференциации первой группы, на мой взгляд, целесообразно исходить из толкований, предложенных Н.Г.Козенко. По обоснованным ею критериям, **социальная сфера** – это область жизнеобеспечения общества, в которой реализуется социальная политика государства, направленная на поддержание благосостояния, дееспособности граждан, удовлетворение насущных потребностей населения. И вместе с тем это объективная, предметно очерченная реальность, система со своей подвижной во времени и пространстве структурой, социально-трудовыми и гуманитарными стимулами, механизмами и средствами социальной защиты, своими принципами организации и управления /20/.

Несколько уточняя круг полномочий социальной сферы, как он выглядит в исследовании указанного социолога, я полагаю, что нововведения этой типологической группы могут и должны касаться:

- Занятости, доходов, качества жизни населения;
- здравоохранения, материнства и детства, жизнесбережения людей;
- образования;
- культуры и досуга;
- социальной защиты;
- градостроительства и обеспечения прав граждан на жилье;
- общественной безопасности;
- охраны окружающей среды;
- почтовой связи и других коммуникативных каналов;
- работы с беженцами и вынужденными переселенцами;
- системной реабилитации инвалидов (появились целевые исследования инновационного потенциала в этой области /21/);
- общественного попечительства в отношении детей, стариков, малоимущих граждан.

Именно в таком типологическом ряду преимущественно планируется рассмотреть в следующем учебном разделе практическую инноватику. С включением сюда и проблематики социальной работы как вида деятельности, принадлежащего социальной сфере и поддерживающего нуждающихся в социальной помощи людей.

Источники

1. *Субетто А.* Неклассическая социология: сущность, основания возникновения и развития // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований. – М., 1999. – С. 28.

2. Там же. – С. 31.

3. Социологическая энциклопедия: В 2 т./Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 2003. – Т.2. – С. 456.

4. См.: *Drucker P.F.* Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles. Harper and Row. N.Y., 1985.
5. *Субетто А.* Указ. соч. – С. 29.
6. См.: *Коршун Е.Н.* К вопросу об инновационных приоритетах муниципального управления // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.1. – С. 143.
7. *Кузьмин С.А.* Социальные системы: опыт структурного анализа. – М., 1996. – С. 70, 74.
8. *Кузьмин С.А.* Социальные системы: развитие и метаморфозы. К вопросу о перспективах переходной экономки России. – М., 2006. – С. 171-172.
9. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М., 1993. – С. 19.
10. Там же. – С. 19-20.
11. *Штопмка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. – М., 1996. – С. 12-13.
12. *Иванов В.Н.* Социальные технологии в современном мире. – М. – Н.Новгород, 1996.– С. 10.
13. *Бестужев-Лада И.В.* Указ. соч. – С. 4-5.
14. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 37.
15. Там же. – С. 38.
16. *Костюк В.Н.* Управление в переходных экономических процессах на основе анализа тенденций / Автореф. дис… докт. экон. наук. – М., 1999. – С. 9.
17. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – М., 2000. – С. 65-67.
18. См.: *Сегедина Н.Н.* Факторы инновационного процесса // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: Материалы международной научно-практической конференции. – Белгород, 2006. – Ч.1. – С. 127.

19. *Штомпка П.* Указ. соч. – С. 314-318.

20. *Козенко Н.Г.* Социальное самообеспечение как принцип и направление развития местного самоуправления / Автореф. дис… канд. социол. наук. – М., 1999. – С. 11.

21. См., напр.: *Иванов А.В.* Экспертные оценки инновационного потенциала системы реабилитации инвалидов // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – №2. – С. 185-188.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Каким образом обосновывается критерий качества социального продукта применительно к социальным нововведениям?
2. Как интерпретируют современные ученые социологическую составную социальных инноваций? Чему вы сами отдали бы предпочтение в этих интерпретациях?
3. Охарактеризуйте, в меру своего понимания, главные особенности социальных нововведений. В чем прежде всего проявляется социальная специфика и можно ли говорить о возможности ею управлять в рамках инновационного процесса?
4. Дает ли японский пример П.Друкера по поводу социальной инновации повод к оценке современной ситуации в России?

Архивный факт

Вначале было дело – термины появились потом.

В рамках российской демографической программы после огромных потерь населения в период первой мировой и гражданской войн роль социальных инноваций выполняли общественные кампании – организуемые новой советской властью тематические дни, недели, месячники. Они

посвящались пропаганде рождаемости, строительству и переоборудованию больниц, женских консультаций, акушерских пунктов, созданию домов матери и ребенка, яслей, детских садов, молочных кухонь. Устраивались так называемые ликпункты для женщин не только ради устранения неграмотности, но и проведения консультаций по педагогике и медицине, особенно гинекологии и санитарии.

По мнению исследователей, эти меры были популярным среди российских женщин нововведением.

М. Деканова

(«Журнал исследований социальной политики", 2005, том 5, №4)

Без лишних слов

Прочитайте тематически сложные сюжеты о социальных инновациях. Сформулируйте их суть в виде краткой формулы-заголовка. Перепроверьте себя, насколько вам удалось сделать мысль инноваторов ясной и точной.

Сюжет 1-й:

Родившимся в прошлому году 192 младенцам власти Дубровского района Брянщины выписали сберегательные книжки с пятисотрублевыми вкладами. Вручение книжек родителям этих малышей прошло в праздничной атмосфере. Как рассказали в администрации района, впервые идею опробовали три года назад, и с той поры, пусть не покажется это удивительным, начался рост рождаемости. Родители очень довольны: человек только появился на свет, а о нем проявили какую-то заботу.

К совершеннолетию нынешние малыши смогут за счет выросших процентов снять со своих книжек не менее 12-15 тысяч рублей, а у многих эта сумма будет значительно выше, поскольку уже сейчас находятся благотворители, которые пополняют пятисотрублевые счета.

(«Труд-7», 2005, 27 января – 2 февраля)

Сюжет 2-й:

В Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа воспитанники интернатов проведут каникулы в семьях. Новые формы жизнеустройства детей-сирот планирует внедрять отдел опеки и попечительства. Возможны варианты, когда дети станут гостями семей и в выходные дни. В любом случае, если люди готовы взять к себе в дом трех и более детей-сирот и выступить в роли их воспитателей, они смогут получать за это и зарплату. Причем дети будут находиться на полном государственном обеспечении, начиная от покупки еды и одежды и кончая оплатой коммунальных услуг.

(«Семья», 2005, №23)

Сюжет 3-й:

Прямо у входа в городской родильный дом №5 Ростова-на-Дону поставлена первая в стране скульптура беременной женщины. Если до нее дотронется женщина, желающая стать матерью, гласит местная легенда, проблем не будет.

Памятник быстро стал одной из достопримечательностей донской столицы. Сюда после ЗАГСа приезжают молодожены, здесь любят фотографироваться с новорожденными. Что же касается беременных женщин, то каждая из них непременно старается прикоснуться к скульптуре, чтобы роды были легкими и благополучными.

(«Независимая газета», 2006, 6 марта)

Сюжет 4-й:

В 12 проблемных микрорайонах Череповца появились социальные участковые. В их задачи входит составление социального паспорта вверенной территории, а также контроль за детской беспризорностью Работать социальные участковые будут совместно с

милицией, в опорных пунктах которой они сейчас и располагаются. Введение этой инновации является частью реализации проекта «Дорога к дому»

(«Мурманский вестник», 2006, 30 августа)

Сюжет 5-й:

Зодчие из Казахстана представили совету омских архитекторов оригинальный проект делового центра. Его обитатели смогут совмещать работу с отдыхом, не выходя из офисного здания, прямо на крыше.

По плану новый центр разместится на левом берегу Иртыша. Это своеобразная пирамида из шестнадцати разновысоких зданий. Ее общая высота и размер основания равны 171,6 метра. Цифра символизирует год основания Омска - 1716-й.

- Комплекс будет виден из любой части города, - уверен один из авторов проекта, экс-главный архитектор Астаны Владимир Лаптев. - Деревья и кустарники для необычных высотных скверов пока не выбрали, но логично использовать некоторые виды вечнозеленых растений.

Закончить строительство предполагается к 300-летию города, которое омичи отметят в 2016 году.

(«Российская газета», 2008, 29 октября)

Пофантазируем?

Конкурс идей «Дом для людей»

Ситуация: Освободилось типовое двухэтажное здание, принадлежавшее ведомственному детскому саду. Городские власти объявили конкурс на лучший проект по его целевому использованию под социальные нужды.

Учебное задание: Включиться в конкурс. Найти десять вариантов применения здания с учетом потребностей своей муниципальной территории.

Попробуйте два подхода к задаче, два способа поиска. Сначала прикиньте варианты сами. Как душа подскажет.

Затем привлеките родственников, друзей. Посоветуйтесь с ними. И изложите теперь уже коллективные соображения в окончательной редакции.

Что среди собранных вами проектов-идей заслуживает, на ваш взгляд, действительного внимания и может быть представлено на конкурс?

<u>РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.</u> ПРАКТИЧЕСКАЯ ИННОВАТИКА

…Пора перестать ждать
неожиданных подарков от жизни,
а самому делать жизнь.
Лев Толстой

Сама организация инновационной практики при всей специфике предметной среды и процессов, сопутствующих рождению идеи и воплощению ее в виде некоего нововведения, не отличается принципиально от большинства привычных управленческих действий или типовых технологий. Но это не значит, что можно надеяться на автоматизм каких-то рабочих схем, уповать на готовые подсказки по любому случаю.

Да, социальная инноватика, как и социальное творчество вообще, вправе считаться особым видом социальной практики /1/. Однако важно сознавать, что эта практика весьма тесно коррелируется с реальным состоянием общества, тенденциями его развития. Инновационная деятельность не может складываться вне времени и пространства не столько потому, что ей мешали бы двигаться к абстрактной цели какие-то внутренние тормоза. Просто востребованными оказались бы лишь те из предложенных нововведений, которым совокупная социальная жизнь готова предоставить свои ресурсы и принять – формально или неформально, другой вопрос – некий социальный заказ. О неуправляемой, никем неориентированной стихии здесь говорить не приходится. Все определяет организация, за которой стоит адекватный времени действия тип общественного развития.

В каком измерении осознает себя сегодня отечественная инновационная практика? Если в обществе преобладает мобилизационный тип развития (он ориентирован на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных организационных форм, его присутствие

предопределяют внешние экстремальные факторы, угрожающие целостности и жизнеспособности системы /2/ – это одно, когда же можно уже обойтись без чрезвычайщины и сверхбыстрых управленческих скоростей – это совсем другое. Такой момент, по мнению А.Г.Фонотова, создает предпосылки для *инновационного типа развития*, в основе которого непрерывный и целенаправленный *процесс поиска, подготовки и реализации нововведений,* позволяющих повысить эффективность функционирования общественного производства, степень удовлетворения потребностей общества и его членов /3/.

Инновационный тип развития накладывает особый отпечаток на управление, его цели, функции, формы и методы. Вопрос не только в преимущественном использовании нововведений, но и в способности справиться со всей совокупностью условий, гарантирующих системное воспроизводство инновационной стратегии на постоянной основе /4/.

Было бы явным преувеличением считать, что российская социальная практика целиком освободилась от «мобилизационного типа развития», однако в стране, ее регионах, на «отдельных социальных пространствах» превалирует теперь новая государственная стратегия, целью которой стало стремление перевести наше общество в разряд «инновационных». Эта стратегия призывает и приучает к системной организации поисковой и внедренческой работы.

То, что решение подобной задачи актуально, подтверждает неоспоримый факт: в многоступенчатой российской системе нет сегодня ни одной сферы, которая в той или иной мере ни была бы подвержена инновационным процессам. По крупицам выстраивается целое. И хотя такая "медленная" стройка не рассчитана на форсаж глобальных инновационных целей, сама ее конструкция будет обязательно набирать силу.

Как сказал один из героев Леонида Леонова, "крупица истины служит катализатором системности" /5/. Инновационность строится, сохраняя на прицеле именно такие катализаторы.

Глава 7. Системная организация социальных нововведений

Выбор формы социальной инновации, отмечает профессор В.А.Луков, диктуется временем, установками исторической эпохи и потребностями общества. Иногда инновации становятся всеохватными – это характерно для социальных революций, а порой – и для реформ, крупных социальных проектов /6/. Серия радикальных, хорошо продуманных и организованных шагов может привносить в жизнь страны и ее граждан решительные изменения. Вопрос в одном – насколько долго способно удержать эти изменения само общество, предусмотреть их защиту и последовательное закрепление, развитие, что для социальных нововведений особо существенно по понятным причинам. Меняется власть – меняется социальная политика. Происходит смена политических ориентиров – делается иным выбор форм, средств инновационной деятельности.

Профессор Луков в своей книге о социальном проектировании приводит показательный пример социального реформаторства всеохватного, системного масштаба. Время в нем далекое, но суть разглядеть это не мешает.

Врач Иохан Струэнсе, став фаворитом слабого и больного короля Кристиана VII, провел в Дании серию реформ (1770-1772 гг.). Он реализовал идею Монтескьё о разделении властей, впервые провозгласил равенство сословий перед судом, отменил телесные наказания и привлечение к уголовной ответственности за супружескую измену, прекратил процессы ведьм, утвердил свободу совести. Параллельно было признано равноправие евреев, учрежден воспитательный дом для подкидышей (кстати, по петербургскому образцу), упразднен полицейский надзор за проституцией и т.д. Нововведения – сугубо социальные! – коснулись регулирования, по существу, всех сторон тогдашней гражданской жизни. Увы, после казни 35-

летнего реформатора в 1772 году из 1069 его законов оказались отменены почти все – кроме учреждения детского воспитательного дома /7/.

Случай в датском королевстве – по-своему уникальный. Трудно припомнить что-то еще похожее по масштабности и тотальности для судеб целой страны, за исключением, естественно, смены общественной формации в России 1917 года, повлекшей коренные и резкие изменения на шестой части суши нашей планеты. К такого рода историческим примерам вряд ли применимо некое организационно-управленческое правило, которым могли бы сознательно пользоваться практики-инноваторы. Поэтому вести речь целесообразно лишь о том в первую очередь, что представляет не как тотальное, а как относительно локальное во времени и пространстве социальное нововведение, когда итог реализации идеи или проекта всесторонне подконтролен авторам и поддается общепринятым правилам организации.

Учитывать, впрочем, придется все равно и разницу между законами технического и социального конструирования, особенностями бизнес-программ и программ социального развития. Практическая инноватика в социальной

области – может быть, не всегда справедливо – оценивалась специалистами с организационно-технологической стороны почему-то относительно невысоко. По крайней мере, сами способы организации проектно-инновационной деятельности и реализации нововведений выглядят, по их мнению, гораздо скромнее, менее системно и находятся в известном отрыве от теории. Предполагается, что этому «помогает» стереотип человеческого мышления, неправомерно ориентирующий социальные проекты чуть ли не исключительно на экономическую эффективность, в то время как подобный подход мало применим, допустим, к социальной работе или другим сферам социокультурного характера.

Анализ инновационной практики на протяжении уже не одного десятка лет позволяет зафиксировать достаточно устойчивый алгоритм рождения

социального нововведения. Применяют под те или иные цели, разумеется, разные программы и модификации решения задач, но нам в данном случае необходим наиболее обобщенный, в какой-то степени оптимальный вариант организации инновационного процесса. Нужна система, предполагающая *сумму практик*. И потому ценен любой пример системного подхода.

Обеспечение жильем – одна из постоянных острых социальных задач. Решают ее по-разному. Управление внебюджетного строительства Московской области в свое время предложило нововведение – муниципальные жилищные займы. В какой системе специалисты видят такое начинание?

Система жилищного займа, как ее представляет В.Нестеренко, основана на скоординированной деятельности органов местного самоуправления, предприятий и организаций муниципальной территории. Функционально их делят на две главные группы: а) участники, деятельность которых непосредственно связана с процессами эмиссии и обращения ценных бумаг (заемных облигаций); б) участники, деятельность которых сопряжена с процессом погашения ценных бумаг (ЦБ) в натуральной форме, со строительством жилья и рынком недвижимости. Физические лица, приобретающие заемные облигации, могут тоже выполнять, согласно закону, определенные функции инвестора, владельца ценных бумаг и пользователя объекта инвестиций/8/.

При этом общая схема организации всего процесса сводится к четырем основным блокам, где свое место отведено информационно-аналитической, нормативно-правовой, подготовительной работе и непосредственной внедренческой, маркетинговой деятельности (см. таблицу 7.1).

Таблица, полагаю, дает наглядное представление о системе продвижения идеи и способах ее внедрения. Все остальное уже целиком зависит от уровня исполнения на каждом отдельном участке многосоставной организации.

Таблица 7.1

Алгоритмы системной организации жилищного займа

Предусмотренные законодательством действия, предваряющие и сопровождающие заем														
1. Принятие представительным органам местного самоуправления параллельно с бюджетом нормативных актов, определяющих предельные размеры муниципального долга, объема заемных средств и расходов на обслуживание муниципального долга														
2. Утверждение генеральных условий эмиссии														
3. Принятие условий эмиссии														
4. Государственная регистрация условий эмиссии														
5. Принятие решения о выпуске ЦБ														
6. Учет обязательств по каждому выпуску ЦБ														
7. Погашение облигаций														
8. Передача отчета об исполнении обязательств в регистрирующий орган														
9. Раскрытие информации о муниципальных ЦБ														
10. Принятие нормативного правового акта, содержащего отчет об итогах эмиссии														
Процедура, предваряющая и сопровождающая процесс строительства														
1. Проработка проектных решений, выбор проекта и места строительства														
2. Оформление землеотвода, проведение иных подготовительных работ														
3. Строительство объекта														
Создание инфраструктуры займа														
1. Определение схемы движения финансовых потоков, принципов деятельности фонда														
2. Определение основных субъектов программы, схемы взаимодействия, распределение функций и условий договорных отношений между ними														
3. Принятие органом местного самоуправления нормативных актов, регламентирующих схему займа и деятельность фонда, а также иных необходимых структур														

4. Определение сторонних субъектов программы														
Непосредственно внедренческая и маркетинговая деятельность														
1. Принятие нормативных актов, предусматривающих льготы для инвесторов														
2. Проведение рекламной кампании														
3. Определение цены строительства														
4. Определение цены размещения														
5. Проведение заявочной кампании														
6. Размещение облигаций														
7. Организация вторичных рынков ЦБ, жилья														

Системность управления еще более высокого порядка демонстрирует опыт сельской социальной инноватики, заложенный в середине 1990-х годов в Белгородской области. Отличительная особенность сформировавшегося здесь подхода, по оценке Н.Г.Козенко, – это генерация широкомасштабных, комплексных идей (в том числе с использованием давнего земского опыта) и выбор под них механизмов управления в том универсальном качестве, когда они оказываются одинаково эффективными в любом отдельно взятом сельском округе /9/.

Люди в аграрном секторе приобрели на Белгородчине стабильное социальное положение и оказались защищены от стихии рынка после создания системы оригинальных экономических мер. Во-первых, многочисленные налоги заменили единым – сельскохозяйственным. За основу расчета взяли средний по урожайности и доходам 1995 год. Общую сумму сборов перевели в эквивалент – продовольственную пшеницу. Затем полученное поделили на количество пашни как главный субъект налогообложения. Расчет всех удовлетворил. Раньше хозяйства ежемесячно вносили примерно 4-5 млрд рублей налогов и платежей во внебюджетные фонды. Стали вносить минимум в четыре раза больше. Натурой рассчитываться проще, соответствующие службы регулируют: столько-то поставить зерна продовольственного, столько-то фуражного, можно и

другую продукцию согласно эквиваленту. Урожай отвез – год никто не беспокоит.

Аналогично «зерновому векселю» вводится «строительный вексель», который должен объединить весь процесс строительства. Основание под это заложено созданием фонда поддержки индивидуального жилищного строительства. Фактически он стал региональной коллективной корпорацией, своеобразным колхозом в рыночной стихии.

Преимущества, которые дают подобные нововведения, проецируются на весь «земский строй» области:

1. Забота о сборе налогов полностью отдана земцам сельских округов. Вся их жизнь переведена на самофинансирование. Местные налоги стопроцентно остаются у исполнительной власти, в распоряжении земских собраний, и им самим приходится регулировать пропорции сборов.

2. Управляют расходованием полученных средств гласно и коллективно. Доходы преимущественно идут на благоустройство сел, газификацию, водоснабжение, строительство дорог, объектов соцкультбыта, помощь малоимущим.

3. В сельских округах достаточно быстро адаптируются к условиям приоритетных областных программ развития. Скажем, программа «Свой дом» (в ее основе – денежный кредит под товарную продукцию) позволила резко поднять темпы индивидуального строительства – фактически в каждом селе появились крепкие крестьянские особняки.

4. Создается модель земской школы со своими учебниками и программами. Одной из первых этот статус получила Погореловская школа Корочанского района. Здесь добротные спортзал, бассейн, подсобное хозяйство, зато нет никаких учебников Сороса, курсов «про это», а главный после общеобразовательных предмет – народоведение, изучение истории родного края, села, культуры, быта, ремесла.

Когда в конце 2006 года на канале НТВ шло обсуждение промежуточных итогов выполнения национальных проектов в социальной

сфере, отвечавший за них тогда первый вице-премьер Д.Медведев и губернатор Белгородской области Е.Савченко подтвердили высокую результативность местных начинаний. Один штрих к общей оценке: на момент телепередачи область оказалась единственной в стране, где штат сельских лечебных заведений был полностью укомплектован врачами, более того – на получение вакансий, как подчеркнул губернатор, даже образовалась очередь. Есть стимулы – есть желающие. И это при том, что в подавляющем большинстве регионов, включая столицу, в больницах и особенно поликлиниках ставки медицинских работников очень часто заняты в лучшем случае на две трети.

Сегодня областной стратегией предусмотрено развитие эффективной региональной инновационной системы. Она включает свою инфраструктуру – инновационные предприятия, институты интеллектуальной собственности, инновационные фонды, соответствующую условиям модернизации информационно-коммуникационную среду. При этом основными инфраструктурными элементами системы являются: технополис Светоград, региональный ресурсный инновационный центр с бизнес – инкубатором (на его площадях в 2009 году планировалось разместить 40 малых инновационных предприятий), технопарки, научно – технологические центры при вузах, а также центры трансфера инновационных технологий.

На мой взгляд, белгородские примеры хороши именно тем, что иллюстрируют не просто умение областной администрации «состыковать» на социальной базе, казалось бы, тематически разные нововведения, но достичь при этом устойчивого результата. Тут по-настоящему действующая инноватика: управляемая не только поэтапно (сделали расчет, анализ – запустили механизм учета, контроля, воспроизводства), а еще и позвенно. С охватом всех территорий, всех сельских сообществ, всего многомерного социального пространства.

А теперь есть смысл вернуться к матрице инновационной организации управления Ю.Д.Красовского, которую он предложил на основе изучения

практики акционерного предприятия (см. главу 4 первого раздела). Напомню этапы запуска и производства нововведений, как они там обозначены: осознание необходимости перемен – новое видение организации – подготовка нововведений – их апробация – внедрение – контроль и оценка результатов нововведений /10/. В таком перечне остаются за кадром детали самих действий (скажем, анализ проблем, выбор альтернатив или последовательное решение какой-либо организационной задачи), но логика развития инновационного процесса налицо – в каждом управленческом эпизоде своя четко обозначенная направленность и своя функция.

Полагаю, основные этапы организации, свойственные подготовке и внедрению социального нововведения, в приведенных случаях вполне просматриваются. Сопоставляя их с известными по научным публикациям вариантами (например, пятью блоками И.В.Бестужева-Лады /11/), можно обнаружить отнюдь не формальные совпадения. Алгоритм нововведения закономерно включает все необходимые и логически выверенные действия:

1. **Информационно-аналитический этап** – сбор и оценка исходных данных, определяющих потребность в изменении положения дел и обосновании инновационной идеи.

2. **Этап генерации идей и принятия решений** – рассмотрение альтернатив и выбор, формулировка целей, задач, способов преодоления сопутствующих проблем и достижения намеченного результата.

3. **Этап проектирования и экспериментальной проверки** – научное обоснование и конструирование модели нововведения, апробация проекта в лабораторных или локальных практических условиях, заключение о возможности применения инновации в предусмотренных масштабах.

4. **Внедренческий этап** – создание на основе апробированной модели технологии реализации нововведения, обеспечение инновационного процесса контрольно-управленческим механизмом, оценка внедрения проекта и перспектив его массового тиражирования.

5. **Этап коррекции и оформления в «рыночный продукт»** – отработка, доводка проверенных на практике модельных принципов и построений, унификация рабочих схем для сохранения диффузного эффекта в условиях полисистемной организации нововведения.

Результативность социальной инновации, если исходить из выстроенных мною системных этапов, главным образом зависит от качества проекта и его внедрения. Основные усилия реализаторов идеи нужны именно здесь. С этой точки зрения важны как само понимание смысла и содержания социального проекта, так и умение им пользоваться, способность материализовать инновационную идею.

Латинское projectus буквально означает «брошенный вперед» /12/. И этот свой смысл слово сохраняет и сейчас. Под проектом мы подразумеваем, как правило, воображаемую конструкцию, замысел неких изменений, которые в принципе могут быть осуществлены тем или иным способом. Более предметно трактует проект теория управления – он для нее система сформулированных целей и создаваемых под них организационных структур и моделей, технологических процессов, документации, материальных, финансовых, трудовых и прочих ресурсов, управленческих коммуникаций и действий /13/.

С учетом существенного для любой реализуемой идеи субъектно-ориентированного (тезаурологического) подхода к социальному проектированию допустимо, на мой взгляд, принять точку зрения профессора В.А.Лукова. Она сводится к тому, что социальный проект – это сконструированное его инициатором социальное нововведение, целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности и воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению /14/.

Последнее принципиально: практика и только практика определяет социальное значение инновационного продукта. Системная организация внедрения нововведений – это прежде всего обеспечение проектируемого

социального качества. Может появиться внешне позитивная идея, но если ее реализация обрастет издержками, не исключен обратный эффект. Значит, должна действовать формула *«организация есть адаптация качества».*

Интересно посмотреть под этим углом зрения на отставленную пока далеко в тень советскую инновацию 1970-1980-х годов, связанную с концепцией планирования социального развития (ПСР). Она работала в границах разномасштабного социального пространства – предприятие, объединение, район, город и снимала многие противоречия при взаимоадаптации технических новшеств и социальной организации.

Для концепции ПСР, подчеркивает А.И.Пригожин, характерно выдвижение в центр внимания не только рационального, но и ценностного начала, с преобладанием именно последнего. Привычный социотехнический подход предусматривает разработку проблемы, идеи, сначала анализируя технические и функциональные особенности новшества – допустим, автоматической линии на заводе, затем оценивая последствия освоения новой техники персоналом, стремясь, с одной стороны, оптимально перестроить трудовые обязанности и отношения, а с другой – скорректировать, адаптировать параметры новшества. В русле же концепции ПСР анализ начинается как бы с конца, то есть с результата. Выясняется, какая социальная задача в данных условиях является самой актуальной, а уже потом – как она может решаться с помощью техники, автоматики /15/.

Социальными целями могут стать, например, облегчение, оснащение или обогащение труда, повышение управляемости (организованности). Однако нельзя обходить и все отдаленные или сопутствующие последствия нововведения. Социологический подход, по Пригожину, должен исходить из неизбежности, допустим, таких побочных мотивов: а) социальное напряжение (перемещение работников, изменение содержания труда, сложности в освоении системы и т.п.); б) социальные издержки (потери статуса, сокращение штата, усиление внешнего контроля и т.п.); в) социальные стимулы (возможность продвижения, повышение

содержательности труда и престижа профессии). Внедрение автоматической линии может быть признано социально неприемлемым, когда нечем компенсировать издержки доступными средствами (скажем, трудоустроить высвобождающихся работников) или возникают неразрешимые противоречия с фундаментальными ценностями типа дегуманизации труда /16/.

Ценностное начало в социальном развитии занимает свое системное место точно так же, как и в отдельно взятой не очень масштабной социальной инновации. Современные исследователи привычно выделяют приемлемость новых мотивов для людей, возможность измерять некое будущее качество с альтернативных позиций – в виде желаемого или, наоборот, опасного изменения. На обобщенном уровне это сводится к стремлению каждую общественную инновацию рассматривать как ценность для всех социальных групп, втянутых в ее реализацию, для всех значимых исполнителей нововведения /17/.

В свойствах планов социального развития обнаруживается немало рациональной методики. Не мешает, в частности, назвать составление социальных паспортов предприятий, районов, городов. Однако значение ПСР, на мой взгляд, в первую очередь определила заложенная в них, как принято сейчас говорить, «инновационная модель развития». Слова могут меняться – суть останется: социальное развитие по природе своей не могло не опираться на поиск нового, обходиться без инновационной политики и инновационной стратегии.

Именно в этом ряду в практике нововведений конца 1990-х годов я рассматриваю инновационные программы, к примеру, городской администрации Усть-Илимска (Иркутская область). Планируя системно организуемые на ближайшие годы изменения, там особый акцент делали на создании эффективного механизма муниципального управления. На взгляд разработчиков инновационных идей, для этого требуются:

1. Консолидация усилий властных структур различных уровней, руководителей предприятий, банков и фирм, всего населения для решения местных проблем.

2. Самообеспечение территории как необходимое условие ее развития.

3. Опора на творческую инициативу каждого человека, формирование цепочки взаимовыгоды «человек – предприятие – территория – страна».

4. Построение «народной экономики» и всесторонняя поддержка малого и среднего товаропроизводителя в качестве ключевого субъекта муниципальной экономики.

5. Опора в основном на местные ресурсы, на производство как можно большего количества продовольствия, товаров и услуг. Деньги населения и предприятий должны работать на местные нужды.

6. Реализация комплексной программы возрождения и развития города с целью быстро поднять экономику и задействовать максимум трудоспособного населения.

А теперь сопоставьте с обозначенными ранее алгоритмами то, что определяла в принятой последовательности программа развития Усть-Илимска:

– создание комплексной картины жизнедеятельности региона;

– анализ причин экономического и социального спада;

– выявление ключевых проблем развития и путей их решения;

–формирование источников финансирования и привлечения инвестиций;

– организация механизма внедрения преобразовании.

По всем позициям среднесрочной, рассчитанной на пять лет инновационной программы видны свои системные шаги, определены свои подсистемы, этажи действия /18/.

Пример Усь-Илимска есть ничто иное, как одна из форм или ступеней, закладываемых в инновационные модели развития страны, региона, локальной территории или отдельного крупного предприятия. Типичными чертами таких моделей специалисты считают возможность использовать собственные экономические ресурсы, капитал, интеллектуальное богатство в пределах своих оптимальных потребностей/19/. При этом для инновационной модели развития в нынешней России, по их мнению, наиболее приемлемы и необходимы:

- введение национальной системы научно-технологических парков, инновационных зон уровня развитых стран;
- подготовка научных и педагогических кадров в области управления, инновационного предпринимательства и гражданского права;
- перевод инновационной политики на системную основу, базирующуюся на принципах инновационного маркетинга и менеджмента /20/.

Научно-технологические парки представляют собой структуру, в рамках которой создается оптимальная среда для интеллектуальной деятельности, позволяющая в короткие сроки реализовывать новые наукоемкие идеи и осуществлять весь инновационный цикл от маркетинговых исследований, научно-изыскательских работ до производства инновационного продукта (в заключительной главе книги технопаркам будет отведено главное место).

В инновационных зонах (территориях разного масштаба) формируется правовая среда, пригодная для венчурных, интенсивно, на грани коммерческого риска занимающихся нововведениями фирм и предприятий, создается материальная база для конкурсного отбора инновационных проектов, подготовки соответствующих профессиональных кадров и структур, проведения прикладных исследований и разработки технологий тиражирования нововведений /21/.

Системное представление на разных уровнях делает более предметными наши оценки инновационного процесса в целом. Но оно же

возвращает и к очевидному выводу об особом значении управления нововведениями в местах их непосредственной разработки и реализации.

Ни одна организация не может оставаться неизменной, констатируют Т.М.Исаченко и А.А.Волков. Существуя в условиях острой конкурентной борьбы, они должны создавать новые виды продукции и услуг, совершенствовать уже производимые. А чтобы подобные изменения не носили разрушительного характера и были инкорпорированы в структуру организации, нужны механизмы управления и умелые кадры /22/.

Хорошо организованный процесс обеспечивает непрерывность инновационной работы, ее преемственность во всех сферах общественной жизни и производства, эффективность социальных изменений, преобразований за счет действенности каждого из этапов цикла «проблема – исследование – идея – разработка – внедрение», синхронизацию инновационных и других процессов, призванных поддерживать и развивать качественно высокое состояние общества и его структур.

Непрерывность и преемственность в данном случае действительная суть организации. Тут нет никакой искусственности, если вспомнить непременное свойство любых инноваций – на какое-то время нововведение вынужденно сбивает заведенный до него порядок вещей. И потому вызывает сопротивление, обнажает скрытые ранее противоречия. Чем выше нацеленность на «мягкие» варианты преемственности, на продуманную заранее смену ритма, тем меньше причин для торможения нового. Хотя, конечно, причины причинам рознь.

Источники

1. См.: Диалектика и теория творчества. – М., 1987. – С. 60.
2. *Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М., 1993. – С. 88.
3. Там же. – С. 47.

4. См.: Менеджмент: теория и практика в России: Учебник / Под ред. А.Г. Поршнева, *М.Л.Разу, А.В.Тихомировой.* – М., 2003. – С. 414-415.
5. *Леонов Л.* Мироздание по Дымкову//Фантастика 75-76. – М., 1976. – С. 322.
6. *Луков В.А.* Социальное проектирование: Учебное пособие. – 6-е изд., испр. – М., 2006. – С. 11.
7. Там же. – С. 11-12.
8. *Нестеренко В.* Что нам стоит дом построить // Муниципальная власть. – 1999. – №4-5. – С. 115.
9. См.: *Козенко Н.Г.* Социальное самообеспечение как принцип и направление развития местного самоуправления / Дис… канд. социол. наук. – М., 1999. – С. 108-110.
10. *Красовский Ю.Д.* Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы. – М., 1997. – С. 268.
11. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М., 1993. – С.57-59.
12. См.: Большой энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 1252.
13. Менеджмент: теория и практика в России… – С. 223-224.
14. *Луков В.А.* Указ соч. – С. 36.
15. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия. (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 226-227.
16. Там же. – С. 241-242.
17. См.: *Горбачева О.В*. Инновационные процессы в современной общеобразовательной школе России // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.4. – С. 100.
18. *Дорошок В.* Выход из «таежного тупика» // Муниципальная власть. – 1998. – №2. – С. 39.
19. Инновационная модель развития: Теория и практика нововведений. – М., 1998. – С. 39.

20. Там же. – С. 48.

21. Там же. – С. 40-62.

22. См.: *Исаченко Т.М., Волков А.А*. Инновационная политика и трудовые ресурсы // Труд за рубежом. – 2003. – №2. – С. 4.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Чем мотивирован системный подход к организации социальных нововведений?
2. Какие аспекты системной организации инноваций, на ваш взгляд, должны квалифицироваться как базовые, основополагающие?
3. Можно ли, по-вашему, оптимально спроектировать нововведения в условиях отведенного социального пространства, если заведомо известно о вероятности немалого числа социальных переменных?
4. Готовы ли вы поставить знак равенства между прошлыми планами социального развития и инновационными моделями развития, которые предлагает практика сегодня?

Системный алгоритм

Определите, к каким этапам инновационного процесса с точки зрения алгоритма рождения социальных нововведений принадлежат обозначенные ниже действия и позиции:

– апробация проекта, заключение о возможности применения инновации;

– изучение потребностей в изменении существующего положения дел;

– унификация рабочих схем для обеспечения диффузного эффекта нововведения;

– создание технологии управления инновационным процессом.

Учебное задание

Системная организация нововведений нуждается в системном мышлении. Проверить его наличие (а в дальнейшем и развивать) помогает так называемая концептуальная модель Блума («Блоковая структура программы»). Соответствие уровням системного мышления можно определить по ходу самоисследования на основе таксономии этой модели. В таблице-кальке приведены ключевые слова и фразы, предназначенные для стимулирования мыслительных процессов каждого из предусмотренных уровней.

№№ п/п	**Уровень по «Таксономии» Блума**	**Ключевые слова и фразы**
1.	Познание	Соотнесите, перечислите, расскажите, сформулируйте, установите, опишите, назовите.
2.	Понимание	Расскажите своими словами; опишите, что вы чувствуете относительно…; суммируйте, покажите взаимосвязь; объясните смысл.
3.	Применение	Продемонстрируйте; объясните цель применения; воспользуйтесь этим, чтобы решить…
4.	Анализ	Разложите на составляющие; объясните причину, сравните; разложите по порядку; классифицируйте; объясните, как и почему.
5.	Синтез	Разработайте новый вид продукта (идеи); что произойдет, если…; придумайте другой вариант; есть ли другая причина.
6.	Оценка	Установите нормы, отберите и выберите; взвесьте возможности; дайте критические замечания; назовите то, что вам больше всего нравится; что вы думаете о…

Дайте достаточно емкий пример своего системного мышления и видения организации нововведения по каждому уровню (базовой может стать любая из удобных вам инноваций).

Афоризм с прицепом

Наука строится из фактов, как дом строится из кирпичей; однако нагромождение фактов не есть наука, как и груда кирпичей не есть дом.

Анри Пуанкаре

Французский математик, физик и философ понимал толк в системности. Продолжите его мысль. Какая проекция на инновационный процесс здесь напрашивается: «Инновация строится из набора ……. однако их наличие не есть еще ……»?

Глава 8. Причины торможения инноваций в социальной сфере

Когда я говорил применительно к судьбе нововведений, что утверждаться новому не просто и причины причинам тут рознь, то имел в виду прежде всего типичные ситуации как общесоциального, так и личностного порядка. Их не так много, но и не так мало. Причем корни у них одни – естественные для любых форм развития инновационные противоречия и свойственная им рефлексия человеческой психологии, общественного сознания.

«Естественные противоречия», конечно, понятие условное. Нововведение, если оно не несет в себе ложные помыслы, псевдоновацию, представляет собой, по определению В.А.Лопатина, способ существования и разрешения основного противоречия между утверждаемым новым и отрицаемым старым /1/. Замена же старого на новое, на мой взгляд, хотя и предполагает определенную борьбу мнений, выявление неких промежуточных, переходных состояний, точно так же должна заранее предусматривать и варианты ответов на предвидимые спорные решения, меры профилактики и погашения теоретически возможных напряжений. То есть одинаково естественно *иметь* противоречия и *уметь* их предвосхитить. От того, в чем больше преуспел инноватор – получил лишь «свое» или удачно просчитал ходы вперед и предотвратил ненужные осложнения, – собственно, и зависят мера естественности, а с ней и число обозначившихся по ходу рождения новшества противоречий.

Есть здесь и другой аспект, иной поворот мысли. Противоречия выступают не просто движущими силами инновационной деятельности. Показательно то, что острый характер отношений между старым и новым является в соответствии с канонами диалектики сущностным отражением единства и борьбы противоположностей. Обращая на это внимание, И.А.Романова видит в таком именно отражении основное инновационное противоречие, а остальные противоречия зачисляет в «неосновные» /2/. Но я

не стал бы что-либо делить по столь неравноценным признакам. Категории философские и сугубо «земные», предметные – все-таки не одно и то же.

Свойство инноватики производить социально значимые изменения, инициировать переход или перевод системы из одного состояния в другое (зафиксируем это как факт), объективно связано с двумя сторонами диалектически объяснимого процесса воспроизводства – функционированием и развитием рассматриваемой совокупности элементов. Функционирование, будучи цикличным воспроизводством заданных качеств и результатов, противостоит развитию (нововведению), уже изначальный смысл которого в изменении существующих системных функций. Нововведение не может не взаимодействовать со средой своей реализации, а значит и обречено на временное торможение или разрушение порядка функционирования в системе, где идет его адаптация.

Такого рода общесистемные противоречия, по заключению А.И.Пригожина, «питают рефлексы сопротивления инновациям» /3/. Важный и принципиальный момент! Общесистемные противоречия, бесспорно, нуждаются в выделении. Их нельзя скопом помещать в «неосновные» и их было бы неуместно включать в разряд социальных, экономических, психологических или иных, схожих по типу, о которых я собираюсь позже говорить.

Профессор Пригожин называет три общесистемных противоречия.

1. Изменение и стабильность. В большинстве случаев нововведения создают противоречие между вносимыми в систему изменениями и стремлением системы сохранить себя как целое, не потерять присущую ей организационную устойчивость. Меняясь в чем-то, она должна не лишиться других, тем более основных своих качеств. Суть возникающего здесь напряжении – изменение в постоянном. Отсюда появляется линия «отчуждения» нововведений в организационных и иных социальных системах.

2. «Критическая масса» (у Пригожина – «объем») последствий. Осуществление каждого нововведения вызывает все больший, нарастающий резонансный эффект. Пропорции вторичных, производных явлений и последствий, их «масса» начинают в определенных ситуациях превышать полезность исходного нововведения. Отсюда накопление мотивов к сопротивлению, усиление риска непредвиденных потерь.

3. Множественность объекта изменений. Нередко программируется слишком много изменений при фактически отсутствующем едином объекте внедрения. Набор организаций, регионов при этом очень разнообразен. Несходство их условий, специфики в отдельных средах приводит к тому, что внедрение на местном уровне получает признаки уникальности. И проект нововведения оказывается перед неизбежностью множественной трансформации. Иначе говоря, противоречие разрешается исключительно в процессе взаимоадаптации новшества и его среды.

Выделение общесистемных противоречий, подчеркивает А.И.Пригожин, важно не только в теоретическом плане. Надо признать, что сопротивление нововведениям не есть лишь плод консерватизма, некомпетентности работников. Это объективные трудности перехода к новому. Потери же в том, что когда среда стремится приспособить новшество к своим особенностям, снижается потенциал идущих за ним изменений. Все это задает известную инерционность функционированию организационных систем и препятствует инновациям. Для управления же инновационными процессами существенно то, что система только тогда будет открыта новшествам, когда их внедрение станет условием ее сохранения. Будет такое условие – удастся поддерживать инновационный импульс внутри самой системы /4/.

Диапазон мнений на сей счет, разумеется, велик, особенно если касаться сколько-нибудь крупных социальных проектов или тех многозначных нововведений, которые предполагают широкий общественный резонанс. Ведь тормозить полезное новое, сошлюсь на обыденную

психологию «рыночного» времени, можно и по причине сугубо банальной: невыгодно – и все тут! Причем о выгоде-невыгоде судят, как легко догадаться, не с позиций государственных или общественных интересов, а личных, корпоративных. В социальной сфере это сейчас преобладающий мотив. И он тем сильнее, чем экономически ущербнее территория, предприятие, организация.

Период новой российской истории, которому более двух десятков лет, это по большей части время анархии и «дикого капитализма». Только после 2000 года появились зачатки социального порядка, а затем, несколько позже, была официально продекларирована социальная ориентация государственного бюджета и вслед за тем родились национальные проекты реабилитации образования, здравоохранения, создания доступного жилья, развития села.

До этого были все основания обобщать ситуацию по критерию, обозначенному в середине 1990-х В.Тхоржевским. В своем философском эссе он прямо говорил, что новое «не видят» те, кому невыгодно. И невыгодно потому, что новое «требует реальных усилий. Реальных дел, реального риска, не обещая сиюминутной радости воровства» /5/.

Огрубленная эссеистом форма и несколько гиперболизированный подход не мешают увидеть за сказанным сохранившуюся до сих пор проблему. В ней первопричинность низкого коэффициента полезного действия нынешних отечественных социальных инноваций. Стратегии социальной политики не хватает материальных ресурсов, поскольку инвестировать в социальные проекты «приватизированные» народные деньги частному, полукриминальному капиталу не с руки – интересы не те и работать на неизвестную перспективу не хочется, тут не «бешеные» проценты с торгового или банковского оборота. А таких чисто государственных и разумно управляемых вариантов самообеспечения социальных инвестиций, как на Белгородчине (см. главу 7), слишком мало,

чтобы ожидать форсированной и масштабной поддержки проектов гуманитарного, «человекоемкого» характера.

Типичный пример на эту тему привел в «МК» победитель Международного конкурса компьютерных технологий в Японии (2005 г.) студент МФТИ Станислав Воног:

– В прошлом году я с командой занял второе место в мире на конкурсе «Умные технологии делают нашу жизнь проще» за проект школы будущего. Идея такая: учитель и ученики получают планшетные компьютеры вроде ноутбуков. На них можно рисовать ручкой, писать. Причем учитель видит на своем экране, чем занимается каждый ребенок: кто вовсю решает задание, а у кого творческий ступор. Мы придумали, как использовать ноу-хау на уроках рисования и английского. Для внедрения системы в одной школе понадобилось бы 30 тысяч долларов. Потенциальные клиенты вздыхали: «То, что вы придумали, – здорово. Но сегодня это не так необходимо, как деревянные парты или обычные учебники…» /6/.

Когда школе не хватает денег на элементарное, думать о принципиальных переменах, разумеется, трудно. Но только ли виноват в этом дефицит финансовых средств? И только ли деформированное сознание потенциальных заказчиков и инвесторов мешает администраторам от педагогики решиться на нововведение? Задавать подобные вопросы заставляет уже другая сторона той же проблемы невостребованности прогресса, ибо существуют действительные социальные инновации (как «школа будущего» студентов МФТИ) и есть лишь имитация инноваций, преследующая цель всеми правдами и неправдами поддержать на коммерческой основе саму жизнеспособность социального объекта («деревянные парты» в обмен на современный учебно-методический антураж).

Не случайно исследователи из Казанского государственного технического университета вынуждены констатировать, что образовательные учреждения, обреченные государством на самостоятельную борьбу за свое

выживание, в основном реализуют инновации, ориентированные на сиюминутный спрос, спекулируют на внешней привлекательности предлагаемых новых образовательных услуг. В частности, анализ ситуации в общеобразовательных школах дает право группировать их на три категории: а) действительно авангардные, инновационные школы; б) экспериментальные школы, ведущие апробацию новых для них моделей и методов; в) псевдоинновационные школы, использующие незначительные видоизменения процесса обучения во имя престижных или меркантильных соображений /7/.

Видимо, в целом по России социальные инновации не находят должного развития и тиражирования из-за наличия и нравственно-психологических, и экономических барьеров. Это общая и в какой-то мере неизбежная для переходного периода диспозиция. В ней тяжело искать какие-то одномерные оценки или ответы.

На более обыденном уровне, в рамках местных сообществ и коллективов, территорий и социально-производственных единиц причины торможения нововведений в социальной сфере уже легче поддаются систематизированной и детальной классификации.

Внедрение инноваций в подавляющем своем большинстве влияет на взаимодействие и отношения участвующих в этом процессе людей, коллективов, социальных групп. Следовательно, человеческий фактор неизменно присутствует в судьбе нововведений, причем независимо от того, в каком сегменте социального пространства происходят изменения. Вот это-то человеческое измерение и определяет чаще всего любую ипостась и любую трактовку классификации причин торможения социальных инноваций или объяснения природы инновационных конфликтов.

В свое время во ВНИИ системных исследований была разработана методика, позволившая выяснить, в частности, как процесс внедрения новшеств воздействует на отношения и связи внутри организационных систем. Обследовали 29 нововведений. Оказалось, что в 93,1% случаев

микроклимат в инновационной зоне претерпевает существенные изменения, а настроения работников выливаются в трехвариантную трактовку поведения. Выбор таков: а) никак не реагировать на новшество; б) содействовать его внедрению: в) в той или иной форме препятствовать ему /8/.

Вероятностный характер подобного расклада сохраняется, понятно, на все гипотезы продолжения. Но в повседневной практике далеко не всегда можно реально определить потенциальных (скрытых) противников нововведений, и здесь, конечно, планируя внедрение социально значимых изменений, необходимо руководствоваться абстрагированным и в то же время научно ориентированным представлением о типичном наборе причин и мотивов сопротивления новому.

На мой взгляд, если суммировать всю известную информацию, то можно выстроить такую иерархию причинных факторов:

Факторы политические – говорить о них как перманентных причинах торможения нововведений необходимо, поскольку практика социальной политики до и после 2000 года еще раз доказала, во-первых, реальную разницу в подходах к сути политических решений, касающихся повышения качества жизни населения; во-вторых, наличие внутри властных структур достаточно сильного сопротивления политике расширения социальных программ (особенно когда такой позиции помогает глобальный экономический кризис). Эту факторную составляющую ранее рассматривать не имело смысла ввиду долгого отсутствия на российской территории управляемой социальной политики и хотя бы минимальных под нее ресурсов (именно поэтому, собственно, в аналогичном перечне факторов первого издания книги не было упоминания политических причин торможения социальных нововведений).

Сегодня государство и региональные органы власти социальную политику оценивают как фактор развития с разных сторон. В одном случае фигурирует традиционный социальный патернализм с разветвленной

системой субсидий, льгот, обязательных выплат. В другом – идет минимизация официальных социальных услуг и основной социальный пакет предоставляется зарабатывать самим труженикам. Но есть и вариант, когда формируются условия для появления многочисленного среднего класса, и число благополучных социальных групп превышает половину населения. Вопрос только в том, смогут ли, допустим, такую задачу выполнить существующие национальные проекты или же не смогут /9/.

Говоря иначе, весь комплекс социальных инноваций, которые масштабной проектной политикой предусмотрены, не обретет тормозящих причин, если: а) будут реализовываться объявленные цели; б) станет расти качество жизни не уже богатых или сверхбогатых, а людей среднего класса, постепенно отчуждаемых от слоя бедных и самых бедных наших граждан.

2. Факторы психологические – они присутствуют повсеместно и всегда, поскольку социальная сфера, социальные отношения не обходят ни одного человека.

В массовом сознании и поведении в годы реформ сложилось определенное предубеждение к социальным инновациям федерального уровня, меньшее – к начинаниям регионального и местного уровней. Мотивируется оно преимущественно отрицательными результатами реформ в социальной сфере (прецедентные оценки выполнения новых национальных проектов пока не могут считаться определяющими). Отдельные положительные примеры известны, как правило, узкому кругу людей (специалистам, политикам, журналистам), но не основному населению страны.

Отсюда усугубление и без того достаточно распространенной боязни перемен и каких-либо изменений, нежелания рисковать. У некоторых более возрастных категорий к этому добавляются инертность, консерватизм мышления. Не стоит забывать и о бюрократических преградах, связанных с аппаратной психологией, многими формальными условностями.

3. Факторы социальные – их влияние на торможение инновационных процессов в социальной сфере очевидно во всех случаях, где преобладают или существуют хотя бы локально групповые интересы.

Любые профессиональные, ведомственные, корпоративные группы заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей. Прямо или косвенно они сопротивляются нежелательным им переменам. К примеру, пенсионерам при всех сегодняшних недостатках не хочется реформировать действующую пенсионную систему под сомнительные в условиях России идеи о накопительных вкладах. Точно так же же, но по другому поводу склонны были вести себя профессиональные рабочие группы, когда нововведения касались, казалось бы, заведомо прогрессивной замены устаревшей техники компьютерными комплексами. Боязнь переучиваться, проходить переквалификацию, неуверенность в будущем своем социальном статусе делают людей невосприимчивыми к перестройке привычных общественных и производственных структур, преобразованию групповых ценностей.

У каждого человека есть социальные потребности в общении, признании, распределении общественных ролей. Удовлетворить их можно только через свою среду, коллектив, группу. Но удовлетворяя эти потребности, человек попадает в обратную зависимость – его коллеги, товарищи обязательно требуют от него лояльности по отношению к себе. Установленным ими нормам поведения. При нарушении подобных условий применяются санкции – разумеется, моральные (об этом более подробно писал А.И.Пригожин) /10/. Тем не менее никто не хочет, чтобы нововведение нарушило такой, пусть и уже явно консервативный порядок.

За рамками этого есть и другие причины нежелания нового – боязнь потерять работу, а не только товарищей, лишиться социальных выплат, льгот, недоверие к декларируемым под социальные нововведения государственным гарантиям.

4. Факторы экономические – удельный вес в сопротивлении социальным нововведениям у них меньше, чем иногда принято считать, но подспудно они проявляют себя почти во всех проектах.

О некоторых, в том числе и косвенных причинах экономического характера, влияющих на отношение к инновациям, шла речь в первом разделе учебника. Отмечу отдельно страх потерять из-за нововведений в зарплате, в доходах для коллектива, в ценах на жилье, коммунальные услуги (неоднозначные и весьма разные по своим масштабам и содержанию экономические последствия жилищно-коммунальной реформы в городах и областях России – самый типичный, как бы материализованный довод в пользу сопротивлявшихся ее проведению).

5. Факторы коммуникативные – они были включены мною в причинную классификацию в первом издании этого учебного пособия и напрямую связаны с научной и организационно-технической обоснованностью социальных инноваций, умением обеспечить информационными средствами понимание и поддержку предлагаемых инновационных идей.

Среда или объект нововведений чаще всего сопротивляются изменениям, во-первых, из-за недостаточной информированности; во-вторых, из-за внутренних коммуникационных барьеров в структуре организации; в-третьих, из-за пренебрежения самой проблемой, игнорирования инноваторами разъяснительной и пропагандистской работы в инновационном процессе.

Иллюзия относительно самоэффективности служебных связей, упование на текстуальные или уставные директивы, инструкции, пояснения превращают организаторов в заложников внешне эффектной, но отнюдь не работающей в автоматическом режиме административно-бюрократической машины. Людям необходимо разъяснять суть нововведений простым человеческим языком и на этапе их подготовки, разработки, и на этапе внедрения. Только тогда не будет активного торможения, не останется

равнодушных и несведущих. Каждый сможет примерить социальные последствия новшеств на себя и свою семью, подсказать авторам рациональный путь к результату в зоне своей ответственности.

Главный довод – новые информационные и управленческие правила требуют и дают возможности для качественно иной подготовки людей к сознательной работе в процессе сотворчества. Сюда можно добавить еще несколько аргументов, хотя бы пунктирно, телеграфно: а) с ростом интеллектуального потенциала работающих людей и масштабов используемого ими информационного поля (интернет, локальные сети) возникает необходимость грамотно разъяснять идеи нововведений, сближать контакты участников его внедрения, убеждать оппонентов в правильности избранного пути; б) без открытого, наглядного, понятного участникам инновационного процесса организационного проекта, обоснованного расчета при выборе технических средств и коммуникаций, источников инвестиций сегодня трудно надеяться на доверие к авторам предлагаемых социальных инноваций.

Несколько иная содержательная и формальная стилистика заключительного, пятого пункта причинных факторов объясняется не столько самой постановкой вопроса о существовании коммуникативных мотивов сопротивления, сколько попыткой ответить, в каком направлении искать средства погашения информационной недообеспеченности инновационных процессов. Однако призывая сконцентрировать пропагандистско-разъяснительные ресурсы и конструировать для управления нововведениями более активное сопровождение, стоит напомнить о близости границ факторов коммуникативных и факторов психологических – точнее, о тесной их взаимозависимости.

Британские специалисты Национального института социальных проблем, анализируя особенности внедрения и распространения нововведений, предостерегали тех руководителей департаментов социальных служб, которые питают надежды на то, что социальные инновации могут

приживаться сами по себе, без приложения особых организующих усилий. Дескать, как только люди узнают о новых методах работы, они воспримут их с энтузиазмом и будут рады не изобретать колесо. Подобные надежды, показывает практика, чаще всего необоснованны, и есть целый ряд моментов, подтверждающих их иллюзорность /11/. Выделю некоторые из них – наиболее характерные.

Во-первых, любые перемены, отмечают британцы, связаны с определенными потерями, и это обстоятельство необходимо учитывать. Значительное сопротивление людей вызывает, в частности, угроза обезличивания процесса изменений и его результатов. И здесь руководителям (агентам изменений) следовало бы, рассматривая сопротивление как негативную обратную связь, вовремя озаботиться увеличением числа лиц, выступающих за нововведение.

Во-вторых, важно обеспечить понимание неотложности, востребованности изменений. Люди должны видеть или соответствие нововведения существующим правилам и нормам отношений в данной социальной среде (то есть новое не несет с собой ничего радикального – и это изменения первого порядка), или же инновация готова трансформировать, вывести на иной уровень сами правила и отношения (что уже будет предполагать изменения второго порядка). Более того, надо понимать еще и общий контекст сопутствующих нововведению условий, их связь с интересами развития организации, чтобы избежать не только возможного локального сопротивления, но и грубых промахов в оценке перспектив предлагаемых новых решений.

В-третьих, в противовес факторам торможения нового надо предусматривать просвещение и обучение персонала. Тогда непосредственные проводники инновационных методов смогут лучше осознать характер и цели предстоящих изменений. Например, если цели заключаются в совершенствовании сотрудничества между социальными работниками и медицинскими сестрами, обслуживающими закрепленный контингент, то для

решения инновационных задач, по мысли лондонских коллег, более эффектным может оказаться совместный семинар-инструктаж, нежели обычные учебные курсы по своей профильной дисциплине.

Мне представляется, что инноваторы, борясь с предубеждениями «незнаек», должны не ограничиваться рассказом об инновационном проекте и обоснованием тех или иных узловых решений, важно еще и формировать определенный психологический задел – постепенно приучать людей мыслить другими категориями, вообще по-иному думать. Ориентируясь, быть может, больше не на традиционное вертикальное мышление, а на латеральное, методологию которого предложил в свое время Эдвард де Боно.

Вертикальное мышление, выбирая какой-то единственный путь действий, комментирует доктор де Боно, отбрасывает все остальные возможные варианты. Латеральное – отбором не занимается, оно стремится изыскать новые возможности, создать как можно больше альтернативных решений. То есть человек, владея латеральным мышлением, занят исключительно процессом созидания новых идей /12/.

То, что формулирует этот ученый, привлекает еще и строгим мировоззренческим подтекстом. Бороться с торможением инноваций, понимать суть философии изменений, конечно же, легче, обладая навыками латерального мышления. Конструктивного и наступательного. По мнению де Боно, поскольку латеральное мышление стремится перестроить любой фиксированный образец, его задача как раз и заключается в том, чтобы бросать вызов всевозможным исходным посылкам. Его девиз: никто не может поручиться, что допущение верно. Большинство допущений, подчеркивает специалист по творческому поиску, продолжает сохранять свою значимость лишь в силу существующих традиций, а не за счет регулярного подтверждения собственной достоверности /13/.

Изменение психологии и отношения к делу – это и «торможение торможения», то есть явное уменьшение сопротивления инновациям, и одновременно формирование в системе устойчивого инновационного

климата, располагающего уже не просто к разовым нововведениям, а к постоянно работающей инновационной модели развития. Радикальное изменение состояния объекта нововведений делает его средой, максимально готовой к долгосрочным, последовательно организуемым преобразованиям. Ведь, как уже ранее говорилось, одной из критически важных составляющих успешных изменений, наряду с «генеральным планом» развития, является более высокая степень участия людей в инновационном процессе на всех уровнях.

В контекст этого тезиса весьма к месту ложится задача уяснения тех сил и обстоятельств, которые препятствуют нововведениям. Главное при этом, констатируют американские исследователи, не понимание технической стороны изменений, а формирование более глубокого интереса и внимания к человеческому фактору (например, не следует игнорировать предложения тех, кто вовлечен в процесс изменений, нельзя использовать непонятные термины и т.д.). В русле именно таких представлений в США применяют методы социальной диагностики, программы обучения инноватике, правилам и приемам творческого общения, разрабатывают методики воздействия на склонных к торможению людей – вплоть до явного и скрытого их принуждения /14/.

Характерно, что американский опыт в этом смысле лишний раз доказывает наличие самой проблемы коммуникативных связей и противодействия существующим здесь слабостям. Необеспеченное информационным сопровождением нововведение ни по степени готовности своей среды, ни по параметрам внутренней организации, техники дела не способно претендовать на оптимальные сроки реализации идеи и достаточно массовую осознанную поддержку. Не случайно в Соединенных Штатах новаторство процветает в организациях, где зоны служебных обязанностей накладываются одна на другую, люди общаются через границы этих зон беспрепятственно, информация распространяется без помех, а все стимулы ориентированы на будущее, не на прошлое /15/.

Вывод, собственно, единственный: какие бы проблемы и препятствия ни возникали на пути социальных нововведений, их нельзя воспринимать как нечто инородное для инновационного процесса. Они естественны для любой общественной системы. Выявление причин торможения социальных инноваций есть и определение резервов социального развития. Это проверка готовности и способности общественных групп к разного рода социальным нововведениям, обновлению базовых социальных практик – всего того, что является сегодня, по мысли академика Т.И.Заславской /16/, социально-инновационным потенциалом трансформирующегося общества.

Не надо бояться возникающих напряжений, противоречий. Надо учиться их преодолевать – путем неустанного коллективного поиска, анализа практики, экспериментальной отработки моделей и технологий инновационной деятельности.

Источники

1. *Лопатин В.А.* Специфика противоречий инновационного процесса (методологический аспект) / Автореф. дис… канд. филос. наук. – Минск, 1985. – С. 12.
2. *Романова И.А.* Диалектика инноваций в отечественной педагогике XX века / Автореф. дис… канд. пед. наук. – М., 1995. – С. 12.
3. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 74.
4. Там же. – С. 74-75.
5. *Тхоржеский В.* Боязнь новизны // Доверие. – 1995. - №15-16.
6. См.: Московский комсомолец. – 2005. – 5 декабря.
7. См.: *Горбачева О.В.* Инновационные процессы в современной общеобразовательной школе // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.4. – С. 101.

8. *Толстой В.С.* Проектирование нововведений как метод преодоления механизма торможения // Нововведения как фактор развития. – М., 1987. – С. 50.
9. См., напр.: *Некрасов С.Н.* В поисках идеала общественной консолидации: какая программа социального развития качества жизни нужна России? // Повышение качества жизни населения – важнейшая проблема Российской Федерации: Сб. научных докладов и статей. – М., 2006. – Ч.1. – С.110-111; *Гончаренко Л.П., Арутюнов Ю.А.* Инновационная политика. – М.: Кнорус, 2009
10. *Пригожин А.И.* Указ. соч. – С. 91.
11. См.: Новаторство и перемены: методы управления/Национальный институт социальных проблем. – Лондон, 1995.
12. *Де Боно Э.* Литеральное мышление: Пер. с англ. – СПб., 1997. – С. 44-45.
13. Там же. – С. 99.
14. *Мак-Гоун Р., Спаньола Р.* Разработка новых технологий // Эффективность государственного управления: Пер. с англ. – М., 1998. – С. 761.
15. Там же. – С. 762.
16. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004. – С. 270.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Насколько объективно неизбежны противоречия, становящиеся причинами торможения социальных инноваций?
2. Какие факторы, на ваш взгляд, наиболее существенно влияют на отношение людей к нововведениям в социальной сфере?

3. Есть ли конструктивные средства – психологические, моральные, политические, экономические – для «торможения торможений»?

Неожиданный поворот

Два исследователя Эллен Лангер и Синтия Вейнман провели в Бостоне опрос безработных, которые стояли в очереди на бирже труда. Одной группе было предложено рассказать, почему так трудно найти работу в Бостоне, а другой – обсудить, каким образом добиться трудоустройства на Аляске. Затем каждую из групп разделили поровну, чтобы у первой половины было время подумать над ответами, а вторую тут же, как прозвучит вопрос, заставить ответить.

Те, у кого было время подумать о переселении на Аляску, предложили больше всего вариантов решения стоящей перед ними проблемы. Группа, которой полагалось немедленно ответить о положении безработных в Бостоне, тоже оказались на высоте. Между тем, имевшие время подумать о работе в Бостоне высказали гораздо меньше идей, как и те, кому пришлось без подготовки искать способы «завоевания» Аляски.

Вывод независимо от темы оказался по-своему удивительным. О незнакомых объектах мы склонны размышлять более продуктивно, если у нас есть время задуматься, зато об объектах знакомых говорим полнее и лучше, когда особо задумываться не надо. И наоборот, когда мы чересчур много размышляем над чем-то уже давно известным, в голову приходит гораздо меньше каких-либо идей.

Оцените под этим углом зрения психологию и поведение потенциальных противников инноваций (нейтралов, консерваторов) и предложите:

а) как тактически точнее и правильнее готовить разные категории людей к участию во внедрении социальных нововведений; кому из них

лучше дать подольше подумать, а с кем целесообразнее форсированно, почти экспромтом включаться в освоение нового;

б) в какой форме и в каких соотношениях стоит проводить ротацию социальных работников в зоне инновационных изменений, чтобы максимально сократить влияние субъективных факторов на судьбу нововведений в социальной сфере.

Творцы

Причины торможения инноваций отражают всю сумму противоречий объективного и субъективного характера. Однако в любом случае сталкиваются людские позиции (см. рис.)

Спросите себя, чего здесь больше: борьбы за единство позиций или отсутствия единства, которое и определяет борьбу? И кто побеждает чаще – инноватор с мирной лейкой или топор с боевой наклейкой?

Глава 9. Социальный эксперимент в инновационном процессе

В практической инноватике роль эксперимента высока уже потому, что она дает одновременно возможность и право обосновать пригодность социального новшества к использованию в интересах человека. Иными словами – проверить жизнеспособность заявленной идеи, испытать ее прочность, выявить те стороны нововведения, которые нуждаются в доработке, прежде чем оно будет внедрено и тиражировано. Как удачно заметил А.И.Пригожин, «эксперимент есть комплексная диагностика новшества», важная часть того переходного механизма, коему предназначено передать проверенные инновационные качества с экспериментального объекта на любые остальные /1/.

Чтобы оценить истинную роль эксперимента в сфере социальных инноваций, следует, на мой взгляд, прежде всего уточнить основные его понятийные и методологические особенности.

Большой Российский энциклопедический словарь дает такое исходное определение, которое вполне универсально для естественнонаучных и гуманитарных дисциплин: «Эксперимент (от лат. experimentum – проба, опыт), метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления природы и общества» /2/.

Универсальность определения имеет существенное значение, ибо только с относительно недавнего времени утвердившееся в естественных науках понятие эксперимента стало иметь много общего с выросшим на его основе понятием эксперимента социального.

Причина возникшей общности, считает отечественный исследователь А.А.Хагуров, заключается в том, что мы имеем дело с двумя модификациями метода познания, и обе они в качестве таковых отражают единую направленность поиска, испытывают общие воздействия в процессе развития науки и практики. Но тут общность двух типов экспериментов кончается и

далее начинаются различия. Источники различий – объекты экспериментирования /3/.

Выводы, констатация некоего научного качества в практике социальных экспериментов до 1960-х годов базируются преимущественно на зарубежных источниках. Первые серьезные теоретико-методологические работы по проблемам эксперимента в социальной сфере появились в нашей стране, отмечает В.В.Жучков /4/, не раньше середины того десятилетия. В 1965 году увидела свет публикация Н.М.Кейзерова «Социальный эксперимент как метод социального исследования». На следующий год в двухтомнике «Социология в СССР» напечатана еще одна целевая статья. В 1968-м вышла монография Р.В.Рывкиной, А.В.Винокурова «Социальный эксперимент», в 1970-м – Л.А.Ивлевой, П.Е.Сивоконя «Социальный эксперимент и его методологические основы».

С тех пор отечественные исследователи делают попытки обобщить опыт экспериментирования, чтобы вычленить оптимальные модели управления инновациями. По мнению А.А.Хагурова, эксперимент в этом плане имеет сейчас четыре особенности /5/.

1. *В любом социальном эксперименте изучаются реакции людей на те или иные воздействия.* Отсюда вопрос: какие воздействия и в каких целях допустимы в принципе? Ответ на него возможен лишь с позиций четко очерченных ценностных установок. Один из ведущих специалистов в области экспериментальной медицины К.Бернар сформулировал правило: «Из экспериментов, которые можно проводить на людях, запрещены те, которые могут причинять только вред; разрешены те, которые безобидны; показаны те, которые могут принести пользу».

«Это требование должно обусловливать социальный эксперимент любого типа», – делает заключение Хагуров. Но опускает другое, не менее важное соображение медика, о котором напоминает полемизирующий с ним Жучков: какие-либо опыты допустимы, когда человеку-объекту экспериментального исследования в достаточной мере разъяснены ход

вмешательства в его организм, предполагаемые последствия этого и степень риска (принцип информированности), и когда он добровольно согласился на эксперимент без экономического и физического принуждения (принцип добровольности). А поскольку Хагуров цитировал Бернара по тексту статьи Р.Лётера, то оппонент предлагает максимально полнее представить мнение ее автора, оно при всей своей простоте предельно этично и гуманно: «для разрешения сомнений, допустим ли морально эксперимент или нет, опытные и осознающие свою ответственность исследователи рекомендуют экспериментатору задать себе вопрос, стал бы он проводить его также на людях, которые являются для него самыми любимыми и дорогими его сердцу» /6/.

Резюме к первой выделенной А.А.Хагуровым особенности социального эксперимента, таким образом, делится как бы на две части. Официальная оценивает результат опыта в зависимости от того, подтвердилась исходная гипотеза или нет. Этическая же часть делает акцент на том, сказался ли отрицательно или нет эксперимент на людях. Причем дело тут не в двойной морали, гуманном или негуманном мировоззрении – речь идет, как это, собственно, и квалифицировал Бернар*, о границах допустимого* в социальном эксперименте.

2. В отличие от естественнонаучного эксперимента, где все определяют субъектно-объектные отношения, превалирует активность субъекта познания, *в социальном эксперименте активную роль выполняет и объект воздействия, а отношения превращаются в субъектно-объектно-субъектные*. Более того, в большинстве случаев подключение «объекта» (людей, групп, коллективов) к процессу экспериментирования становится залогом успеха всей действующей программы.

Бесспорно, Хагуров прав, когда связывает эту особенность с иерархией понимания эксперимента. На каждом уровне его цели и задачи конкретизируются с учетом роли участвующего в нем человека или подразделения. В крупномасштабном социальном эксперименте нередко для

понимания всех смысловых сторон проводимого опыта требуется даже специальное обучение, консультирование. Тем не менее, отмечая это, автор не называет весьма важный при данном порядке вещей фактор (по мнению Жучкова, более значимый, чем постановочные знания) – систему информации, которая в современных условиях обязательно должна сопровождать социальный эксперимент. Возможно, информационный фактор нужно даже толковать еще расширительнее – как фактор коммуникативных связей, о котором говорилось в предыдущей главе.

Существенна для понимания целей, задач и хода эксперимента проблема предотвращения отчуждения и отчужденности. Поскольку отчужденность – характеристика субъекта, постольку она зависит не только от глобальных, всеобщих предпосылок, но и от специфических, единичных обстоятельств. Хагуров ссылается на эстонские исследования, выявившие 19 факторов формирования творческой активности субъекта: присутствие или отсутствие любого из них может в равной степени быть причиной отчуждения /7/.

Иное дело – отчуждение в эксперименте тех или иных взаимодействующих организаций, у каждой из которых свой интерес в результатах, свое отношение к актуальности, своевременности проверяемой социальной идеи. Нельзя не учитывать, что социальные условия очень подвижны, и то, что им соответствовало в одно время, перестает соответствовать (и отставать) в дальнейшем. Впрочем, то же можно сказать и о реакциях на идеи, «опережающие» обстановку.

Понимание целей способствует получению устойчивого валидного эффекта эксперимента (валидность есть основная характеристика качества измерения в социологии, по сути, обеспечивающая адекватность соотносимых до и после эксперимента категорий и величин). Причем вопрос об эффекте экспериментальной деятельности принципиален не только в гносеологическом плане, как считает Хагуров, но и в методологическом – ведь эффективность достигается определенными средствами, в них входят и

те, что учитывают субъективные психологические и мировоззренческие, ценностные факторы.

Собственно, это и подтверждает автор известных экспериментов в Филадельфии и Хоуторне американский социолог Э.Мэйо: «Самое глубокое изменение экспериментальных условий произошло тогда, когда руководители пытались заручиться поддержкой рабочих… Перед каждым изменением в программе проводилась консультация с исполнителями, и они привыкли к постоянному выражению своих мыслей и чувств по отношению к управляющему персоналу. Шесть человек, работающих в экспериментальной комнате, превратились в коллектив, искренно и непосредственно заинтересованный в эксперименте… Ослабление личностных напряжений привело к росту производительности труда. Оказалось, важно не то, что и как исследуется, а сам факт обращения к мнению рабочих». Суммируя особенности обнаруженного в Хоуторне явления, Р.Уотермен не случайно квалифицирует его прежде всего в социопсихологическом ключе – как «эффект Пигмалиона» /8/.

Резюме ко второй особенности социального эксперимента: в ходе его происходит слияние (единение) субъекта и объекта экспериментирования, субъект одновременно становится и объектом исследования, происходит самопознание экспериментатора.

3. Особые свойства воспроизводимости: результаты эксперимента социального не могут при одних и тех же условиях и методиках гарантированно, жестко повторяться. Здесь коренное отличие от естественнонаучной практики.

В конечном счете – это наблюдение А.А.Хагурова принципиально – объектом социального эксперимента выступают общественные отношения. При их плюралистической природе могут существовать и «сквозные», постоянно воспроизводимые области (например, отношения к средствам производства), и «несквозные», уникальные (психологический климат в коллективе), которые буквальному повтору не подлежат. Но это не означает:

а) что надо подвергать сомнению научную ценность невоспроизводимых экспериментальных фрагментов; б) что надо игнорировать их при принятии управленческих решений и продолжать экспериментально изучать, оценивать, прогнозировать.

Следующий момент, проецируемый третьей особенностью социального эксперимента: индивидуальные, порой неповторимые качества возглавляющих коллектив людей могут предопределять результативность эксперимента. Невнимание к этой стороне дела приводит, по оценке Хагурова, к недоразумениям в теории и практике. Именно потому, как можно понять, Д.Кэмпбелл вынужден был выделить особый вид экспериментов в социальных исследованиях – «квазиэксперименты», то есть те, в которых исследователь «не полностью контролирует порядок экспериментального воздействия» /9/.

Резюме же в данном случае сводится к простой констатации: третья особенность социального эксперимента в значительной мере суммирует мотивы двух предыдущих. Природа социальных отношений, с одной стороны, и индивидуальность участников опыта, с другой, есть несомненный общий корень результата любого свойства и любого уровня.

4. Комплексный характер реакций объекта социального эксперимента на воздействующие факторы. Один фактор, как правило, вызывает не одну, а целый веер реакций.

Следует признать, что вполне вероятностная многозначность реакций объектов социального эксперимента, несомненно, зиждется, тут все исследователи солидарны с Хагуровым, на сложной междисциплинарной природе его гипотез (как общественные отношения, так и непосредственно человеческий материал преломляются в самых разных науках – социологии, экономике, психологии, педагогике и т.д.). Проверка же гипотезы – основная фаза всякого эксперимента, и чтобы оптимально выполнить эту функцию, не избежать «комплексного подхода к комплексному характеру реакций».

Резюме таково: в процессе социального эксперимента надо добиваться максимального привлечения средств, форм участия каждой из смежных научных дисциплин, в диапазоне которых действует экспериментальная программа.

Суммируя оценки А.А.Хагурова, не приходится сомневаться, что социальный эксперимент по модельным своим признакам, сути действующих методологических принципов и организационно-управленческих средств в чем-то не отвечает (или противоречит) тем типологическим чертам эксперимента, которые ранее были названы А.П.Куприяном:

1. Наличие четко сформулированной гипотезы и объекта, допускающего количественные изменения экспериментальных и нейтральных переменных.
2. Построение экспериментальных и контрольных групп.
3. Введение импульса и направленность во времени (чаще от настоящего к будущему).
4. Контроль переменных.
5. Анализ результатов и получение однозначного ответа относительно подтверждения или неподтверждения гипотезы /10/.

Все отмеченные двумя исследователями характеристики социального эксперимента находят свое отражение в научных определениях. Вот современный энциклопедический вариант: «Эксперимент социальный – метод сбора и анализа эмпирических данных, направленный на проверку гипотез относительно причинно-следственных связей исследуемых социальных явлений, их сущности, особенностей и тенденций развития… Гипотеза считается доказанной, если в определенном явлении вследствие воздействия экспериментального фактора наблюдается изменение, которое в др. явлениях отсутствует» /11/.

Несомненно, прав В.В.Жучков, заявляя, что есть базовое определение эксперимента и есть его трансформации под отрасли знаний и практики. Специфика отраслей может отличаться друг от друга больше или меньше, а соответственно может возникать большее или меньшее отличие в

методологических и технологических особенностях самой отраслевой экспериментальной деятельности, которая в свою очередь проецируется и на классификационные признаки или словесное оформление определений – «экономический эксперимент», «медикобиологический», «космический», «социальный»…

Важным представляется не только сам подход к научным определениям эксперимента – принципиально именно то, что социальный эксперимент, как любой другой отраслевой, совершенно ясно ориентирован в большей мере на практический, эмпирический, а не теоретический результат. Следовательно, с одной стороны, при оценке и формулировке определения нужно исходить из самого рационального – опираться на дефиниции по принадлежности к сфере применения метода; с другой же – понимать, что определение «социальный эксперимент» в предметной иерархии является частным по отношению к базовому.

Подобное понимание позволяет, по мнению В.В.Жучкова, ограничиться тем определением, которое и мне представляется оптимальным:

Социальный эксперимент – частный вариант общенаучного экспериментального метода в сфере общественных отношений и социального управления, ориентирующий на проверку исследовательских гипотез и получение научно-практического результата с помощью адаптированных под эти цели технических средств /12/.

Одним из главных таких средств, считают специалисты, является контроль переменных для установления точных причинно-следственных связей. С этой целью создаются экспериментальная и контрольная группы. Число групп, поясняет Н.Смелзер /13/, зависит от сложности исследовательской задачи. В большинстве случаев каждой независимой переменной соответствует своя экспериментальная группа. В простейшем варианте все ограничивается одной независимой и одной зависимой

переменными. Логическая схема экспериментальной ситуации, как ее представляет американский профессор, показана на схеме 9.1.

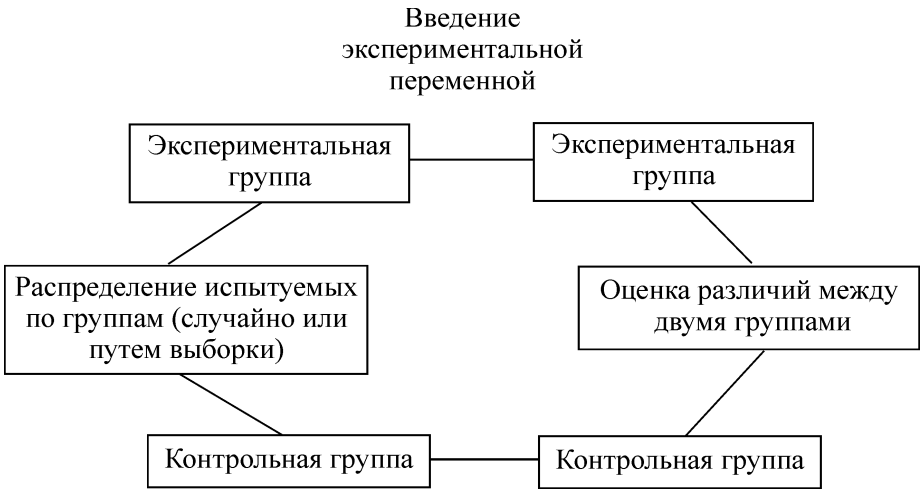


Схема 9.1. Экспериментальная ситуация.

Адаптировать присущий эксперименту порядок действий под цели социальные пытались, как известно, многие поколения экспериментаторов и теоретиков метода. Все сопутствующие им трудности упирались в основном в два момента – проблемы измерения параметров социального опыта и то, что условно можно называть многомерным и в большинстве своем нелинейным пространством, в котором для общества и его отдельных элементов малопрогнозируемая среда безостановочно ищет баланс необходимого и случайного.

Практика перестройки и периода радикальных реформ российского общества к более раннему советскому опыту добавила убеждение в том, что опасно думать об обществе как абсолютно пластичной, податливой для управляющих воздействий среде. В частности, С.П.Курдюмов и Е.Н.Князева высказали в свое время актуальное для темы нововведений суждение: «Иллюзорно представление, будто субъект социального реформаторства может выступать в качестве архитектора и скульптора общественных структур, создаваемых по определенному проекту, по необходимости

корректируемому. Всегда нужно учитывать соотношение управленческих усилий власти и собственных внутренних тенденций самоорганизации общества» /14/.

Эта вполне рациональная и типичная для синергетического подхода мысль спустя полтора десятка лет уже не выглядит, тем не менее, абсолютно неуязвимой и требует перепроверки. Во-первых, уязвима сама допускаемая авторами возможность отказать субъекту социального реформаторства (экспериментатору) в праве проектировать и создавать нечто новое в рамках существующего социального пространства. Другое дело, что это не должно входить в противоречие или противостояние с объективными закономерностями «нелинейного» саморазвития общественных структур. Во-вторых, социальные инновации с естественной для них в целом ряде случаев экспериментальной проверкой идей не могут полагаться на одну самоорганизацию, им необходимо грамотное и целеориентированное управление. Но это опять же не должно восприниматься как посягательство на общественную самодеятельность, предпринимательство или на само существование каких-то обособленно развивающихся процессов вне зоны централизованного начала.

Характерно, что использование эксперимента на пути к новшеству лишь подтверждает отсутствие какого-либо антогонизма между линейным (традиционным) и нелинейным (синергетическим) управлением сложноорганизованными системами.

С одной стороны, синергетика рассматривается ее идеологами как теория нестационарных быстроразвивающихся структур в открытых нелинейных средах, где происходят процессы перехода от хаоса к порядку и обратно (самоорганизация и дезорганизация). И здесь главное – новый подход к познанию кризисов, нестабильности и хаоса, к созданию *средств управления ими* /15/. Подчеркнутое мною не случайно: даже сама синергетика не уповает на одну самоорганизацию.

С другой стороны, синергетика (научная школа нобелевского лауреата И.Пригожина) доказывает в условиях нелинейности возможность сверхбыстрого развития за счет использования положительной обратной связи, которая в традиционной системе управления приводит к разрушению, неравновесности, неустойчивости структур и связей. Суть тут в том, что неустойчивость может выступать условием стабильного и динамического развития. Только в состояниях, далеких от равновесия, возникает сложность (добавлю: рождаются проблемы, требующие решения). Только системы, находящиеся в состоянии неустойчивости, способны спонтанно организовать себя и развиваться /16/. Эксперимент же, замечу, этой сути отвечает, он ассоциативен ей, ибо его задача – проверить в контролируемом локальном процессе гипотезу иного, нестационарного поведения системы, когда как раз не исключены положительные обратные связи и реализуются в той или иной степени идея И.Пригожина о блуждании по полю путей развития (полю возможного).

Видимо, в этом смысле роль социального эксперимента, присущего открытым общественным системам, гораздо шире и универсальнее, чем представляется некоторым синергетикам, излишне жестко «охраняющим» свою предметную область. Он действительно одинаково результативно может применяться и там, где работает традиционная линейная система управления, и там, где только ищутся подступы к хаотично проявляющему себя явлению.

Синергетика предлагает методологию, которая выводится из знания законов эволюции, самоорганизации и самоуправления сложных систем. В ней вполне совмещаются и традиционные подходы к социальному эксперименту, основанные главным образом на линейных технологиях (управляющее воздействие – желаемый результат), и сугубо синергетические – с их ориентацией на «случайности» самоорганизации, интегральный эффект (результат) «рассеянного воздействия» в нелинейном социальном пространстве.

Не исключено, что именно такой методологии и не хватает не всегда удачно «экспериментирующему» обществу, и благодаря действиям людей, как считал Гегель, «получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» /17/.

Социальные эксперименты, я в этом убежден, обязаны синтезировать нелинейные и линейные эффекты, дифференцировать (не самопроизвольно, конечно, а с участием субъектов управления) разноплановые и разнокачественные результаты проверяемых нововведений. Отрицательный или некий скрытый, по Гегелю, результат тоже ложится в копилку социального опыта и отнюдь не всегда окончательно закрывает путь какой-то инновационный идее. И вообще мне не кажется, что экспериментальный метод якобы заведомо не применим, когда результат оказывается слабо выраженным, неявным (А.И.Пригожин). Как предполагает латеральное мышление, надо лишь суметь собрать все рассеянные в нелинейном социальном пространстве варианты и подумать над новыми продолжениями, не отрицая, разумеется, и изначальной генеральной идеи неудавшегося пока в полной мере инновационного проекта.

Известные мне примеры социальных экспериментов чаще всего имели как раз многоуровневые эффекты и совсем необязательно выдавали концентрированный результат, хотя именно акцентированный итог всегда предпочтительнее и во всех отношениях удобнее.

Реальную глубину инновационно-экспериментальной деятельности дал в свое время почувствовать опыт Бологовского района Тверской области и Института региональной экономики и управления экономического факультета Санкт-Петербургского университета /18/. На основе научных разработок ученые и практики создали антикризисную программу,

ставившую целью добиться экономической и социальной реабилитации муниципального образования и включавшую, помимо прочего, достижение минимальных социальных стандартов во всем их комплексе. В качестве первых результатов уже спустя полтора года были обнародованы резко возросшие товарные объемы, показатели местного бюджета, жизненного уровня населения, инвестиционной активности. То есть главные цели нововведений оказались как бы достигнуты. Но диффузный эффект при этом предусмотренная методика одолеть до конца, на мой взгляд, не смогла, ибо сроки эксперимента и подконтрольная зона слишком многомерны, чтобы просчитать все последствия произошедших изменений. Что не означает, конечно, отсутствие позитивного результата как такового.

Показательно, что эксперименты комплексного свойства, с достаточно размытыми границами во времени и социальном пространстве, довольно типичны для сферы обучения, образования, воспитания. Еще в начале 1990-х годов делались попытки фронтальной апробации (на десятках территорий) системных методик, которые включали в себя все стороны существования молодого человека: семью, школу, досуг, спорт, выбор профессии /19/. Полагаю, при относительной неполноте этого опыта (период тех лет был, по понятным причинам, не самым удачным для подобных начинаний) он позволяет, тем не менее, методом отсечения – почти как скульптор стилом – освободиться от неперспективных вариантов и оставить инновационной практике только самое рациональное и, главное, уже надежно проверенное.

Не без учета, надо думать, подобных соображений сделали свой выбор авторы нововведения, проходившего экспериментальную апробацию в подмосковном научном городке Черноголовка. Здесь отрабатывались новые оригинальные образовательные и оздоровительные технологии в школе санаторного типа «Веста». При поддержке департамента образования Московской области педагогами были запущены в дело обучающие и реабилитационные программы вкупе с внедрением самоуправляемых начал для учителей и учеников. Результаты наглядны прежде всего в самой школе,

но эффект «длинных волн» еще более очевиден – он в поведении и самочувствии родителей школьников, семейном микроклимате, общественной атмосфере города и района. По оценке авторов этого уникального инновационного опыта, они предусмотрели «все этапы человеческого бытия. Причем адаптировать эту модель несложно: она легко привязывается к условиям в зависимости от потребности в тех видах услуг, которая существует на территории в данный момент» /20/.

Упомянутые эксперименты при всех своих отличиях и особенностях относятся к одному и тому же типу – так называемым *полевым* экспериментам, проводимым на реальных объектах. Есть и другие разновидности – скажем, *ретроспективный* эксперимент (сравнивающий свои аналоги в прошлом опыте), *модельный*, в основе которого отработка смоделированных схем, конструкций.

Зато в социальной сфере исключен *лабораторный*, свойственный эмпирическим наукам эксперимент. Его место занимает эксперимент *мысленный*.

Что касается последнего, то он осуществляется, по трактовке А.А.Зиновьева, как совокупность абстракций, допущений, операций с понятиями и суждениями. Для них имеются особые правила. Нельзя, допустим, отвлекаться от признаков, которые указаны в определениях объектов, поскольку без этих признаков они не могут существовать. Нельзя допускать соединение объектов, признаки которых логически исключают друг друга. Нельзя принимать допущения, противоречащие социальным законам объектов. Мысленный эксперимент принимает самые разнообразные формы: извлечение объектов из связи с другими, помещение их в эти связи, расчленение на части и объединение частей в целое, упрощение, осреднение и т.д. Нередко требуется прием рассмотрения объектов в «чистом» (идеализированном) виде. Частный случай здесь – исследование в реальности варианта, близкого к абстрактному образцу. Классическими «экземплярами» такого рода А.А.Зиновьев называл выбор Марксом для изучения капитализма

его английскую модель тех лет и Токвиллем – США как образца демократии. Мог служить классическим образцом реального коммунизма, по мнению ученого, и советский социальный строй /21/.

В своем исследовании социальных проблем инноватики А.И.Пригожин предлагает собственную типологизацию экспериментов (см. таблицу 9.1).

Таблица 9.1

Место инновационного эксперимента в типологической схеме

(двойными рамками обозначены особенности,
отличающие наиболее совершенную его форму)

<table>
<tr><td colspan="6">Социальный эксперимент</td></tr>
<tr><td colspan="2">Прожективный</td><td colspan="4">Реальный</td></tr>
<tr><td rowspan="2">модельный</td><td rowspan="2">сценарный</td><td colspan="2">активный</td><td colspan="2">пассивный</td></tr>
<tr><td>лабора-торный</td><td>полевой</td><td>ретроспе-ктивный</td><td>эксперименталь-ное наблюдение</td></tr>
<tr><td colspan="6">Познавательный</td></tr>
<tr><td colspan="6">Инновационный</td></tr>
<tr><td colspan="2">неспецифические признаки</td><td colspan="4">специфические признаки</td></tr>
<tr><td colspan="2">последовательный эмпирический</td><td colspan="2">уточняющий</td><td colspan="2">по типам новшеств</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2"></td><td colspan="2" rowspan="2"></td><td colspan="2">совершенствующий</td></tr>
<tr><td colspan="2">радикальный</td></tr>
<tr><td colspan="2">концептуальный, параллельный</td><td colspan="2">решающий</td><td colspan="2">управленческий, экономический, правовой, градостроительный и т.д.</td></tr>
</table>

Обращает на себя внимание деление, по сути, всех известных видов на две основные группы – эксперименты *познавательные* и *инновационные*. Познавательные будто бы не имеют, как правило, решающего значения, а инновационные есть наиболее развитая, высшая форма социального экспериментирования, предусматривающая выбор вариантов с решением особо важных проблем /22/.

На мой взгляд, в таком делении проглядывает определенная искусственность, заданность. Эксперимент предназначен, по-моему, не только для выявления проблем осуществления нововведений, он всегда

активная проверка самого смысла предлагаемых идей. И познавая что-то, анализируя полученную эмпирику, действительно выполняет важную часть предварительной, довнедренческой работы. Результирующей же станет в любом случае вторая часть – компетентное заключение: внедрять или не внедрять проверенное новое. Именно в запуске нового – инновационный смысл социального экспериментирования. И смысл этот остается константой во всех видах экспериментальной деятельности.

Может быть, сказанное мною не бесспорно. Но демаркационную линию в таблице я все-таки предлагаю держать под сомнением. Хотя сама по себе наглядность никогда не мешает.

Добавлю и еще один существенный момент. Он касается, хочется верить, непроизвольного, заведомо преувеличенного противопоставления теоретиков и экспериментаторов. Казалось бы, бессмысленно спорить, что важнее – теоретическая обоснованность новой идеи или ее экспериментальная проверка. Однако в подшивке "Известий" за 2003 год обнаруживаю: «В СССР существовало убеждение, что ученый выше инженера... теоретик, предсказывающий будущее, выше экспериментатора, который получает те же результаты с помощью приборов и собственных рук... Правда состоит в том, что эксперимент, конечно же, важнее теории. За исключением великих концепций наподобие теории относительности или квантовой механики». При этом пересказывается версия, объясняющая причину, из-за которой якобы могла возникнуть столь странная мысль о примате теории: «поскольку большевики бесконечно уважали теорию марксизма-ленинизма, а материя была для них как бы всего лишь воплощением идеологии в явь и не более, они стали вообще ценить любую теорию выше, чем окружающую действительность, частью которой является эксперимент» /23/.

Может быть, и не стоило обращать внимание на очень упрощенный и даже эпатажный подход к диалектически сложным категориям научной и общественной жизни, если бы озвученная трактовка не преследовала

определенные цели и не исходила от представителей ученого мира, западной профессуры. А раз так, скажу самое главное: фундаментальную науку, научно-исследовательскую практику, опытно-конструкторские разработки, разные по принадлежности эксперименты, как и близкие им инновационные процессы, представлять и оценивать можно только в единстве, их преемственность и взаимообусловленность не требуют доказательств, а степень влияния на результат разнится лишь в зависимости от решаемых задач, времени, места инновационного действия и меры радикальности предлагаемых изменений.

Такой точки зрения придерживаюсь не я один. К примеру, говоря о триедином подходе к подготовке, осуществлению, анализу и оценке результатов любых целенаправленных изменений в социуме, профессор В.Маршев ориентируется на наличие трех равноценных оснований: *научной идеи, результатов эксперимента и готовой к изменениям человеческой среды*. Причем завершающая компонента, по его мнению, наиболее слабое звено, ибо чаще всего именно некомпетентность организаторов и неподготовленность населения становятся причиной торможения нововведений /24/.

С учетом этого, как представляется, и следует воспринимать все факторы, сопровождающие системную логику изучаемого нами процесса. Грань «организация – человеческая среда» неизбежно присутствует в каждом повороте инновационной темы и – что тоже существенно – задает работе свои "просвещенные" правила ведения дел /25/. Они касаются скорости эксперимента, угрозы неудач, информационного сопровождения, разумного сочетания старых и новых технологий.

Источники

1. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 252.

2. См.: Большой энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 1827.

3. *Хагуров А.А.* Социальный эксперимент: Логико-методологические и социальные проблемы. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 16.
4. См.: *Жучков В.В.* Социальный эксперимент как инструмент совершенствования местного самоуправления / Автореф. дис… канд. социол. наук. – М., 1999. – С. 26.
5. *Хагуров А.А.* Указ. соч. – С. 16-23.
6. *Жучков В.В.* Указ. соч. – С. 27.
7. См.: *Вооглайд Ю.* К вопросу о соотношении субъективного и объективного в процессе инновации и хозяйственного эксперимента. – Таллин, 1978. – С. 47-49.
8. *Уотермен Р.* Фактор обновления: Пер. с англ. – М., 1988. – С. 290.
9. *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях: Пер. с англ. – М., 1980. – С. 107.
10. *Куприян А.П.* Проблема эксперимента в системе общественной практики. – М., 1981. – С. 146.
11. См.: Социологическая энциклопедия: В 2-х Т. – М., 2003. – Т.2. – С. 795.
12. *Жучков В.В.* Указ. соч. – С. 33-34.
13. *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. – М., 1994. – С. 646-647.
14. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: начало нелинейного мышления // Общественные науки и современность. – 1993. – №2. – С. 39.
15. *Князева Е., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб., 2002. – С. 8.
16. Там же. – С. 37-41.
17. *Гегель.* Сочинения: Пер. с нем. – М.-Л., 1929-1959. – Т.VIII. – С. 27.
18. См.: *Воронина Т.* Не хочется революций. Пусть дадут работать // Муниципальная власть. – 1998. – №4. – С.30-34; *Иванова В.* Антикризисный передел // Муниципальная власть. – 1998. – №5. – С. 64-66.
19. См., напр.: Марийский вариант // Социальная работа. – 1992. – №1. – С. 35-42; Портрет эксперимента // Педагогические ведомости (г.Киров). – 1994. – 5 мая.

20. *Иванова И., Асташин Ю.* Мастера страны Вестландия // Муниципальная власть. – 1998. – №5. – С. 47-49.
21. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – М., 2000. – С. 93-94.
22. *Пригожин А.И.* Указ. соч. – С. 254-256, 259.
23. *Магаршак Ю.* Ученый или инженер – кто главнее // Известия. – 2003. – 27 сентября.
24. *Маршев В.* Изменения как объект теории и практики управления (обзор материалов конференции) // Проблемы теории и практики управления. – 1996. – №6. – С. 97.
25. Управление инновациями: Пер. с англ. – М.:Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 201-215.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

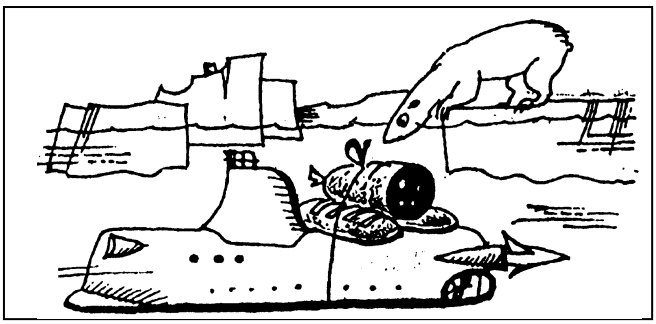
1. Какое место отводится социальному эксперименту в инновационном процессе?
2. Когда, по-вашему, нет необходимости в экспериментальной проверке инновационных идей?
3. Насколько ограничен социальный эксперимент для условий нелинейной среды и есть ли у него реальные противоречия с синергетической методологией?
4. Как оценить диффузный эффект экспериментально проверяемого нововведения, если его программа рассчитана на длительный срок и тиражирование в разных социальных зонах?
5. В чем, можно считать, главный инновационный смысл социального эксперимента?

Ваше резюме?

«Самолет – хорошо, пароход – хорошо,
и олени – хорошо, а подлодка – лучше!»

Давно жители Крайнего Севера задумывались над тем, как победить стихию, сделать навигацию круглогодичной, чтоб ни лед, ни снег не мешали доставке грузов. И явилась в головы властей Ямало-Ненецкого округа интересная мысль: использовать в качестве транспортного средства подводные лодки.

Командованию Северного флота идея пришлась по душе. Для пробного эксперимента выделили субмарину класса «Виктор-3». На ней в самый отдаленный поселок – Харасавэй, где работают геологи Карской газоразведочной экспедиции, и пришли первые мирные грузы. Судя по всему, у новой затеи большое будущее, она позволит значительно снизить затраты. Ведь доставка тонны топлива надводным флотом из Архангельска на Харасавэй обходится в 10 раз дороже, чем подводным.



(Газета «24», 1995, 19 сентября)

Специалисты Санкт-Петербургского морского бюро «Малахит» – ведущего в отечественном машиностроении научно-исследовательского центра, где созданы проекты уникальных глубоководных аппаратов, атомных подводных торпедоносцев для Российского военно-морского флота, – задались необычной целью. Для доставки грузов на Крайний Север они предложили использовать гигантские подводные суда с ядерными энергетическими установками.

Разработанная питерцами серия атомных субмарин различного тоннажа, класса и назначения позволит, считается, круглогодично доставлять грузы в те российские регионы, которые сейчас, на период ледостава, оказываются отрезанными от Большой земли. По замыслам специалистов, широкое распространение могут найти, к примеру, газовозы, способные за рейс перевозить до 80 тысяч тонн метана со скоростью 18-19 узлов на расстояние до 10 тысяч километров.

(«Труд», 1999, 20 февраля)

На состоявшемся 23 ноября 1999 года заседании Совета безопасности РФ под руководством премьера Владимира Путина глубоко и предметно рассмотрен комплекс мер по сохранению и развитию морского потенциала России, определяющих долгосрочную стратегию морской деятельности страны.

В частности, предложено использовать в транспортных целях выведенные из боевого состава ВМФ атомные подводные лодки (АПЛ) вместо бесперспективного ожидания их утилизации, на которую ни средств, ни промышленных мощностей нет. Руководители крупнейших морских научно-исследовательских, проектно-конструкторских, судостроительных центров оборонно-промышленного комплекса и экономических гигантов Заполярья мгновенно подхватили эту идею. Но еще в 1995 году боевая АПЛ Северного флота проекта 949А по договоренности командования флота с руководством одного из заполярных предприятий, обогнув подо льдом с севера Новую Землю, доставила в назначенное место несколько тонн продовольствия.

Сейчас по нескольким направлениям началась реализация идеи об арктической подводной магистрали для транспортировки твердых и жидких грузов…

(«НГ», 2000, 18 января)

Дайте заключение по эксперименту, который предшествует уникальному по сути и по срокам нововведению. Как вам представляется механизм такой проверки и материализации идеи?

Эксперименты как прецеденты

В Нижнем Новгороде подведены итоги уникального социального эксперимента – народного голосования по распределению средств, выделенных меценатами и федеральным бюджетом на реконструкцию памятников культуры и других городских объектов. Это была первая в стране публичная попытка учесть мнение горожан в распределении денег на городские нужды.

В акции приняли участие 5767 нижегородцев, голосовавших с помощью операторов местной пейджинговой службы. Большинство (2560 человек) отдали предпочтение историко-архитектурному музею – его будут восстанавливать на средства из федерального бюджета в первую очередь. Следом станут проводить берегоукрепление северной части Нижегородского кремля, потом – восстановление художественного музея и Зачатьевской башни. Что касается спонсорских денег, то они большинством голосов отданы на благоустройство сквера перед театром драмы.

(«Известия», 2003, 16 сентября)

Испанские власти пошли на рискованный эксперимент и разрешили заключенным сидеть в камере... со своими четвероногими друзьями. А администрации исправительных учреждений в Барселоне, Ллейде, Мурсии, Картахене и некоторых других городах позволили мотать сроки с собаками, кошками и даже попугаями. При этом тюремщики ссылаются на исследования медиков, которые считают, что присутствие животных и птиц в камере положительно сказывается на психике и поведении заключенных, а

также на общем климате в тюрьмах. Естественно при соблюдении необходимых санитарных норм.

Справедливости ради надо сказать, что в Каталонии заключенным еще лет пятнадцать назад разрешали в виде эксперимента держать животных. Когда в тюремном госпитале Барселоны, где содержались умственно неполноценные преступники, появились две овчарки, там прекратились драки, попытки самоубийства, больные стали спокойнее, а забота о животных даже сдружила их.

("Труд", 2007, №161)

В Перми объявлен эксперимент. Поликлиники в пробном режиме переходят на так называемое "фондодержание". Если раньше лечебные учреждения получали деньги без учета того, сколько пациентов реально вылечено, то теперь будут мотивированы на то, чтобы люди меньше болели.

Суть фондодержания такова, что поликлинике выдаются средства на каждого прикрепленного к ней человека, независимо от того, болен он или нет. Появляется возможность сделать свою работу экономически выгодной. Чем меньше болеют люди, обслуживаемые поликлиникой, тем больше денег остается у лечебного учреждения. Задача - получить качество лечения пациентов на таком уровне, чтобы никто из них не попал в стационар. Если пациент попадает в стационар уже с запущенной болезнью, то к врачам поликлиники, которые не уследили развитие болезни, будут применены штрафные санкции.

("Российская газета", 2008, 15 апреля)

Известны ли вам другие аналогичные или схожие примеры социальных экспериментов?

В каких из них прослеживается связь с фундаментальной наукой, а где преобладает акцент на экономическую выгоду или острую социальную потребность?

Глава 10. Отраслевая специфика социальной инноватики

Все проблемы нововведений так или иначе объективно отражают условия среды, в которой складывается инновационный процесс. Ситуация и настрой в отрасли – одна из подобных проекций. А социальная сфера в целом, с обозначенными в типологическом ряду отраслевыми состояниями – это тот общий фон, где проявляют себя известные уже нам факторы развития и торможения.

В данном случае, чтобы продолжить тему, мне представляется полезным условно трансформировать типологию социальных инноваций под параметры системных отношений в социальной сфере, как их видит Э.Ф.Макаревич: «человек и труд», «человек и здравоохранение», «человек и образование», «человек и культура», «человек и пенсионное обеспечение»… Таким способом «очеловеченные» отрасли выступают уже не просто некими производителями социального продукта, а подконтрольными обществу государственными сегментами, задачи которых «не допустить того, чтобы жизнь для основной массы людей была ниже определенного уровня» /1/.

Важно, наконец, осознать (использую мысль С.А.Кузьмина), что качество социального продукта имеет гораздо большее влияние на состояние общества и взаимоотношения его сограждан, чем об этом принято думать. Причем связь тут носит обоюдный характер. Чем хуже и допотопнее, архаичнее социальный продукт, тем менее благополучно и социально устойчиво общество, тем менее высок и престижен социальный статус производителей этого продукта /2/.

Влияние элементов непромышленной сферы на уровне социума, между тем, не просто функционально. Посмотрите, как воздействуют врач на пациента, учитель на ученика и его родителей, социальный работник на подшефных стариков и инвалидов… А кем и чем готовится выбор молодыми своей профессии, формируется прочность супружеских, семейных отношений? Кто помогает сохранять гражданski крепкую общественную и

бытовую мораль? Нет сомнений, во всем, что определяет нравственное здоровье российских граждан, согласимся с С.А.Кузьминым, присутствует опосредованный результат той невидимой идеологической работы, которую проводят (или недостаточно проводят), наряду с выполнением своих прямых функций – производством социального продукта, представители социальной сферы /3/. И когда мы оцениваем инновационный потенциал и инновационную эффективность социальных отраслей, конечно же, должны считаться не только с очевидными внешними признаками благополучия или неблагополучия официального отраслевого продукта.

Показательно признание специалистов по управлению, которые отличительной особенностью нынешнего времени называют то, что вектор эффективности в оценке деятельности всех субъектов управления в любой сфере жизни (экономической, политической, духовной, культурной) сдвигается в сторону социальных показателей, выступающих (внимание!) *как интегральные*, а сама управленческая система становится многофункциональной и соответствует (еще раз внимание!) *структуре социальной сферы* /4/.

И что меня особо удовлетворяет, в числе факторов, характеризующих названную учеными-управленцами структуру, фигурируют обозначения, показатели, весьма близкие предложенному мною ранее пониманию типологии социальных инноваций. Ведь среди этих факторов: доход на душу населения и на семью, потребительская корзина, трудовая занятость, доступ к образованию, медицинское обслуживание, качество питания, демографическая и экологическая ситуация, состояние преступности и личной безопасности, социальных связей и социальных коммуникаций, поддержка малообеспеченных групп населения, состояние культурной среды и ее материально-техническая база, а также ряд других однородных позиций /5/.

Именно в русле таких, в общем-то именно отраслевых проекций строит прогнозное (программное) обоснование социальных нововведений И.В. Бестужев-Лада. В его цитировавшейся уже многографии десять ипостасей с абсолютно

однотипными адресами /6/. Тут социальная организация труда, стабилизация семьи, модернизация школы, сфера науки и культуры, социальная организация здравоохранения, оптимизация расселения, спасение природы, редукция преступности. Впрочем, есть одно существенное отличие (социальная организация власти) и одно поменьше (дезалкоголизация общества). Но это уже «детали».

Выбор отраслевого принципа в программировании инновационной деятельности, разумеется, должен быть равноценен анализу результатов этой деятельности, оценке практической инноватики. Кроме того, прогнозировать и планировать нововведения можно опять же только с опорой на известный уже опыт. Если профессор Бестужев-Лада, допустим, обосновывает инновационную стратегию в организации здравоохранения, то он, естественно, исследует корни этой системы – причем и за рамками чисто российской практики. Если речь у него заходит о модернизации школы (образования), то в расчет берется не просто ретроспекция обновления, а весь спектр обучающего комплекса – от детского сада (предначальной школы) до вуза, включая подсистемы повышения квалификации и переподготовки кадров, общего самообразования взрослых /7/.

Анализируя инновационный процесс последних лет по отраслевому принципу, нельзя не отметить, что при некотором сходстве в самой направленности поисковой деятельности внутри каждой из отраслей организация и результативность нововведений имеют очень большой разброс. Во-первых, совершенно разнятся условия и возможности территорий. Во-вторых, неравномерны пропорции финансирования местных отраслевых программ как на федеральном, так и на региональном уровнях. В-третьих, существенно отличается интеллектуальный, творческий потенциал структур управления, инновационных организаций, коллективов, групп.

По оценке В.П. Горегляда /8/, в 2005 году одним из препятствий на пути инноваций был предельно высокий уровень дифференциации регионов по душевым объемам производства и показателям социального развития. Валовый

региональный продукт на душу населения отличается в разных регионах порой в 20 раз.

Расчеты по методике Всемирного банка индекса экономики знаний (ИЭЗ), куда входит и индекс инноваций, показывают очень большой разброс в показателях даже у тех российских регионов, которые имеют подушевой валовой региональный продукт на уровне, превышающем средний по стране/9/. К примеру, ИЭЗ в Москве (8,94), Санкт-Петербурге (8,06) почти в три раза превосходят показатели Магаданской и Сахалинской областей. Индексы инноваций в Томской области (7,43), Республике Татарстан (6,60) значительно опережают уровень Мурманской области (4,17) или Республики Саха-Якутия (3,89).

Ничего неожиданного в этом нет. В какой-то мере инновационный голод в отдельных звеньях – слепок все еще кризисного состояния общества, о чем все постоянно говорят. Вопрос, однако, в том, можно ли в таких обстоятельствах и за счет чего именно подтолкнуть стрелку инновационного барометра хоть чуть-чуть к отметке «ясно». То, что не все пасмурно и безнадежно в социальной сфере, показывают относительно многочисленные, но – повторюсь – разрозненные, неконсолидированные для общего пользования положительные примеры.

Нельзя, допустим, отрицать определенное движение в области образования: инновационный опыт здесь старательно раздвигает границы внутриотраслевых ведомств (школа, ПТУ, вуз) и уже больше ориентирован на непрерывность обучающего процесса – почти по прогнозному сценарию И. В. Бестужева-Лады. Именно такую модель, с которой мне пришлось в свое время познакомиться, предложила Бурятия. Она стала действовать после утверждения в 1993 году республиканской программы реформирования профессионального образования. Для внедрения инновационной системной модели в учебные заведения был создан специальный научно-исследовательский центр, который тогда возглавил разработчик этой модели, настоящий новатор В.А.Тыхеев.

Реализуется республиканская система непрерывного профессионального образования (НПО) с помощью учебного комплекса по подготовке специалистов разного уровня образования. Отличительной особенностью обучения является приобретение профессиональных знаний и умений за счет последовательного восхождения на все более высокий уровень знаний по ступеням. Каждая ступень отражает структурно-логическую взаимосвязь общеобразовательных, фундаментальных и специальных дисциплин и имеет определенную целевую установку (см. схему 10.1).

Первая ступень (три года на базе 9 классов или один год на базе 11 классов) – уровень начального профессионального образования, обладатель которого способен к качественному исполнению работ по известным образцам. Статус эквивалентен выпускнику ПТУ с широкой общеобразовательной подготовкой.

Вторая ступень (два года) – уровень среднего профессионального образования, обладатель которого способен к творческому воспроизведению аналогов. Статус эквивалентен выпускнику среднего специального учебного заведения с усиленной фундаментальной подготовкой.

Третья ступень имеет два направления.

Первое (два года) – уровень высшего профессионального образования, обладатель которого способен к реконструкции и совершенствованию существующего. Этот специалист эквивалентен выпускнику вуза с научно-практической подготовкой.

Второе – уровень бакалавра (один год) и затем (два года) уровень магистра. Выпускники этого направления приобретают углубленную теоретическую и фундаментальную подготовку по специальности для научной и педагогической деятельности.

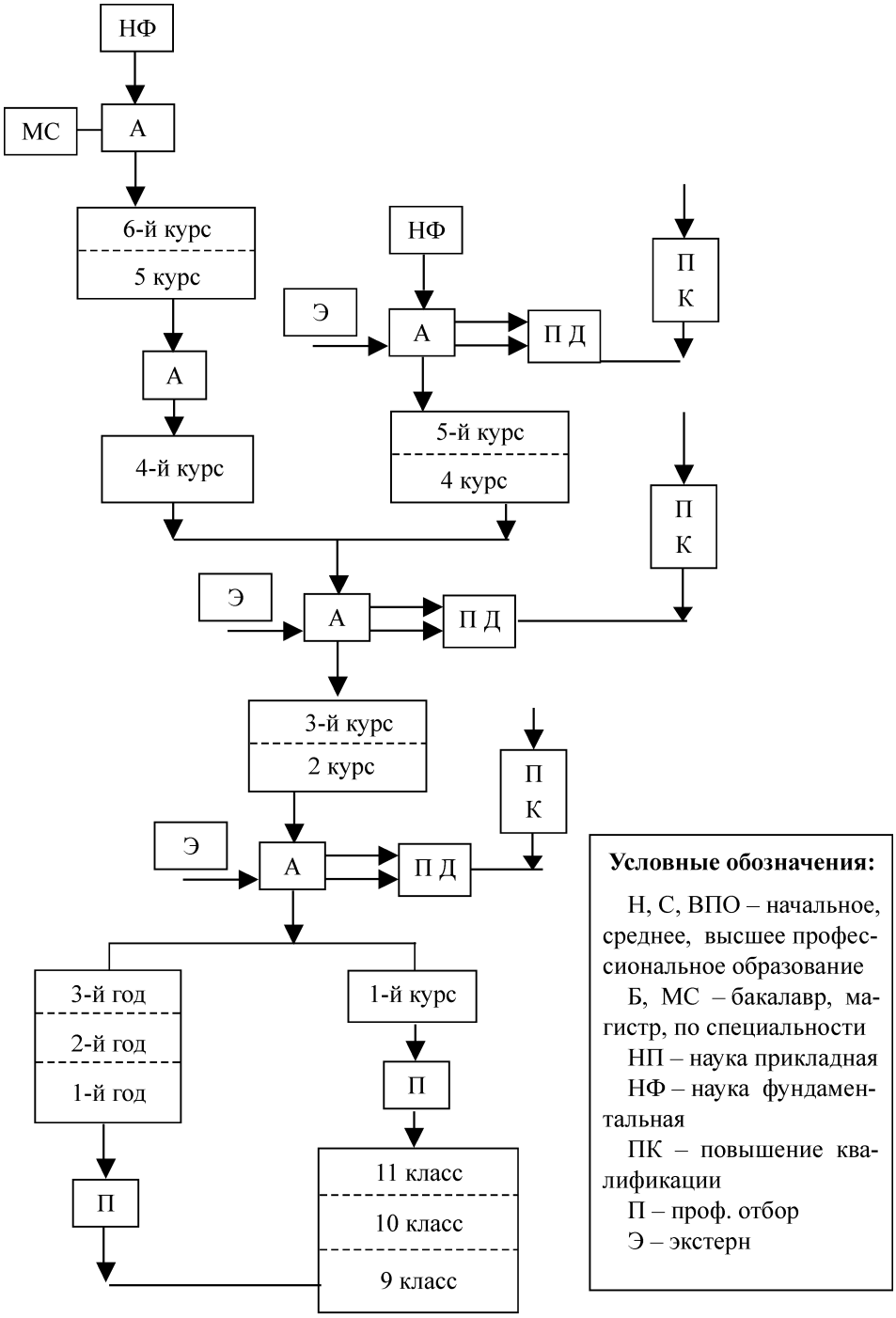
На каждой ступени связь теории и практики, преемственность фундаментальной и профессиональной составляющих учебного процесса осуществляются посредством выполнения курсовых проектов и работ по

специальности с последующим прохождением производственного обучения на реальных объектах.

Завершается каждая ступень обучения комплексной выпускной дипломной работой по специальности и аттестацией. Аттестация на первой и второй ступенях является конкурсным экзаменом для перехода на следующий уровень образования. Студенты, не прошедшие аттестацию, с соответствующим квалификационным документом направляются на производство. В дальнейшем они после дополнительной теоретической подготовки и успешной повторной аттестации могут продолжить учебу на следующей ступени или повысить производственную квалификацию в соответствующей структуре.

Схема 10.1

Модель непрерывного профессионального образования



Ступенчатость НПО дает основание формировать контингент первой ступени комплекса, руководствуясь иными, нетрадиционными критериями. Зачисляются в студенты те, у кого высокий уровень мотивации выбора, ориентированности и осведомленности о данной специальности.

На Алтае статус краевой экспериментальной площадки получила школа гуманитарного образования философа и педагога А. Попова. В основе инновации – проект «школы самоопределения», принципы развивающего обучения. Хотя инновационное образование в Барнауле поддерживается не всеми власть имущими, в отечественной педагогике алтайское нововведение признано и дает свои результаты/10/.

В Ростове-на-Дону приобрела известность своей инновационной смелостью муниципальная средняя школа №76. Во-первых, она перешла на автономное финансирование, используя для этого систему дополнительных платных услуг школьникам. Во-вторых, несколько лет назад взяла на свой баланс детский сад, завершив таки образом создание первого в городе комплекса непрерывного образования – от дошкольного до вузовского.

Детский сад имеет специальный класс адаптивной подготовки к школе. Затем следует обучение в начальной школе, где предусмотрены классы повышенного педагогического внимания. По окончании девятого класса часть учеников переходит в обычный десятый класс, а другая часть поступает в экономико-правовой колледж, открытый при средней школе на базе Института экономики, управления и права РГПУ. Через два года завершившие программу колледжа выпускники школы сразу же зачисляются на третий курс института. И благодаря этой системе уже в двадцать лет молодые люди заканчивают вуз и получают диплом о высшем образовании /11/.

Обобщая подобные примеры и суммируя накопленный в стране опыт, исследователи констатируют, что в российской системе инновационная суть школьного обучения ориентирована сегодня главным образом на новые организационно-правовые формы образовательных учреждений, комплексов

и центров, профильных и специализированных школ; происходит дифференциация учебной работы в соответствии с уровнями подготовленности, интересами и способностями обучающихся, с учетом профессиональной ориентации молодежи и ожиданий родителей; по обновленным критериям формируются учебные программы и психологический климат в школе, призванные наиболее полно обеспечить потребности учащихся к самоопределению в изменившейся социально-экономической среде. Вместе с тем отмечаются и серьезные побочные явления в инновационных учебных заведения. В большинстве своем модифицируются формы обучения, но не его содержание, глубина, ценностные ориентиры /12/. Потери возникают прежде всего в воспитательном процессе, на фоне реорганизаций уходит в тень или забывается та существенная вещь, что в школе, да и в вузе, молодой человек проходит в первую очередь социальное обучение (социализируется), получает установки на всю жизнь от «правильных» людей, своих учителей /13/.

Не только на федеральном отраслевом уровне, но и в каждой местной отрасли, либо в комплексе, в рамках единой территориальной программы развития, идет отработка инновационных моделей, социальных технологий применительно к специфике того или иного направления социальной сферы.

В подмосковном Дзержинском городская стратегия развития четко поделена на профильные составные, в каждой из которых заложены программа нововведения и финансовая ее база (доля городского бюджета плюс сторонние инвестиции). В своем исследовании проблем социального самообеспечения Н. Г.Козенко показывает развернутую картину работавшего здесь модельного принципа/14/. Назову лишь некоторые отмеченные автором позиции, иллюстрирующие отраслевую принадлежность городских инноваций:

- инвестиционный проект «Чистая вода», дающий городским жителям систему очистки артезианской питьевой воды при радикальном снижении энергетических и трудовых затрат;
- программа «Народный телефон», позволившая за счет привлечения денег населения за короткий срок восполнить дефицит в шесть с половиной тысяч номеров, создать задел на вырост и выйти на европейский стандарт;
- проект «Сентоза-2», парк развлечений (по типу острова Сентозы рядом с Сингапуром) – в Дзержинском он распложен на живописном водоеме карьерного происхождения: сначала появились лыжные трассы, автостоянка, супермаркет, классный общепит, затем аттракционы, фонтаны;
- единая телекоммуникационная система (оптико-волоконная кабельная технология) – с ее помощью жителям обеспечивается выход на все медийные и информационные каналы, в том числе телевизионные спутниковые, радио, телефон, мировые компьютерные сети.

Тогдашнему меру города Виктору Доркину принадлежат философски простая мысль: «Есть такая вещь – саморазвитие. Стоит запустить механизм, а он потом сам раскручивается, неизбежно приводит к новым этапам» /15/. Мысль хороша и применительно к инновационному процессу вообще, поскольку, на мой взгляд, развитие живет, подпитывается нововведением. Но в ней присутствует, быть может, и гораздо более важный момент. Ни масштабы территории, ни масштабы отрасли (местной или федеральной) сами по себе ничего не меняют в природе инноваций – новое только тогда особо ценно, когда гармонично встраивается в общие цивилизационные рамки.

Та же единая телекоммуникационная система в Дзержинском – не просто дань естественным потребностям местного сообщества и возможностям наукограда, каковым по типу является это поселение. Нововведение отвечает действующим европейским и мировым стандартам – вот что главное. И это совсем не то, что с телефонным стандартом: там игра в

догонялки, новое в системе – сама форма решения проблемы телефонизации города посредством добровольных инвестиций населения. Телекоммуникации – не вчерашний, а сегодняшний форпост. Хотя прогресс электроники и программирования стремителен, и уже завтра информационную отрасль ждет новая революция.

Эта реплика – не то что к слову. Какое-то время назад мировой компьютерный магнат Билл Гейтс заявил: «Мир стоит на пороге новой технологической революции, когда сегодняшняя компьютерная, телевизионная и телефонная техника объединяется в единый информационный суперкомплекс, работающий в Интернете». По его словам, прототип такой уже создан в лабораториях «Майкрософта». Средство связи само по себе самодовлеющего значения теперь иметь не будет – не только компьютер, но любой телефон или телевизор, начиненный соответствующим программным продуктом, введет своего хозяина на Всемирную паутину /16/.

Кстати, примерно об этом же (некоем условном электронном комбайне) писал значительно позже выхода своей книги о прогностике нововведений И. В.Бестужев-Лада. С одной стороны, он признает за такой формой телекоммуникаций «интеллектульно-психологический переворот, выводящий человека почти на уровень кибернетического организма», но с другой – предупреждает: если «человек неделями и годами будет безвылазно сидеть перед дисплеем своего электронного комбайна (ТВ + персональный компьютер + видеофон), то он рискует оказаться одиночкой Маугли в своих электронных джунглях с серьезными сдвигами по части психики и интеллекта. Не забудем, что гомо сапиенс – животное общественное и становится человеком только в человеческом обществе» /17/.

Тот же отраслевой принцип, что и в Дзержинском, заметен в Домодедовском районе Подмосковья. Динамичным своим развитием он обязан, полагают специалисты, программному подходу. Здесь действует от 20 до 30 социально-экономических целевых программ. И каждая имеет реальные источники финансирования. На прочную материальную базу

опирается и концепция развития района, которая включает в себя и наиболее перспективные инновационные проекты.

Задолго до появления нынешних национальных проектов в социальной сфере здесь был создан свой муниципальный банк, взявший на себя прохождение (отличительный факт!) бюджетных денег народного образования, здравоохранения, культуры, коммунального хозяйства и т.п., контроль за финансированием строительства. С помощью банка заупустили социальную программу «Достойная жизнь», под гарантии предприятий выдаются кредиты работникам на покупку мебели, бытовой техники, на строительство квартир, индивидуальных домов. Изменена вся экономика ЖКХ под нужды населения, власти ввели реальные для людей цены, внедрили новые долговечные отделочные и кровельные материалы, более надежные и дешевые технологии. Раньше многих других районов в Домодедово заключено трехстороннее соглашение о социальном партнерстве между муниципальными властями, профсоюзами и работодателями, предусматривающее регулирование трудовых и социальных отношений в условиях рынка (в частности социальную защиту, профилактику безработицы) /18/.

Условия рынка не очень благоволят социальной сфере, тем более когда она корнями своими уходит в иные традиции. Эта нерадостная тенденция проглядывает в любом городе или районе. На периферии, в отличие от околостоличного центра, с подобной тенденцией инноваторам бороться особенно трудно. Однако результаты поиска обнаруживаются.

Типичная ситуация на фоне разрушительных событий начала 1990-х годов создалась в Шадринске Курганской области. Уникальность же факта в том, что при тотальном отказе других предприятий от своего соцкультбыта местный автоагрегатный завод и муниципалитет города смогли смоделировать условия и средства, позволившие сохранить и даже приумножить объекты жилья, образования, культуры, спорта. Были найдены достаточно эффективный способ взаимодействия заводского и городского бюджетов,

пригодная под социальные цели реструктуризация и вполне адаптивные инновационные формы организации.

Руководство автоагрегатного – совместно с выигравшей тендер на реформирование предприятия фирмой «АТ Карни» – нашло оптимальный выход. Суть его в обоюдной заинтересованности всех сторон – городских властей, профсоюзной организации и заводчан, в руках которых контрольный пакет акций созданного ОАО.

Жилой фонд на основании соответствующего постановления правительства передается на баланс города. Но – в нормальном состоянии, с обслуживающей базой и достаточными оборотными средствами. Финансирование его на договорных началах делится между местной городской администрацией и заводской. Для чего ЖКО завода выделяется в муниципальное унитарное предприятие «Жилсервис», с правом юридического лица и обслуживающего непосредственно городское коммунальное хозяйство. Была выбрана поэтапная схема совместного финансирования жилья.

Правда, тут сразу же обнаружилась серьезная дилемма, связанная с предоставлением жилья. Но и здесь наметилось несколько деловых подходов. В заводском списке было 500 очередников. Включая и пенсионеров. Особенно привлекательным для всех показался вариант паевого строительства. Этим путем и пошли. И первым был сдан 72-квартирный кооперативный дом, возведенный как раз при участии застройщиков-заводчан.

Что касается стадиона, дворца культуры и базы отдыха, то пришли к выводу: приемлемее всего создание на их основе некоммерческих организаций – совместных партнерств. Учредителями их становятся завод, город и профсоюзный комитет ОАО. Это усиливает ответственность каждой из сторон. К тому же равнозначнее делятся расходы по содержанию соцкультобъектов – пропорционально социальному заказу учредителей. Скажем, городская доля составляет примерно 40 процентов годовых

расходов. Завод берет на себя предоставление привычных услуг своим работникам. Проведение мероприятий сторонними организациями дает, помимо партнерских взносов, дополнительные средства – где-то порядка 20 процентов. Теперь финансирование осуществляется не путем покрытия понесенных прямых убытков, а за фактическое выполнение проведенной работы.

По детским дошкольным учреждениям при реструктуризации выбран принципиально иной путь. Три из них преобразованы в самостоятельные организации с правом юридического лица. Остальные переданы на городской баланс или перепрофилированы. И в данном случае с городской администрацией найден взаимоприемлемый компромисс. Так, если один из детских садов на 80 процентов комплектуется детьми работников бюджетной сферы, то в этой же пропорции осуществляется и дотирование. В другом детсаду открыта школьная группа, которая является филиалом лицея № 1. Между прочим, такой дифференцированный подход позволяет добиться более экономичного содержания – равного для всех сторон. И это при том, что использование внешних и внутренних ресурсов – среди них рационализация бюджетных отчислений, улучшение механизма использования средств, оплаты специалистов в соответствии со временем пребывания детей в саду, особенностями возрастных групп – дает возможность как для снижения расходов, так и для дальнейшей реструктуризации самой сферы.

Из медсанчасти был создан филиал городской поликлиники с амбулаторным лечением заводчан. Санаторий-профилакторий, где открыто медицинское учреждение с правом юридического лица, нацелен как на обслуживание работников предприятия, так и на оздоровление студентов – на 30-40 процентов за счет средств социального страхования /19/.

Для нынешнего модернизационного этапа развития страны особо значимым представляется опыт именно социально ориентированного решения производственно-отраслевых задач. И характерен здесь, на мой

взгляд, пример Кузбасса – признанного лидера в категории энергетических инноваций /20/. В шахтерском крае реализуется уже четвертая по счету профильная программа «Обеспечение энергоэффективности и энергосбережение на территории Кемеровской области до 2011 года». При этом 2009 год был объявлен стартовым на пути к ликвидации безучетного энергопотребления в муниципальных образованиях.

Масштабные затраты на реформирование ЖКХ, утепление домов, установку приборов по учету расходов тепла, внедрение проектов малой высокоэффективной энергетики (в том числе на селе), инновационных технологий по сжиганию высококалорийных углей себя вполне оправдали и оправдывают. Только в последние три года экономия на топливе и тепле превысила полмиллиарда рублей. Причем при ежегодном вводе миллиона квадратных метров нового жилья общие расходы на отопление отнюдь не выросли, а даже сократились. Население области от этого выигрывает вдвойне: во-первых, материально и во-вторых, морально – имея возможность реально оценить свое участие в инновационных программах.

Полагаю, в чем-то сходные, а в чем-то разнохарактерные эти примеры позволяют выделить несколько особенностей, важных при анализе, систематизации и оценке результативности отраслевого инновационного процесса:

1. Социальная сфера имеет федеральную, региональную и местную отраслевую структуру. Соответственно, для нововведений каждого из этих уровней существуют свои функциональные задачи и система финансирования.

2. Чем ближе социальная инновация к местному отраслевому уровню, тем сильнее ощущается в инновационном процессе присутствие человеческого фактора и тем теснее межотраслевые зависимости и диффузный эффект (эффект «длинных волн»).

3. Персонификация, адресность социальных нововведений первостепенны там, где участники инновационного процесса

непосредственно воздействуют на человеческое начало (образование, здравоохранение, жилищно – коммунальное хозяйство, социальная работа).

4. С точки зрения организации инновационной деятельности определенным преимуществом в отраслевых структурах обладают профильные программы социального развития. Но с точки зрения практики чем предметнее тема и ближе она к человеку, тем и осязаемее ее результат.

Выводы больше методологические, однако они приближают к пониманию того, что и в социальной сфере (самой гуманной) есть отрасли и направления, где внимание к человеку равносильно самоцели (или самоценности). Во всяком случае так можно без обиняков говорить о социальной работе и ее инновационной составляющей, о чем пойдет речь в следующей главе.

Источники

1. *Макаревич Э. Ф.* Общественные связи как институт социальных изменений / Автореф. дис… док. социол. наук. – М., 1999. – С. 21.
2. *Кузьмин С. А.* Социальные системы: опыт структурного анализа. – М., 1996. – С. 74.
3. Там же. – С. 73.
4. Социальный менеджмент: Учебник / Под ред. В.Н.Иванова, В. И. Патрушева. – М. – Самара, 1998. – С. 77.
5. Там же. – С. 77-78.
6. См.: *Бестужев-Лада И. В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М., 1993. – С. 106-229.
7. Там же. – С. 153.
8. *Горегляд В.П.* Инновационный путь развития // ЭКО. – 2005. – №2. – С. 8.
9. См.: *Ферова И.С., Старцева Ю.М., Инюхина Е.В.* Составляющие индекса «экономики знаний» // ЭКО. – 2006. – №12. – С. 59-60.
10. Известия. – 2000. – 26 января.
11. Ростов официальный. – 2001. – 29 августа.

12. См., напр.: *Бирюков Д. В.* Инновационные процессы в сфере общего государственного образования России как объект социологического анализа и управления / Автореф. дис… канд. социол. наук. – М., 1998. – С. 12; *Горбачева О.В.* Инновационные процессы в современной общеобразовательной школе России // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.IV. – С. 102.
13. См.: *Самоваров А.* «Правильные» люди // Литературная газета. – 2005. – 18-24 мая.
14. См.: *Козенко Н.Г.* Социальное самообеспечение как принцип и направление развития местного самоуправления / Дис… канд. социол. наук. – М., 1999. – С. 82-84.
15. Там же. – С. 84.
16. Мир за неделю. – 1999. – 16-23 октября.
17. *Бестужев-Лада И. В.* Альтернативная цивилизация: актуальность социологического осмысления // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований. – М., 1999. – С. 41.
18. *Козенко Н. Г.* Указ. соч. – С. 84-85.
19. *Афанасьева Л.* Негоже жить одним днем // Муниципальная власть. – 1998. – № 5. – С. 45-46.
20. См.: *Сорокин С.* Беречь по-шахтерски // Труд. – 2009. – 26 августа.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Как вы видите отраслевую специфику социальных нововведений? Есть ли она вообще или же свойства инноваций абсолютно универсальны?

2. В какой из отраслей социальной сферы, на ваш взгляд, преобладает инновационная активность? Чем это объясняется?

3. Какие профильные темы, по-вашему, должны быть приоритетными в городских и районных инновационных программах?

4. Можно ли считать социальную работу в полной мере самостоятельной отраслью социальной сферы?

Командировка на свой риск

Предлагаю выбрать любой удобный для себя адрес и провести свободное экспресс-исследование по канонам творческой командировки. Объектом могут быть, к примеру, городские отраслевые составляющие – образование, здравоохранение, социальная работа…

Цель командировки: изучить состояние инновационной деятельности на уровне городской бюджетной отрасли и ее структур.

Программа изучения может включать: а) наличие или отсутствие нововведений за выбранный календарный период, механизмы и средства инновационного развития; б) анализ инновационной деятельности отраслевых специалистов и наиболее «продвинутых» объектов (допустим, школы или центра реабилитации детей и подростков); в) определение перспектив и стимулов инновационной работы в городской отрасли.

Отчет о командировке студент-исследователь вправе составить в произвольной форме и при желании сделать его предметом обсуждения в студенческой группе. Но если он может лечь в основу курсовой работы, то собранный материал следует сразу излагать в соответствии с рекомендуемой кафедрой схемой. Так, согласитесь, рациональнее.

Независимо от результатов командировки (ведь что-то может и не получиться, как планируешь), полагаю, она многое даст для закрепления учебного материала и развития собственных аналитических навыков. Дерзайте!

Дайджест

Спокойно подумать, «половить» ассоциации-идеи помогает любая социальная информация. Примеры инноватики, которые помещены в этой

рубрике, на мой взгляд, весьма многозначны для практики. Хотя они и появились в разное время и в разных странах, но видимые в них параллели легко пересекаются. Согласны?

В Финляндии введен «отцовский отпуск»…

Уход в отпуск – не событие даже для известного политика, который все время на виду. Но обстоятельства, при которых это законное право уже дважды осуществил премьер-министр Финляндии Пааво Липпонен, каждый раз приковывали к нему интерес всей страны. Дело в том, что глава правительства использовал *совершенно новое* для граждан Суоми временное освобождение от работы по уходу за новорожденным – для лиц мужского пола.

В августе 1998 года Липпонен сразу же за введением «послеродового отпуска для мужчин» решил на себе опробовать эту законодательную норму, принятую во имя защиты интересов брака и семьи. Иными словами, взвалил на себя нелегкие обязанности в течение трех недель ухаживать за своей малюткой дочкой, «высвободив» таким образом маму ребенка для общественно полезного труда. Ведь закон предоставляет такой оплачиваемый отпуск только для одного из родителей.

Не прошло и двух лет, как Пяйви Липпонен, которая моложе 58-летнего мужа на 26 годков, опять осчастливила его прибавлением в семействе: снова дочка, да какая – 4 килограмма при росте 53 сантиметра. И опять последовал «мужской отпуск»!

Вопросы семьи, заботы о потомстве, возврат к простым общечеловеческим ценностям становятся сегодня на первое место в стране, где рождаемость недостаточна, а население стареет пугающе быстрыми темпами. Получается, Липпонен лучше других политиков оценил эти обстоятельства.

(«Труд-7», 2000, 20 апреля)

…В Республике Коми определяют «образцовых мам»

Социальный проект «Образцовая мать» стартовал в Усинске. Его цель – повысить престиж женщины-матери. Из общего числа участниц конкурса жюри отдаст предпочтение тем, кто успешно реализует себя в семейной жизни и профессиональной сфере, воспитывает детей достойными представителями общества, занимает активную жизненную позицию.

(«Семья», 2005, №48)

Из Германии в Сибирь – на перевоспитание…

Пять лет назад в сибирскую глубинку приехали немецкие скауты, чтобы вместе с местными ребятами совершить путешествие на плотах по таежной речке Уй. Рассказали о чудесных местах и сибирском гостеприимстве у себя на родине. Вот тогда и созрело решение отучить немецких мальчишек от дурных привычек и привить им любовь к труду в далеких российских деревнях.

Для этого был разработан проект «Сопереживание в Сибири», предусматривающий поездки в Омскую область, Седельниковский район малолетних преступников и сопровождающих их социальных педагогов. Один пример результативности перевоспитания уже есть: тринадцатилетний парень из под Эссена после пребывания в сибирском селе больше не хочет курить травку и воровать.

(«Российская газета», 2002, 26 марта)

…В Сибири врачи придумали «поркотерапию»

С сенсационным докладом ученые из Новосибирска выступили на международной конференции «Новые методы лечения и реабилитации в наркологии». Его научное название – метод болевого воздействия при лечении аддиктивного поведения и других проявлений авитальной активности.

Смысл нововведения в следующем: алкоголизм, наркомания, депрессия, попытки самоубийства, психосоматические заболевания – это все уход от жизни, утрата вкуса к ней. Причина – снижение выработки эндорфинов, «гормонов счастья». А если человека с такими дефектами как следует выпороть, у него активизируются эндорфиновые рецепторы, происходит выброс эндорфинов и возвращается вкус к жизни.

Метод испытан практически – на наркоманах-добровольцах. Результаты хорошие и отличные.

(«Известия», 2005, 25 марта)

Штраф за двойки в британских школах…

Родители нерадивых учеников должны платить школе 500 фунтов стерлингов в год. Такое предложение внес член комиссии лондонских школ Тим Бригхауз. Он считает, что деньги могли бы пойти не только на оплату дополнительных уроков, но и на организацию работы различных кружков, на поощрение успехов в учебе. «Это заставило бы родителей наконец заняться собственными детьми, – подчеркнул Бригхауз. – Число неуспевающих растет с каждым годом. Мы вынуждены заниматься проблемами бездомных, наркоманов и преступников, и обратите внимание на закономерность: дети, которые не могут справиться со школьными проблемами, превращаются во взрослых, которые не умеют найти свое место в мире».

(«Первое сентября», 2004, 17 февраля)

…В московских школах отличников поощряют жетонами

Оригинальный способ повышения успеваемости школьников придумали в Юго-Восточном округе столицы. Учеников, получающих отличные отметки, еженедельно премируют бесплатными билетами в один из досуговых центров. Чтобы получить подарочный сертификат на одно посещение развлекательного комплекса, нужно иметь минимум четыре

пятерки за неделю. К билету прилагаются десять жетонов для игровых автоматов.

По свидетельству учителей, в школах не только резко возросла успеваемость, но и повысился интерес к самой учебе. Предполагается, что к концу учебного года подобный метод пробуждения тяги к знаниям возьмут на вооружение 40 школ.

(«Московский комсомолец», 2005, 3 июня)

Глава 11. Инновационный опыт социальных работников

Приходится признать, что социальная работа в нынешних российских условиях имеет труднозащитимую и пока малоперспективную диспозицию. Она, эта диспозиция, сродни положению морской эскадры, зажатой неприятелем в бухте, берега которой обезлюдели и объяты пожаром. Блокированные корабли построены грамотно, расположены как требует военное искусство, но помощи с суши ждать бесполезно (даже пресной воды подвезти некому), а выход в море стережет превосходящий количеством вражеский флот. На судах полно раненых, покалеченных – им пытаются помогать самоотверженные одиночки – врачи и санитары, на ходу придумывающие спасительные варианты. Надо выстоять, продержаться хотя бы полдня – глядишь, подоспеют вызванные боевые резервы… Гипербола, конечно. Однако в ней много похожего, если помыслить образами, на ситуацию и заботы отечественных социальных работников.

Бедный российский бюджет переходного периода, сложности с инвестированием в социальную работу, низкая заработная плата профессионалов-социономов отнюдь не располагают к налаживанию инновационной практики. Известны и теоретически обоснованы направления, формы деятельности, но глубокая блокада и по «линии берега» (местные субсидии), и на «внешнем рейде» (федеральные программы, фонды) делает ресурс социальной помощи, поддержки малоимущих, инвалидов, стариков, детей крайне неубедительным. Даже с учетом сдвигов в лучшую сторону в последнее время. В такой ситуации аномалией становятся не некие «мертвые зоны», где никаких нововведений нет и быть не может, а скорее их антиподы – «островки нового», где обнаруживаются вдруг инновационные прорывы, социальные успехи.

Философия социальной инновационной практики в этих условиях обязана сохранять, тем не менее, не только оптимизм, но и конструктивное начало. Именно наличие в большинстве стран негативной специфики

заставило президента Международной федерации социальной работы Э.Энвалла в преддверии нового тысячелетия призвать своих коллег стать носителями перемен, «агентами изменений». Но эти перемены, по его представлению, должны быть направленными. Изменения, не следующие определенному направлению, ведут к хаосу и подавлению. Между хаосом же и порядком находится то, что сегодняшние ученые называют *сложностью*. Эта сложность – суть профессиональной практики в области социальной работы, та именно суть, которая и может сделать возможными перемены /1/.

Президент федерации привел пример социальной инновации, по существу, на грани едва ли не жертвенного риска. В чилийском городе Консепсьон социальный работник Марлена Сандоваль создала детский приют (он назывался CERSO – Центр образования и психологической реабилитации), который взял на себя опеку над 30 девочками, волею судьбы вынужденными зарабатывать на хлеб себе и своим родным уличной проституцией. Разработанные принципы и методики дали свой результат, но бороться центру приходилось не просто с социальным пороком (пороком не девочек – общества), надо было выдержать нападения и угрозы убить автора проекта.

Из примеров подобного рода Э.Энвалл выводит вопрос, который исторически социальные работники всегда себе задавали: что мы хотим изменить – индивида или его окружение? Ответ предполагает возможность принять вызов и посвятить себя делу широкой социальной интеграции – задача социального контроля на уровне бедняков и маргиналов может быть лишь частью профессиональной социальной работы. В целом же надо стремиться к изменению общества (чтобы оно перестало выталкивать своих членов) и изменению индивида, помогая ему осознать и мобилизовать собственные силы и способности. Чтобы быть агентами перемен, нужно меняться самим и развивать способности клиентов. Добавлять то, что необходимо для перемен /2/.

С моей точки зрения, в России такой подход постепенно приучает к мысли о том, что социальные работники и их инновационные усилия должны оцениваться одинаково достойно и на привычном для них *микроуровне* человеческих контактов и услуг (сугубо прикладная сфера); и на *мезоуровне*, где складываются в рыночной среде корпоративные социальные связи, создается симбиоз ресурсов государственного, частного и муниципального секторов; и на *макроуровне*, который пока плохо ассоциирует опыт, проблемы и заказы социальной работы как одной из отраслей социальной сферы государства и общества.

Несомненно, деление на уровни не должно мешать восприятию социальной работы как целостной системы, предполагающей и собственное инновационное развитие, и обеспечение результативности новых форм и методов решения жизненноважных задач клиентов. Отмечающие эту системность специалисты /3/ подчеркивают, что социальная работа включает в себя разнообразные рычаги влияния на проблемы человека в течение всех этапов его социализации, в том числе различные виды социальной помощи – материальную, психологическую, педагогическую, юридическую, духовную и т.д. Здесь присутствует объемный комплекс содержательных направлений и срезов, каждый из которых может иметь свои технологические и инновационные особенности. И здесь же идет естественная дифференциация на социальную индивидуальную работу или работу со случаем (case work), социальную групповую работу, социальную общинную (коммунальную) работу.

В сложившейся инновационной практике разрыв между «маломасштабной» социальной работой и некими государственными стратегическими целями инновационной политики ощущается особенно остро, общественное сознание никак не может преодолеть свое выборочное и во многом ложное отношение к гражданским приоритетам. Тезис о том, что качество, зрелость общества проявляются прежде всего в его заботе о стариках, детях, обездоленных, при дефиците бюджетных средств

государством легко забывается, а сильным мира сего, как правило, нет дела до социально незащищенных слоев населения, которые обречены в подавляющем большинстве на вымученный властью и обществом минимум.

И все-таки даже при относительном балансе внимания на любом из трех уровней социальной работы создаются условия развития и механизмы обновления, которые в том или ином масштабе времени и социального пространства обеспечивают таки свой инновационный эффект.

Основной мотив нововведений – при отмеченной ограниченности ресурсов для социальной работы – поиск компенсационных форм погашения долгов населению по обязательствам государства. Звучит вызывающе и банально одновременно. Но это жизнь, и сопутствующая ей столь неординарная тема, видоизменяясь, будет существовать, тем не менее, еще достаточно долго.

Пенсионное обеспечение стоит как бы рядом с социальной работой и, строго говоря, не ее предмет. Однако с пенсионерами (по старости, по инвалидности) социономам работать приходится много. Возникла с середины 1990-х годов и просуществовала до начала нового века острейшая проблема, связанная с несвоевременной выплатой пенсий. В том числе и из-за накопившихся недоплат в Пенсионный фонд со стороны предприятий, фирм. Жалобы за жалобами – социальные работники забили тревогу.

В Пензе нашли выход, придумали инновацию – создали с участием правительства области и фирмы «Гарант» специальную социальную структуру, организовавшую за счет предприятий-должников выдачу людям в погашение задержанных пенсий продуктов питания, промышленных товаров и услуг. Средняя стоимость полученных на одного пенсионера товаров и услуг составила примерно 135 рублей в месяц. В зависимости от динамики выплат пенсий число клиентов колебалось в диапазоне 5-10% от общей численности пенсионеров /4/.

Подобную же проблему министерство социальной защиты Башкортостана разрешило с помощью другой инновации. В порядке

эксперимента была организована выплата пенсий именными социальными чеками, погашаемыми республиканскими налоговыми обязательствами. Чеки по заявлению желающих выдавали отделения почтовой связи в счет причитающихся пенсионных сумм /5/.

Повторю, подобные инновации теперь не актуальны, они ушли, хотелось бы предполагать, в прошлое. Однако пенсионеры и ветераны со всеми их повседневными заботами остаются постоянным объектом внимания социальных служб. И можно найти немало примеров новоделания, включая и использование вторичного опыта, привезенного из самых разных мест мира.

Весьма показательна, скажем, практика создания в Пермской области так называемых «Теплых домов», идея которых родилась в еврейских общинах Израиля. По форме организации – это миниклуб пожилых людей в определенной квартире, руководит которым ее хозяин по договору. Если необходимо, ту же руководящую роль может выполнять любой местный социальный работник. По сравнению с более затратными дневными центрами для пенсионеров, как показал опыт первых восьми «теплых домов» в шести городах области, адаптированная новация не требует больших денег на содержание и хорошо помогает общению, приобретению новых друзей, что в таком возрасте уже не столь просто. Люди в коллективе единомышленников легче переносят свои проблемы, потери, переживания. Существенно и то, что условия дома позволяют быть его гостями детям и внукам пожилых «постояльцев» клуба /6/.

Комплексно подошли к решению задач по уходу за инвалидами и участниками войны – представителями самой почтенной ветеранской когорты в городе Рязани. Здешний центр занятости населения заключил договора с администрациями школ и профессиональных лицеев на организацию временной занятости подростков. Было создано 136 рабочих мест по уходу за стариками. За три месяца 2005 года в этой работе участвовали более 50 учащихся, а во втором квартале количество желающих значительно увеличилось /7/.

На разных уровнях и с разной степенью эффективности внедряются инновации в такой комплексной сфере, как «социальное здоровье населения» – ведь тут сходятся медицинская и социально-психологическая реабилитация, работа в девиантной среде социальных педагогов и психологов, социальный контроль за престарелыми, малоимущими, трудными подростками и многодетными семьями, а также еще целый ряд объектов социальной работы. Разграничить в этом комплексе, отделить друг от друга какие-то части далеко не всегда бывает легко. Одна проблема пересекается со второй, третьей и мера важности каждой в общем-то условна.

Взять, допустим, давнее, но очень актуальное для сегодняшних нацпроектов новшество: в больнице села Небылого (Владимирская область) местная администрация вместе с медицинским персоналом открыли «социальные палаты» для длительного проживания в них одиноких стариков, нуждающихся в медицинской помощи и постоянном уходе. А суть как раз в том, что брали сюда за скромную плату из пенсий именно тех, у кого нет родных и близких и кто является потенциальным подшефным социальной службы. В деревне нет штатных социальных работников, и их функцию выполнял персонал больницы. Дешево и сердито: старые люди получают не просто медуслуги, им обеспечивается и психологический комфорт – в отличие от домов-интернатов, лишающих ветеранов уюта родной местности, родного дома, во владимирском варианте все окружающее остается своим, знакомым и это снимает с души моральную тяжесть /8/.

Социальная помощь на селе – это вообще огромная проблема. Тут менее всего действует столь важный для нынешней российской социальной политики лозунг «Назад – к человеку!» Но возвращаться-то все равно надо. Пусть разными способами, но с ожидаемым результатом. В том числе с помощью мобильной сельской социальной службы, которая для одних мест давно имеет прецеденты (допустим, Пензенская область), а для других

(Пермская область, ныне – край) только предлагается исследователями как инновационный прорыв.

Этот вариант, согласно анализу Т.И.Марголиной и Е.В.Смирновой/9/ был, крайне нужен, в частности, селу Платошино. Там проживало более 2600 человек, из которых: пенсионеров – 332, инвалидов – 159, детей-инвалидов – 10, одиноких матерей – 52, ветеранов войны – 62, репрессированных – 10, одиноких престарелых, неспособных к самообслуживанию – 7, опекаемых – 14… И при этом в сельской администрации нет социальных работников, специалистов по пенсионному обеспечению, а значит, все нуждающиеся в помощи жители вынуждены обращаться за социальной поддержкой в районный центр. Понятно, с какими вытекающими отсюда последствиями им приходится сталкиваться. Предложенным нововведением для села запланировали раз в месяц выезд мобильной социальной службы в составе: специалиста управления социальной поддержки населения, психолога, юриста, представителя пенсионного фонда, сотрудника социальной аптеки, а также бригады по оказанию бытовых услуг (фотограф, швея, обувной мастер и т.д.).

Некоторое время назад в стране стали возникать совершенно новые для российских условий кризисные социальные центры – приюты для семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Один из первых был создан в карельской столице Петрозаводске. Семьи с детьми, столкнувшиеся с материальными, жилищно-бытовыми, психологическими проблемами, могут получить в Республиканском центре социальной помощи «Сампо» бесплатно питание и кров, квалифицированную консультацию психологов, юристов, социальных работников. Особенно это касается таких сложных случаев, когда семья неожиданно лишается арендованной квартиры или когда дети подвергаются насилию со стороны кого-то из родителей. Тут нужна не просто помощь, а экстренное вмешательство специалистов, властей. Кстати, очень быстро выяснилось, что имеющих повод сюда попасть намного больше, чем может принять приют. И по мнению руководства центра, чтобы

полностью обеспечить потребности населения в такого рода социальных услугах, следует организовать аналогичные центры в каждом районе /10/.

Ежегодно в России, по оценке специалистов МВД, мигрирует несколько десятков тысяч беспризорных детей. Причины – от неблагополучия в семье до болезней и наркотиков. Поиск здесь радикальных средств крайне затруднен, поэтому с особым пристрастием приветствовалось создание центров реабилитации, работающих на стыке медицины, психологии и педагогики. Они обеспечивают обследование детей, профилактику развития недугов, коррекцию психики и поведения.

Показательный пример такого нововведения – комплекс для детей и подростков в Юго-Западном округе столицы. В нем на момент создания собрали сто специалистов, оснастили каждое профильное направление первоклассным диагностическим и лечебным оборудованием. Но главное – свой новый взгляд на вещи, которые еще вчера считались второстепенными, новые методики и формы социально-педагогический и медико-санитарной реабилитации.

Взять, скажем, настольную книгу медсестры. Это и дневник, и программа действий, и справочник. Здесь весь набор оздоровительных мероприятий с подробными рекомендациями, нормативы, способы определения осанки, остроты зрения, плоскостопия и т. п. Полная разработка технологии работы.

В этом уникальном реабилитационном учреждении быстро утвердились оригинальные подходы к задачам детской нейропсихологии и неврологии (обязательная диагностика базовых функций и методы тренинга), к роли физкультуры в развитии интеллекта школьника, к формированию личности ребенка, находящегося в пограничном состоянии между здоровьем и болезнью /11/.

Возвращением детей из категории девиантного (отклоняющегося) поведения в разряд социально благополучных и физически здоровых занимаются, естественно, не только специализированные и столь хорошо

оснащенные учреждения, как московский комплекс на Юго-Западе. Время от времени возникают (с участием или без участия социальных работников) мобильные социальные инновации, цель которых установить контроль за уличным поведением подростков, наладить профилактику наркомании, пьянства и других асоциальных явлений.

В Брянске организовали в конце 1990-х вечерние родительские патрули. Отцы и матери подростков взяли под опеку «злачные места» – подъезды, подвалы, чердаки и те точки микрорайонов, где чаще всего возникают криминальные ситуации. Лишь за один год патрулями было задержано свыше 13 тысяч нарушителей, раскрыто около 300 преступлений /12/.

С более локальной целью в Вологде накануне 2000 года начали работать молодежные «бармалейские патрули». Они проверяли стены и двери домов на предмет писания детьми слов ненормативной лексики. Для уличенных в «художествах» разработали систему родительских и общественных наказаний /13/.

Если научно квалифицировать такие инновационные методы работы, как в Брянске или Вологде, то они должны быть отнесены именно к разряду *мобильной* социальной работы. Ее проявление отражает, с одной стороны, неэффективность борьбы с известными социальными болячками и рост числа бездомных, безработных и праздношатающихся среди молодежи, а с другой – наличие значительного числа молодых людей не столько склонных к девиантному поведению, сколько тяготеющих к потенциально агрессивным формам молодежной субкультуры – рокерам, фанатам всех мастей, радикальным группировкам, защищающим то или иное новомодное течение.

Своим рождением мобильная социальная работа во многом обязана энтузиастам из США, которые на улицах крупных городов и в местах проведения молодежных тусовок вели поиск объектов социальной реабилитации, исследовали среду обитания нуждающихся в помощи молодых людей, старались навести мосты и мостики для солидарного взаимодействия с ними. Благодаря такому нововведению социальная работа

переместилась из различных ведомств и учреждений, центров и консультационных пунктов на улицы, стала действительно активно влиять на социальную адаптацию «неблагополучной» молодежи /14/.

Инновации, связанные с социальными аспектами оздоровления и воспитания молодого поколения, при всей своей относительной эффективности не дают должного суммарного результата. По причине в том числе и противоестественного разрыва между учреждениями, работающими с обычными детьми, и различными социальными образованиями, предназначенными осуществлять коррекцию отклоняющегося развития и поведения. Так полагают специалисты Института педагогики социальной работы. По их мнению, необходимо принципиальное реформирование порядка помощи детям и защиты их прав – обновление всей деятельности на основе подлинно системного подхода, а не сохранение той видимости «системы», которая и на государственном, и на региональном уровнях представляет собой пестрый набор слабо скоординированных между собой организаций и учреждений. Инновированная система должна включать три главных звена: а) оказание целостной мультидисциплинарной профилактической поддержки и коррекционно-реабилитационной помощи; б) контроль за соблюдением прав детей; в) собственно защиту прав несовершеннолетних /15/.

Актуальность системной реализации инновационной концепции социального здоровья населения подчеркивает в своем модельном проекте группа авторов – ученых и практиков /16/. По их представлению, все местные сообщества – каждое на соответствующей муниципальной территории, а не только федеральный центр, должны обеспечивать тотальное социальное оздоровление. Модель, выстраиваемая с учетом мирового опыта и мировых стандартов, которые вполне могут быть адаптированы к условиям России, предполагает взять на вооружение апробированные в развитых странах инновационные технологии (рис. 11.1).

Глобальная тема социального здоровья граждан может стать со временем едва ли не основной для социальных работников, и к этой мысли, полагаю, теория и практика еще вернутся. А сейчас о той стороне социальной реабилитации, которую далеко не всегда у нас жалуют. Речь об осужденных, о воспитательной и оздоровительной работе в местах лишения свободы.

Схема 11.1. **Структурно-функциональная модель укрепления социального здоровья населения в местном сообществе.**

Почему такая работа нужна, доказывать, надеюсь, не надо. Она имеет непосредственное отношение к «редукции преступности» – так квалифицирует И.В.Бестужев-Лада ослабление преступности как социального явления за счет нахождения подобающих профилактических решений и, в частности, инновационных /17/. Не буду, однако, теоретизировать – сразу факты.

В 1998-1999 годах отечественная периодика запестрела заголовками «Вуз за решеткой», «В тюрьме готовят юристов», «На свободу – с университетским значком»… Обозначилась необычная социальная инновация, у истоков которой целый букет причин. Выделю основную, сформулированную тогдашним начальником екатеринбургской колонии № 2 и кандидатом педагогических наук С. Ветошкиным: «Образование – важнейшая часть общей культуры человека, а уровень культуры – это, согласитесь, и уровень правосознания. Главная наша задача ведь не карательная, а воспитательная. Мы должны оступившегося человека сделать полноценным членом общества» /18/.

Не следует видеть за подобными словами ложный пафос. На фоне бесчисленных рецидивов и аномалий привычному к ним сознанию трудно «смириться» с социально здоровыми мыслями. Но смириться надо, ибо иначе никогда нам не выбраться из долговой ямы, на дне которой общество столь долго смиренно копит социальные пороки.

Так вот, в Екатеринбурге – не знаю, первыми ли – организовали вуз в колонии для осужденных на базе Социального института Уральского государственного профессионально-педагогического университета. Занятия здесь шли в очно-заочной форме. В год пять сессий, когда читаются лекции и проводятся семинары, сдаются экзамены и зачеты. Между сессиями студенты занимаются самостоятельно, пишут рефераты. Учеба платная, но цены льготные.

Любопытно, что существует специализация «социальная работа в пенитенциарных учреждениях». Выпускник с таким дипломом, впрочем,

необязательно должен трудиться только в системе исполнения наказаний, ему не заказан путь и в органы соцзащиты, любые другие структуры, где требуются социальные работники.

Уже в процессе обучения студенты – прекрасные помощники вопитателям-администраторам. По оценке Центра социальной реабилитации, роль учащихся в укреплении морально-психологической атмосферы в колонии очень высока, она хорошо вписывается в общую программу ресоциализации, основу которой составляет система образования. Именно система, ибо в нее, кроме вуза, входят еще школа, ПТУ и колледж (горно-металлургический).

Существенно и то, что в данном случае это не какая-то особая, привилегированная колония. Тут те же типичные проблемы, как и везде. Но здесь не «мстят», а пытаются вернуть оступившегося человека в общество вполне морально, духовно здоровым. И именно в этом надо искать инновационный смысл и пафос.

Своя специфика отношений и свои учебные дисциплины были определены для студентов-колонистов Самарским филиалом Современного гуманитарного университета. Заочный курс обучения будущие экономисты из ИК-5 должны проходить пять лет /19/. В Красноярске под эгидой ЮНЕСКО вузовская программа для заключенных была запущена на базе Московского университета экономики, статистики и информатики /20/. Тверской филиал этого же университета в колонии № 4 города Торжка организовал дистанционное обучение. Все решившиеся учиться осужденные пожелали стать юристами. Это, похоже, первый случай подготовки специалистов по юриспруденции в тюрьме /21/.

Довольно экзотично выглядит другая инновация в пенитенциарных учреждениях: женские конкурсы красоты. Праздник для подопечных колонии ЖХ-385/2 в мордовском поселке Явас одними из первых устроили с согласия администрации журналисты газеты «Республика молодая» /22/. Нет необходимости рассказывать о самом сценарии соревнования, все

последующие годы в разных колониях страны приобретавший свой колор. Подчеркну опять же стремление пробудить у осужденных женщин интерес к возвращению в нормальную жизнь, желание задуматься об иной для себя судьбе, нежели хождение годами в зоне, имея на плечах ватник отнюдь не «от Кардена».

Отмечу по пути и не совсем адекватную тональность публикаций в отечественной прессе. Подобие юмора (больше похожего на издевательско-менторский сленг), сопровождающее информацию о конкурсах, явно не к месту, когда речь идет о достаточно деликатной и уж точно – социально небезобидной теме (характерны в первую очередь заголовки: «Красотки за решеткой», «Мисс очарование» общего режима»). «Мастера» пера, по-моему, заведомо пренебрегают истинным смыслом нововведений, игнорируют их подлинное значение и совсем не думают о том, что их «информационным сопровождением» легко погубить полезное новшество, намного укоротить «длину его волн».

Кстати говоря, газетная тональность в этом информационном жанре не изменялась по меньшей мере на протяжении нескольких лет.

Вот один из сравнительно недавних уже примеров. Сообщается, что в мужской колонии строгого режима №9 научились и успешно вяжут носки и варежки для детдома. Заголовок: «На все руки от скуки». Делать нечего – стали вязать, заскучали – заметку написали… Конечно, когда нет другой работы, мужикам коротать срок за вязанием – занятие в известной мере вынужденное. Но в заметке ведь есть и нормальные человеческие мотивы выбора: многие осужденные знают, что такое безотцовщина, есть среди них и воспитанники детских домов, интернатов, да и у самих колонистов дети на воле остались, некоторые из них растут в сиротских учреждениях. Более того, в посылки к варежкам и носкам осужденные добавляют шоколадки, купленные на свои деньги в ларьке, а спустя какое-то время взялись за реставрацию столов, стульев, кроватей петрозаводского детдома №2 /23/. Нельзя забывать, что человек и в колонии человек и шерстяная нить в

варежках детдомовцам – это для него и ниточка, пусть слабенькая, к потерянной пока в жизни естественной и желаемой опоре.

У нынешнего дефицита инноваций в социальной работе существуют, подчеркну еще раз, объективные и закономерные причины. Переход к рынку, «свободной» экономике чреват сложностями для любой страны. По крайней мере, это не только мотив чисто российский, как порой кому-то кажется.

Один из ведущих американских специалистов по проблемам социальной работы Г. Каргер, оценивая возможности социономов на фоне тенденций в мировой экономике, вынужден был констатировать, что в складывающихся условиях многие социальные и человеческие потребности, которые ранее удовлетворялись в государственном секторе, все более до определенного момента станут удовлетворяться частными организациями, а правительственные программы, соответственно, будут сокращаться. Находясь под влиянием рыночной психологии, политики потребовали большей конкуренции в обществе. И эта ориентация, помимо прочего, приводит к приватизации социальных услуг, их переводу от государства на контрактную основу /24/.

Не буду развивать столь откровенно сформулированный тезис. Он легко проецируется на Россию, на трудности наших социальных работников, поскольку за скромностью правительственных программ стоит ничто иное, как, во-первых, обеднение бедных, лишающихся еще больше возможности получать услуги социальных работников (с наличием у них инноваций или без оных), во-вторых, смещение профессионального внимания в сторону людей с полным кошельком – у них же, богатых, свои ценности и потребности, мало в чем совпадающие с традиционными ценностями социальных работников и приоритетами инновационной социальной практики.

Разумеется, сложности экономической ситуации и наличие общезначимых негативных тенденций не снимают самой важности

инновационного поиска. Зарубежные параллели подтверждают поступательное движение «идей для людей» (ради и во имя людей), и некоторые из них, не исключено, могут оказаться полезными в инновационной практике российских социальных работников.

К примеру, в США сложилась своя система социальной работы с неполными семьями и, в частности, оформились группы самопомощи и группы поддержки, объединенные в организацию «Родители без партнера» (более 200 тысяч членов). Группы поддержки на уровне социально-территориальных сообществ состоят из 12-15 человек. Они организуют обмен педагогическим опытом, помощь в проведении выходных дней и отпусков, юридические консультации по различным жизненным проблемам и т. п.

В ФРГ государство ставит перед социальными работниками задачу преодоления их клиентами зависимости от социальной помощи, включения некогда безработных в процессы на рынке труда. Будущее строится на самоуправлении сферой социального обеспечения, развитии системы независимой благотворительной помощи /25/.

Профессор В.А.Луков описывает и другую особенность немецкого опыта. В Дортмунде, крупном индустриальном центре, местные социальные работники на вопрос о самом значительном социальном нововведении последнего времени назвали строительство в метро лифтов для инвалидов. Остальные идеи и проекты были меньше по масштабам. Один, например, основывался на наблюдении, что городские дети видят многих домашних животных лишь по телевизору. Чтобы познакомить своих чад с такими животными в живом общении, была снята в аренду ферма за городом. Туда поместили несколько пони, коз, кур, прочие экземпляры, а также установили две ставки социальных работников для обеспечения предусмотренной под это технологии обучающего труда и общения на ферме. Как замечает В.А.Луков, при нашей привычке к глобализму социальных идей такой приземленный вариант (30 детей неделю находятся в контакте с животными,

потом им на смену приезжает следующая группа) усваивается не сразу. Между тем он исключительно эффективен в силу своей корректности, обозримости результатов и реальности ответа на насущную общественную потребность /26/.

К развивающимся инновационным методам социальной работы в Норвегии относятся Центры добровольцев (налаживание связей между людьми, которые хотят помочь, и теми, кто нуждается в помощи), приюты для женщин (убежище и лечение для тех, кто подвергается насилию в семьях), альтернативные полиции социальные службы, работающие с конфликтующими сторонами (обсуждение условий гражданского контракта, в результате которого преступник, например, выполняет определенную работу для пострадавшего). Часть подобных форм отрабатывается в порядке инновационного эксперимента /27/.

Во Франции после своего избрания президентом страны Ж. Ширак в рамках предвыборных обещаний о помощи обездоленным пошел на радикальное нововведение: создал совершенно новое министерство – по проблемам интеграции и борьбы с социальным отторжением. Чистка пригородов Парижа и других крупных городов от антисоциальных элементов, попытка расселения бездомных, высылки незаконных иммигрантов не во всем были удачными. Более результативными на какое-то время оказались профилактические меры против попрошаек, профессиональных нищих, бомжей. Боязнь перейти репрессивный Рубикон, конъюнктурные политические мотивы помешали нормальному инновационному началу /28/, но сама идея иметь структуру для социального оздоровления, на мой взгляд, содержит свое рациональное зерно.

Выбор инновационных проекций в социальной работе достаточно велик, несмотря на отмеченные ранее закономерности и объективные сложности. Остается уповать на профессионализм и силу духа отечественных социальных работников, которым стоит, по-моему, канонизировать несколько уже устоявшихся коллективных наблюдений:

а) социальная работа на каждом из своих иерархических уровней сопряжена с инновационным процессом, она не может делать самоцелью задачу контролировать рождение перемен (в виду многочисленности их источников), но может сопутствовать процессу перемен и обязана этому следовать;

б) нововведение в области социальной работы на микроуровне, в максимальном приближении к потребностям человека, с практической точки зрения намного эффективнее, чем глобальные социальные проекты с размытым диффузным эффектом;

в) следование новому трансформирует, но не уничтожает базовые ценности социальной работы, практическая инноватика была и остается естественным накопителем прогрессирующего системного качества этой экономически и организационно самой уязвимой отрасли социальной сферы.

Источники

1. *Энвалл Э.* Социальные изменения и совершенствование социальной работы // Обучение социальной работе: состояние и перспективы. – М., 1997. – С. 18.
2. Там же. – С. 19-21.
3. Социальная работа: теория и организация / Под ред. *П.П.Украинец* – Минск, 2005. – С. 149.
4. См.: Пензенская правда. – 1998. – 1 октября; *Сиротский Е. Г.* До стабильности еще далеко, но социальных эксцессов можно избежать // Губерния. – 1998. – № 1. – С. 62-64.
5. Известия. – 1997. – 25 января.
6. См.: *Гуревич Н.В.* Методология и методика работы по социальной адаптации пожилых людей в современных условиях // Новые социальные технологии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Пермь, 2004. – С. 62-65.
7. Парламентская газета. – 2005. – 12 мая.

8. Российская газета. – 1996. – 28 сентября.
9. *Смирнова Е.В., Марголина Т.И.* Организация мобильной социальной службы в с.Платошино как инновационная форма социального обслуживания на селе // Новые социальные технологии… – Пермь, 2004. – С. 110-112.
10. Известия. – 2003. – 17 июня.
11. Известия. – 1995. – 5 сентября.
12. Правда. – 1998. – 18 февраля.
13. Россия. – 1999. – 3 декабря.
14. *Колков В. В.* Социальная безопасность: Учебное пособие. Часть 1. – М., 1998. – С. 42-43.
15. *Северный А. А.* Системный подход: три звена // Социальная работа. – 1999. – № 1/12. – С. 39-40.
16. *Акбаев З.А., Душенков П.А., Иванов В.Н.* и др. Социальное здоровье граждан – забота и местного сообщества // Муниципальный мир. – 1999. – № 2. – С.15-22.
17. *Бестужев-Лада И. В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М., 1993. – С. 203.
18. Труд. – 1998. – 10 декабря.
19. Труд. – 1999. – 8 сентября.
20. Труд. – 1999. – 12 ноября.
21. Новые известия. – 1999. – 9 декабря.
22. НГ-регионы. – 1999. – 17 декабря; Труд. – 1999. – 10 декабря.
23. Труд. – 2005. – 18 марта.
24. *Каргер Г.Я.* Изменения в экономике и перспективы развития социальной работы // Обучение социальной работе: состояние и перспективы. – М., 1997. – С. 36-37.
25. Основы социальной работы: Учебник. – М., 1997. – С. 340.
26. *Луков В. А.* Социальное проектирование. – М., 1997. – С. 45-46.
27. Основы социальной работы… – С. 356.
28. Известия. – 1995. – 1 августа.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Насколько, по вашим представлениям, инновационна нынешняя социальная работа в стране и как вы оцениваете ее перспективы?

2. Что вам кажется главным, с точки зрения социального работника, в поиске изменений на микроуровне человеческих контактов и услуг?

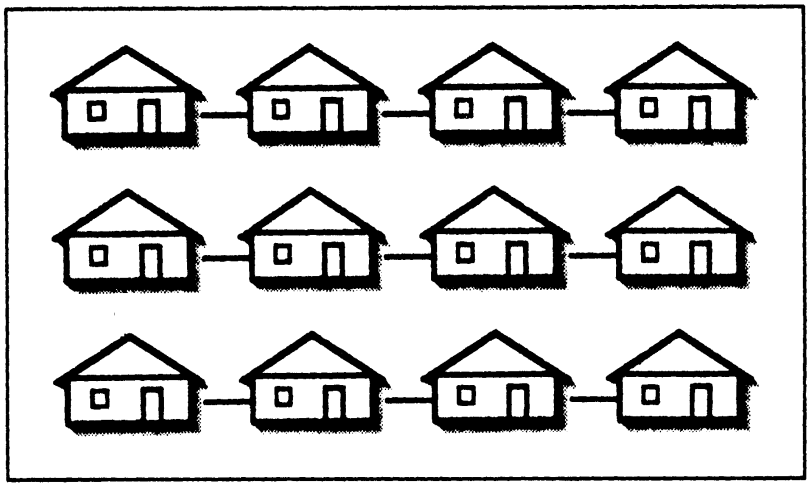
3. Как вы видите возможности симбиоза, взаимодействия социальных учреждений и рыночной, предпринимательской среды?

4. Какой должна быть государственная стратегия в инновационном преобразовании социальной работы?

Нить Ариадны

К сюжету из древнегреческого мифа задание, понятно, никакого отношения не имеет. Все проще. Социальному работнику предстоит обслуживать пожилых клиентов в 12 домах микрорайона. Ходить туда надо каждый день, и поэтому желательно определить самый короткий и во всех смыслах экономный маршрут передвижения от дома к дому – получить в руку своеобразную путеводную нить.

Найдите по рисунку этот кратчайший путь.



Адреса впрок

1. Назовите отечественные издания, где чаще всего вам удается найти материалы об инновациях в социальной работе.

2. Вспомните и систематизируйте наиболее яркие факты из социальной практики последних лет. Выделите те из них, которые могут быть предложены в качестве базовых для социальных инноваций.

3. Придумайте пять дел, которые вы могли бы сделать сами или вместе со своими товарищами в социальных учреждениях вашего района, города.

Опорная точка

В Липецке открыта первая в регионе социальная библиотека. Проведенное анкетирование показало, что липчане старшего поколения по-прежнему с удовольствием пользуются услугами библиотек, но не всегда находят в них литературу, которая помогла бы им решить насущные проблемы: выяснить правильность начисления пенсий, порядок предоставления льгот.

Профиль открытой библиотеки решили немного скорректировать. После обновления в ней появилось много справочной, правовой и социальной литературы. Кроме того, принято решение наладить обслуживание на дому больных людей и инвалидов всего города. Социальный библиобус на базе маршрутной «Газели» дважды в месяц будет

выезжать по адресам. В перспективе предполагается привлечь к этому важному и полезному делу волонтеров из студенческой среды.

(«Московский комсомолец», 2006, 30 марта)

Оцените, чем будет полезна такая библиотека социальным работникам. Какие ее функции, на ваш взгляд, можно трансформировать или расширить, чтобы полнее решить известные вам проблемы социального обслуживания населения?

Глава 12. Инновационные организации

Практическая инноватика, с одной стороны, привязана к «технологическому трансферу», как квалифицирует передачу поэтапных функций и действий внутри инновационной системы Б.Санто /1/, а с другой – к модели организации работающих в инновационном процессе структур и звеньев (субъектов деятельности). При этом данностью остается не только создание нововведений, но и обязательное владение интеллектуальной собственностью, которое дает право считаться действующей системе инновационной организацией (инновационным предприятием). Именно по этому признаку в Томске из более чем 2000 малых технологических фирм 86,8% имели и такую собственность, и такое право /2/.

Иметь, впрочем, право считаться инновационной организацией по формальным исходным признакам и быть таковой в действительности – разные вещи. Не случайно появилась еще и другая градация: инновационно-активные и инновационно-пассивные организации (предприятия). Например, инновационно-активными на рубеже 2003-2004 годов в промышленности и сфере услуг Москвы числились 139 субъектов хозяйственной деятельности, в Красноярском крае – 23, а в Республике Беларусь в 2005 году было 318 инновационно-активных предприятий/3/.

Организаторам инновационного процесса приходится отталкиваться от сложившихся принципов и для каждого реального варианта выбирать ту или иную схему построения инновационного производства.

Наиболее простая из существующих обычно моделей является результатом логического расчленения всего процесса на отдельные функциональные и структурные части, этапы. Характерна в этом смысле прежде всего так называемая «инновационная цепь», которую в своей редакции «по сумме практик» я предложил бы в таком виде:

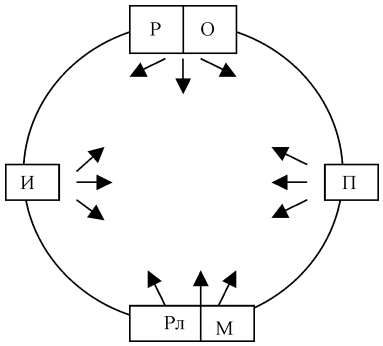
Схема 12.1. **Инновационная цепь.**

Подобная модель соответствует, с моей точки зрения, «штучной», не масштабной инновационной деятельности, когда организация, разрабатывающая и внедряющая инновационную идею, не претендует на непрерывное производство нововведений и конкурсную (конкурентную) их продажу на рынке.

Иное дело принцип не цепи, а круга – такая модель преображает инновационный процесс в комплексную систему, где каждый из ее элементов образует постоянно взаимодействующие подсистемы с множественными обратными связями (схема 12.2). Замкнутость процесса создает непрерывность воспроизводства, возможность разноскоростных параллелей (т.е. работу сразу над несколькими инновационными проектами), безостановочного обновления продукции любого типа – сугубо интеллектуальной, социальной или товарно-материальной /4/. Можно, конечно, шутливо именовать это «фабрикой грез», но постановка нововведений на поток действительно в корне меняет статус организации.

«Модель круга» – типичное построение для большинства технопарков и инновационных зон, какую бы организационную форму они ни приобретали. Аналогами технопарка считаются и университеты-инкубаторы (и вообще «инновационные инкубаторы»), и технологические деревни, и технополисы, антиполисы (как во Франции), и наукограды (как в России), и диверсифицированные (многопрофильные) научные центры. В таких комплексах разработку инновационных идей и проектов сопровождают широкие междисциплинарные исследования по основным приоритетным научным направлениям, формирование высокопрофессиональной

интеллектуальной среды и оптимальных условий для венчурных предприятий.



И – Результат исследований (может в общем означать создание чего-то нового, появление новой идеи)

Р – Разработка

О – Опытное производство

П – Производство (внедрение)

М – Маркетинг; Рл - Реализация

Схема 12.2. **Замкнутый инновационный труд – «модель круга».**

По мнению специалистов, во многих российских регионах уже сложилась самодостаточная концентрация профильных вузов и научно-исследовательских структур, соответствующих подобным формам инновационной организации. Диверсифицированные научные центры в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске и других городах в состоянии сегодня дать действенный стимул к развитию на прилегающих к ним территориях той совокупной деятельности, которая обеспечила бы там за счет инноваций быстрый общественный прогресс /5/.

Разумеется, беря за основу модели с наличием в них специфичных технологических трансферов, концептуально близких позиции Б.Санто, нельзя забывать, что я перевожу всё именно *в принципы построения инновационной организации.* Между тем есть и собственно технологический аспект, который предполагает только *формы организации работ* (процесса передачи по эстафете разных видов труда и операций), но не *формы «организации организаций»*. При определенной схожести применяемых в том и другом случаях терминов формы организации работ сводятся преимущественно к трем типам /6/, отличающимся от статики структурных

построений заложенным в схему способом действий, и эту разницу необходимо реально представлять (см.схему12.3).

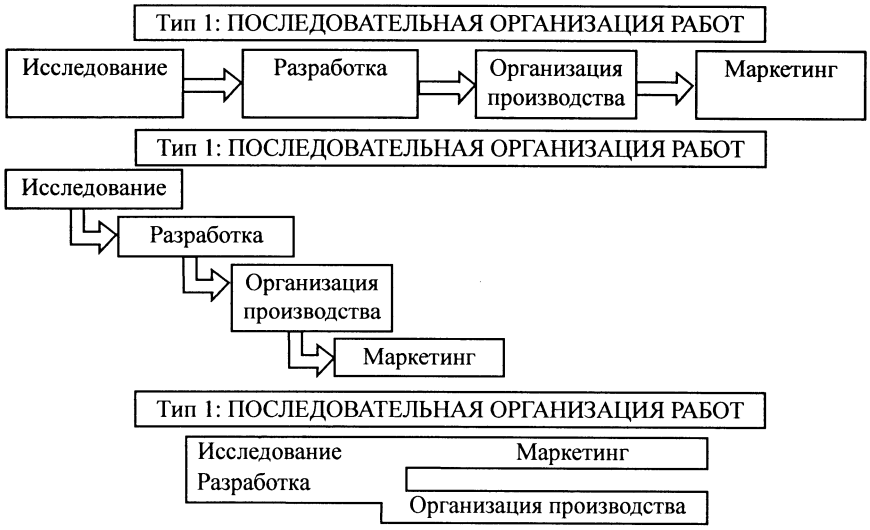
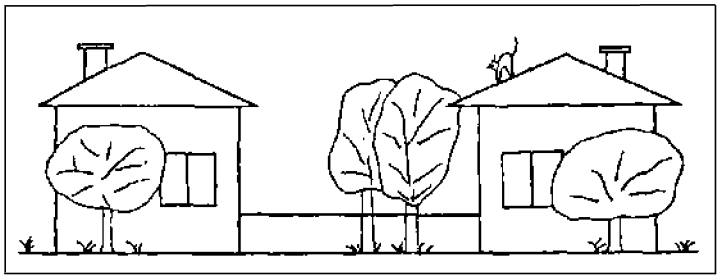


Схема.12.3. **Три типа организации работ в инновационном процессе.**

Чтобы была более ясна суть системно работающей инновационной организации, важно уяснить смысл взаимодействия подсистем (элементов), участвующих в создании и реализации нововведения. Причем учесть: связи подсистем Б.Санто определял как наиболее слабое звено инновационной целостности и наглядно иллюстрировал это с помощью «несерьезной картинки»:



«Наиболее слабое звено» инновационных связей.

Рисунок, поясняет венгерский ученый, представляет загадку для детей дошкольного возраста: что это? Для незнакомых с нею подскажем: дядя Альберт ведет козу. Коза находится за одним домом, дядя Альберт за другим. То, что мы видим, – это веревка. Если эта веревка очень тонка, недостаточна, почти отсутствует, то даже будь коза хороша и дядя Альберт силен, нет уверенности в том, что они создадут систему. В организационном плане не образует систему ни сфера исследований, ни сфера производства, если между ними нет связи, обеспечивающей обращение продуктов труда /7/.

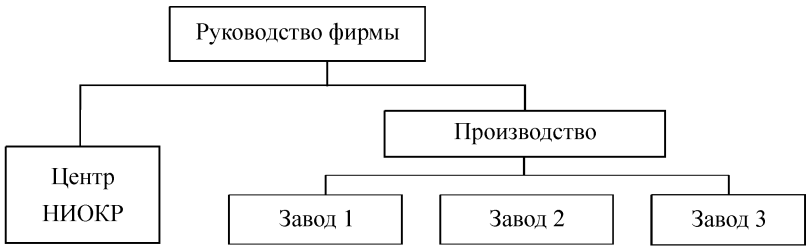
Очевидный антиэффект при отсутствии таких связей можно наблюдать и в практике сравнительно небольших организаций /где дробление этапов и их хотя бы временная изоляция от общего процесса заметно тормозят внедрение инноваций/, и в результативности усилий потенциально мощных инновационных зон типа подмосковных академгородков в Дубне, Пущине, Черноголовке, Зеленограде или легендарного академгородка под Новосибирском. Не случайно эксперты критически оценивали их организационную структуру, отмечали односторонность развития, автономность от производства, а в ряде случаев и от вузов. Отсутствовала практика формирования малых инновационных предприятий, не сложились эффективные связи с потребителями инновационных идей и продуктов, что выглядело особенно проигрышным на фоне зарубежных аналогов /8/.

Как ни парадоксально, подобные проблемы современных инновационных структур были известны еще с XIX века. Они учитывались со времен первой фабрики инноваций – исследовательской лаборатории Томаса Эдисона /9/. Талантливейший изобретатель оказался и прекрасным организатором. Он сумел сделать свое детище в Менло-Парке настоящим центром новых разработок, способным обеспечивать поточное производство оригинальных идей. Самое главное: вместо того, чтобы трудиться над одним изобретением, в одной сфере деятельности и на одном рынке, Эдисон создал такие условия для исследовательской мысли и работы, которые позволили его новациям легко переходить из одной области знаний в другую, давая

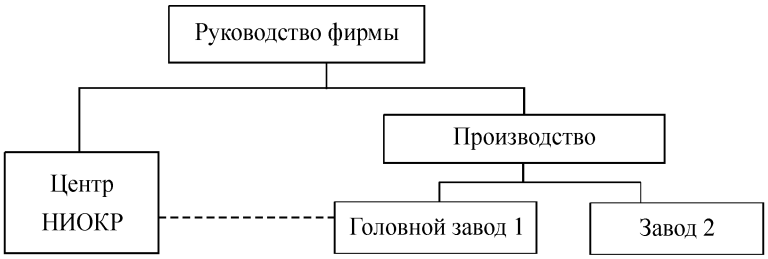
возможность решать все новые задачи и находить применение своим идеям в самых неожиданных ситуациях.

Применительно к социальным инновациям некоторые аспекты интеграции научных исследований, этапов создания и экспериментальной проверки, испытания нововведений, их внедрения и тиражирования могут представляться не совсем «технологичными», но здесь существенны именно сами связи сфер исследования и сфер производства (внедрения) – то есть их наличие или их отсутствие. И в таком виде, таком понимании любая параллель социальных новшеств с научно-техническими и научно-производственными инновационными комплексами абсолютно приемлема. Принцип работающих-неработающих связей – он-то остается.

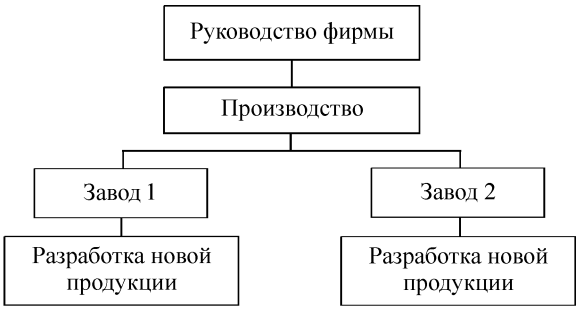
Вот, допустим, западный дифференцированный подход к инновационным структурам, которые заняты научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками (см. четырехзвенную схему 12.4). Разные формы и степень интеграции исследователей, разработчиков и представителей производства /10/. И сразу видны принципы подхода.



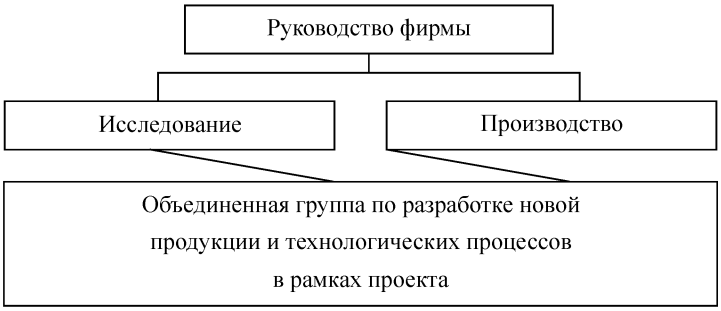
Вариант 1. Централизованная структура НИОКР со слабой взаимосвязью с производственными подразделениями.



Вариант 2. Централизованная структура НИОКР, интегрированная с производством через головной завод.



Вариант 3. Децентрализованная структура управления НИОКР, интегрированная с производством.



Вариант 4. Организационная структура, сочетающая централизацию и автономность в проведении исследований с элементами децентрализации и интеграции с производством при разработках.

Схема 12.4. **Модификации организационных структур промышленных фирм с разной степенью интеграции подразделений НИОКР с производством.**

Руководствуясь теми же принципами, можно выбрать оптимальный вариант связей разработчиков, социальных технологов и объектов внедрения социальных нововведений, когда предстоит реализовать идею, проект на том или ином иерархическом уровне. Ведь часто в социальной сфере тоже надо решать, где нужны бóльшая или меньшая централизация управления инновацией, более сильная или менее сильная интеграция территориальных и производственных структур. Не говоря уж о том, что эффект длинных волн, социальных последствий нововведений (независимо от их основного профиля), как неоднократно подчеркивалось, всегда весьма велик и многозначен.

В своих рассуждениях мы вернулись, таким образом, к главному в оценке роли и места инновационных организаций. Каждая из них на своем уровне и в масштабах своих целей, профиля деятельности должна умело соотносить собственные возможности и ресурсы остальных участников инновационного процесса. Одни действия требуются на микроуровне, другие – на мезоуровне и совсем иные – на макроуровне.

Инновационные организации в России начали складываться задолго до радикальных реформ 1990-х годов. Эту часть истории отечественных инноваторов достаточно полно проанализировал, в частности, профессор А.И.Пригожин. Причем еще в 1989 году он констатировал тот же недостаток связей, что и Б.Санто, поставив вопрос о необходимости интеграции инновационных отношений: "Это и есть та общественная потребность, тот социальный заказ, в ответ на которые и возобновляются время от времени споры о внедренческих фирмах» /11/.

Внедренческие (читайте: инновационные) организации, по мнению исследователя, существуют в стране давно. Постепенно сложилось несколько их разновидностей. Большинство таких организаций создавалось по инициативе «сверху», в плановом порядке, соответствующими ведомствами. Другие возникали самостоятельно, на основе самодеятельных коллективов.

Инновационные организации *первого поколения*, как их называет А.И.Пригожин, с разным успехом действовали с 30-х годов прошлого века – в основном в области научно-технического прогресса. Один из показательных примеров – белорусский трест «Оргстроймеханизация». И его опыт, и опыт других подобных структур отличался главным образом тем, что ими делался акцент не столько на создании истинных новшеств, сколько на внедрении уже апробированных.

Второе поколение получило наибольшее развитие с 70-х годов в виде научно-производственных объединений (НПО). Они соединили научные исследования, разработки инноваций с их непосредственным освоением, но преимущественно (а иногда и только) в рамках своих оргструктур. Могу предложить в качестве примера в этом ряду львовское НПО "Электрон", получившее известность за свои комплексные социальные и производственные программы, последовательное воплощение инновационных идей и опыта.

Почти в это же время началось формирование инновационных организаций *третьего поколения* – для них был характерен отход от чисто

государственных организационных форм, они стали отрабатывать, по сути, новые правовые основания, расширили диапазон партнеров, вынеся инновационные функции за границы ведомственных интересов. Принципиально и то, что действовали такие организации обычно на хозрасчете. Классические образцы этого поколения – новосибирский «Факел» и бакинский «Новатор». Их модификациями можно считать целый ряд централизованно созданных фирм – «Поиск» в Северодонецке, «Искра» в Томске, «Нева» в Ленинграде, «Яунисте» в Вильнюсе, «Енисей» в Красноярске... По решению правительства Эстонии в Таллине было запущено в работу хозрасчетное конструкторско-технологическое бюро «Эффект», а в Риге Госплан республики организовал в составе производственного объединения «Силава» инновационный отдел с самыми широкими функциями в области нововведений. Затем появились первые всесоюзные научно-производственные объединения – в них входили по своему профилю все серийные заводы страны и их деятельность направлялась головным институтом, который отвечал за весь инновационный процесс /12/.

Четвертому инновационному поколению был уже свойствен организационно-правовой плюрализм. Он окреп с созданием кооперативов и – едва ли не в большей мере – с появлением центров научно-технического творчества молодежи при комитетах ВЛКСМ разных уровней.

Как свидетель этого периода могу сказать, что природу комсомольского энтузиазма подогревало и юношеское честолюбие, и материальная заинтересованность (поскольку договорные заработки, конечно, были выше обычных государственных ставок и расценок), и относительная свобода выбора в инновационных решениях. В социальной сфере самый яркий пример симбиоза творческих форм – МЖК, молодежные жилищные комплексы. Одними из первых эту форму организации социальной жизни избрали комсомольцы Свердловска, московского микрорайона Сабурово и других мест. Впервые действительно комплексно

удалось соединить строительно-технические, планировочные, семейно-бытовые, досуговые, детские, образовательные, воспитательные и сервисные проблемы вместе. И на очень высоком качественном уровне. Совершенно по-новому, на основе взаимовыручки, кооперативных семейных связей была сформирована оригинальная социальная среда, внесены существенные коррекции в образ жизни жилого квартала, микрорайона.

Революционный по тем временах новосибирский "Факел", который уже ранее назван, имел более узкий диапазон тематики, главным образом все замыкалось на научно-технических разработках. Но социальная составляющая инновационного процесса здесь тоже оказалась велика – начиная от самого принципа построения творческих коллективов внутри фирмы и кончая социальными последствиями инновационного движения, возникшего благодаря смоделированной в Новосибирске организации дела. Не со всеми смелыми решениями энтузиастов соглашались оппоненты из административных структур, но никто не мог не признать эффективности самого способа производства нововведений.

В 1983 году отдел научной молодежи ЦК ВЛКСМ подводил промежуточные итоги: «Сейчас в стране существует около 15 тысяч временных творческих объединений, которые хотя и не имеют официальной вывески, но организацией работ мало чем отличаются от «Факела». Принцип тот же: разработки ведутся специалистами в свободное от работы время по непосредственной договоренности с заказчиком. Подсчитано: самодеятельные группы выполняют заказы в среднем в два раза быстрее, чем КБ того же профиля; они не стеснены планом, основной регулятор их активности – спрос. Есть заказ – подбираются специалисты (в группе могут сотрудничать специалисты самых разных отраслей знаний, объединить которых в профильных НИИ бывает очень трудно). Сроки исполнения и качество работы определяет заказчик – в соответствии с этим производит расчет. Для нормальной работы объединений необходим документ,

подтверждающий правомерность их существования, определяющий круг их полномочий» /13/.

Постановка вопроса в такой именно плоскости не была для практиков случайной. Ни более раннее совместное постановление ГКНТ СССР, секретариата ЦК ВЛКСМ, президиума АН СССР, президиумов ВСНТО и ВОИР /1979 г./, ни более позднее совместное постановление ГКНТ и ЦК ВЛКСМ с Госкомтрудом и секретариатом ВЦСПС /1985 г./ так и не решили проблем молодежных инновационных коллективов. Оставались проблемы совместительства молодых специалистов на двух видах труда, перевода на полный хозрасчет и самофинансирование, возрастного ценза /14/.

Только инновационные организации *пятого поколения* – определим их как продукт рыночных отношений 1990-х годов – получили наконец организационно-правовые условия, соответствующие своей изначальной сути. Хотя условия и результаты инновационной деятельности, на мой взгляд, пока так и не соотносятся должным образом. Особенно в сфере социальной инноватики.

С одной стороны, появились профильные фирмы, фонды со всем набором прав. С другой – государственная система и муниципальные образования оказались неготовыми, финансово ослабленными, чтобы стать надежными заказчиками и реализаторами инновационных разработок, идей, опыта. И снова проблемы.

Типичная трансформация инновационной организации с переходом ее в категорию «пятого поколения» пережита фирмой «Социнновация» (Москва), но ей же на своих плечах приходится нести и весь непомерный груз забот о судьбе подготовленных нововведений.

Фирма «Социнновация» начала свою деятельность в 1989 году как государственная научная консультативно-внедренческая фирма Министерства труда и социальных вопросов СССР. За небольшой срок сотрудники фирмы сумели объединить и сплотить социальных новаторов самых разных сфер нашей жизни. Здесь нашли понимание и возможность

реализовать свои творческие замыслы педагоги и медики, психотерапевты и экономисты, архитекторы и строители, работники производства, культуры, спорта, социальной защиты, социальные педагоги и социальные работники, многие ученые и практики, одержимые идеями социального прогресса.

«Социнновация» – реальное воплощение фантастической идеи своего создателя А.Г.Дмитриева иметь «министерство счастья» по месту жительства, развитые социальные инфраструктуры для каждого жилого микрорайона, где жители возьмут на себя вопросы самоуправления, самоорганизации, самообслуживания.

Сам руководитель инновационной организации так формулирует ее кредо: «Сделать людей счастливыми мы, разумеется, не в состоянии, но научить, как реализовать свои возможности, как создать материальные условия для счастья, можем. У счастья две составляющие: первая – психологическая, зависящая от душевных сил человека, его духовных запросов, другая – базисная, социальная. Она содержит массу компонентов. Здесь и проблемы физического здоровья человека: питания, образа жизни, закаливания, оздоровления организма, дыхания; проблемы воспитания, духовного здоровья, досуга, культурной информации и проблемы экономические. Помочь в их разрешении, в создании среды «социальной комфортности» – вот задача фирмы» /15/.

По проекту инноваторов организован первый в городе муниципальный досуго-трудовой клуб «Дети улиц Отрадного». Приходят никому ненужные в этом мире девчонки и мальчишки. Находят приют, дело по душе, да еще и возможность заработать реальные и честные деньги и себе на пропитание, и зачастую – оставшимся без работы родителям.

В клубе организован конно-спортивный центр. Ребята ухаживают за лошадьми, учатся верховой езде, научившись – катают других.

Клуб – это, конечно же, и футбол, и теннис, и шашки, и шахматы, и турпоходы по «Золотому кольцу». Клуб – это медицинский анонимный консультационный пункт (проблемы, возникающие у подростков, в их

сознании порой вырастают до глобальных масштабов, а потому вовремя данный совет, деликатная помощь могут спасти даже жизнь). Клуб – это биржа труда. Но здесь и место для совместных чаепитий, разговоров, песен под гитару. И потому клуб для многих московских беспризорных детей стал просто-напросто домом – теплым, щедрым, радостным, открывающим мир и людей, которые, оказывается, могут быть добрыми, честными, настоящими.

Сегодня в фирме «Социальная инновация» отрабатывается инновационный процесс по многим жизненным проблемам. Например: как очистить от промышленных и бытовых отходов сточные воды с помощью уникального растения – эйхорнии; как организовать систему самообеспечения по месту жительства на базе многопрофильного семейного клуба, не взяв ни копейки из бюджета; как заработать деньги не путем создания финансовых пирамид, а благодаря вовлечению инициативных людей в общеполезную деятельность. /16/.

Отдельно стоит сказать о разработках, предназначенных для укрепления здоровья человека.

«Биотон». Абсолютно новая технология профессора Молочникова, как и разработанный им лечебно-профилактичекский препарат биобактон. Это, безусловно, социальное открытие, поскольку рассчитано на поддержку здоровья всего народа, от младенца до глубокого старика. Биобактон может стать первым штатным продуктом питания новорожденных (даже раньше материнского молока), чтобы не только отвести от малыша диатезы, аллергии, дисбактериозы и другие, ставшие привычными заболевания, но и заложить фундамент здорового желудочно-кишечного тракта и сильного иммунитета на всю жизнь.

«Луч-1». Из семейства приборов, определяющих нахождение БАТ (биологические активные точки) и воздействующих на них, одним из самых совершенных признан многофункциональный аппарат для электротерапии «Луч-1» (даже иглотерапевтами из Китая и чиновниками из Минздрава). У этого универсального прибора, который вполне может стать настоящим

домашним доктором, есть ряд неоспоримых преимуществ. Он не только находит БАТ, отвечающую за заболевание (зазвенит зуммер, когда электрозонд касается именно ее), но и покажет на шкале, что необходимо для лечения – подзарядка или, наоборот, снижение «перевозбуждения».

«АСО». Изначально этот аппарат задумывался как офтальмологический, для лечения тех форм близорукости, дальнозоркости и косоглазия, которые не поддаются коррекции очками. Результаты были потрясающими – снимки детей с косоглазием до и после нескольких курсов «АСО» говорили сами за себя. Чудесные данные и по лечению близорукости – у 64% только после 1-2 курсов цветотерапии повышалась острота зрения, у 72% нормализовалась аккомодация глаза. И воспаления роговой оболочки глаза, как оказалось, для «АСО» не проблема. Уникальность же прибора в том, что лечит он цветом.

«Соя». По мнению ведущих диетологов мира, продукты из сои станут основой здорового питания человека в XXI веке, потому что белок, содержащийся в сое, по своему составу и биологической ценности является равноценной заменой белка мяса и рыбы. Он легко усваивается (68-98% в зависимости от вида продукта), содержит набор из 20 незаменимых аминокислот, низкокалориен, обладает лечебными свойствами и, что не менее важно, гораздо дешевле других продуктов.

Сегодня в фирме Дмитриева стоит «соевая корова» – так называют установку по производству соевого молока. Она дает в день до 800 литров горячего молока. Придумал, внедрил, начал серийное производство «коров» А.В.Подобедов, «соевый король» с Кубани, а теперь друг и партнер Дмитриева.

«Корова» работает полную смену. Молоко раздают всем желающим. Желающих много: нищие старики, подростки, больные люди вереницей тянутся сюда, чтобы выпить стакан соевого молока и съесть соевую булочку. Кроме того, здесь можно купить соевые продукты в упаковке – сухое молоко,

муку. Дмитриев готов поставить соевые продукты и оборудование в каждый округ, в каждый микрорайон Москвы /17/.

Столь развернутый пример об уникальной инновационной организации показывает, на мой взгляд, не просто очередные реалии, противостоящие антисозидательному вакууму. За ним ясно просматриваются: а) наличие работающих, не умозрительных инновационных структур социального поля; б) отсутствие настоящей государственной востребованности социальных нововведений (ниша есть в тематике, но ниши нет в системной иерархии государства).

Это не столько злой парадокс самой практики – тут изъян псевдорынка, которому якобы отведена и роль спонсора «социального баланса». Нет, не оформляет сам по себе российский нынешний рынок заказа на социальные нововедения и, соответственно, не дает денег на всякие там творческие «фантазии». И что, выхода нет?

Полагаю, может быть, единственный внешне благоприятный вариант некоего баланса социальных и рыночных интересов демонстрирует подход, предусматривающий жесткое территориальное моделирование социальных составных в общих местных рамках корпоративного развития. Такая инновационная по духу и содержанию модель организации прописана и частично апробирована на практике, в частности, С.Б.Мельниковым /18/ и прокомментирована его коллегами /19/. Ее параметры отличаются от действующих принципов фирмы А.Г.Дмитриева своими территориальными границами. Структура инновационной работы формализована муниципальной программой «СЭПИН» («социально-экономической поддержки интересов населения»).

Концепция модели исходит из корпоративного метода как базового и предполагает динамичный рост социально-экономических показателей, уровня жизни и социальной активности населения. Инновационная программа включает эффективные механизмы, обеспечивающие непосредственное участие жителей в финансировании планов развития

муниципальной территории, причем именно с акцентом на повышение качества жизни за счет увеличения занятости населения и комплекса мер самого широкого профиля (см. схему 12.5) и использование этого качества как концептуального критерия/20/.

В соответствии с критерием качества жизни формируются цели развития муниципального образования:

- увеличение доходов каждого человека (бюджета семьи) до уровня, при котором после оплаты коммунальных услуг на экологически чистое, диетическое и рационально сбалансированное питание расходуется менее 10% средств семейного бюджета;

- достижение индекса соматического здоровья (уровня развития резервных возможностей организма человека) более 4,5 усл.ед. – по 6-балльной шкале, что позволяет продлить жизнь каждому до 90 лет.

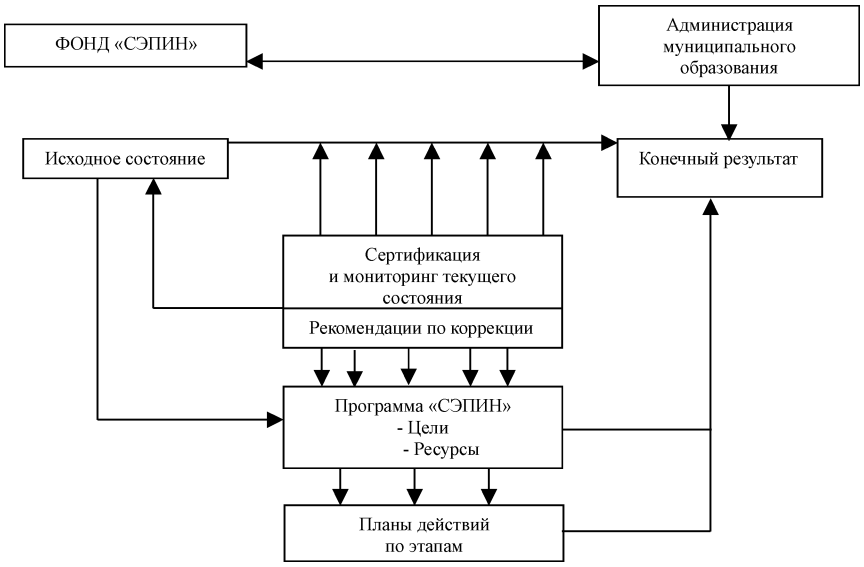


Схема 12.5. **Общая схема организации работы по программе «СЭПИН».**

Естественно, любой этап деятельности предполагает определенные механизмы и средства. Скажем, использование аналитических моделей местного сообщества (функциональных, организационно-управленческих, материально-финансовых, правовых), применение мониторинга для

качественного измерения различных переменных, выявления и оценки ресурсной базы, приоритетов развития, социального самочувствия населения.

Существен и другой заявленный базовый принцип программы – «презумпция невиновности граждан, оказавшихся жителями того или иного поселения» /21/. Предполагаемая при этом социальная защита людей на муниципальной территории прямо коррелируется с экономическими и правовыми механизмами, которыми располагает государство, а с другой – обеспечивается системой поддержки интересов населения на принципах корпоратизма.

Корпоратизм, как отмечают специалисты, «углубляет и регулирует многообразные связи и отношения в системе местного самоуправления» /22/. То, что декларируется во многих законах и уставах, но мало выполняется, в корпоративной модели, ориентированной на самодостаточность территории, становится работающими принципами. По сути, это тот случай, когда: «Право и способность местных органов власти регулировать и управлять частью общественных дел в интересах населения в рамках закона и под свою ответственность, территориальная целостность, многообразие организационных форм осуществления местного самоуправления, материально-финансовая достаточность в части гарантированности минимальных социальных стандартов, соразмерность полномочий местного самоуправления ресурсами составляют совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов, интегрируют своеобразную системную модель» /23/.

Осенью 2006 года в Москве, после принятия столичным правительством новой концепции инновационной политики, появились первые окружные инновационные центры. Это одна из давно зревших мер, направленных на внедрение новейших идей и технологий в самых разных сферах жизни города. Власти решили предоставить льготы предприятиям, осваивающим инновации. Увеличится количество госзаказов на продукцию, изготовленную с учетом последних открытий и изобретений /24/.

Принципиально то, что в очередной трехлетней целевой программе промышленного развития города предусмотрено создание условий для формирования инновационно-производственных кластеров и специализированных промпарков с участием малого предпринимательства. Иными словами, речь идет о появлении системной инфраструктуры поддержки инновационной деятельности, основную организующую роль в которой берут на себя как раз окружные инновационные центры – по сути, рождается новый тип инновационной организации.

Пионерами нового опыта определены Восточный и Юго-Восточный административные округа Москвы. Инновационный центр ВАО во взаимодействии с местной властью и ее структурами (см. схему 12.7), по мысли инициаторов, реализует три главных направления деятельности: во-первых, организует работу и развитие инновационных предприятий; во-вторых, обеспечивает ускорение внедрения результатов НИОКР; в-третьих, добивается создания конкурентоспособных технологий, товаров, услуг и вывода их на потребительный рынок. При этом предусматривается многоуровневая система финансовой и организационной поддержки инновационных проектов с участием профильных департаментов городского правительства /25/.

Столь качественная, продуманная и с высокими целями заявка, претендующая на широкомасштабный эксперимент, может стимулировать серьезные перемены в прежней инновационной практике. Не следует забывать, что в столице сосредоточено порядка 60% научно-технического потенциала и почти треть научных работников страны.

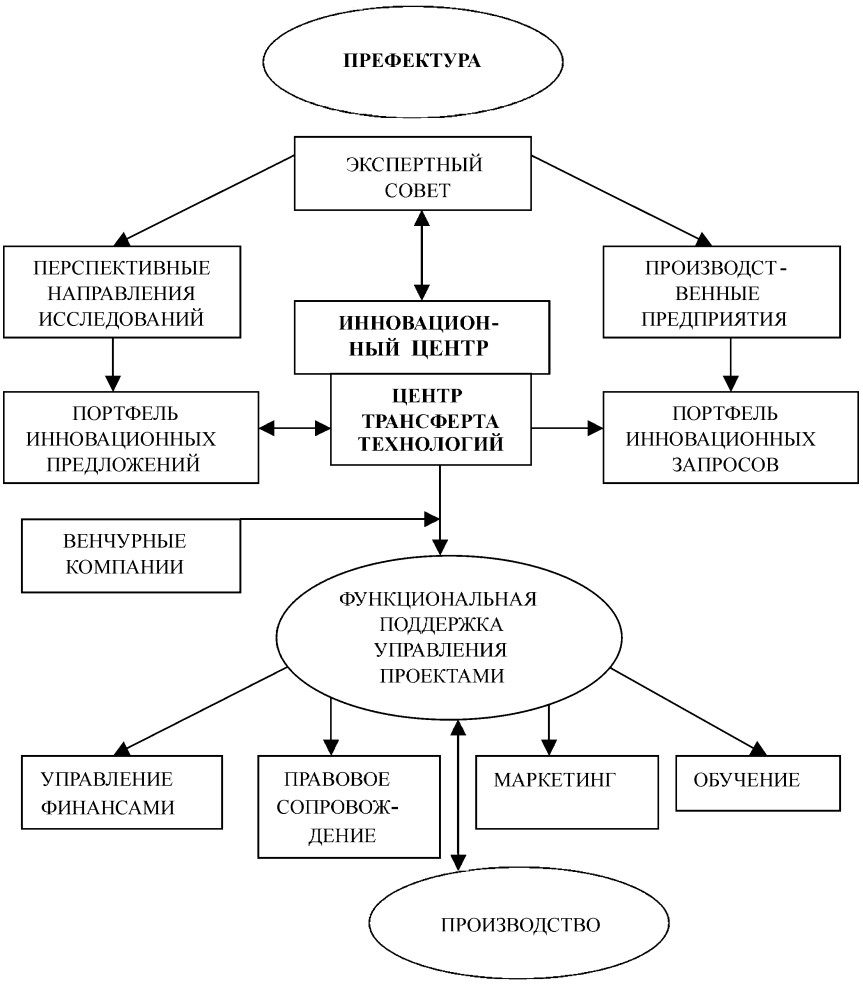


Схема 12.7. **Организация инновационной деятельности в Восточном округе г.Москвы.**

Рассмотренные примеры, в первую очередь структура инновационной деятельности в Восточном округе столицы, подтверждают наличие, помимо прочего, четырех групп организаций, участвующих в процессе производства нововведений. Их можно дифференцировать по кальке А.А.Родионова/26/:

- в первой группе организации, в которых создаются новшества, это НИИ, вузы, научно-производственные фирмы;
- вторая группа включает организации, от которых зависит признание новшеств и которые обладают правом на их оценку;
- в третью входят органы, занимающиеся распространением новшеств, они обеспечивают их тиражирование и всю информацию о них;

• четвертую группу образуют организации, использующие созданные новшества непосредственно в рамках производства товаров и услуг.

Впрочем, есть и иная оценка инновационных ролей, которыми определяются лицо и сфера приложения сил предприятия, организации. Полагая, что инновации создаются абсолютным большинством предприятий и организаций мира (что, конечно же, явно преувеличение), некоторые исследователи локализуют, тем не менее, само их право называться инновационными. Они предпочитают оставлять такой эпитет только тем из них, которые могут считаться «обновляющимися» – то есть ориентирующимися на изменения, ставшие нормой их повседневной деятельности /27/. Скорее всего такой подход лишает ясности как внутренний смысл используемого определения, так и многие из тех функций, что предполагаются за разного рода инновационными структурами.

Инновационная организация (и она же инновационная зона), как «СЭПИН» или окружной инновационный центр, способна перекрыть едва ли не весь основной спектр социально-экономического развития городской территории, округа или района, направлений инновационной деятельности НИИ, предприятий, фирм. При известных обстоятельствах подобные модели могли бы успешно воспроизводить последовательную программу нововведений. Если бы, конечно, отсутствовали названные уже внешние объективные причины торможения и не присутствовал порой в качестве отягчающего пресловутый человеческий фактор. Участие разных по типу людей в инновационном процессе очень часто не снимает, а добавляет проблемы. Далеко не у всех личный инновационный потенциал соответствует уровню сегодняшних задач. Но это уже отдельная и неизбежная для учебного курса своя многогранная тема.

Источники

1. *Санто Б.* Инновация как средство экономического развития: Пер.с венг. – М., 1990. – С. 149-162.
2. *Румянцева Т.Б. Сырямкин В.М.* Малые технологические фирмы в Томске // Социологические исследования. – 2000. – №4. – С. 41.
3. См.: ЭКО. – 2006. – №12. – С. 61-67.
4. *Санто Б.* Указ. соч. – С. 116-118.
5. Инновационная модель развития: Теория и практика нововведений. – М., 1998. – С. 58-59.
6. *Гончаров В.В.* Руководство для высшего управленческого персонала. – М., 1997. – Ч.2. – С. 325.
7. *Санто Б.* Указ. соч. – С. 149.
8. Инновационная модель развития... – С. 67.
9. Управление инновациями: Пер с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 86.
10. *Гончаров В.В.* Указ. соч. – С. 314.
11. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 145.
12. Там же. – С. 148-149.
13. Советская Россия. – 1983. – 21 октября.
14. *Пригожин А.И.* Указ. соч. – С. 156-157.
15. *Васильева Е.* Дорогу осилит идущий // Партнер-Регион. – 1999. – №4. – С. 35.
16. См.: *Шелейкова Н. Дмитриев и его команда* // Элита России. – 2006. – Апрель-май. – С. 40.
17. *Васильева Е.* Указ. соч. – С. 36-37.
18. См.: *Мельников С.Б.* Формирование корпоративного управления муниципальными образованиями России в условиях кризиса. – М., 1996.
19. См.: Социальный менеджмент: Учебник / Под ред. *В.Н.Иванова, В.И.Патрушева,* – М. – Самара, 1998; *Козенко Н.Г.* Социальное

самообеспечение как принцип и направление развития местного самоуправления / Дис...канд. социол. наук. – М., 1999 и др.
20. *Мельников С.Б.* Указ. соч. – С. 125-128.
21. Социальный менеджмент... – С. 173.
22. Там же. – С. 173.
23. Там же. – С. 169-170.
24. Московский комсомолец. – 2006. – 11 сентября.
25. См.: *Пантелеев Е.* Вектор реального сектора; Евтихиев Н. Инновационный рывок // Преображенская площадь. – 2006. – 15 декабря.
26. *Родионов А.А.* Социальные механизмы инновационный деятельности // Труд и социальные отношения. – 2000. – №4. – С. 58.
27. *Бовин А.А., Чередникова Л.Е., Якимович В.А.* Управление инновациями в организациях. – 3-е изд., стер. – М., 2009. – С. 179.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Какие виды инновационных организаций вам известны? Каким из них вы отдаете предпочтение?

2. К какому разряду понятий вы отнесли бы «инновационно-активные предприятия»?

3. Какие преимущества, на ваш взгляд, имеют организации типа столичной «Социнновации»?

4. В чем отличие «инновационных зон», «наукоградов», «технопарков», «инновационных центров»?

Командировка-практика

На протяжении нескольких лет, по ходу чтения курса, я и студенты пользовались гостеприимством фонда и фирмы «Социнновация», которыми

руководит А.Г.Дмитриев. Не исключая это сотрудничество и в дальнейшем, предлагаю желающим поездку в столичный район Отрадное.

Итак, вы едете на практику в «Социнновацию», о которой у вас уже сложилось, надеюсь, определенное впечатление после прочитанного в этой главе. Что вы можете себе запрограммировать, чтобы извлечь максимальные уроки из знакомства и общения с профессионалами-инноваторами? Я бы рекомендовал прежде всего следующее:

а) изучить саму природу инновационной организации, ее строение, цели и задачи, уставные требования, способы решения проблем, разработки и внедрения нововведений;

б) характер внешних рабочих контактов, всю инфраструктуру связей и отношений с окружающим миром;

в) формы пропаганды инноваций и организации их диффузного эффекта, масштабов и направлений использования;

г) методы борьбы с торможением нововведений, включая и возможности административные, государственно-распорядительные;

д) опыт работы фирмы на одном из объектов социальной сферы;

е) формирование на основе увиденного собственной модели инновационной организации – оптимальной, по вашему представлению.

В качестве отчета возможны развернутый реферат, научная статья в вузовском сборнике трудов.

Та же схема работы, подчеркну и это, может быть применена и для любого другого адреса, который вы выберете при отъезде на инновационную практику.

Инновационная лаборатория на колесах

Наверное, так можно было бы назвать эту форму организации и комплексного внедрения нововведений. Тут буквально десять вагонов инноваций – целый железнодорожный состав.

Уникальный поезд периодически курсирует по Южно-Уральской магистрали. Он вмещает все необходимое, чтобы жители линейных станций получили квалифицированную медицинскую помощь, приобрели недорогие товары и, что тоже немаловажно, приобщились к культурной и духовной жизни.

Опыт прошлогоднего рейда показал особую потребность во врачебной помощи. Поликлинике теперь отведены два вагона, плюс вагон с флюорографическим оборудованием.

В вагоне-магазине продают продукты, промтовары, игрушки, причем цены в минимаркете ниже, чем в сельских магазинах. А в вагоне бытовых услуг можно постричься, отремонтировать обувь и бытовую технику, скроить одежду.

Артисты дорожных домов культуры демонстрируют свое искусство в вагоне-клубе. Другой вагон оборудован под православный храм. Здесь совершается крещение и другие обряды.

Самый солидный по возрасту в составе – вагон-музей, построенный в 1910 году. Поначалу предназначался для пассажиров первого класса, в 50-х годах был в распоряжении начальника дороги. Отреставрирован Челябинским депо; мебель, обстановка, светильники – все в нем настоящее, тех времен. Музей в день посещает до 200 человек.

(«Северная магистраль», 2005, 30 сентября)

Мне неизвестно, существует ли по-прежнему описанная в газете лаборатория на колесах. Но идея, согласитесь, очень привлекательная.

Попробуйте доукомплектовать уникальный состав. Придумайте ему свою организацию, а то и организационно-правовой статус. Вспомните, что из уже прочитанного в учебном пособии ложится с этим вариантом в один ассоциативный ряд.

<u>РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.</u> ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ НОВОВВЕДЕНИЙ

Человеку свойственно
стремиться к новизне
Плиний
Старший

Все прогрессы - реакционны,
если рушится человек.
Андрей
Вознесенский

И процессы теоретического познания, и практика инновационного поиска неизменно замыкаются на человеке. Это истина, о которой можно было бы и не говорить. Между тем и у истины есть свои сложности. Ей приходится эволюционировать вместе с человеком, а уж в этой-то ситуации какие только стороны личности (ego) не становятся вдруг (или поневоле) достоянием гласности.

Малая толика доброй иронии, которую здесь кто-то способен разглядеть, не должна смущать. Все как раз достаточно серьезно. Человек в поиске нового пробегает сейчас еще один круг своей эволюции. Став когда-то составной частью живой природы и заняв в ней особое «разумное» положение, он стал и частью социума, завершив предопределенное ему видовое развитие впечатляющим социальным взлетом.

По случаю столь знаменательного факта академик В.И.Вернадский предусмотрел для человека уже и более качественную ступень приобщения к цивилизации будущего: «Мы живем на переломе, в исключительно важную, по существу новую эпоху... Человек впервые реально понял, что он может –

должен – мыслить и действовать... не только в аспекте отдельной личности, семьи и рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте» /1/.

Не хочу уводить в сторону: возможности человека в инновационной среде не должны восприниматься натужно и со скепсисом, бесконечными ссылками на объективные трудности. Белгородский ученый Г.А.Котельников резонно приводил аргументы коллег, утверждавших, что современные требования далеко не исчерпывают созидательного потенциала человека: во-первых, еще до своего социального становления он обладал мозгом, намного превышающим по мощности его потребности как биологического вида; во-вторых, он соучаствует в поразительно целенаправленной эволюции живой природы, неуклонно ведущей к верховенству разумного начала, а это позволяет многим видеть тут проявление «всеединого космического универсума» /2/.

И как бы обобщает другой исследователь А.В.Шинкин: «И творчество, и инновация есть выражение сущностных сил, всеобщих человеческих способностей целеполагания, идеального преобразования материального мира» под потребности людей. По мнению ученого, соответственно и суть инновационного менеджмента сводится в этом случае к управлению самореализацией личности работников, а в равной мере и коллектива организации, учреждения /3/.

Во всем огромном диапазоне человеческих способностей, потребностей, устремлений присутствует, тем не менее, совершенно естественное свойство людей решать за счет нововведений и свои текущие насущные дела. Не прогресс же ради прогресса!

Этой фразой с восклицательным знаком, должен заметить, заканчивались в первом издании «Социальной инноватики» вводные слова, предшествовавшие начальной главе того же, что и сейчас, раздела. И высокий пафос ее вселял уверенность: вот удачный девиз к материалу, где человек в инновационном процессе предстает как творец всеобщего развития.

Но позднее в Екатеринбурге мне подарил свое четырехкнижие «Человекознание» профессор В.В.Байлук. В последнем томе я невольно «сел мыслью» на процитированную автором строку поэта Андрея Вознесенского: *«Все прогрессы – реакционны, если рушится человек».* И у меня снова возник вопрос, а так ли уж понимаем мы действительный смысл и предназначение того, ради чего, собственно, творим новое? Или все-таки не «ради чего», а «ради кого»?

К ответам на подобные вопросы так или иначе будет иметь отношение все последующее содержание этой книги.

Глава 13. Самоорганизация и адаптация инноваторов в условиях рынка

Определенная коммерциализация и существенная капитализация общественных отношений резко изменили мотивацию инновационных процессов. Новые условия потребовали, если не полной переориентации отечественных инноваторов, то уж внутренней психологический и нравственной перестройки – это точно.

Из прежних условий остались, пожалуй, лишь глобальные измерения: общецивилизационный процесс, мировая хозяйственная и в какой-то степени социальная интеграция, геополитические разборки с их проекцией на весь XXI век и новое тысячелетие. В них, собственно, и должен вписаться российский рыночный гибрид со всеми своими человеческими производными, чтобы обеспечить хоть какое-то первичное наращивание общественной производительности труда (в широком, не узкопроизводственном смысле слова) и всепрофильную инновационную адаптацию.

То, что в комплексе необходимых мер видят в связи с этим ученые и практики, сводится к трем основным группам целей и задач: а) опережающее формирование инновационной экономики; б) развитие человеческих ресурсов; в) совершенствование институциональности обеспечения процессов развития в России /4/.

Несомненно, упор на инновационную экономику объясним, поскольку от успехов в этом секторе инноватики зависит и все остальное, в частности судьба нововведений в социальной сфере. Другое дело, что человеческие ресурсы и обеспечивающие их дееспособность государственные инструменты не находятся в той гармонии, которая бы располагала к высокой самоорганизации инновационного потенциала.

О причинах сохраняющейся дисгармонии сказано уже немало, и к каждому мнению на сей счет стоит прислушаться. Выделю одно из них –

П. Г. Щедровицкий едва ли не первым именно в таком важном ключе касается больной для страны причинной темы. Он утверждает: чтобы соответствовать все более и более усложняющимся требованиям инновационной экономики, необходимы модернизация системы, связанной с использованием человеческих ресурсов, и существенное усиление инвестиций в интеллектуальную сферу. Инновационной экономике нужно инновационное образование. Отечественные психолого-педагогические и методологические школы с начала 1960-х годов создали ряд эксклюзивных технологий обучения и формирования интеллектуальных способностей на разных возрастных уровнях, заложив тем самым предпосылки к развертыванию эффективной и мобильной образовательной сети. Ученый сожалеет, что эти заделы в середине 1990-х оказались потеряны, более того – утрачены стратегические цели и ориентиры, обвально снизился объем ресурсов государства на поддержку инновационных образовательных технологий /5/.

Сторонники перемен, причем на Западе намного раньше нас, убедились: чтобы внедрять сегодня инновации в постоянном режиме, иметь хорошо организованные для этого системы, необходимо обладать соответствующими знаниями. Управление знаниями, подчеркивает Ф.Янсен, – одна из ключевых составляющих управления инновационным процессом. В конкурентном соперничестве победителем будет тот, кто лучше понимает сущность новшеств и имеет более подходящие навыки и умения /6/.

Ослабление образовательной базы и, соответственно, интеллектуального потенциала в инновационной деятельности создает несомненные трудности для адаптации инноваторов к рыночной среде. Неконсолидированные знания порождают неконсолидированный процесс. Еще относительно недавно на вопрос, кто у нас субъект нововведений, предлагался уверенный ответ: разработчик идеи, проекта, а вместе с ним все те, кто своим пониманием, волей и действием осуществляют инновацию как процесс, видят и осознают, ради чего они хотят достичь тех или иных

изменений. Теперь нередко субъект нововведения не представляет собой такой цельности, а сам инновационный процесс склонен распадаться на части (команды исполнителей выполняют свою долю внедренческой работы и дальше все идет уже без них). То есть рынок, другими словами, дробит интересы участников процесса, и формальные субъекты могут вместе не доходить до финиша.

Не исключено, что подобный феномен носит временный характер, и российский полурынок просто не справляется с организующей, интегрирующей ролью. В то же время у нас нет оснований перечеркивать и очевидные, общепринятые вещи. Инновационная природа утвердила незыблемый приоритет: любое нововведение существует как совокупность интеллектуальных и духовных актов (воли, мысли, понимания, интуиции, действия и т. д.) многих людей.

Именно в подобном процессе, с точки зрения Д.А.Иванова, инновация как результат, постепенно трансформируясь, становится фактом общественного сознания или даже основанием какой-либо области человеческого бытия. В нашем понимании, пишет он, нововведение означает всегда какое-нибудь *приращение*. В контексте индивидуального сознания инновация является для человека моментом его личностного роста, приращения личной и профессиональной мощи, силы и пластики духа. В таких приращениях может заключаться главный мотив, личностный смысл работы человека в инновационном режиме /7/.

Поскольку инновационная деятельность в условиях рынка напрямую ассоциируется с конкурентными стратегиями, основной экономический смысл внедрения новшеств – эффективное приращение капитала. И здесь, конечно, личностный аспект работы в инновационном режиме обрастает немалым числом внешних факторов. Стратегия инноватора в целом направлена на то, чтобы превзойти конкурентов, благодаря инновации добиться для своей организации тех или иных экономических выгод, но он озабочен и творческой самореализацией, а следовательно и приращением качества к собственному

«Я». Хотя на этом фоне современные исследователи все чаще указывают на присутствие в рыночном инновационном пространстве двух противоположных по характеру и в то же время взаимодополняющих друг друга фигурантов – конкурентов и партнеров /8/. Партнеры ищут возможность ускорить выход на рынок совместно разрабатываемого инновационного продукта, надеясь справедливо поделить успех. Личные же мотивы инноватора становятся еще более многофакторными, их еще труднее приспособит. то к противостоящим, то к ищущим некий рыночный консенсус психологиям.

Работая в инновационном режиме, любой человек и в любых условиях неизбежно должен адаптироваться к изменяющейся среде, иначе нельзя думать ни о каких приемлемых результатах. Адаптация к рынку – тоже данность. Тут тоже нужны условия, *высокая самоорганизация,* вкус к новому. При наличии еще и знаний, понимания ситуации. Сложно, согласитесь, сохранять творческий настрой и инновационный навык, если отсутствует реальное представление о новых ценностях, устремлениях, перспективах социального развития.

Говоря «высокая самоорганизация», я отнюдь не свожу все к модным синергетическим трактовкам. Подразумевать здесь следует и элементарное умение человека разумно и целеустремленно приспосабливать свои творческие возможности и жизненные планы к окружающей действительности – такой, какая она есть и какой будет завтра.

Что касается синергетики, то ее нынешняя парадигма самоорганизации, на чем делают акцент, к примеру, Е.Н.Князева и С.П.Курдюмов, влечет за собой не только диалог человека с природой, как ранее писали И.Пригожин и И.Стенгерс, но и диалог человека с самим собой и с другими людьми. Нелинейная ситуация, присущая эволюции природы и общества, связана с неопределенностью и одновременно с возможностью выбора. Осуществляя выбор благоприятного для себя пути, субъект ориентируется как на собственные представления об эволюции, так и на свои ценностные

предпочтения. С этой точки зрения синергетика для человека есть оптимистический способ овладения нелинейной ситуацией, метод экспериментирования с реальностью, позитивная эвристика. Главная проблема при том, по Князевой и Курдюмову, как управлять, не управляя, как сделать хаос симпатичным, творческим, превратить его в «поле, рождающее искры инноваций» /9/.

«Управлять, не управляя» – сентенция, надо полагать, сугубо фигуральная, условная. Иначе тут и до анархизма не далеко. Однако делать такие уточнения приходится еще и потому, что в серьезном синергетическом лексиконе проскальзывают на сей счет по меньшей мере двусмысленные вещи.

В автореферате докторской диссертации С.Е.Крючковой есть абзац, где резкость формулировок подвергает большому сомнению последующие слова самого же автора о том, что «общие методологические установки синергетики как нельзя лучше соответствуют природе инноваций». В упомянутом абзаце все начинается «за здравие» (социум заявлен с позиций синергетики как сложная нелинейная система со спонтанной «адаптивной подстройкой» к окружающей среде), а заканчивается «за упокой»: «Такой взгляд на общество практически полностью меняет ориентиры управления им, так как показывает **бесперспективность традиционного поиска социальных идеалов** и последующих попыток **конструирования желательных моделей,** делает очевидным факт невозможности навязывания обществу пути его развития и ориентирует на учет законов коэволюции природы и человека и организации деятельности в соответствии с существующей тенденцией развития» /10/.

Подчеркнутое мною, полагаю, говорит само за себя и комментировать тут особо нечего. Хочу лишь, чтобы любой читающий подобный текст видел и сознавал взаимоисключающий смысл каких-либо социальных инноваций и «теоретически обоснованного» от имени синергетики отказа обществу, человеку искать приемлемые для них социальные идеалы и модели

общественного устройства. Без сознательного изменения, коррекции жизни ни отдельно взятому гражданину, ни стране, государству обойтись еще не удавалось. И самоорганизация – всего лишь разная по форме, но та же по сути коррекция идущих с участием человека коэволюционных процессов.

Да, появление рыночных механизмов в стране – свидетельство радикальной переориентации своей общественной жизни, формирования в социальной психологии потребности критически оценить общественную роль человека. Каждый призван заново отрегулировать в своем сознания баланс между «я» и «мы», чтобы, отстаивая частные интересы, не потерять (в том числе и в инновационном процессе) столь ценные общественные цели и связи.

Не надо никому доказывать, что сами по себе частная собственность, конкуренция или эксплуатация не порочны. Плюрализмом собственности, давно известно, не наполнишь «потребительской корзины» за просто так. Никаким законом не положишь конец неравенству между монополистами и мелко-средними производителями.

Силовое конкурентное и инновационное поведение крупных компаний – так называемых «виолентов» – продолжает оставаться на рынке определяющим. Их отличают масштаб производства, большие затраты на НИОКР, мощные сбытовые сети, и не случайно именно они стали стержнем современной экономики, основным производителем ноу-хау. При том, что доля виолентов среди фирм США, Западной Европы, Японии составляет не более 1-2%, ими создается до половины валового национального продукта и более половины всей промышленной продукции /11/. Одни специалисты видят в этом скрытую эксплуатацию новоделов, растворение их индивидуальности в интересах корпораций, а другие склонны искать здесь некие компромиссы, сознавая одновременно саму неизбежность сильного управленческого начала со стороны организаторов производственного и инновационного процесса.

В подобной ситуации возникает проблема несфокусированного творчества. По утверждению американских исследователей /12/, в каждой из известных им компаний, как правило, есть десятки людей, обладающих творческими способностями и воображением, но слишком часто от них не удается получить реальную выгоду, потому что эти таланты не направлены в нужное русло. Они могут быть незаметно уничтожены уравнивающим давлением, которое оказывает любая большая организация.

Проблема выглядит неоднозначно. Польский профессор П. Штомпка, на мой взгляд, справедливо ищет ее истоки, опираясь на методологию центральной идеи знаменитого «тезиса Вебера». Согласно этой идее, все важные детерминанты макроисторического процесса – в микросфере человеческих мотиваций, отношений и ценностей. Формула немецкого ученого вполне применима к исследованию условий высокоразвитого капитализма (рынка). И многие теоретики шли ей вослед, анализируя самые разные современные коллизии /13/.

Так, Э. Хаген ввел понятие инновационной личности как предпосылки экономического роста, усиления предпринимательства. Он склонен видеть различные, даже противоположные личностные синдромы, типичные и для традиционного общества (авторитарная личность), и для современного общества (инновационная личность). Противоположность эту иллюстрирует таблица 13.1.

Таблица 13.1.

Авторитарная личность – инновационная личность

Важнейшая характеристика	Авторитарная личность	Инновационная личность
Отношение к действительности	Согласие с образцами (моделями, стилями) жизни, диктуемыми традицией и авторитетами и обосновываемыми их предположительно вечной природой и сверхъестест-венным происхождением	Отношение к миру характеризуется любознательностью и стремлением управлять («манипулировать») им, что выражается в упорном поиске его основных регуляторов с целью воздействовать на различные явления и контролировать их
Понимание роли индивида в мире	Покорность, послушание, конформизм, стремление избегать ответственности и потребность в зависимости	Принятие на себя ответственности за плохие стороны мира (жизни), сопряженное с поиском лучших решений и попытками внести изменения
Стиль лидерства	Твердость (жестокость, непреклонность), возвышенные надежды и строгие требования к подчиненным	Откровенность и терпимость к подчиненным, одобрительное отношение к их оригинальности и стремлению к новому
Степень склонности к созиданию и новациям	Отсутствие (недостаток) стремления к созиданию и новациям	Творчество, стимулирующее самобытность и стремление к новизне, неукротимая любознательность

Авторитарная личность, будучи сформирована условиями застоя, простого производства, самоподдерживаемого равновесия, способствует упрочению этих условий. Инновационная личность сформирована условиями развития и, в свою очередь, помогает рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционизируют жизнь – ее стандарты, ценности и т.д.

Подобно Веберу, Хаген обращается к наиболее трудному вопросу о происхождении современной новаторской личности. Роль первотолчка от традиций к современности была возложена на некий внешний фактор. У Вебера это протестантская (кальвинистская) церковь, у Хагена – специфические исторические обстоятельства, которые он именует «выходом за пределы статуса». Такая ситуация возникает тогда, когда установленные, предопределенные статусы, типичные для традиционного «закрытого» общества, подрываются социальной мобильностью и «открытием» классовых и стратификационных иерархий. Массовый характер эти процессы принимают после великих революций, которые дают стимул развитию индустриального общества. Существует четыре типичных случая выхода из статуса.

1. Когда целая группа (сообщество, профессиональная группа, аристократическая элита и т.д.) теряет свой прежний статус, и, следовательно, то же происходит с каждым из ее членов (например, ремесленники заменяются фабричными рабочими, прежняя элита – выборными представителями). Возникает разрыв между прошлым и новым статусом.

2. Когда, по мнению членов группы, к ней относятся не так, как она того заслуживает (это могут быть, например, представители этнических групп, корпораций, фирм, спортивных команд и т.д., которые считают, что их сообщество несправедливо недооценивается остальными). Появляется разрыв между предполагаемым статусом и тем, который человек действительно занимает.

3. Когда существует несоответствие, нестыковка между различными измерениями статуса (например, престиж определенной работы, скажем, университетского профессора, не соответствует уровню его дохода, либо большая власть или доход не приносят высокого престижа и т.д.). Появляется разрыв между статусом личности (родом занятий), который она занимает на шкале стратификаций, и статусом, измеряемым по другой шкале.

4. Когда группа еще не заняла более высокий статус (например, этнические меньшинства, недавние иммигранты, рабочие-эмигранты и т.д.). Появляется разрыв между желаемым статусом и тем, который она занимает на самом деле.

Все четыре ситуации, считает П. Штомпка, напоминают классическую дискуссию об аномии Р. Мертона, и потому не удивительно, что Хаген делает выводы, аналогичные мертонским. Он утверждает, что проявлением структурных противоречий служит «выход из статуса», который приводит к определенным типичным «адаптациям»: от ухода через ритуальную приверженность устоявшимся моделям до новаций и бунта против ситуации, которая воспринимается как неприемлемая. Любая адаптация происходит в реальных специфических условиях. Для Хагена новация и бунт представляют наибольший интерес, поскольку они объясняют возникновение новаторской личности /14/.

На мой взгляд, рассмотрение новаторской или инновационной личности совсем необязательно привязывать к контексту борьбы. Разумеется, естественную адаптацию человека к рынку, переориентацию на новые ценности, устремления можно интерпретировать как преодоление противоречий, острое социальное начало. Но это ведь только требование к мобилизации внутренних ресурсов, к организации себя на более высоком и ответственном уровне, а отнюдь не какая-то безвыходная альтернатива.

Я допускаю, правда, что определенное противостояние авторитарных и инновационных личностей на этапе вхождения в рынок возможно и даже неизбежно, однако такой вариант скорее относится больше к руководящему звену. Для формальных лидеров организации, конечно, имеет значение, насколько каждый из них в условиях рыночной конкуренции готов и способен «инновировать», творчески решать возникающие созидательные задачи.

Рассуждая о творческом подходе к управлению, Р. Акофф не случайно связывал многие сопутствующие решению проблем трудности с

ограничениями, вводимыми самими же руководителями. Любопытно, что он не просто считал способность творчески, заглядывая вперед, решать проблемы *самым важным качеством* из тех, которые должны быть присущи хорошему руководителю; ему абсолютно ясно: без этого качества в лучшем случае можно осуществлять лишь контроль над эволюционным развитием организации, но уж никак не браться за то, чтобы вывести ее в передовые /15/.

Мне не кажутся безусловно правыми те преподаватели (на них, в частности, ссылается и Р.Акофф), которые относят способности к творчеству, инноватике исключительно к врожденным природным качествам и убеждены потому, что их нельзя ни привить, ни «усвоить», ни развить под воздействием, скажем, тех же рыночных стимулов. В то же время было бы неправильно и отрицать тот факт, что возможность развития и наращивания творческих способностей обусловлена уже самим их наличием у детей, особенно дошкольного возраста. И с этой точки зрения, бесспорно, правомерна постановка вопроса об инновационном образовании для всех возрастных групп, а главное – об обязательной преемственности такого образования.

К сожалению, на практике все далеко не так – различаются и понимание, и действия. Причем трудности понимания усугубляются тем, что между низким и высоким уровнями творческой продуктивности весьма большая дистанция: находящиеся на низком уровне, признавая значимость творческого поиска, не в состоянии понять психологические особенности, стимулы жизни и режим тех, кто в когорте «высоколобых»; если это руководитель, то он, призывая к творчеству, на деле мешает и сопротивляется ему.

Что касается традиционного учителя, то он, по оценке профессора Г. Г. Воробьева, призывает не к творчеству, развитию поисковых способностей, а к эрудированности. В результате наши первоклассники обладают более ярко выраженными творческими задатками, чем

десятиклассники. Не ясно, впрочем, относится ли это к творческой способности или к творческой продуктивности – то есть подавляется ли в школе педагогами сама способность или ее проявление. По-видимому, полагает профессор, подавление происходит не на всем протяжении школьного обучения, поскольку формирование интеллектуальных способностей заканчивается в основном к 10 годам /16/.

Небезынтересно, насколько глубоко своими корнями инновационная личность связана с началом жизни. Если наследственность ничем не отягощена, если младенец сразу же после рождения получил основного родителя – мать (или заместившего ее человека), а не сменяющих друг друга взрослых, как в доме ребенка, если его информационное время равномерно распределено между общением с родителями, с самим собой и с окружающими предметами, то закладывается нормальная интеллектуальная основа, над которой возвышается творческая надстройка.

На втором этапе от игр с абстрактными предметами и воображаемыми обстоятельствами ребенок включается уже в непосредственные творческие игры со взрослыми. На очередь встают «целенаправленные фантазии» – использовать предмет по другому назначению, придумать недостающее звено в какой-либо конфигурации, изобразить несуществующее животное, сладкий дом, застывшую музыку. Здесь важно, подчеркивает Г.Г.Воробьев, переплести научное, техническое, художественное творчество, чтобы от этих мощных корней пошел главный ствол, помогать которому будут другие стволы. Такое воспитание объясняет, почему композитор и живописец могут увлечься экспериментами, экспериментатор и писатель-прозаик пишут стихи, поэты и изобретатели ставят кинофильмы /17/.

При наличии двух подобных базовых этапов органическим их продолжением становятся условия для дальнейшего творческого роста: уважение, но не преклонение перед авторитетами, стандартами, нормами, традициями; склонность думать по-своему и предлагать свои решения,

сохраняя при этом общезначимые ориентиры, духовные и гражданские ценности.

Именно в результате такой трансформации вырастает человек, способный стать проводником совокупного социального прогресса. Ему дано видеть то, что незаметно для других; его волнует та сторона вопроса, те скрытые конструктивные начала, которые не находят отклика у большинства коллег; в голове новатора рождаются идеи и проекты, опережающие остальных современников.

Природа и подлинное социальное значение инновационной личности осознается, по большому счету, с опозданием. Только в последние десятилетия появляются серьезные научные рекомендации и руководства по поиску и формированию такой категории людей. Насколько тут много перекрещивается разноликих задач, доказывать особо, полагаю, не надо. Нынешние рыночные условия концентрированно обнажили противоречия мировоззрений, характеров, психологии творцов-новаторов, о которых мы в общем-то знаем. Хотя знаем, как выясняется, совсем не так много, нежели думали.

По мнению Г.Г.Воробьева, литература о новаторах прошлого, наряду с полезной информацией, дает нам немало дезинформации. Биографам очень нравится приукрашивать и лакировать личность первопроходца, оценивая его дела исключительно как хорошие, а самого человека как «приятного во всех отношениях». Между тем ничто человеческое новатору не чуждо – он противоречив и раним, в нем уживаются порой взаимоисключающие качества, что семейные и гражданские, что профессиональные и нравственно-этические. Моцарт истратил на похороны любимой кошки сумму, в несколько раз превышавшие ту, которую муниципалитет выделил на его собственное погребение.Только повод ли это, чтобы объявить великого музыканта-новатора большим чудаком? Или все-таки стоит попытаться разглядеть в любви к кошке нечто иное, более близкое к объяснению человечного в человеке?

Согласятся, видимо, все: новаторов нужно знать, принимать такими, какими они есть, беречь их и помогать им. Ими нельзя руководить по принципу: звонок – начинай творить, звонок – кончай творить. Новатор не может работать по расписанию, он сам создает себе плацдарм для каких-либо действий. Тот, кто руководит его работой, обязан быть рационалистом: коль скоро я взял к себе новатора, то должен ему доверять и предоставлять полную свободу творчества, если же он не оправдает моих надежд, следовательно, виноват я сам – либо ошибся в человеке, его способностях, либо не создал таланту необходимых условий /18/.

Любопытно и по-своему знаменательно, что подобное позиционирование руководителя по отношению к инновационной личности совпадает с общей тенденцией, характерной для современного информационного общества. Скажем, А.Х.Шагиахметова отмечает, что показательный в сегодняшних реалиях отход от жесткой системы административного воздействия в пользу признания работника главным фигурантом организации все заметнее усиливает зависимость управления от факторов и ценностей человеческих взаимоотношений /19/. И сам такой «тенденционный» фон, разумеется, способствует укреплению внутриорганизационного или внутригруппового инновационного климата.

Руководитель – гласно или негласно – но вынужден примириться с режимом хотя бы относительной самоорганизации инновационной личности. Речь не идет, естественно, о крайностях. Для творческого человека в трудовом коллективе остаются принятые всеми параметры дисциплины, взаимной ответственности. Однако эти параметры учитывают и специфическую роль новатора (инноватора), отводят ему свое место в общем ряду. Опять же, исключения из правил в чем-то – не свидетельство поощрения слабости, а скорее – признание силы. Уверен, что в отношении людей созидающих ни в коем случае нет повода говорить о расхлябанности, отсутствии крепкого рабочего стержня.

У них *своя* внутренняя организация. Им присущи *свои* отношения с окружающим миром. И в сложившихся координатах, при неких обобщающих характеристиках, решающей пребывает, тем не менее, все равно *индивидуальность*. Тип и типажи, как известно, не одно и то же. Что в рыночной, остроконкурентной среде, что в среде научной, академической, где соревнование за новое идет в более спокойной, цивилизованной форме.

Источники

1. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. – М., 1991. – С. 27-28.
2. См.: *Котельников Г. А.* Теоретические основы синергетики: Учеб. пособие. – Белгород, 1998. – С. 39-40.
3. *Шинкин А. В.* Социальный тонус и самореализация личности как факторы управления / Автореф. дис… док. филос. наук. – М., 1992. – С. 21-22.
4. *Шедровицкий П. Г.* Русский мир: Возможные цели самоопределения // Независимая газета. – 2000. – 11 февраля.
5. Там же.
6. *Янсен Ф.* Эпоха инноваций: Пер. с англ. – М., 2002. – С. 6.
7. *Иванов Д.А.* Инновационная деятельность и ее имитация в школьном образовании // Вопросы методологии. – 1994. – № 1. – С. 104.
8. См.: *Ламанов А.В.* Вынужденный монополизм: социологические аспекты инновационной деятельности. – М., 2001. – С. 74.
9. *Князева Е.Н., Курдюмов Е.П.* Основания синертегики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб, 2002. – С. 64-65.
10. *Крючкова С.Е.* Инновации: философско-методологический анализ / Автореф. дис… док. филос. наук. – М., 2001. – С. 22-23.
11. *Бовин А.А., Чередникова Л.Е., Якимович В.А.* Управление инновациями в организациях. – 3-е изд., стер. – м.,2009. – С.194-196.
12. *Макмиллан И., Макграт Р.* Открытие новых точек дифференциации // Управление инновациями: Пер. с англ. – М., 2008. – С.166.

13. *Штомпка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. – М., 1996. – С. 301.
14. Там же – С. 301-303.
15. *Акофф Р.* Искусство решения проблем: Пер. с англ. – М., 1982. – С. 9.
16. *Воробьев Г. Г.* Твоя информационная культура. – М., 1988. – С. 223.
17. Там же. – С. 223-224.
18. Там же. – С. 224-225.
19. *Шагиахметова А.Х.* Лидерство в сетевом обществе // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.3. – С. 350.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Что вы можете сказать о мотивации инновационного творчества в условиях рынка? В чем и почему необходима сегодня перестройка сознания и психологии инноватора?

2. Какие характерные отличия имеют авторитарная и инновационная личности?

3. Самоорганизация и управление – в чем здесь принципиальная разница? Какие крайности должны быть исключены при ответе на такой вопрос?

4. Как можно трактовать адаптационные возможности инноватора в своем коллективе и во внешней среде? Насколько коррелируются, совмещаются адаптация и самоорганизация творческого человека?

И субъекту, и объекту — по шутливому сове-к-ту

1. Чтобы к рынку приучиться, не бросайте вы учиться. Получил от рынка «пять» – адаптируйся опять!

2. Хочешь слушать шум оваций – не чурайся инноваций!

3. Быть объектом инноваций – жить в режиме адаптаций.

4. Не допускай ошибки роковой: в защиту «я» и «мы» вставай горой! Не думай, будто двигатель прогресса одна лишь личность – даже пребольшого веса.

5. Привыкни наконец к борьбе противоречий – иначе быть тебе Емелей и день-деньской сидеть на печи.

Удар, еще удар!..

Один из умных людей, Герберт Кауфман, свою философско-размышляющую фразу начал со слов: «Без молотка бесполезны гвозди…». Фраза, даже неполная – хороший камертон. И дальше в унисон ей можно выстраивать целый ряд продолжений.

Итак, строим – сначала два моих «эталона», затем вы строите сами, отталкиваясь от подсказок и добавляя строки-темы по желанию:

Без молотка бесполезны гвозди…

– способности должны сочетаться с энергией

– знания должны дополняться мужеством

– понимание проблемы……(?)

– видение цели……..(?)

– сочувствие человеку……..(?)

– альтернатива старому……(?)

– …….(?)

Выстроили свой ряд аналогов? На приправу высказывание еще одного умного человека В.О.Ключевского: «Наука есть не только знание, но и сознание, т.е. умение пользоваться знанием как следует». И уж что тут молоток, а что гвозди – разберитесь сами!

Как обрести вдохновение?

Каждый из нас наверняка не раз убеждался на собственном опыте, что в состоянии вдохновения самые сложные задачи решаются легко,

словно играючи, ответы на все вопросы приходят сами собой, а в голове неожиданно возникают яркие креативные идеи.

Можно ли самонастраиваться на столь чудесное состояние или же нам только остается сидеть и ждать, когда желаемое вдохновение осчастливит наконец нас?

«Комсомольская правда» обратилась к экспертам с просьбой дать свои советы, как его заполучить, вдохновение.

Вот их десять советов:

1. Пробудите скрытые резервы. Может быть, начать с простого – постараться заметить нечто новое в каждодневной суете.
2. Старайтесь мыслить позитивно. Это даст дополнительную энергию, уверенность в себе.
3. Будьте открытыми для всего нового. Не бойтесь риска и неудач.
4. Учитесь концентрироваться. Но предварительно… расслабьтесь. Помогите мыслям прийти в порядок.
5. Делайте то, к чему стремиться душа.
6. Дайте себе помечтать – представьте, кем станете через пять, десять лет. Определите, что мешает вам сегодня приблизиться к желаемым целям.
7. Выберите свой темп жизни. Ценность единицы времени здорово изменится, если удастся понять, что для вас действительно важно.
8. Не бойтесь экспериментов.
9. Ищите мотивацию. С ней поиск нового получит свой импульс.
10. Не бойтесь удивлять. Неожиданность – стимул вдохновения.

(«Комсомольская правда», 2009, 5-12 марта)

Глава 14. Творцы нововведений: роли и позиции

В конечном счете, независимо от формирующейся специфики российской рыночной среды, инноваторы всегда сохраняли и сохраняют свою исконную природу, выступают носителями совершенно определенных, свойственных только им черт характера, сознания, поведения. В сущности, как отмечал А.И.Пригожин еще на этапе зарождения отечественной инноватики, речь идет *о социально активном элементе общества*, который вносит в нашу действительность конструктивную новизну. И хотя категорию инноваторов можно при этом считать своего рода социальным меньшинством, относиться к ней необходимо с максимальным вниманием, ибо иначе трудно будет надеяться на успешную «ассимиляцию продуктов ее деятельности в интересах всех» /1/.

Полагаю, по ходу того, как формировались подходы к пониманию инновационной природы человека, становилось все яснее, что при совпадении наиболее общих характеристик («социально активный элемент») по мере расширения инновационных пространств неизбежно дифференцировались роли и позиции участников нововведений. В частности, Л.Я.Косалс одним из первых в нашей научной литературе развел сообразно их специфике инновационное сознание и инновационное поведение /2/, и в этом нашла свое отражение не просто сама тенденция, а был зафиксирован непреложный факт: теория и практика инноватики демонстративно сблизились в оценке субъективного фактора. Спустя какое-то время наступил момент, когда в отдельную исследовательскую ипостась стало оформляться и инновационное управление (инноваторская ориентация руководителя).

Что касается *инновационного сознания*, то здесь, на мой взгляд, многое совпадает с пониманием Э. де Боно сознания как системы, создающей модели. Исходить следует из того, что действие информационной системы человеческого сознания основано на формировании и распознавании моделей. По мере появления в

мыслительном аппарате неких вариантов избирательный механизм «полезности» производит их сортировку и оставляет те, которые годятся к «употреблению». Особенность сознания в том, что, даже будучи пассивно, оно создает среду, в которой информация может стать самоорганизующейся. Память фиксирует все происходящее вокруг нас. И это «все» оставляет после себя след. Он либо сохраняется надолго, либо быстро исчезает, но в любом случае клетки мозга выполняют функцию регистрирующей или запоминающей поверхности. Подобной функцией обладает, например, ландшафт местности. Контуры земной поверхности создают условия для накопления дождевой воды. Стоит появиться более или менее постоянному руслу стока, как водные каналы начинают обретать свой рисунок – оставлять информационные следы-модели /3/.

В творческом акте роль человеческого сознания, оперирующего памятью и системно сложенной в ней информацией, видимо, строго индивидуализирована. Именно из этого, как я понимаю, исходит представление современных ученых о степени одаренности первооткрывателя, которому одновременно удается обнаружить и инновационную проблему, и способы ее оригинального решения.

Касаясь этой темы, П.В.Симонов ссылается на авторитетное заключение Артура Шопенгауэра: талант попадает в цель, в которую никто попасть не может; гений же – в цель, которую просто никто не видит. Впрочем, этот вполне философский афоризм нуждается в уточнении, и наш соотечественник добавляет, что сознание любого исторического периода, оперируя опытом, не в состоянии породить нечто новое, совершенно свободное от этого опыта. В голове первобытного гения не могли родиться теория относительности или замысел «Сикстинской мадонны» /4/.

Сознание инноватора привыкает действовать в режиме естественного отбора. Память собирает и сортирует информацию, организует плацдарм для формирования моделей, на основе которых рождаются затем идеи

нововведений. Привычка к «дежурной» систематизации случайного материала в инновационном сознании несопоставимо ярче выражена, чем в иных мыслительных кальках, и потому результаты мыследеятельности, процент творческих решений у человека с таким типом сознания, конечно, выше. Выявление и собирание людей с подобными задатками, несомненно, усиливает инновационный потенциал организации, научной группы, делает реальным своеобразный профессиональный отбор создателей нововведений.

Инновационное сознание активно влияет на становление особой психологии человека. Вопрос ведь не только в складе ума, но и в способности мобилизовать обнаружившийся в себе инновационный ресурс и трансформировать его в действие. Тут мало знать, что надо делать, как подойти к решению творческой задачи – еще больше усилий требуется для реализации идеи, ее моделирования и материализации. Внешняя обстановка и внутренняя сила инноватора должны воплотиться – путем многократной ротации опыта – в четко выраженную *типологию поведения*, локальную, социальную технологию. Простое наращивание инновационного качества в человеке, периодически выдвигаемого на роль создателя в результате естественного и одновременного сознательного отбора, приводит в конце концов к возможности дифференцировать это качество в сугубо личностном измерении. Появляется основание и право классифицировать человеческий фактор в инновационных процессах.

В середине 1980-х годов такую попытку классификации сделал Б. Санто. Пять крупных блоков, в которые он сгруппировал ролевые особенности людей, нельзя воспринимать без оговорок – это все-таки довольно общий срез, причем больше технологический, но здесь важна сама логика поиска, ведь никто не может запретить идентифицировать инновационное поведение с разных точек зрения.

Во-первых, венгерский исследователь выделяет *человека-созидателя*. Он видит его изобретательным, творческим, рассматривает «как элемент инновационного процесса». Однако для Б. Санто показательно, что у

способности к творчеству, изобретательности имеются, наряду с личностными, еще и общественные корни и движущие мотивы. У общественной атмосферы может обнаруживаться не только животворное, но и, наоборот, «обжигающее» воздействие на созидательное начало. Например, атмосфера Ренессанса, создав весьма благоприятные условия для морального и материального признания изобразительных искусств, вынесла на поверхность таких гигантов, как Леонардо да Винчи и Микеланджело Буанаротти.

Во-вторых, в классификации значится *«чемпион»*. То сопротивление, на которое обычно наталкивается оригинальная новая мысль, способен преодолеть лишь человек, сочетающий познание неизведанного с оптимизмом, стойкостью и социальной активностью. Он тот человек, что видит кроющуюся в новшестве потенциальную силу и поэтому охотно вступает за нее в борьбу. Он тот «чемпион», который способен бескорыстно постоять за дело даже тогда, когда другие уже отвернулись от него. Он тот, кто ощущает доверие к исполнителям и берет на себя дополнительные хлопоты, связанные с недовольством людей, коим новое «перебежало дорогу». Причем делает это лишь потому, что видит несправедливость в отношении высоко оцениваемой им идеи, боится за конечный результат ее внедрения.

В-третьих, Б. Санто включает в свою табель о рангах многозначную фигуру *«посредника»*. Внешне подчиненная, второстепенная, она в действительности весьма существенна. Ведь цепь инновационного развития слагается из посреднических звеньев. Посредник – это то лицо, которое по своим задачам, роли, компетенции, личным амбициям или другим признакам способствует внедрению нововведения, обеспечивая прохождение инновационного процесса через границы технологически связанных организационных структур. Действуя как фильтр, посредник обрабатывает полученную от окружения информацию и организует дальнейшее движение лишь той ее части, ценность которой он признает /5/.

Из двух оставшихся в классификации Б. Санто блоков – «коллектив» и «руководитель» – один не совсем, по-моему, на месте (о коллективных формах инновационного поиска пойдет разговор в следующей главе), а второй я собираюсь рассматривать здесь же, но чуть позже, когда на первый план выйдет управленческая функция в инновационном процессе.

Продолжая же тему посредников, как их интерпретирует венгерский исследователь, стоит заметить, что в известной степени эту роль – добровольно, осознанно или по административно-технологическому принуждению – выполняют по-своему все члены организации, причастной к внедрению нововведения. Формально они должны использовать для общего успеха полный личностный ресурс, однако на деле так не получается.

Профессор Ю.Д.Красовский по этому поводу заключает: любая инновационная программа реализуется противоречиво, поскольку осуществляется разными работниками, с разным уровнем подготовки к нововведениям и разнообразной реакцией на реорганизации – от инициаторов до консерваторов /6/. В инновационной теории, по его представлению, выделяются обычно шесть типов таких работников.

Инноваторы – инициаторы, предлагающие собственные идеи и отстаивающие их. Они часто могут идти на конфликт, чтобы «пробить» свое начинание. Не всегда видят реальные возможности для внедрения своих предложений, потому что слишком увлечены новым. Иногда им важно помочь осознать инициативу в сопоставлении с полным объемом предстоящих внедренческих работ, чтобы понять истинный масштаб задач и забот.

Сторонники нововведений – люди, очень быстро воспринимающие, как правило, новое содержание, когда убеждаются в его несомненной полезности. Именно на таких работников и необходимо опираться руководителю, если он хочет, чтобы инновация была внедрена.

Колеблющиеся в отношении нового, которые либо недопонимают его значимость, либо видят в нем больше «минусов», чем «плюсов». Нередко в

этой категории оказываются достаточно эрудированные люди и к их мнению всегда прислушиваются остальные. Тут важно оценить, насколько высока степень проникновения колеблющегося в суть новой идеи. Ведь существует такая историческая закономерность: наибольший вклад в прогрессивное развитие вносят отнюдь не эрудиты, а творцы идей и обстоятельств.

«Нейтралисты» – люди, безразличные к нововведению. Но проявление безразличия – это тоже позиция, по крайней мере – отрицание нового. При определенных условиях они могут занять конформистскую позицию, подпадая под влияние тех, кто только делает вид, что готов принять новое, а на самом деле все хочет сохранить так, как было раньше. И тут следует понимать, при каких условиях они могут выступить против инновации, а когда могут ее и поддержать.

Скептики – работники, которые ищут в нововведениях прежде всего негативные последствия. Однако они обычно не предпринимают никаких реальных шагов, чтобы помешать изменениям. Будучи по натуре перестраховщиками, они со временем могут и принять нововведение как нечто неизбежное. Но примут только под давлением большинства своих коллег. Поэтому, опираясь на мнение своих единомышленников, автор инновации или его руководитель должны при нужде сформировать сильное позитивное мнение, которое бы повлияло на настроения скептиков.

Консерваторы – люди, у которых доминируют традиционные взгляды на окружающий порядок вещей. Они могут воспринимать новое только тогда, когда оно становится традицией, привычкой. Характер мышления таких работников не позволяет им ориентироваться на изменения, особенно радикальные, они чувствуют себя уютно лишь в неизменной среде. Делать из них союзников инноваторам тяжелее всего /7/.

Иную сторону участия в инновационном процессе подразумевает выделение основных рабочих ролей, или ключевых функций, которые имеют решающее значение для успеха нововведений. Один из таких вариантов /8/ имеет в виду: генерацию идей, предпринимательство как борьбу за идею,

руководство проектом, информационный контроль, поддержку и инструктаж участников. Анализ нескольких тысяч личных характеристик работников зарубежных фирм выявил типичные качества исполнителей, соответствующие той или иной из названных ролей. Некоторые люди обладают при этом возможностью выполнять несколько разных функций. И это помогает с меньшими суммарными издержками реализовывать инновационные проекты, особенно когда приходится испытывать определенное сопротивление отдельных лиц или группировок

Поскольку в большинстве раскладов неизменно обнаруживаются типажи, каждый по-своему сопротивляющиеся изменениям, у меня возник естественный вопрос: только ли это связано с разным характером, разными психологией и психикой, особенностями социализации людей или же за всем этим может быть еще и некий социально-интуитивный защитный рефлекс, своего рода скрытый социоприродный протест?

Ведь, согласитесь, тот же скепсис бывает и здоровый (здравый), когда наученный жизненным опытом человек небезосновательно подозревает кого-то в корысти, пусть он и называет себя изобретателем, новатором (допустим, предлагается новый проект, чтобы под благовидным предлогом положить часть субсидированных бюджетом денег в личный карман; или ради получения заранее поделенной премии вносится инновация, которая заведомо не принесет пользы делу, хотя формально и повлечет за собой изменения в организации труда). Более того, В.В.Байлук справедливо замечает, что творчество, привычно воспринимаемое исключительно как прогрессивный процесс и продуктивная деятельность, создает порой новый, но однозначно регрессивный и даже реакционный общественный продукт (к примеру, фашистские концлагеря, антисоциальные «изобретения» преступников, многообразные формы зловредности людей и т.д.). В этом случае мы имеем результатом явление, «порождающее отчуждение людей от самих себя и от общества» /9/.

Приведенные мотивы не исчерпывают всех, в том числе и гораздо более мягких вариантов, заставляющих окружение инноватора рефлексировать по поводу «подозрительного нового». По сути, речь идет о банальном недоверии к любым переменам, которые человек поневоле и как бы «на всякий случай» примерочно проецирует на свой относительно стабильный уклад жизни и сопутствующие ему проблемы. Если учитывать универсальность и масштаб такого в общем-то бытового феномена, то надо, видимо, четко и без надуманных психологических околичностей соотносить все ролевые оттенки в инновационном процессе именно с этим настороженно рефлексирующим и отнюдь не оптимистическим социальным фоном.

В более свободном функциональном переложении рассматривает ту же проблему ролей и позиций А.И.Пригожин. Система исполнения в инновационном процессе, по его мнению, связана с разделением труда. Однако вопрос не столько в том, какую кто получит роль, сколько в разной по своей активности и заинтересованности позиции – одни готовы подкреплять процесс собственной инициативой, другие склонны бездействовать, третьи подумывают чуть ли не о противодействии. Именно потому мало поделить участников нововведения на профессиональные и организационные группы (организаторы, разработчики, проектировщики, изготовители, пользователи), нужно оценить позицию каждого из них, дать характеристику составу исполнителей (отношение к инновации и отношения с партнерами, вклад в результативность, качество изменений). В сумме может получиться относительно системная картина межролевых отношений /10/.

То есть, беря во внимание типологию, в основе которой исполнительные, трудовые функции (вариант, близкий к Б. Санто), и данные позиционного анализа (вариант, близкий к Ю.Д.Красовскому), по пригожинской методологии можно просчитать или хотя бы прикинуть, в каком направлении следует искать средства для интенсификации инновационных процессов.

Впрочем, в каком бы направлении не искать, все равно любое решение бумерангом вернется к субъекту инновационного процесса. Меры к интенсификации освоения нововведений неизбежно упираются в человеческий фактор – единодушно отмечали отечественные и зарубежные исследователи и десять, и пятнадцать, и двадцать пять лет назад. В частности этому посвятил немало публикаций профессор Б. В. Сазонов /11/, авторитетное мнение которого по целому ряду моментов представляет несомненный интерес.

Существенными, с точки зрения ученого, являются, к примеру, американская классификация участников нововведений – деление на ранних реципиентов, раннее большинство, позднее большинство, поздних реципиентов, а также основанный на этом их социально-психологический портрет. Важное значение приобрели такие фигуры, как «лидеры влияния» – лица, имеющие общественный вес и чуткие к рождению нового, и «агенты изменения» – профессионалы в сфере распространения нового /12/.

Весьма показательной в советских исследованиях 1980-х годов была оценка неформальных отношений и выхода за рамки формальных полномочий тех, кто инициирует нововведения или активно их поддерживает. Это положение кажется достаточно очевидным и даже естественным, поскольку нововведение – чем радикальнее, тем больше – влечет за собою организационные, технологические, а порою и психологические перестройки и плохо вписывается в сложившуюся структуру обязанностей. Однако Б.В.Сазонову оно не кажется столь естественным, он склонен объяснять его феномен неоправданно широкой практикой, санкционированной определенными управленческими теориями: считалось, что оптимальным вариантом должно быть четкое разделение процессов деятельности на отдельные функционально значимые элементы и закрепление таких элементов за работниками. Между тем это вступает в противоречие с требованиями перманентной инновационной трансформации /13/.

Жесткий функционализм, рассуждает Сазонов, казалось бы, способен стать адекватным инновационной деятельности, вводя специальные роли, ответственные за разработку и внедрение нового. Никуда не деться: профессиональные проектировщики, организаторы и им подобные люди призваны создавать новое, а руководители разного ранга – помогать им в тиражировании нововведений. Анализ различных профессиональных ролей показывает, что именно специалисты такого рода в массе своей наиболее позитивно относятся к нововведениям; позиция же руководителей значительно более ситуативна и определяется как личностными характеристиками, так и общей обстановкой в организации. При этом уровень исполнения формально записанной инновационной роли может быть очень разным, вплоть до создания видимости разработки нового, если к тому побуждают дополнительные факторы, а эффективный разработчик, в своей деятельности так или иначе выходит за рамки формальных обязанностей, вступает в неформальные отношения с кооперантами, в том числе беря на себя частично их функции.

Выводы, которые со ссылками на многочисленные исследования делает профессор Сазонов, радикально не отличаются от других известных. Он напрямую связывает успехи нововведений с личностными качествами тех, кто в них вовлечен. В первую очередь выделяет фигуры непосредственно инноватора и его руководителя – «без их сверхзаинтересованности и сверхотдачи новшество почти наверняка обречено на неуспех» /14/. С самим инноватором все относительно ясно. Во всех случаях он был и остается главной фигурой. А вот насколько «героем» является руководитель инноватора, как оценивать его инновационную роль?

На мой взгляд, руководитель любой инновационной системы (команды, организации – кому как удобно) обеспечивает в большинстве своем львиную долю забот о благополучии нововведения. Девять из десяти попаданий в «яблочко» – это, как правило, его достижение. И в этом нет преувеличения, ибо какое бы звено инновационной цепи ни взять, за него

обязательно крепко держится прежде всего управляющий. «Если цепь уже есть», – возразите вы мне, а я с вами соглашусь, поскольку понимаю, что первейшее условие – признание руководителем самой необходимости наступательной инновационной политики. Кстати, и Б. Санто исходит из того, что повсюду в мире личность руководителя и методы руководства ставит в центр внимания именно сознательное (осознанное!) управление инновационным процессом /15/.

Разумеется, *инновационное управление* (как и инновационное сознание или инновационное поведение) при желании можно трактовать односторонне и с любым поворотом – в удобном случае делать акцент на правильной стратегии руководителя, подчиняющего ей все варианты обновления социального продукта, а в другом случае, при изменившихся обстоятельствах, поворачивать все в пользу «сверху» (от лица государства) заданных ролей и функций. Однако или есть предпочтение идеологии инновационного развития, или этого предпочтения нет – вот, собственно, определяющий мотив действия. Когда он присутствует, за ним выстраивается в очередь все остальное.

Все остальное – это и разные руководящие роли в инновационном процессе. Такие роли один лидер организации выбирает, сообразуясь с характером позиций своих работников по отношению к предложенным нововведениям – и Ю.Д.Красовский подразумевает здесь выработку определенной тактики делового поведения на всех стадиях реализации инновационной программы, включая сюда и охрану инновационных коммуникаций из-за опасности преждевременного разглашения информации о сути новшества /16/. Другой лидер ищет себя в противоборстве с психологией консерватизма: в игре о столь неопределенным исходом, какой является программа инновационного развития, с одной стороны, хочется сохранить видимость стабильности и безопасности, а с другой – разум толкает отдать предпочтение аргументам в пользу нововведений, не смириться с кажущимся спокойствием неизменного состояния /17/. Но

важно, чтобы оба лидера (или сколько угодно еще) сознавали цену руководящего импульса и гармонии в отношениях между участниками инновационного процесса.

Уточню со ссылкой на Б. Санто: существенна именно гармония инновационных отношений, а не меньшая или большая дифференциация элементов процесса по степени их значимости – ведь дисфункция хотя бы одного из элементов делает невозможным достижение общего успеха. Нужно, чтобы каждый участник нововведения видел и признавал цели, программы, тактику, препятствия. И если исходить из такой данности, главная задача инновационного управления должна заключаться в том, чтобы достичь общественного согласия (консенсуса) на фоне реально обозначенных нововведений /18/.

В подобном ключе стремятся сегодня осознать себя многие профессиональные группы и сообщества. Показательно, что в канун 2006 года на конференции с характерным названием «Бизнес в стиле инноваций» представители ведущих малых предприятий страны выступили как раз за то, чтобы расширить понимание предназначения инноваций и воспринимать их как стиль управления вполне традиционным бизнесом /19/.

У такого взгляда на вещи есть не просто резон. Инновационный стиль – это в значительной мере оценка действий того типа руководителя, которого классификаторы относят к приверженцам новых технологий и отношений, сторонникам социальных изменений и приращений. Такой стиль – это отказ, если следовать Р.Уотермену, от привычки, которая больше всего сопротивляется переменам. И кроме того, инновационность управления отражается в образах поведения, координатах внимания к тому, что руководители считают важным для развития своей организации /20/. Иными словами, можно утверждать, что в принятом общей стратегией инновационном стиле управления характер функций каждого участника команды или корпоративной группы приобретает не только более целеустремленный вид, но и более интегральное качество.

Об интегральном качестве, замечу, есть повод говорить и в более широком смысле. К отдельному типу участия в инновационном процессе можно отныне относить категорию «партнеры, готовые к переменам» /21/. Причем это в значительной мере связано как раз с социальной сферой инноватики, где именно партнерские соглашения позволяют консолидировать инвестиционные силы для разработки и внедрения совсем нерыночных нововведений.

Рассмотрев, таким образом, основные роли и позиции участников инновационного процесса, нельзя не отметить системную взаимосвязь сознания и поведения людей, а вместе с тем и координирующего, направляющего начала. Что роли, что позиции свойственны не просто абстрактным личностям, а субъектам и объектам управления – и это принципиальное отличие. Качество каждого человека в отдельности прирастает к общему качеству управляемого процесса. В этом смысле и инноватор, и соучаствующие в инновации «посредники» – системные люди, а инновационный процесс – система, в рамках которой достигается новый искомый результат.

Принадлежность к системе производства нововведений делает инноватора и его формальных и неформальных сподвижников системными людьми в значительной мере номинально – главным образом по функциональным признакам. Но есть у этого «благоприобретенного» качества и другая, оборотная сторона. Участник инновационного процесса в ходе утверждения нового, борьбы за справедливое решение судьбы своего детища поневоле приобретает дополнительные личные навыки, получает характеристики, позволяющие говорить о нем, как о высокоорганизованном, системном человеке.

Инновационная практика наделяет людей опытом, умением особого свойства. Преодоление сопротивления скептиков, консерваторов, включение в свои союзники за счет активной разъяснительной и агитационной работы колеблющихся, нейтралов («нейтралистов»), организация поддерживающих

новую идею социальных технологий и другие многосложные процедуры, контакты заставляют людей «инновационной команды» мобилизовывать, достраивать свои внутренние ресурсы в том направлении, которое и формирует в них устойчивые системные координаты, системное сознание и системное поведение.

Эта сторона личности человека-инноватора вместе с привычной работой в системной связке с соратниками снимает всякие сомнения, когда задается вопрос, системные ли они люди, творцы нововведений. Ответ однозначен: системные! Им просто не выжить без этого качества.

Источники

1. *Пригожин А. И.* Инноваторы как социальная категория // Методы активизации инновационных процессов. – М., 1988. – С. 4-5.
2. См.: *Косалс Л. Я.* Социальный механизм инновационных процессов. – Новосибирск, 1989.
3. *Де Боно Э.* Латеральное мышление: Пер. с англ. – СПб., 1997. – С. 32-35.
4. См.: *Симонов П.В.* Мозг и творчество//Вопросы философии. – 1992. – №11. – С. 14.
5. *Санто Б.* Инновация как средство экономического развития: Пер. с венг. – М., 1990. – С. 179-181.
6. *Красовский Ю. Д.* Управление поведением в фирме. – М., 1997. – С. 286.
7. Там же. – С. 286-287.
8. *Бовин А.А., Чередникова Л.Е., Якимович В.А.* Управление инновациями в организациях. – 3-е изд., стер. – М., 2009. – С 291-295.
9. *Байлук В.В.* Человекознание: в 4-х кн. – Екатеринбург, 2003. – Кн.4. – С. 16-17.
10. *Пригожин А. И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 105-128.
11. См.: *Сазонов Б. В.* Субъект в процессах нововведений // Нововведения как фактор развития. – М., 1987; Его же. Деятельностный подход к

нововведениям // Социальные факторы нововведений в организационных системах. – М., 1980; Его же. Проблемы и пути интенсификации инновационных процессов // Нововведение в организациях. – М., 1983 и др.

12. *Сазонов Б. В.* Субъект в процессах нововведений… – С.85.
13. Там же. – С. 85-86.
14. Там же. – С. 86.
15. *Санто Б.* Указ. соч. – С. 184.
16. *Красовский Ю. Д.* Указ. соч. – С. 287.
17. *Санто Б.* Указ. соч. – С. 185-186.
18. Там же. – С. 186.
19. См.: *Федотова И.* Новации – это не только хай-тек // Известия. – 2005. – 13 декабря.
20. *Заречкин Е.Ю., Усманов Б.Ф.* Стиль управления и управление стилем. – М., 2006. – С. 110-111.
21. Управление инновациями: Пер. с англ. – М., 2008. – С. 179.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Кто субъект, а кто объект инновационного процесса, если ориентироваться на обозначенные в главе роли и позиции?

2. Как вы понимаете категории «чемпион» и «посредник»?

3. В чем проявляются, на ваш взгляд, инновационное сознание и инновационное поведение? Какова между ними разница?

4. Кто, по-вашему, наиболее близок интересам инноватора и кто наиболее далек в помыслах и действиях от этих интересов?

Ваши варианты

Предлагаю рассмотреть три категории участников инновационного процесса (по описанию характеризующих их признаков). Задание же сводится к тому, чтобы «аттестовать» типажи по ролям и позициям: кто есть кто?

а) Человек видит в инновации много положительного, но некоторые моменты его смущают. Он склонен перепроверить свои ощущения и оценки. С интересом слушает комментарии и консультации специалистов и своих товарищей по работе.

б) У этого работника преобладает согласие с существующим положением вещей, он не настроен на поддержку нововведения. Комфорт и уют в неизменной среде ему дороже всего остального. Он опытный профессионал, его, как он считает, «на мякине» не проведешь. Зачем рисковать достигнутым?

в) Человек демонстрирует безразличие к нововведению, энтузиазму его авторов и сторонников, но внутренне готов при изменении ситуации и появлении неких дополнительных доводов на коррекцию своей позиции – в какую сторону, он пока не знает, но его это не очень-то беспокоит.

Войди в образ!

Представьте, что вы на сцене и вам надо понравиться театральному жюри (художественному совету), которое должно утвердить просматриваемых исполнителей на роли в пьесе под названием «Хорошо забытое новое». Прочитать перед высоким жюри надо всего ничего: известную любому человеку строку «Ничто не ново под луной» с добавлением к ней монолога-экспромта, десятка собственных слов. Нюанс один – воплотить эти слова следует в образе трех различных типажей.

Короче, вы на сцене и… как бы вы «сыграли» предложенную строку с продолжением, если бы стали на время:

– инноватором-чемпионом;

– скептиком-оппонентом;

– философом-прагматиком?..

Глава 15. Единство индивидуального и коллективного

Название этой главы родилось еще в первом издании книги. А уже работая над вторым, я столкнулся с подобным же названием в другом ассоциативном для меня ряду: «единство самоорганизации и управления». Это сочетание слов в заголовке конференции, проходившей в Российской академии госслужбы и обсуждавшей стратегии динамического развития страны, невольно остановило мое внимание.

Индивидуальное и коллективное, самоорганизация и управление… Две пары с созвучным диалектическим смыслом. Ведь в индивидуальном инновационном творчестве многое, если не все, соотносится с процессом самоорганизации. А для коллективной работы столь же обязательно согласование, координация, управление. Но там и там еще и единство – одинаково естественное и необходимое, чтобы сохранить целостность и неразрывность процессов, где одни формы существования сознательно реализуемого действия не могут достичь результата без соучастия других форм. Потому и общая истина – в единстве!

Самое удивительное – в материалах конференции мне встретилась цитата из статьи академика П.Л.Капицы, в которой обнаружилось продолжение столь задевшей меня смысловой ассоциации. В ней не было сходных (или синхронных) с моей темой слов. Зато уместилось целое «открытие».

В дискуссии по поводу профильных, «для талантов», спецшкол нобелевский лауреат подчеркнул, что созданные для избранной одаренной молодежи в области математики, физики, химии, биологии, такие школы оказываются даже вредными. Если талантливого школьника изъять из школы, то это как бы ее обескровливает и сильно сказывается на ее общем уровне. Чтобы объяснить своим товарищам теорему, надо ее понять, и в процессе объяснения лучше всего выявляется собственная неполнота

понимания. В школе для избранных такого взаимного обучения, по мнению ученого, обычно не возникает /1/.

В словах П.Л.Капицы я отрыл для себя очевидное-невероятное: мы все как-то легко забываем, что школа или вуз – это не просто коллективно-индивидуальный процесс обучения, приобретения знаний, а еще и взаимообогащение зреющих талантов, будущих личностей. Здесь происходят демонстрация неявных для одних и привычных для других способов понимания, подпитка идеями, технологиями мышления и творчества. Причем в любом таком процессе всегда есть свои лидеры (не только «отличники»), которые тянут за собой остальных, имея от природы особый дар видеть и, главное, *хотеть* новое.

Может быть, в данном случае «хотеть» звучит и коряво. Но этот глагол точно передает суть стимула, который поневоле оказывается достоянием всего круга школьного общения. Изыми носителя подобного стимула из коллектива учащихся – наверняка обеднеет весь школьный процесс обучения (коллективного творчества). Да к тому же еще не факт, смогут ли массово собранные в школе для талантов «гении» сохранить свои лучшие задатки без привычно признающей их авторитет «сообучающейся» аудитории.

Все коллизии, связанные с нововведениями, в той или иной степени обязательно касаются диалектически сложной проблемы сочетаемости индивидуальных и коллективных начал в инновационном процессе. Был момент, когда мне казалось, что эта проблема во многом надуманная, но быстро понял свою неправоту. Видимо, она из числе тех наших болезней, которые остаются непреходящими по причине социоприродной: человек никогда не преодолеет, похоже, заложенного свыше, из мегакосмоса противоречия между биологическими своими эгокорнями и осознанно ограниченной свободой социума.

В относительно недавно вышедшем капитальном труде «Социология. Анализ современного общества» П.Штомпка касается и феномена индивидуальности. В частности, подробно останавливается на результатах

сравнительных исследований, которые провел в свое время американский психолог А.Инкелес. Эти исследования параллельно шли во многих странах мира и позволили всесторонне описать синдром «современной личности» и вывести теоретическую модель, которая в той или иной степени реализуется в разных обществах. В модели среди девяти характерных личностных признаков первым называется *потребность в обретении нового опыта, открытость навстречу инновациям и изменениям.* Ссылаясь на некоторые примеры, где инновационная потребность материализуется, П.Штомпка задается вопросом, не является ли все это общим свойством человеческой природы, не эта ли любознательность, интерес ко всему новому стали секретом всех успехов человечества, в том числе технического прогресса /2/.

Видимая крупнейшим современным социологом, президентом Международной социологической ассоциации некая связь основных личностных признаков и общего, коллективного успеха на пути к социальному прогрессу, думаю, не случайно выделена именно в тот исторический момент, когда определенным образом обострились мировоззренческие противоречия и слишком часто в социально-психологическом настроении людей стали преобладать потребительские доминанты. Новая Россия в лице ее «новых русских» к потребительству с некоторых пор тяготеет тоже, в то время как творческое, созидающее начало востребовано очень и очень мало.

Вопрос прежде всего в том, из-за чего обострилась сама проблема расслоения индивидуальных и коллективных начал. С социальной точки зрения одна из глобальных здесь причин – широко распространенное мнение, будто сейчас исключительно время коллективных работ, одиночки уже мало способны на конструктивную новизну неординарного толка. Формальные основания думать именно так, бесспорно, есть. Большинство революционных изменений подготовлены и совершены объединенным трудом немалого числа людей. И никто этого оспоривать не станет. Однако столь же очевидно, что у истоков любого новшества всегда стояли личности, индивиды. Роль

масштабная – это и все равно роль персонифицированная. Как заметил А.И.Пригожин, примеры из жизни подтверждают: «время одиночных инноваторов вряд ли пройдет когда-либо» /3/.

В пригожинском реестре, если посмотреть публикации профессора, есть уникальные примеры творческой удачи не только в научно-технической, но и социальной сферах. Характерно в этом ряду создание курганским врачом Г. А. Илизаровым ортопедических конструкций, открывших новую эру в травматологии. Параллельно с ним называется идея безотвального плуга, выдвинутая зауральским же изобретателем-полеводом Т.С.Мальцевым. Хотя это уже пример из другой отрасли, у судьбы обеих находок, тем не менее, общая проекция: в том и другом случаях новаторам потребовалось устоять в острой борьбе с традицией, носителями которой были профессионалы, организованные в научные школы, и только тогда, когда одному дали возглавить профильный институт, а у второго появилась в стране масса последователей, возник наконец подлинный общественный эффект, как оказалось, революционных инноваций /4/.

Объективно налицо обе соучаствующие стороны инновационного процесса и достигнутого результата – творцы идей и инновационные организации (коллективные формы внедрения). Есть ли повод их разводить на самостоятельные части и тем более противопоставлять? Под воздействием тезиса о приоритете коллективных форм инновационного труда многим ученым (в том числе и Пригожину) не раз приходилось занимать защитную позицию. Они пытались доказать своим условным оппонентам, что нет повода упрекать кого-то в принижении роли инновационных организаций, ибо задача у исследователей одна – утвердить в общественном сознании статус индивидуальных инноваторов как социальной категории со своими специфическими проблемами, нуждами и целями.

Недооценка, недопонимание индивидуального начала в инновационной деятельности, по мнению профессора Пригожина, восходит корнями к определенной ценностной ориентации. Суть ее в том, что индивид как

субъект процесса ценен в той степени, в какой он включен в стабильные оргструктуры, групповые отношения и представляет их. Структура для приверженцев такой ориентации первична, функция вторична. И если пусть даже весьма полезная обществу инициатива проявляется вне заданных каналов (а таковые и не могут быть рассчитаны на все потенциально полезные начинания), то она заведомо обречена на явное или скрытое неприятие /5/.

Что и насколько необходимо «сопрячь», чтобы в инновационном процессе сблизились интересы индивидуальные и коллективные, групповые? Ответить непросто, если не попытаться немного глубже коснуться более общей сути – философской, социальной, психологической – самого феномена отношений человека и организованной людской общности.

Вспомним Александра Блока: «Слишком много есть в каждом из нас / Неизвестных, играющих сил…» /6/. Каждый, кто хочет понять человеческие поступки, поведение, должен по возможности постичь неизвестное. А сделать это – значит начать с поиска мотивов, которые нередко оказываются в глубине индивидуального сознания, психики и весьма причудливо перекрещиваются с сознанием коллективным.

Человеческое сознание (для нас – инновационное) сопрягается с мировоззрением и моралью. Известно, в основе морали лежит принцип «должен – и потому могу», а вовсе не наоборот: «могу – и потому должен». Причем требование «должен» не есть нечто, навязанное человеку извне, а результат его собственного выбора. Пренебречь им – значит отказаться от самого себя, от своей индивидуальности. Истинная индивидуальность, давно согласились ученые, заключается не в том, чтобы выпячивать свою «особенность», а совсем в ином – способности видеть интересы других. И вот это в конечном счете есть то самое, выстраданное всей предшествующей жизнью отношение к себе как существу подлинно общественному, понимающему или, по крайней мере, чувствующему органическую связь своего внутреннего «я» с интересами себе подобных.

Коллективистские по своему характеру общественные отношения, объединяющие людей вокруг общих задач и целей, подчеркивают исследователи /7/, в то же время органически связаны с интересами личности, ее полным и разносторонним развитием. Именно на основе осознания общих коренных интересов рождаются человеческая солидарность, взаимная поддержка.

Отправной момент постоянно один – совместная деятельность требует общности человека с другими людьми и вместе с тем его автономии по отношению к окружающим, социальной группе, социальной организации. Мысля и действуя индивидуально (как при создании нововведения), человек вместе с тем включает свою обособленную – в какой-то момент и в какой-то форме – деятельность в деятельность в коллективную, совместную.

Это условное противоречие одновременно парадоксально и логично стимулирует объединение людей и создает базу для формирования вполне совместных потребностей (творческих, познавательных, статусных, материальных, развивающих), которые научно квалифицируются как потребности социального сосуществования.

Впрочем, такое противоречие имеет и другую недавно замеченную мною особенность. Она из разряда объективных и диалектически обоснованных. Допустим, В.В.Байлук рассматривает ее в рамках учебной деятельности студентов, где социализация и индивидуализация фигурируют как разнонаправленные явления одного процесса /8/. Мне же интересна сама возможность интерпретировать социализацию инноватора как факт его врастания в потребности общества, а индивидуализацию инновационного поиска – как отчуждение себя от общественных запросов (в том числе и по причинам, от самого инноватора не зависящим).

Истинная индивидуальность не может быть вне общественных интересов. Но и истинный коллективизм отношений сохранится лишь при условии, если будет обеспечен максимум возможностей для признания

личности, уважения ее индивидуальности. По духу все, как предусматривает идеальная схема инновационного процесса.

Показательно, что даже В.И.Ленин – уж на что приверженец коллективных форм жизни и борьбы – скептически относился к таким «коммунам», которые не учитывали индивидуальной свободы и возможности определенного обособления личности. По поводу одной из коммунальных организаций русских социал-демократов он говорил: «Нельзя жить в доме, где все окна и двери никогда не запираются, постоянно открыты на улицу и всякий проходящий считает нужным посмотреть, что вы делаете. Я бы с ума сошел, если бы пришлось жить в коммуне, вроде той, что в 1902 году Мартов, Засулич и Алексеев организовали в Лондоне. Это больше чем дом с открытыми окнами, это проходной двор. Чернышевский правильно заметил: у каждого есть уголок жизни, куда никто никогда не должен залезать, и каждый должен иметь «особую комнату» только для себя одного» /9/.

Разумеется, параллель тут не очень, может быть, прямая, но в инновационной жизни при нормальном соотношении индивидуального и коллективного (коммунального) инноватор обязательно должен иметь по рецепту Чернышевского свою «особую комнату», а инновационная организация – достаточно закрытую (в интересах сохранения идеи первооткрывателей) рабочую территорию для апробирования и запуска в производство рожденного в совместных творческих муках нововведения.

«Особая комната» нужна автору инновационных идей, чтобы невзначай не пострадала свобода творчества, а человеческая индивидуальность не оказалась в плену «чужого порядка» мыслей и действий. Ведь статус «обособленной личности» – не самоцель или каприз, не идеологическая привилегия, как иногда склонны думать политиканствующие администраторы. Здесь нужда иного плана, она сродни скорее откровению французского психолога П. Сурье, утверждавшего: чтобы думать, надо «думать около» /10/. То есть не быть жестко связанным с чем-то определенным, общепринятым и потому получить шанс за околицей

спланированного опыта и знания увидеть вдруг на «ничейной земле» идею-незнакомку или хотя бы на первый случай красивый мираж, заронивший прекрасную мечту о будущем, прообраз некой новой социальной конструкции. Кроме того, за свободным мыслителем, не обремененным коллективным страхом-ответственностью, остается способность препарировать «в единое целое разрозненные впечатления, разновременные и разноплановые события и усматривать в видимом беспорядке скрытый порядок» /11/.

Сознание, интуиция, творческий порыв – все «кесарево» должно находиться до поры, до времени в автономном режиме. Востребованность в коллективном разуме у инноватора и востребованность в идеях инноватора у коллектива не могут рассматриваться как абсолютно равноправные величины и категории. Организованный инновационный процесс может начинаться только с момента, когда эмбрион дозрел и человек готов оплодотвориться. Тут уже коллективные права действуют в законном паритетном порядке. Более того, тут-то и наступает фаза сопряжения интересов и возможностей индивидуального и коллективного, ибо одновременно возникают главенствующий мотив совместной деятельности, а следовательно, и сама деятельность – внедренческая, диффузная, в жесткой связке с живой практикой.

Несомненно, в инновационной организации (коллективе) людей, включая инноватора, объединяет общая деятельность. Как говорил В.А.Сухомлинский, деятельность – краеугольный камень коллектива. Тем не менее сам же он добавлял: но построить коллектив нельзя, если этот камень – единственный /12/. Мысль знаменитого педагога прозрачна для любого отраслевого варианта – какой бы сфере деятельности ни принадлежали объединившиеся работники, сколько-нибудь значимый результат их коллективного труда возможен лишь при определенной степени сплоченности, управляемости, способности противостоять трудностям и невзгодам (последнее особенно близко специфике нововведений).

В работе близкого мне коллеги нашел по этому поводу любопытную ассоциацию из «Мира животных» И. Акимушкина. Оказывается, многие животные, птицы, рыбы в стаях несут меньше потерь от хищников, чем разбитые на пары или одиночки. И дело здесь не только в умножении бдительности соединенных в стаи особей, но еще и в каком-то особом психологическом свойстве коллектива, которое приводит атакующего врага в замешательство /13/.

Да, приходится признать, что дефицит тех или иных материализованных признаков коллектива чреват в процессе отстаивания и адаптации нововведения самыми разными осложнениями. Недостача этих признаков, как указывает в своем исследовании Ю.В.Заречкин, легко обнаруживается первой же серьезной проверкой. Непрочен моральный климат – и теряется возможность устоять перед «атакующими». Замешан бетон, из которого строят коллектив, на формализме – снова неудача. Подавляется индивидуальность члена группы – начинается внутренний дискомфорт, наверняка перерастающий в дисбаланс отношений со средой /14/.

Трудно определить, когда и сколько не хватает элементов для организационной полноты или инновационной дееспособности реального коллектива. Тем не менее ученые сходятся на том, что контактные группы людей могут проходить различные стадии развития с большей или меньшей степенью сопутствующих сложностей. Чаще всего в соответствии с изученной практикой выделяют нулевую, номинальную группу, ассоциацию, кооперацию и как вершину развития – коллектив. В каждой из таких ступеней зафиксированы свои определяющие признаки.

Нулевой, номинальной группой (или группой-конгломератом) называют начинающие складываться объединения людей различной профессиональной ориентации и направленности. У подобной группы есть пока только цель деятельности, но нет ни одного сколько-нибудь четко выраженного группового показателя.

Группа-ассоциация (ассоциация – значит соединение) отличается единством целей, имеет сложившуюся структуру, но деятельность каждого ее члена носит преимущественно индивидуальный характер.

Группа-кооперация (кооперация – сотрудничество). Имеет уже и единство цели, и единство деятельности. В ней развито взаимодействие, накоплен групповой опыт, крепки организационные начала. В то же время нет достаточно выраженных психологических связей. Это предколлектив, последняя ступень на пути к оптимальному развитию общности.

И группа-коллектив. Она отличается общественно значимой направленностью дел, высоким уровнем подготовленности, организационным и психологическим единством, то есть всеми основными признаками социальной зрелости.

По мнению ученых, в коллективе обнаруживается социально-психологические феномены, которые не свойственны случайному скоплению людей. В диффузной группе, если следовать научной трактовке, определяющими являются непосредственные отношения и непосредственное взаимодействие между индивидами, а в коллективе – взаимодействие и взаимоотношения, опосредованные целями, задачами и ценностями совместной деятельности, то есть реальным ее содержанием /15/.

Понятно, что в живой среде, при многообразной инновационной практике происходят целевая адаптация и трансформация коллективных форм деятельности. В одних случаях акцент смещается на усиление управленческого начала (когда освоение нового идет недостаточно интенсивно и результативно), в других – на активизацию самого творческого поиска, генерирование идей (когда замедляется воспроизводство инновационного развития).

В конце 1980-х годов на Западе, а позднее у нас в стране вошла в обиход организация так называемых «параллельных групп» – в качестве «мозговых таранов», придумывающих нестандартные способы подкрепления действующей независимо от них управленческой системы. В таких группах

существуют иные стандарты общения, методы стимулирования и критерии оценки.

Примерно с этими же целями возникло еще одно новшество – штабы рационального действия, но они функционировали на более высоких уровнях иерархии и знаменовали собой соединение единоначального и коллегиального принципов руководства. Рациональный контроль и анализ действий предполагал учет всех последствий вводимых изменений, в том числе социальных. Причем подобный комплексный контроль усиливался, если возрастал масштаб влияния нововведения /16/.

Что касается интенсификации поиска идей за счет коллективного преодоления одномерности движения по «вектору психологической инерции», то в этом отношении наука и практика постарались прежде всего перебить боязнь вторжения в чужие области, опасение выдвинуть новации, которые могут показаться смешными, а в конечном варианте – научить элементарным приемам генерирования «диких» идей.

Метод «мозгового штурма», предложенный американцем А. Осборном еще в конце 1930-х годов, получил наибольшую известность как способ креативного коллективного поиска идей при решении тупиковых и инновационных проблем. Психологическая инерция, по мнению автора метода, порождается порядком, царящим в сознании. Новым идеям надо помочь прорваться из подсознания в сознание. Поэтому процесс генерации идей должен быть построен так, чтобы «расковать» подсознание. В группе «генераторов идей» не должно быть начальства, обстановка работы должна быть непринужденной.

Как отмечает доктор медицины Л.П.Гримак, одни люди больше склонны к генерированию идей, другие – к их критическому анализу. При обычных обсуждениях «фантазеры» и «критики» оказываются вместе и мешают друг другу. Осборн предложил разделить этапы генерирования и анализа идей. За 20-30 минут группа «генераторов» выдвигает несколько десятков вариантов. В этот период действует строгое правило: запрещена

критика. Следует высказывать любые идеи, в том числе и заведомо нереальные (они играют роль своеобразного катализатора, стимулируя появление новых предложений). При этом участники «штурма» подхватывают и развивают называемые идеи.

Если «штурм» хорошо организован, удается быстро уйти от идей, навязываемых психологической инерцией. Никто не боится предложить смелую гипотезу, возникает доброжелательная творческая атмосфера, и это открывает путь всевозможным догадкам. В обсуждении обычно участвуют люди разных профессий, идеи из разных областей знаний сталкиваются, и иногда это неожиданно дает интересные варианты решений. Показательно, что к концу «штурма» возникает своего рода ажиотаж, и «генераторы» высказывают предложения, не успевая их обдумать. Идеи возникают как бы непроизвольно, неосознанно, неуправляемо. При этом на магнитофоне ведется непрерывная запись высказываний. Полученный материал передается затем группе «критиков», которые должны выявить рациональное зерно в каждой идее /17/.

«Мозговой штурм», который ведет профессиональная или полупрофессиональная группа, постепенно накапливающая опыт решения различных задач, положен в основу так называемой синектики, предложенной американским ученым У. Гордоном. При «синектическом штурме» допустимы элементы критики, а главное, предусмотрено обязательное выполнение четырех специальных приемов, основанных на аналогии: прямой (подумайте, как решаются задачи, похожие на данную), личной, или эмпатии (попробуйте войти в образ данного в задаче объекта и рассуждать с этой точки зрения), символической (дайте в двух словах образное определение сути задачи), фантастической (представьте, как бы эту задачу решили сказочные персонажи).

Еще один способ активации коллективного поиска – метод фокальных объектов. Он состоит в том, что признаки нескольких случайно выбранных объектов переносят на рассматриваемый (фокальный, находящийся в фокусе

внимания) объект, в результате чего получаются необычные сочетания, позволяющие преодолевать творческий ступор. Так, если случайным объектом взят «тигр», а фокальным – «карандаш», то получаются сочетания типа «полосатый карандаш», «клыкастый карандаш» и т.д. Рассматривая эти сочетания и развязывая их, иногда удается прийти к оригинальным идеям.

Метод морфологического анализа заключается в том, что вначале выделяют главные характеристики объекта – оси, а затем по каждой из них записывают всевозможные варианты – элементы. Так, рассматривая проблему запуска автомобильного двигателя в зимних условиях, можно взять в качестве осей источники энергии для подогрева, способы передачи энергии от источника к двигателю, способы управления этой передачей и т.д. Элементами же для оси «источники энергии» могут быть аккумулятор, химический генератор тепла, бензогорелка, работающий двигатель другой машины, горячая вода, пар и т. д. Имея запись элементов по всем осям и комбинируя сочетания разных элементов, можно получить большое число всевозможных вариантов. В поле зрения при этом могут попасть и неожиданные сочетания, которые в обычных условиях едва ли бы пришли в голову /18/.

Известные сегодня виды мозгового штурма и другие креативные технологии генерирования идей подробно рассматривает петербургский профессор А.П.Панфилова в своем учебном пособии. Многие из них весьма близки специфике объектов социальной сферы: в частности обратный мозговой штурм, нацеленный на анализ недостатков проектов, на которые обрушивается ничем не ограниченная критика; брейнрайтинг – когда обмен мнениями, мыслями, идеями идет на бумаге, без шума, спора и очень интенсивно /19/.

Для интенсификации инновационных процессов и единения индивидуальных и коллективных интересов вполне пригоден, на мой взгляд, трехмерный набор социотехнических (группотехнических) средств, который в рамках современной инновационной методологии представляет и

пропагандирует профессор В. С. Дудченко. Иначе говоря – это методы и техника групповой, межгрупповой и общегрупповой работы.

Групповая работа основана на организации делового взаимодействия и интегрировании взглядов разных участников. Например, по своей функциональной позиции директор реабилитационного центра обязан заботиться о модернизации своего объекта. А по ролевой позиции он – консерватор. Налицо противоречие, которое и вскрывается с помощью групповой работы. С учетом же множественности позиций и их типов становится ясным содержание и направление координирующих усилий.

Межгрупповая работа проводится чаще всего в форме дискуссий. Содержание дискуссий – результаты групповой работы за день. Смысл – в создании условий для проработки результатов, в создании соревновательного напряжения, в отработке навыков поведения в большой группе, в консолидации групп и т.д. По ходу дискуссий организуется множественная оценочная деятельность, которая, кстати, сведена к минимуму в групповой работе. Промежуточные итоги подводят судьи, эксперты, другие группы, консультанты. Возникает стереоскопический оценочный эффект, обеспечивающий объективность мнений и обладающий силой убеждения, что играет решающую роль в понимании участниками инновационного процесса своих ошибок и способствует конструктивной смене позиций.

Общегрупповая работа ведется в течение всего мобилизационного периода. Основное назначение – создать из индивидуально действующих участников коллектив единомышленников, способный действовать как в условиях корректирующей деловой игры, так и после игры в соответствии с выработанной стратегией. Общегрупповая работа предполагает организацию межгрупповой диффузии, т.е. участие представителей одних групп в делах других, а также перегруппировку участников в зависимости от развития содержания. Такая перегруппировка создает эффект обновления и повышает уровень комплексности, всеохватности рассматриваемых проблем и тем /20/.

О групповой работе говорит и Б. Санто. Из структуры и характера инновационного процесса следует, подчеркивает он, что его участники должны находиться между собой в постоянной взаимосвязи. Речь идет о людях, мотивация, заинтересованность которых результируются во взаимодействие и сотрудничество, подчиненные одному направлению. И их труд не может не быть коллективным /21/.

Венгерский ученый не противопоставляет опять же коллективный фактор индивидуальному – роль личности чрезвычайно важна, особенно если иметь в виду создателей-творцов, «чемпионов» или руководителей инновационного процесса. Однако в ходе, как ее называет Б. Санто, «разработочной» деятельности, когда цель зачастую состоит не в реализации уже готового нововведения, а просто в совершенствовании продукта за счет более или менее значительных инноваций, поиска сопутствующих идей, методов, – вот тогда и возникает потребность в усилиях всего коллектива, в групповой работе. Ведь было бы трудно предписать кому-либо в качестве его основной обязанности занятие непредсказуемой по своим результатам деятельностью, какой является текущая доводка продукта.

К особенностям групповой работы относится также то, что в ее рамках обычно реализуется групповой дух, благодаря которому повышается эффективность совместного усилия по сравнению с простой количественной суммой труда участников. Другая особенность – в том, что на 99% каждая ценная мысль вытекает из мыслей членов группы, из продуктивной дискуссии, а инноватор вносит свой один процент, синтезируя ряд «вызревших» идей, умея обнаружить то, вокруг чего другие лишь кружат, не видя его.

В группе, работающей для достижения единой цели, создается возможность участия каждого сотрудника в принятии решений и распределении связанной с этим ответственности. Руководитель не управляет инновационной группой, а скорее представляет и объединяет усилия этой общности. Решения формируются на основе общего согласия по

направлению снизу вверх. Следовательно, организационным принципом эффективного инновационного развития становятся групповая работа, коллективизм.

Например, японские предприятия большей частью строят свою организационную структуру мозаично, из небольших групп, в виде пирамиды, приспосабливая ее к существующим условиям труда, причем число участников этих групп (10-20 человек) должно быть таким, чтобы они хорошо «просматривались» и поэтому могли быть управляемыми. Группа пользуется определенной автономностью – в установленных пределах она может распоряжаться материалами, энергией, средствами, главным образом рабочим временем и получать прямую информацию о собственных результатах. Хотя индивид, возможно, не ощущает непосредственно интенсивность, результат и качество своего труда, но зато имеет перед глазами результаты работы всей группы /22/.

«Единство групповых, личных и общественных интересов при объективном приоритете последних, – обобщает «Социологическая энциклопедия», – наиболее существенная часть коллективизма. Причем надо учитывать не только материальную, экономическую сторону этого единства, но и духовную, т.е. взгляды, настроения, чувства людей, отражающие осознание ими общности интересов, единые ценностные ориентации» /23/.

Усиление же коллективизма при сохранении главенствующего индивидуального начала (по типу «созидатель» + «чемпион») разные по своим убеждениям теоретики и практики дружно рассматривают как средство подъема инновационной готовности и достижения развивающих идей. И это серьезный довод в пользу того, чтобы субъект и объект нововведений не дифференцировать уж очень строго, когда объект – тот же социально обусловленный, человеческий материал.

По сути, мы имеем дело с феноменом, где субъект и объект в одном процессе. И они не только связаны коллективным трудом. Они учат друг

друга. И вполне взаимообучаемы. Особенно если у них еще есть отмеченный П.Л.Капицей талант-лидер.

Источники

1. См.: *Сергиевский В.В., Взятышев В.Ф., Мельникова Е.Н.* Некоторые социально-психологические аспекты управления изменениями в России // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Том III. – М., 2004. – Ч.3. – С. 162-163.
2. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. – М., 2005. – С. 585-586.
3. *Пригожин А.И.* Инноваторы как социальная категория // Методы активизации инновационных процессов. – М., 1988. – С. 6-7.
4. Там же. – С. 7.
5. Там же. – С. 8.
6. *Блок А.* Собр. соч. в 8 томах. – М.-Л., 1960. – Т. 3. – С. 44.
7. См.: *Нигматов З.Г.* Гуманистические основы педагогики: Учебное пособие. – М., 2004. – С. 32.
8. *Байлук В.В.* Человекознание: в 4-х кн. – Екатеринбург, 2003. – Кн.4. – С. 64.
9. Юность. – 1969. – № 9. – С. 78.
10. См.: *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики: Пер. с фр. – М., 1970. – С. 120-121.
11. *Новикова Л. И.* Эстетика и техника: альтернатива или интеграция? – М., 1976. – С. 151.
12. *Сухомлинский В. А.* Мудрая власть коллектива. – М., 1975. – С. 13.
13. *Заречкин Ю.В.* Что может коллектив. – М., 1983. – С. 23.
14. Там же. – С. 37.
15. Там же. – С. 37-38.
16. Информационные материалы: Кибернетика. – М., 1986. – № 2. – 24-25.

17. *Гримак Л. П.* Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. – М., 1987. – С. 191-192.
18. Там же. – С. 192-193.
19. *Панфилова А.П.* Мозговые штурмы в коллективном принятии решений: Учебное пособие. – СПб., 2005. – С. 211-295.
20. *Дудченко В. С.* Основы инновационной методологии. – М., 1996. – С. 31.
21. *Санто Б.* Инновация как средство экономического развития: Пер. с венг. – М., 1990. – С. 182.
22. Там же. – С. 182-183.
23. Социологическая энциклопедия: в 2 т. – М., 2003. – Т.1. – С. 450.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Для чего необходимо искать гармонию индивидуальных и коллективных интересов? Чем опасно недопонимание индивидуального начала в инновационной деятельности?

2. В чем разница между нулевой группой, ассоциацией, кооперацией и коллективом?

3. Какие формы совмещения индивидуального и коллективного творческого начала, на ваш взгляд, отвечают задачам инновационного развития?

Ключ с правом передачи

Тема для дискуссии о вреде-пользе коллективного поиска, группового начала

Кто-то из философов, помнится, резонно заметил: «Откуда быть грозе, если бы в атмосфере не было электричества?»

Известный всем интересующимся теорией управления британский ученый и публицист-сатирик Сирил Паркинсон имел неосторожность заявить, что люди не привыкли к мышлению в группах – они, дескать, разговаривают, спорят, делают уточнения, ссорятся, приходят к компромиссу, шутят… но не думают. Читай: следовательно, ничего не создают.

Попробуйте дать отпор ученому и сатирику. Но прежде вооружитесь аргументами. Итак, ваши доводы с учетом эпиграфа-ключа…

Виновата диалектика?

Хочу предложить оценить и сопоставить два мнения. Их подтекст скорее не совпадает, чем совпадает, но пафос и философский смысл, похоже, равнодушными оставить не могут.

С позиций педагогических А.С.Макаренко диалектику отношений коллектива и личности трактовал так, что коллектив был для него «целеустремленным комплексом личностей». Не расшифровывая сути его концепций (чтобы было о чем подумать!), приведу саму парадоксальную в чем-то макаренковскую формулу: «Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела».

С позиций «инженера человеческих душ» (социального инженера!) Федор Сологуб в далеком 1920 году на встрече с читателями в московском Доме печати подошел к тому же вопросу «математически». Когда разговор пошел, в частности, о том, что индивидуализм отжил свой век, писатель кивал головой, явно соглашаясь с выступавшими. Только заключая, добавил, что коллектив должен состоять из единиц, а не из нулей, ибо если прибавить к нулю нуль, то получится не коллектив, а тот же нуль.

Не знаю, как насчет Макаренко, но любой школьник скажет: Сологуб прав! А что думаете вы о двух этих трактовках, которые столь важны в наших рассуждениях о субъекте и объекте инноваций?

Глава 16. Учеба без конца

В одной из книжных научно-популярных серий я буквально «споткнулся» о поразившую меня фразу американского писателя-фантаста Роберта Шекли: «Чтобы правильно задать вопрос, надо знать большую часть ответа» /1/. Поразительная глубина при поразительной же простоте!

Книга, в которой обыгрывается эта фраза, посвящена ключевой операции поисковой деятельности – целеполаганию, выбору цели. Ее автор В.В.Титов сначала коротко пересказывает заглавную фабулу научно-фантастического рассказа. Два космонавта находят на отдаленной планете черный ящик – подарок от высшей цивилизации, который, минуя канал речевой связи, дает им понять, что он – не что иное как Универсальный Ответчик, готовый ответить на любой вопрос.

Радостные космонавты, посоветовавшись, задали вопрос вопросов: «Что такое жизнь?» и получили ответ: «Вопрос некорректен». Несколько обескураженные, космонавты задали другой вопрос, потом третий, четвертый… Ответ был стандартным: «Вопрос некорректен». Промучившись несколько часов и вспотев от напряжения, они впали в отчаяние, и один из них, стукнув себя кулаком по лбу, с досадой сказал: «Ну мы с тобой, Билл, как тот австралийский абориген, который требует ответа на вопрос «Почему нельзя пустить стрелу в Солнце?», и попробуй ему это объяснить на его языке!»

После такой преамбулы В. В. Титов делится мыслью, которая родилась в связи с заключительной фразой в этом рассказе. Да, той самой, поразившей меня. По мнению популяризатора науки, напрашивается вывод, что все нерешенные задачи, оставленные без ответа проблемы – это просто неправильные, некорректно сформулированные вопросы. А как же их правильно сформулировать, если нам неизвестна ни большая, ни меньшая часть ответа? Один из способов – чисто случайная переформулировка, замена слов. Однако такой бессистемный поиск – не слишком эффективное занятие,

тем более, что вектор психологической инерции все равно не даст далеко отойти от традиционного (и, значит, бесперспективного) взгляда на проблему.

Взамен автор книги предлагает метод «букета проблем», который состоит в том, что, основываясь на исходной формулировке проблемы, аналитики рассматривают несколько ее модификаций или совсем иных проблем. Формулируется тем самым группа вероятностей: проблема в общем виде (с разбивкой частного случая на смысловые группы с разными уровнями обобщения), проблема-аналог, проблема на уровне взаимодействия (когда изменения в характеристиках окружающих объектов могут тривиально исключать саму исходную задачу), обратная проблема… Метод, как показывает практика, хорошо работает на задачах разного уровня и из любой сферы человеческой деятельности /2/.

Я не случайно излагаю логику и некоторые подробности противостоящего фантастической фабуле метода. Во-первых, сам метод небесполезен и инноваторам, знать о нем негрешно. Во-вторых, хотя бы пунктирно, но мне хотелось подчеркнуть достаточно сложный путь решения поисковых задач, стоящий за «букетом» (не отрицая, разумеется, самого его права на существование). Подчеркнуть, чтобы заявить о наличии, как мне представляется, гораздо более элементарной и рациональной альтернативы.

Поразительная глубина фразы Р. Шекли при поразительной ее содержательной простоте располагает, на мой взгляд, к такой же простоте в противоходе. Чтобы объяснить несведущему аборигену, почему нельзя пустить стрелу в Солнце, не стоит уповать на «букет проблем», надо лишь вложить в него хотя бы минимум знаний, информации. То есть во фразе-аксиоме необходимо делать акцент на слове «знать» – больше или меньше. Но именно «знать». Задавая любой вопрос, мы в этом случае будем преднамеренно соизмерять его со своим и чужим знанием, и чем выше окажется знание, тем легче нам будет ориентироваться в границах дальнейшего познания, поиске новых идей и решений.

Знание в инновационном процессе, сформулирую свою версию, проявляет себя как бы в двух плоскостях – в качестве личного достояния человека, инноватора и в виде совокупности индивидуальных практик, научно-технической, социальной и профессиональной информации (в том числе с правами интеллектуальной собственности), находящихся в распоряжении творческого коллектива или какой-то действующей в своей системе организации.

Несколько иначе к теме подходят другие специалисты. В частности, известные в сфере управления инновациями американцы Т.Давенпорт и Л.Прусак считают: «знания – это изменчивая комбинация практического опыта, индивидуальных ценностей, конкретной информации и интуиции экспертов, создающая основу для оценки и реализации нового опыта и новой информации. Знания появляются и обретают смысл в сознании экспертов» /3/.

В такой трактовке обращают на себя внимание прежде всего два момента – акцентированная роль экспертной оценки и включение в орбиту формирования знания интуиции человека. В этой главе к интуиции мы еще вернемся, а вот что касается первого, то обособление авторами «явного знания» и «экспертного знания» требует некоторых уточнений.

Полагаю, тут нельзя ограничиваться объяснениями, которые дают в своей статье Т.М.Исаченко и А.А.Волков, вслед за американскими коллегами относя «явные знания» к тем, что могут быть формализованы, изложены на бумаге или воплощены в технологии и переданы заинтересованным лицам, а «экспертные знания» ассоциируя с персональным опытом и использованием возможностей определенного сотрудника, индивиуума /4/. Мне представляется важным сказать здесь в первую очередь о том, что подобное деление носит чисто функциональный характер: определяется знание для всех и отдельное (более «понимающее») знание для дегустаторов нового. Но таким образом можно надробить окружающее нас знание и под другие функции, которые предполагает инновационный процесс для его участников

– допустим, для разработчиков инновационных технологий или для внедренческих команд.

Принципиально все же понимание того, что связано с «инновационным знанием», то есть с тем целевым объектом представлений о своей деятельности, которым должны владеть инноваторы в отличие от выборочного вероятностного мнения отдельных экспертов или потенциальных потребителей новосделанного продукта. Можно сказать еще жестче: в предметной инновационной среде вряд ли целесообразно приближаться к стилю классических схоластических споров о приоритетах интуитивного или дискурсивного, априорного или опытного знания.

Отсюда, собственно, проекция на главную задачу любого исследователя, инноватора: накапливать целевые знания, учиться получать информацию и ею пользоваться. Задача, в общем-то равносильная созданию некой собственности, приспособленной под индивидуальные особенности психики, сознания, интеллекта системы мобильного воспроизводства личного творческого, инновационного потенциала.

Создать, организовать и поддерживать в рабочем состоянии такую систему дано не каждому. И тем не менее безостановочный конвейер – учебный, тренировочный – нужен. Не зря утверждают: сытый чемпион терпит поражение. Пресытиться знаниями невозможно, если человек постоянно поддерживает свою мыслительную поисковую деятельность, тренирует себя каждый день, заставляя преодолевать все новые познавательные барьеры.

Я не стал бы спрашивать, с чего начинать учебу – азы закладываются с раннего детства, о чем раньше уже детально говорилось. И развитие самообучающих навыков продолжается по восходящей. Задача упирается больше в наличие воли и высокой степени самоорганизации, которые бы помогали обогащаться чужим опытом и совершенствовать то, чем человек на сей момент располагает.

С этой точки зрения хочу предложить посмотреть и примерить на себя рецепты и методы, прошедшие основательную проверку. Их можно адаптировать под реальные человеческие измерения и инновационные потребности, выстраивая в той мере и той последовательности, которые дают возможность еще долго не сойти с учебной, развивающей и мобилизующей дистанции.

Вот, например, рецепты каждодневного продуктивного творчества, как их видел выдающийся теоретик ноосферы, академик В.И.Вернадский:

– проводить детальный анализ;

– видеть за частным общее;

– не ограничиваться описанием явления, а глубоко исследовать его сущность и связь с другими явлениями;

– не избегать вопроса «почему?»;

– прослеживать историю идей;

– собирать как можно больше сведений о предмете исследований из литературных источников (преимущественно научных), обращаясь к оригиналам;

– изучать общие закономерности научного познания (думать о том, как думаешь);

– связывать науку с другими областями знаний, с общественной жизнью;

– не только решать проблемы, но и находить новые, нерешенные, неизведанные /5/.

Сказанное столь давно В.И.Вернадским соотносится с современным восприятием научной информации и порядка работы с ней. Исследователи /6/ видят ее как некий слой общепринятого и общераспространенного в научном сообществе знания – социокультурную матрицу, своего рода «каталитическую поверхность», позволяющую соединить усилия многих ученых в процессе решения ими каждой из научных проблем. Такая социокультурная матрица включает в себя общий язык, «способы думать

вместе», общие правила научного исследования, изложения результатов, научного общения.

Представители самых разных наук сознают, что каждый отдельный ученый никогда не понимает проблему полностью, он всегда разбивает ее на части, видит лишь один или немногие ее аспекты. Он рассматривает проблему со своей точки зрения, будучи обременен собственным «неразумием», «незнанием». Любая проблема отражается разными людьми по-разному, и именно разное ее отражение и движет к новому решению.

Информационные сети, матрицы исследования, если исходить из этих представлений, имеют в итоге надиндивидуальный, трансперсональный, интерсубъективный характер. Они являются формой «многочастичного столкновения», многократного пересечения потоков информации в научной среде. Оценивая в таком плане саму ситуацию, Е.Н.Князева и С.П.Курдюмов приводят характерное высказывание философа Г.Горнева. Болгарский ученый четко определяет: «Инновационные теоретические конструкции – это только последнее звено в длинной цепи причинно связанных метаморфоз – от неосознаваемых коллективных адаптивных реакций через метафорические «течения», порожденные ими, к интуитивным тематическим соглашениям ученых и формальным научным теориям, мотивированным последними». И далее: дух нового времени «ощущается интуитивно участниками социальных взаимодействий в ходе их экспрессивных обменов и играет роль эмбриона их креативного воображения» /7/.

Проникать еще глубже в философскую суть пересекающихся здесь вопросов я не стану по понятным причинам, но и без того видна «нелинейность» блуждающего инновационного знания. И в подобных условиях рецепт для «выживания» у инноватора один: делать поиск организованным и не боящимся подсказок.

Применение апробированных методов творческого поиска в условиях неограниченной научно-информационной среды рационализирует инновационный процесс, позволяя не тратить силы и время на поиск уже

найденного. Эти методы включают в себя то повторяющееся, закономерное, чему можно научиться и что делает получение требуемого результата более гарантированным, облегчая преодоление барьеров, преграждающих пути к новым решениям.

Отечественный исследователь А.В.Шевырёв, изучивший многие зарубежные источники, делает вывод, что значительная часть методической работы в процессе поиска состоит в сосредоточении внимания на отдельных элементах, имеющих отношение к проблеме. Посмотрите, говорит он, на:

– проблему в целом,

– неизвестное,

– данные,

– условие,

– каждое из данных в отдельности,

– данное, которое еще не использовано,

– пункт условия, который еще не использован,

– на комбинацию этих двух данных, и т. д.

Внимание часто лежит в начале действия. Посмотрите на неизвестное.

– Что представляет собой неизвестное?

– Как можно найти подобное неизвестное?

– При помощи каких данных можно определить подобное неизвестное?

– Знаете ли вы (решали ли раньше) проблему с неизвестным такого рода?

Внимание, обращаемое на неизвестное, побуждает человека рыться в своей памяти, отыскивая ранее решенные задачи с тем же самым неизвестным. Если этот поиск оказывается удачным, можно пытаться решить проблему, продвигаясь от конца к началу. Хотя подобный случай (стимулирования внимания к неизвестному) встречается особенно часто и очень полезен, но и внимание, уделяемое любому другому элементу проблемы, способно привести к успеху. Так, например, какой-нибудь термин, содержащийся в формулировке проблемы, может потребовать возврата к этому термину, а отсюда – к полезному изменению формулировки. Обращая внимание

последовательно на различные элементы или на различные комбинации этих элементов, как отмечал Дж. Пойа, мы надеемся обнаружить среди них тот, который открывает доступ к наиболее яркой идее /8/.

Еще на двух моментах, которые инноватору надо держать в голове, знать и помнить о них, останавливается А.В.Шевырёв – творческом воображении и интуиции. Но сначала он задает два вопроса:

- можно ли, и если да, то каким образом общаться с недоступными для рядового ума источниками знаний?
- известны ли источники знаний, доступные только гениям, и если они доступны, то как можно узнать о них?

Каждый человек обладает пятью чувствами первой сигнальной системы. Это – зрение, осязание, обоняние, слух и вкус. Всю первичную информацию об окружающем мире мы черпаем с их помощью, но существует и шестое чувство, реальность существования которого уже давно и неопровержимо установлена. Шестое чувство – это воображение (интуиция). Все откровения восходят к области религии, а все открытия новых основ и новых принципов устройства мира – к творческому воображению.

Чем чаще этот творческий дар используется, чем больше вы полагаетесь на него и чем больше воображения требуется для импульса мысли, тем он становится более восприимчивым к движущим силам, зарождающимся вне его подсознания. Этот дар удается развивать и совершенствовать только одним путем: если обращаться к нему как можно чаще.

В этом калейдоскопическом водовороте жизни у воображения трудная судьба. Что такое вообще воображение? Из психологических словарей мы узнаем, что воображение (фантазия) – это психический процесс, заключающийся в создании новых образов (представлений) путем переработки материала восприятий и представлений, полученных в предшествующем опыте. А какой, собственно, процесс? «Процесс

преобразующего отражения действительности», «продуктивная умственная деятельность», но, с другой стороны, утверждают, что это – не мышление, а если мышление, то не только в образах, и, наконец, совсем не продуктивная, а репродуктивная деятельность, заключающаяся в сочетании уже известных элементов. Чем же занимается воображение?

Различают воображение произвольное (активное) и непроизвольное (пассивное). Крайнее проявление непроизвольного воображения – сновидения. Различают также воссоздающее и творческое воображение. Воссоздающим называют процесс создания образа предмета по его описанию, рисунку или чертежу.

Творческим воображением называют самостоятельное создание новых образов. Оно требует отбора материалов, необходимых для построения образа в соответствии с собственным замыслом. Словарь Уэбстера дает такое определение: «Воображение есть действие или усилие, направленное на создание мысленных образов чего-то нового, ранее не встречавшегося или направленное на создание новых образов, идей с использованием накопленного опыта; творческая сила». Воображение часто считается более серьезным и более глубоким творческим качеством, позволяющим достичь основы сходства между вещами, в отличие от фантазии – качества более легкого и «декорационного», возникающего за счет поверхностного восприятия сходства.

Мышление и воображение – близнецы-антагонисты. Теоретическое мышление создает понятия, категории, теории, оно распределяет бытие индивида между точками прошлого – настоящего – будущего.

Письменность, логика, кодифицированные нормы невероятно усиливают организующее начало жизнедеятельности, отсекая человека от непосредственных ощущений и переживаний.

Против этой тенденции действует древнейшая сила, дающая начало воображению. Мышление связано с обобщением, абстракцией, знаком,

воображение – с конкретностью, непосредственностью, образом (образ тоже обобщает, но логику не использует).

Воображение – великий объединитель изолированных элементов психики в целостность «Я», оно сближает человека с людьми, людей с природой. Разветвленной сетью образов, символов, ассоциаций наши впечатления вплетаются в единую картину мира, составные части которой разработаны мышлением. Отсюда огромная охранительная роль фантазии, снимающей противоречия в нашем сознании. Плата за прогресс, скрупулезный учет действий в пространстве и времени – утомление от бесконечных верениц правил, инструкций, процедур упорядочивания мысли и поведения, но вот вспышка воображения – и работа упорядочивания временно стирается игрой образов, стирается вместе с усталостью от строгих правил, к которым затем сознание возвращается с новыми силами /9/.

Любопытны в связи с этим подходы (или переходы) к роли и значению интуиции. По мнению А.В.Шевырёва и источников, на которые он опирается, исследование творчества во многом сводится к разрешению (или констатированию) противоречий, делающих каждое, даже маленькое открытие загадкой. Дело в том, что одними лишь «законными» средствами теоретического мышления – операциями с абстрактными понятиями и знаками – принципиально нового знания не получишь. Безупречная логика производит только «старое новое знание», комбинируя элементы уже известные.

Приход «внезапного» решения (в виде падающего яблока, кусающей себя за хвост змеи и т.д.) отмечен двумя моментами:

- временной заменой «правильного» линейного рассуждения свободным ассоциированием художественного типа;
- появлением на месте понятий образов и символов.

По словам одного из его биографов, А. Эйнштейн считал существенной частью своего метода «довольно неопределенную» внелогическую игру со зрительными и двигательными знаками, которым затем не без труда

подыскивались поясняющие слова. Уместные здесь термины «интуиция», «бессознательные умозаключения», «образное мышление» в сущности выражают разные пропорции сочетания образа и понятия. Символическое ассоциирование не имеет гражданства в сфере линейных, внеличностных схем научного рассудка, но ему дозволено присутствовать в научном процессе над терминами «эмоциональная насыщенность», «субъективная окраска», «психологическая сторона собственно научного мышления».

Получается, что когда рассудок безмолвствует, интуиция делает человека удивительно восприимчивым – информация достигает сознания в режиме ослабленной фильтрации свойственных мышлению понятий.

Само слово «интуиция» происходит от латинских слов «пристально смотреть». И без «пристального всматривания» интуиции не бывает. Ю.Шрейдер считает, что бывает несколько видов интуиции по характеру своих отношений с уже сложившейся научно логикой. Если новая идея прямо противоречит принятой логической системе связей между явлениями и при том подтверждается опытом, она *взламывает* эту старую систему, заставляет менять саму логику. Именно такие идеи и называют «безумными».

Интуиция может привести и к идее, не противоречащей сложившейся логике понятий, но лишь *дополняющей* ее. Например, идея поисков прямой, наилучшим образом согласующейся со многими точками на плоскости, через которые одну прямую провести нельзя (регрессионная линия). Эта идея выводит за пределы традиционной логики, но ее не разрушает. Тут мы имеем дело с тем, что можно назвать *«интуицией сверх»*.

Есть еще, наконец, *«интуиция в кредит»*, она не нарушает сложившуюся логику знаний и даже не дополняет ее, но позволяет «перескакивать», обходясь без необходимых вроде бы логических опор, через «всю ширину реки», хотя впоследствии маршрут может быть выявлен и точно описан. Именно так, «в кредит», создавали Ньютон и Лейбниц математический анализ. Стоит заметить, что этот «кредит» был

погашен в основном лишь в XIX веке, а окончательно – в шестидесятых годах двадцатого столетия. И без интуиции любого вида не обойтись при решении принципиально новой проблемы. Другое дело, что решающий человек должен научиться сохранять гармоническое равновесие между смутными ощущениями, вызванными интуицией, и ясными доводами. Возможно, считает Дж. Пойа, это самое важное из того, чему он должен научиться /10/.

Канадский специалист Т. Вуджек напоминает, что тем, кто собирается работать творчески, придется идти на риск. Каждое новое начинание всегда кажется трудным и надо собрать свое мужество буквально в кулак. Ежедневно, подчеркивает он, мы многократно переживаем смену настроений, бывают минуты, когда нам нравится неопределенность, беспокойство и даже многоголовый дракон, именуемый страхом. Великие гении тоже испытывают трепет, когда стоят у чистого холста. Вероятно, они чувствуют себя даже гораздо более дискомфортно, чем обычные люди. Но их отличает то, что они постоянно контролируют и преодолевают этот страх, умеют на время забыть о нем или дают ему волю, превращая беспокойство в энергию. Действие превращает страх в силу.

Ощущение, что вы делаете что-то, не зная, куда это может завести, как раз и является тем стимулом, который творческие люди так успешно используют. Человек с воображением может, и не зная того, куда он собирается идти, иметь твердую уверенность, что место назначения будет интересным. Меньше всего в состоянии напряжения творческие люди чувствуют потерянность и замешательство. Желая обнаружить оригинальное решение задачи, они блуждают в потемках, надеясь случайно натолкнуться на ценную мысль.

Марвин Мински из лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского технологического института убежден в том, что терпимость к неудовольствию является не только единственной общей частью творческого процесса, но и центральным моментом познания. Он пишет: «На

ранней стадии обучения каким-либо по-настоящему новым навыкам человеку необходимо, по крайней мере частично, относиться к неудовольствию так: «Хорошо, что есть эта возможность испытать неловкость и обнаружить новые ошибки!» Это утверждение одинаково справедливо для обучения математике, покорения горных вершин или игре ногами на духовом органе. Какая-то часть сознания находит это ужасным, в то время как другая получает удовольствие, принуждая «недовольную» часть работать на себя. Видимо, у нас еще нет понятий для обозначения подобных процессов, хотя они являются наиболее существенными для достижения творческого успеха» /11/.

Талантливые люди терпимы к творческому напряжению и даже взволнованы им. Я видел людей, пишет Т. Вуджек, охваченных постоянным беспокойством, которые живут в бесконечном состоянии суматохи, все время ощущая тревогу, отрешенных, опустошенных и разочарованных до тех пор, пока не выплеснут свою внутреннюю жизнь в каком-то творческом акте. И тогда из этого беспорядка вырастает нечто новое и радостное.

Можете ли вы научиться радоваться чувству напряжения и смущения? Разумеется, в известной мере. Целиком поверить в свою способность что-то сделать и в то же самое время испытывать сомнения – в этом нет противоречия.

Это – способ прохождения сквозь творческую неопределенность и управления своим творческим пламенем. Ваша уверенность будет возрастать с каждым новым успехом. Чем больше проблем вы решите, чем больше найдете выходов из тупиковых положений и чем чаще будете находить вдохновение, когда кажется, что все возможности исчерпаны, тем сильнее будет ваше творческое беспокойство, необходимое для того, чтобы хорошенько взбалтывать идеи, а не отметать их /12/.

К той же проблеме – научиться преодолевать психологические барьеры неопределенности, страха – с несколько иной стороны заходит Т.Бойделл в книге, подготовленной Международным бюро труда в Женеве. В разряд

первостепенных качеств, необходимых творцу для самосовершенствования, он включает смелость, без которой иногда трудно экспериментировать с новыми изобретениями и идеями и проявлять инициативу.

Один из способов развития смелости – обсуждение своих проблем с собеседником или с группой лиц. Выяснение проблем других людей и способов получения ими оптимальных результатов может явиться для ищущего стимулом для развития смелости и решительности. Кроме того, существует специальный метод, способствующий возникновению этих качеств: каждый сообщает остальным участникам о планируемых им действиях и во время следующей встречи отчитывается об их выполнении.

Анализ возможных негативных результатов ваших действий – еще один способ обрести смелость.

Планируемые действия, которые кажутся рискованными, часто вызывают страх, обусловленный опасением:

– составить о себе мнение как о человеке с низким уровнем интеллекта;

– оказаться в двусмысленной или смешной ситуации;

– спровоцировать возникновение конфликтной ситуации;

– потерять чье-то расположение;

– повредить какое-нибудь оборудование;

– уничтожить результаты предыдущей работы.

Часто эти опасения не имеют сколько-нибудь серьезных оснований, поэтому очень полезно тщательно проанализировать их заранее /13/.

Т. Бойделл предлагает два варианта действия для сопоставления и анализа.

Представьте себе, что вашим планируемым действиям сопутствует успех, и постарайтесь зафиксировать при этом ваши мысли, чувства и желания, а также определить ощущения и намерения участников будущих успешных действий.

Затем проделайте такой же анализ, представив, что вас постигла неудача.

Возможно, в результате такого упражнения ваши страхи умножатся и вы решите не осуществлять предполагаемое действие, но в данном случае это решение будет результатом тщательного анализа проблемы, а не следствием подсознательного страха.

С другой стороны, есть большая вероятность того, что, проанализировав возможный неудачный исход ваших действий, вы перестаете относиться к этому, как к катастрофе, и решите, проявив смелость и волю, начать действовать /14/.

В бесконечном учебном процессе, по ходу самообразования инноваторов, предметы и дисциплины могут меняться, а их содержание, форма – становиться глубже и основательнее, но ни в коем случае нет смысла себя в чем-то ограничивать, притормаживать. Кажущаяся «ненужность» каких-то знаний, информации, интеллектуальных игр может аукнуться в самый непредвиденный момент.

Каждая учебная дисциплина, каждый урок несут в себе нечто рациональное и полезное. Один мотив – лишь ориентир, но на всю жизнь. Другой пункт – практическая подсказка, умный шаблон в период доводки рождающейся идеи. Третий неожиданно всплывший контрапункт – повод задуматься об организационном порядке при внедрении масштабного, многосложного нововведения. И так по всему набору предлагаемых тем и рецептов.

Хочу подчеркнуть: все более заметным становится и само место обучающих программ в системе инновационной деятельности разных уровней. Формы прямой и косвенной государственной поддержки инноваций отныне обязательно предполагают подготовку и переподготовку кадров, которые ориентированы на получение навыков инновационной работы и задатков креативной психологии /15/. Причем независимо от отраслевого профиля в самой стратегии инновационного обучения предусматриваются как особенности внешней рыночной конъюнктуры (например, условий экономического кризиса), так и задачи непрерывного образования, в которых

с одинаковой степенью востребованности присутствуют и забота о формировании у работников креативного мышления, и стремление придать учебе столь важные сегодня функции трансформатора и ретранслятора инновационных знаний /16/.

Чем полнее инноватор усвоит разносторонние знания, которые дадут ему учителя, педагоги, тем правильнее, квалифицированнее будет постановка рабочих вопросов, инновационных целей и задач. Тем выше окажется готовность к диалогу с любыми аборигенами, не только австралийскими, земными, желающими получить ответы на свои каверзные вопросы.

Источники

1. *Титов В. В.* Выбор цели в поисковой деятельности. – М., 1991. – С. 77.
2. Там же. – С. 77-79.
3. См.: *Исаченко Т.М., Волков А.А.* Инновационная политика и трудовые ресурсы // Труд за рубежом. – 2003. – №2. – С. 11.
4. Там же.
5. См.: *Баландин Р. К.* Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. – М., 1979. – С. 49.
6. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб., 2002. – С.182.
7. Там же. – С.271.
8. *Шевырёв А. В.* Технология творческого решения проблем (эвристический подход) или книга для тех, кто хочет думать своей головой. В 2-х книгах. – Белгород, 1995. – Кн. 2. – С. 88-89.
9. Там же. – С. 169-171.
10. Там же. – С. 172-175.
11. *Вуджек Т.* Как создать идею: Пер. с англ. – СПб., 1997. – С. 180-181.
12. Там же. – С. 181-182.
13. *Бойделл Т.* Как улучшить управление организацией: Пер. с англ. – М., 1995. – С. 69-70.

14. Там же. – С. 70-71.

15. *Гончаренко Л.П., Арутюнов Ю.А.* Инновационная политика. – М., 2009. – С. 264-274; 339-342.

16. См., напр.: *Старовойт В.А., Футин В.Н.* Развивающее обучение: ожидания и барьеры//Мир транспорта. – 2009. – №1. – С. 136-140.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Учеба и самообучение: в какой мере и в какой форме они нужны инновационной работе?

2. Можно ли научиться логике и интуиции? Как они дополняют друг друга?

3. Есть ли, по-вашему, ненужные знания и правильно ли с точки зрения инновационной практики ориентировать себя на непрерывное образование, бесконечный учебный процесс?

Тренировка

Оценка социальных ситуаций, закономерностей, перспектив необходима для правильной ориентации инноватора. Это аксиома. Но всегда ли мы готовы к анализу, способны ли сохранять и развивать существующий навык?

Попробуйте проверить себя на двух примерах.

1. Ответьте: какая согласная пропущена в наборе записанных мною букв?

К С П В … З М Б

2. Маленькие пациенты в детской больнице так сильно привязывались к плюшевым медвежатам, имевшимся там, что забирали их домой. Как в больнице решили эту проблему?

(Том Вуджек, у которого я позаимствовал пример, подчеркивает: игрушки не запирались, не лишали их привлекательности для ребенка и не наказывали детей.)

Надеюсь, вы справились с этой разминкой?

Более серьезные тренировочные нагрузки можно запланировать себе с определенной периодичностью (допустим, раз в неделю). Предлагаю проводить их по такому принципу:

– выбирать тему, связанную с социальной сферой;

– определять объект и средства анализа;

– находить в систематизированной информации те или иные закономерности и фиксировать полученные результаты для своего «банка идей».

Возможные темы на первый случай:

– ситуация с использованием родовых сертификатов – экспресс-анализ газет и журналов за календарный срок, наличие или отсутствие в них этой темы, выявление новых акцентов и тенденций;

– аптечные лекарства для хроников – опрос социальных работников, медиков и больных своего микрорайона, сопоставление результатов с другой известной информацией, фиксация отмеченных изменений и новых потребностей;

– продукты для потребительской корзины – изучение спроса и закупок в магазинах, приобретения продуктов питания в многодетных семьях, среди малоимущих.

Харизмы и афоризмы

Примерьте высказывания Козьмы Пруткова к человеку, который ищет свое место в инновационном процессе, утверждает свой авторитет «новоделателя»:

– «Отыщи всему начало, и ты многое поймешь»;

– «Вытаскивай воск, но сохраняй мед!»;

– «Нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще большая. Нет вещи столь малой, в которую не вместилась бы еще меньшая».

Какие качества и действия подразумевает каждая из прутковских мудростей?

Глава 17. Инновационные игры как метод генерирования идей

Хочу сразу же отметить ту особенность, которая остается, как правило, в тени. Авторы и разработчики инновационных игр – и в прошлом, и в настоящем – преподносят их преимущественно в качестве разовых или в лучшем случае серийных акций, выполняющих полезную обучающую и формирующую работу. Это идет от теории игр, имевшей в основе математическое моделирование принятия решений в условиях конфликта и ориентированной на получение таких решений в ситуациях, которые «играются» только один раз. Если игра повторяется, то надо использовать уже статистические методы. В единичной, неповторяющейся игре, уточняет В.М.Трояновский, теория игр либо позволяет выбрать одно определенное решение «получше» из множества возможных вариантов, либо получить характеристики того случайного механизма, с помощью которого единожды выбирается какое-то опять же одно из возможных решений /1/.

В сценариях инновационных игр, где задача применения математических моделей не может, полагаю, восприниматься в качестве универсального средства и где сущностная сторона игровых коллизий с участием живых носителей «конфликтующих» ролей заметно расширяет диапазон организованных форм, далеко не все соответствует принятым теорией игр канонам. Старый «задачник» на инновационном поле буксует. Играть с нововведениями на языке абстрактных чисел и знаков оказывается непродуктивно. Нужен нормальный человеческий язык. Нужна живая, контактная дискуссия. Своим характером, методологическим диапазоном и зоной воздействия на умы инновационные игры вполне могут претендовать на роль перманентной консолидирующей силы, своеобразного коллективного мозга организации.

Только вслед за этим я выстраивал бы другие реальные или потенциальные качества по-настоящему многомерной и универсальной формы соучастия людей в создании нововведений, какой является, несомненно,

инновационная игра. В известной степени эффект длительной совместной работы в режиме коллективного творчества исследователями фиксировался и выделялся, но не обобщался настолько, чтобы признавать абсолютную полезность игровых констант.

Впрочем, близкий по теме мотив косвенно себя все-таки периодически обозначал. К примеру, «классик» жанра профессор В.С.Дудченко всегда придерживался той мысли, что «соединение в работе конфликтующих людей и групп – один из основополагающих принципов организации инновационных игр» /2/. И подобная позиция предрасполагала к долгосрочной интегральной процедуре, а не разовым игротехническим функциям.

В остальном, как и те мои коллеги, которые регулярно используют в своей практике инновационные игры, я придерживаюсь уже устоявшихся оценок. Примерно за четверть века в стране накопился достаточный опыт, чтобы составить определенное мнение о возможностях обучающих средств и их результативности.

Практика подтверждает, что инновационные игры – это всегда работа над будущим, подготовка к нему, первые его ростки. И с этой точки зрения остается то, о чем предупреждал в конце 1980-х В.С.Дудченко: открытость в будущее, перспективу делает игры труднодоступными для тех, кто хочет, скользя по поверхности, не перестраивая своего мышления и характера взаимоотношений с людьми, не затрачивая особо сил и энергии, обучиться игровым методам, освоить новые для себя процедуры. Инновационная игра ориентирована на создание того, чего в данный момент в человеке и организации еще нет. Поэтому надо четко представлять: привычные формы работы здесь не дают, не могут дать серьезного эффекта /3/.

На своем опыте я убедился в правильности такого подхода и, настраивая участников игры (в частности студентов, меньше других знакомых с инновационной практикой), стараюсь создать у них адекватное понимание главной задачи – умения собраться, психологически

мобилизоваться для полноценного включения в генерирование идей (предложений). При этом уместной оказывается мысль, высказанная Эдвардом де Боно о том, что у людей с шаблонным мышлением логика управляет разумом, а у людей с нешаблонным мышлением – логика обслуживает разум /4/. А рядом с такой мыслью естественным выглядит и параллель относительно так называемых «управленческих команд», которые нешаблонно «играют» на повышении инновационных способностей за счет создания «поля идей» и берут на себя ответственность за перспективы организации вместе с администрацией – имя этому «командный подход к инновационному менеджменту» /5/.

Ключ тут у всего общий. Инновационная игра рождалась как метод саморазвития творческой деятельности групп (команд) и человека. Все формы работы в процессе игры ориентированы на получение нового – новых идей-решений для продуктивной деятельности, новых форм и способов жизни и развития групп, а также новых установок, позиций, понимания, умений участников.

Основной «механизм» при этом – соревнование групп, команд, борющихся за «выигрыш», каковым могут быть новые идеи, решения, новые формы взаимодействия, методы, взгляды, установки. Правила игры снимают здесь статусные, должностные различия и вводят новые, игровые – участники и консультанты, судьи и эксперты и т. п. Однако в игровой работе соблюдается принцип полного равенства. Одно из основных условий – свобода в создании новых правил, если они не ограничивают творческой активности участников и направлены на развитие, а не на свертывание игры.

Игровая специфика приобретает особое значение при решении реальных проблем. В этом случае стирается граница между игровой и неигровой сферами – либо новая идея есть, либо ее нет, неважно, игра это или труд. Главное то, что игровая обстановка становится определяющей в создании творческой атмосферы и снятии стереотипов.

В инновационной игре органично соединяются такие типы деятельности, как развивающее обучение, исследовательская работа и решение проблем реальной деятельности. Соответственно все строится как учебно-научно-управленческая временная организация, в которой участники изучают средства, формы и специфику своей собственной деятельности, корректируют их, осваивают, вырабатывают новые идеи. При такой организации решение многих проблем действительно начинается здесь, поскольку изменения в сознании, происходящие в результате получаемой практики, первое необходимое звено всего цикла практического решения любой проблемы.

С точки зрения формирования образцов поведения и деятельности интересен опыт проведения Ю.Д.Красовским так называемых «ансамблевых» деловых игр в крупных корпорациях холдингового типа, где актуальна задача социокультурного развития, воспитания корпоративного мышления и корпоративной культуры /6/. Проекция этой игровой формы на проблемное поле социономов дает повод поразмышлять и поискать способ формирования своей профессиональной культуры через укрепление коммуникативных связей, соревнование игровых команд, в которые были бы собраны специалисты-инноваторы социальной работы или социальной сферы в целом.

Консультанты-организаторы игры, в том числе и игротехники, ставят перед собой аналогичные этому специальные цели – например, организовать между участниками игры конструктивные отношения, которые сохранятся и в их будущей совместной работе. Исследователи, включаемые в игру, изучают организацию, групповые, интеллектуальные и творческие процессы, их взаимовлияние в условиях инновационной среды.

По оценке В.С.Дудченко, предусматривается набор из разных групп целей. Для их достижения игра должна строиться как специальный вид социальной технологии, включающий процедуры выработки инновационных решений, проектирования нововведений, программирования их внедрения,

обучения и тренинга участников, их рекреации, исследований и организации процессов игры /7/.

Цели в игре достигаются благодаря особому типу работы – социоинженерной организации, которая обеспечивается системой методических средств. Основное содержание игровых технологий, как отмечает, в частности, Д.Д.Забиров /8/, связано с созданием особым образом устроенной коммуникационной площадки, на которой разворачивается или сценарий решения определенной проблемы, или эвристический поиск новой идеи. Игровой момент задается посредством разделения участников на группы, которые исследуют заданные темы, а затем отстаивают свое мнение в прямой и открытой дискуссии. При этом важно соблюдать целый ряд обязательных условий: состав участников должен соответствовать масштабу поставленной задачи; в рамках спора необходимо обеспечивать объективное и содержательное обсуждение темы, равноправие сторон и уважение чужих точек зрения; игра должна иметь четко обозначенные вход и выход, начало и конец.

Основное логико-техническое средство организации подобного игрового процесса – технология группового решения проблем – представляет собой набор процедур и операций, одну из возможных модификаций системного анализа. Различия определяются спецификой игры как метода, а также особенностями деятельностной методологии.

Особый акцент в технологии делается на ориентирующих процедурах – диагностике первичной задачи и формулировке задачи для группы, диагностике ситуации, диагностике и постановке проблем, формулировке целей. Этот комплекс процедур сочетается с представлениями, предпочтениями и целями участников игры. Он дает возможность верно определить направление дальнейшей работы. Бытующие стереотипные представления о причинах нежелательных явлений подвергаются здесь детальному анализу и конструктивной критике. Организуется поиск действительных, глубинных причин происходящего и определяется, в каких

направлениях целесообразно действовать, чтобы изменить ситуацию. Такая ориентация требует более глубокого взгляда и более мощных средств, чем те, которыми располагали до недавнего времени и практика, и предметно организованная наука.

Профессор Ю.Д.Красовский считает, что формирование позитивных установок к нововведениям, которое столь интенсивно проходит в специализированных инновационных играх, очень сильно отличает их результативность от традиционных деловых игр «жесткого типа», где играющих обучают определенным навыкам в решении стандартизированных задач. По его мнению, инновационные игры, разработанные по методике В.С.Дудченко, направлены на раскрытие творческого потенциала участников, принимающих решения в ситуациях неопределенности. Общие признаки совершаемых игровых действий тут таковы:

1) участники работают над решением «размытой», а не жестко структурированной задачи;

2) основой игры является групповая работа, в процессе которой рождается непредсказуемый интеллектуальный продукт;

3) в ходе игры возникает феномен групповой сплоченности как ориентация на совместные ценности;

4) в группах постоянно формируется установка на инновационное поведение;

5) в процессе выработки инновационного проекта резко возрастает интерес участников к своим собственным профессиональным проблемам, решение которых они находят в работе группы;

6) очень сильно актуализируется потребность участников в диагностике положения дел в организации;

7) возникают навыки совместного решения инновационных проблем;

8) формируется потребность в деловом и межличностном общении участников игры /9/.

Ту же тенденцию к повышению творческого начала и интеллектуализации деловых игр в 1985 году, на подступах к современным методикам, отмечал тогдашний таллинский специалист В.К.Тарасов. По примеру организационно-деятельностной игры, разработанной командой Г.П.Щедровицкого, школа молодых руководителей при горкоме комсомола эстонской столицы ввела в практику игру под названием «Вариант». В основу были положены открытость, неповторяемое развитие игровой ситуации с учетом ее «длинных» причинно-следственных связей, могущих быть лишь при определенном уровне интеллектуализации управления. Сходство с будущими инновационными играми была в том, что появлялась возможность реагировать не только на уже случившееся, но и заглянуть в перспективу. Уровень интеллектуально-творческого начала измерялся как раз длиной аналитических причинно-следственных связей, на которые система управления способна реагировать /10/.

В представлении Ю.Д.Красовского целью инновационной игры является отработка социально-психологических условий творческого преобразования личности. Каждый участник должен переосмыслить себя в творческом самораскрытии личностного «я» в групповом решении инновационных задач. Это и есть высший уровень саморефлексии, который формируется в групповом осознании, осмыслении и переосмыслении профессиональных и личных возможностей.

На первом этапе групповой работы выявляется специализация каждого члена группы, намечаются способы и формы координации, спонтанно распределяются роли, в которых каждый в чем-то начинает дополнять других. Возникает вторичное осознание своего «я». Все группа в целом выявляет болевые точки организации и на их основании определяет себе задачу. Интеллектуальный продукт первого этапа оформляется в виде рабочих схем.

Второй этап групповой работы – определение реальной ситуации с точки зрения поставленной задачи. Консультант предлагает изобразить

интеллектуальные наработки в образной форме – нарисовать их видение. Так включается образное мышление играющих, которое помогает актуализировать их внутренние интеллектуальные ресурсы. Модель реальной ситуации рисует каждый, а потом полученные результаты обсуждаются и обобщаются.

Обсуждение отражает глубинные личностные переживания, потому что изменения необходимы для всех, чтобы выжить. Это оказывается особенно актуальным, когда, например, возникает вопрос: «Как сделать коллектив конкурентоспособным? От чего уйти?» (В одной из групп возник образ лягушки, сидящей в бутылке из-под кефира. Питаясь мошками, случайно залетевшими в бутылку, она не знает, как выбраться. И чем дольше она сидит в ней, тем чаще возникает коварный вопрос: «А так ли уж и плохо в бутылке?»). Но осознав все «от и до», группа берется искать варианты.

Третий этап групповой работы – диагностика и постановка проблем, поиск глубинных причин неблагополучия. Это – самый сложный этап, который требует полного напряжения сил. Самая главная «болевая точка» выявляется наиболее точно, если группа конструирует модель желаемой ситуации. В одной из групп в качестве образа такой модели возник нарисованный подшипник как техническое устройство, которое характеризуется простотой, надежностью, долговечностью, отлично отлаженной взаимосвязью всех своих деталей.

Четвертый этап групповой работы – конструирование желаемой ситуации (т.е. модели решения проблемы). Это – наиболее ответственный период, потому что принятие решения требует довольно сложной процедуры взвешивания рисков. Но, по правилам игры, группа обязана принимать только те решения, которые могут быть выполнены самими участниками. Это приучает группу трезво подходить к их оценке и реализации.

Каждый этап сопровождается дискуссией между группами, организуемой консультантами с целью проверки наработанных идей, образов, а потом и инициативных решений.

Одновременно в группах проводятся тренинги по лучшей самоорганизации работ и приобретению опыта совместной деятельности.

Пятый этап инновационной игры – оценка своей групповой работы и каждого члена группы по тому вкладу, который внесен в конечный интеллектуальный продукт. Но активность группы перед этим уже замерялась консультантом, так что предварительный балл по этому параметру имеется. Теперь важна оценка по конечному результату. Вот здесь-то и происходит рефлексивное отслеживание самих себя.

На завершающем этапе проводится опрос на тему: «Что вам дала такая игра?» Как правило, высказывания характеризуют «живую душу» игровой деятельности /11/.

Типичны в этих случаях прежде всего ответы молодых участников, склонных более непосредственно и эмоционально выражать свое отношение к происходящему. Сошлюсь, к примеру, на оценки, данные школьниками Реутова на одной из проведенных мною игр «Я – городу. Город – мне».

Аня: «Мы поняли, что небезразличны городу. Власти интересуются нашими проблемами и хотят их разрешить».

Ирина, Наташа: «На этой встрече мы все – молодые и взрослые – имели равные права! А еще мы нашли новых друзей, укрепили отношения между школами».

Алексей: «Воспитать молодежь самостоятельной, значит – доверять ей, давать возможность что-то делать самой, зарабатывать те же деньги для себя и для города. Мы к этому готовы. Мы – нормальное поколение и рады, что нас так и восприняли на этой игре».

Однако в инновационной игре есть и то, что снижает эти рефлексивные эффекты. После окончания игры, резонно замечает Ю.Д.Красовский, ее участники сталкиваются на практике с суровой действительностью, и им приходится спуститься с небес на землю. Они начинают понимать, что все их

наработки повисают в воздухе из-за возникновения сильного психологического противостояния:

– «мы» – участники игры, обогатившиеся новым видением решения проблем, и «они» – не понимающие произошедших с «нами» перемен;

– наработанный ими результат, так сильно для них привлекательный, оказывается настолько же, если не больше, не привлекателен для всех остальных.

Сколько участников игры приходят к выводу, что все пережитое и выстраданное ими нуждается в специальной программе организации нововведений. Как бы они не приземляли свои наработки «там», «здесь» они отторгаются. И тогда становится очевидным «парниковый эффект» игры: «там» ее участники выращивали продукты интеллектуального труда в одних условиях, «здесь» действуют совсем другие нормы поведения, где «инициативы наказуемы». Правда, когда сами высшие руководители участвуют в таких играх, они могут стать проводниками перемен. Поэтому подготовка инновационной игры должна базироваться на такой посылке: «Игра разрабатывается для высшего руководства. Оно обязательно должно присутствовать на игре в качестве экспертной группы хотя бы в последний день, когда раскрывается вся квинтэссенция игровых наработок». Если это условие не соблюдается, то игра потом коварно мстит своим участникам. Важно разумно сочетать погруженность в мыслительный групповой процесс и реальную приземленность в отработке приемов внедрения нововведений /12/.

Разумеется, инновационные игры сохранили многое из тех общих принципов и черт, которые свойственны традиционным деловым играм. Упоминавшаяся на примере молодых таллинцев трансформация показательна, но она отнюдь не означала отрицания любого иного игрового опыта.

Считается, что именно Россия является первопроходцем в этой области социальных технологий, где поиск решений связан с привлечением

посреднических услуг. В данном случае – услуг в игровой форме. Как констатирует С.А.Шаронова, в конце 1920-х – начале 1930-х годов в стране была создана уникальная форма социотехники – деловая игра. Опыт проведения самых разных таких игр способствовал появлению банка социальных практик, а методологические разработки 1980-х годов вывели этот вид социальной инженерии на научный уровень /13/.

Чаще всего в деловых играх предполагается использование большого количества информации, моделирующей объект, и правил, которые обязаны выполнять игроки: это и ролевые предписания, и правила работы с информацией, и жесткие ограничения на дозволенные действия, допущения относительно имитируемых систем и т.п. Деловая игра, будучи созданной, может использоваться многократно, однако для достаточно узкого класса задач. Решения в такой игре в значительной степени предопределены. Ее можно дополнять новыми данными, корректировать, использовать для близких целей в других сферах, тем не менее для развития такая игра закрыта в силу жесткости конструкции.

Обучающая функция игры реализуется путем выработки навыков действий в стандартных ситуациях, которые могут, по мнению авторов таких игр, появляться в реальной жизни. Расчет на стандартность практических ситуаций, с точки зрения профессора Дудченко, между тем, не всегда оправдан.

Деловые игры, в частности управленческие имитационные, рассматриваются в качестве разновидности экспериментального метода исследования организаций, осуществляемого с целью обучения, для принятия решений, проектирования и собственно исследования. Но организация моделируется здесь как искусственное образование, заданное искусственным же набором значений числовых параметров. То есть моделирование осуществляется на основе теоретических идей и представлений, а затем с участниками «проигрывается» то, что смоделировано. Подобные имитационные модели строятся, имея слишком

сильные допущения, которые отдаляют такую сугубо искусственную модель от живой организационной реальности и делают ее нежизненной /14/.

Особое положение заняла с начала 1980-х еще одна модель игры, по своим характеристикам приближающаяся к играм инновационного класса, – организационно-деятельностная игра. Она была осуществлена как часть совещания по организационно-управленческой деятельности, вел эту работу под руководством Г.П.Щедровицкого НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. По ряду параметров этот тип игр существенно отличается от обычных деловых. Процесс строится здесь исходя не из ролевых предписаний, а на основе позиционной самоопределенности участников. Главное – выработка и апробирование средств осуществления коллективной «мыследеятельности», в том числе средств методологических – мышления, понимания, коммуникации и т.д. Организационно-деятельностная игра строится как открытая система, по форме гибкая и мобильная, допускающая «в ходе своего развития любые изменения и корректировки в зависимости от целей и задач организаторов и исследователей» /15/.

Инновационные игры представляют собой тип игр, существенно отличающихся от традиционных деловых («рутинных») игр и близкий по ряду параметров к оргдеятельностной игре. Соотносительные их характеристики В. С. Дудченко представляет следующим образом.

Рутинные игры	Инновационные игры
Закрытые (для развития)	Открытые, саморазвивающиеся
Жесткие (по требованию выполнения правил, проигрывания ролей и т. д.).	Нежесткие, свободные
Обучающие	Развивающие
Ориентированы на выработку навыков действия в стандартных ситуациях	Ориентированы на выработку умения действовать в нестандартных ситуациях
Решения предопределены	Решения неизвестны
Ориентированы на рациональные действия участников	Ориентированы на включение всего личностного потенциала участников
Требуют большого количества искусственной информации	Требуют информации о реальных процессах и состояниях

Инновационная игра, считает профессор Дудченко, развивается посредством трех механизмов. Это целенаправленное методологическое конструирование, постоянное инновирование игры благодаря новейшим научно-практическим достижениям и фиксация с последующим

нормированием новых элементов, спонтанно возникающих в ходе самой игры /16/.

В более комплексном виде эти качества срабатывают, как правило, в сочетании с современными формами обучения. Они призваны усилить мотивацию для исполнителей, которые должны реализовать именно данную идею и именно данным способом. Эта задача решается, в частности, как сообщает Т. Н. Чистякова, путем создания целостных обучающих программ, органично соединяющих в себе мотивирующее обучение, информационные блоки и проектную фазу. Такое сочетание приобретает характер сотворчества участников и обучающего процесса: слушателей, преподавателей, организаторов и заказчиков. Целью обучения становится формирование инновационных потребностей на уровне личности, подразделения, организации в целом. По типу складывающийся процесс можно отнести к практической деятельности, когда учебная ситуация, являясь моделью практики, обучает не только тому, *что* надо знать и делать (содержательная сторона процесса), но и тому, *как* можно познавать и действовать.

Мотивирующее обучение направлено на осознание необходимости инновационной деятельности и может быть связано с выделением реальных проблем, оценкой эффективности способов их решения. Стремление к цели делает слушателей активными по отношению к стоящим задачам и открытыми по отношению к новой информации, т.е. мотивированными к процессу усвоения новых знаний. Мотивирующее обучение проводится в форме деловой игры со слабо формализованным сценарием. К таким можно отнести прежде всего упоминавшиеся инновационную игру В.С.Дудченко, организационно-деятельностную игру Г.П.Щедровицкого и их модификации.

Этот этап позволяет слушателям конкретизировать запрос на информацию, а преподавателям диагностировать уровень подготовки обучающихся. Самостоятельное определение слушателями направления инновационной деятельности делает их равноправными субъектами обучающего процесса и активными творческими участниками решения

проблем. По итогам этапа могут произойти коррекция заказа на образовательную услугу, изменения в программе гносеологической фазы, формирование списка тем для группового проектирования.

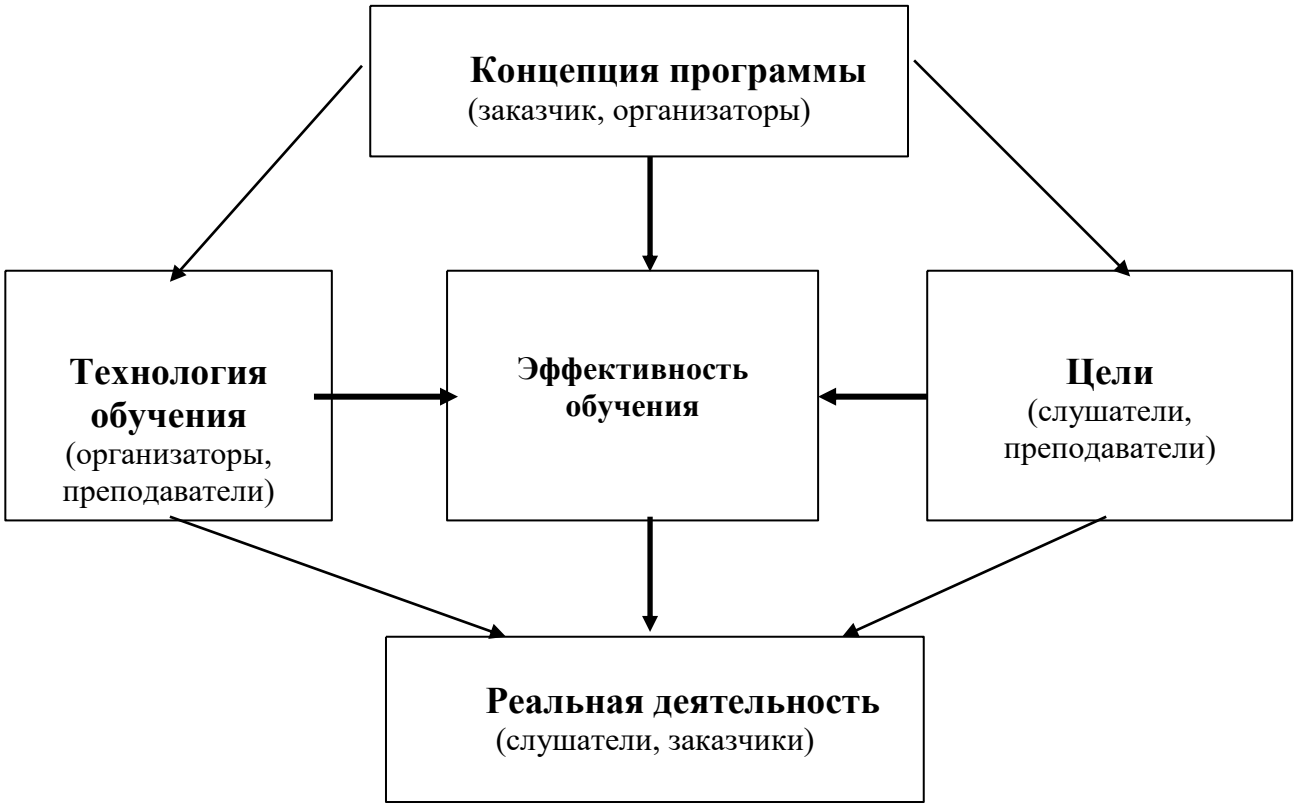
Информационные блоки позволяют приобщить слушателей к знаниям, которые к данному моменту уже найдены и осмыслены. Это могут быть теоретические подходы и принципы решения тех или иных задач, технологии достижения целей, опыт разработки подобных проблем. Если информация соответствует запросу слушателей, то активность ее восприятия и эффективность усвоения высоки.

Информационные блоки могут выделяться в отдельную гносеологическую фазу или быть включены в контекст деловой игры. Передача информации осуществляется в виде сообщений, совместного обучения, «круглых столов». Нужно отметить, что продолжительные лекции традиционного типа не сочетаются с активной позицией обучающихся, сформировавшейся на предыдущем этапе. Инициативность слушателей проявляется в обилии уточняющих вопросов по ходу лекции и превращает ее в беседу преподавателя со слушателями. Понимание преподавателем того, что критерием усвоения новой информации является усвоение нового подхода, переносит акцент с сообщения на предоставление возможности применения новых понятий и включения их в существующий у слушателей контекст.

Фаза проектирования – это возможность применить полученные знания и сделать шаг вперед в формировании проектного мышления. В качестве технологии разработки проекта можно использовать техники проектного менеджмента (например, проектирование по А. Хорнунгу или методический материал «22 шага проектирования», разработанный на кафедре методологического обеспечения управленческой деятельности Поволжской академии госслужбы Т.П.Фокиной). Степень детализации проекта зависит, естественно, от характера проблемы и схожести условий в практической деятельности слушателей, то есть от стартовых условий решения проблемы.

Если обучение проходит в рамках одной организации и позволяет регулировать продолжительность обучения, проект может быть доведен до уровня готовности к реализации. В ином случае проектирование имеет менее детализированный вид, что позволяет адаптировать его к особенностям места. Есть возможность детально разработать проект учебной (условной) инновации, однако заинтересованность слушателей в подобном случае заметно снижается. Наиболее эффективным оказывается вариант, когда проект отвечает принципам гибкой технологии: слушателям удается точно определить опорные точки промежуточного желаемого результата и найти различные пути его достижения /17/.

Демонстрируемый комплексный подход, по мнению Т.Н.Чистяковой, делает эффективность целостной обучающей программы понятным образом зависимой от согласованности усилий всех ее участников (см. схему):



Положительным результатом (достижением цели) обучения с применением инновационных игр можно считать формирование персонала, ориентированного на реформирующую, инновационную деятельность, овладение проектной культурой управления и современными технологиями развития и, что особенно важно, способного в своей деятельности творчески применять полученные знания /18/.

Вопрос об эффективности, результативности инновационных игр, каких бы это форм ни касалось, всегда занимает немаловажное место в разработках их авторов, организаторов и заказчиков. В роли последних, конечно, выступают отнюдь не только руководители учебного процесса. В нынешний рыночный период много желающих «поиграть» и в государственных учреждениях, организациях, и в частных, акционерных фирмах, предприятиях. где цели носят гораздо большее практическое значение, чем в вузовских аудиториях или специальных учебных центрах. Я ни в коем случае не противопоставляю одно другому, а лишь подчеркиваю, что эффективность может носить разный характер – в зависимости от приближения к реальной практике, тем или иным «овеществленным» условиям.

С этой точки зрения исходить следует, с одной стороны, из более общих, универсальных понятий и критериев, а с другой – дифференцировать саму методику определения искомых результатов, ценности игровых достижений.

Полагаю, целесообразно под *эффективностью* инновационных игр понимать степень реализации предусмотренной программы, уровень творческой активности участников, количество и содержание инновационных идей, их прямое и опосредованное влияние на реальное состояние обновляемых процессов и объектов.

В то же время актуально замечание В.С.Дудченко: при определении эффективности инновационных игр необходимо иметь в виду, что она может иметь разное значение для заказчиков, участников и консультантов,

поскольку у этих трех групп, помимо совпадающих, общих целей, могут быть и цели специфические. Цели заказчиков, участников и консультантов обычно определяются преимущественной ориентацией на решение тех или иных проблем. В рамках инновационных игр встречаются проблемы различных классов. Так, проблемы деятельности можно отнести к классу производственных, на решение которых и ориентированы в основном заказчики. Групповые проблемы относятся к классу социальных или социально-психологических. А проблемы участников – к классу проблем личностных или психологических. Участников обычно занимают проблемы второго и третьего классов. Консультанты всегда заинтересованы, помимо прочего, в развитии игры как метода. Здесь уже приходится иметь дело с классом методологических и методических проблем.

В конечном счете в ходе игры и заказчики, и участники, и консультанты расширяют исходное проблемное поле, выявляя, рассматривая и разрешая проблемы всех четырех классов.

Необходимо также отметить, что результаты инновационных игр могут быть как непосредственными, так и перспективными. Непосредственные результаты – это идеи и решения, найденные в ходе игры, улучшение групповых характеристик, новое понимание проблем, своего места в их решении и т.д. К перспективным результатам можно отнести внедрение найденных решений, использование новых методов работы, развитие новых направлений деятельности бывших участников игры и т. д., то есть то, что проявится в течение некоторого периода времени уже после игры. Эти результаты фиксировать много труднее.

Основным содержанием применяемой организаторами методики являются, как считает В.С.Дудченко, процедуры определения эффективности игры по избранным параметрам. Общая их логика состоит в следующем.

1. Фиксация исходного состояния ситуации, проблемы, участников, затрат на игру.

2. Фиксация целевого, планируемого результата.

3. Фиксация реального результата от внедрения.

4. Соотнесение реального результата с исходным состоянием, оценка на основе реального результата.

5. Соотнесение затрат на игру и ожидаемого эффекта от внедрения ее результатов, оценка экономической эффективности.

6. Соотнесение реального и планируемого результатов, оценка на этой основе реального.

Определение эффективности работы с людьми всегда представляло большую трудность. Поэтому акцент в этом случае неизбежно смещается на использование оценок качественных, субъективных и экспертных.

Методика определения эффективности игры может быть применена:

1. Как вспомогательный материал при обсуждении заказа на игру и принятии решения о ее проведении.

2. Как средство оценки эффективности собственно игры.

3. Как инструмент обратной связи с заказчиками и участниками /19/.

В целом же, хочу заметить, я сознательно не перевожу разговор на методику именно *проведения* инновационных игр. Выбор методических средств, подробная разработка сценария – это сугубо прикладные задачи. Вариантов подобного вспомогательного материала достаточно много, они создаются применительно к специфике социальных объектов и целям заказчика. И при необходимости всегда есть возможность познакомиться с «техникой дела».

Источники

1. *Трояновский В.М.* Математическое моделирование в менеджменте: Учеб. пособие. – М., 2002. – С. 62-63.

2. *Дудченко В. С.* Инновационные игры: Практика, методология и теория. – Таллин, 1989. – С. 17.

3. Там же. – С. 3.

4. *Де Боно Э.* Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении: Пер. с англ. – М., 1976. – С. 15.
5. *Базаров Т. Ю., Рыбкин И. В., Пыркова Т. С.* Управленческие команды и их формирование // Современные кадры менеджмента. Вып. 1. – М., 1997. – С. 51-52.
6. См.: *Красовский Ю.Д.* Социокультурные основы управления бизнес-организацией: Учеб. пособие. – М., 2007. – С. 262-263.
7. *Дудченко В. С.* Указ. соч. – С. 25-26.
8. *Забиров Д.Д.* Игровые технологии в диагностике и оптимизации системы управления предприятием // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.3. – С. 296-297.
9. *Красовский Ю. Д.* Управление поведением в фирме. – М., 1997. – С. 311.
10. *Тарасов В. К.* Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров. – Л., 1989. – С. 233-234.
11. *Красовский Ю. Д.* Управление поведением... – С. 311, 313-314.
12. Там же. – С. 315.
13. *Шаронова С.А.* Управление и социальные технологии // Социология власти. – 2005. – №5. – С. 105.
14. *Дудченко В. С.* Указ соч. – С. 39.
15. *Галкина Н. В., Гнедовский М. Б.* и др. Совещание по организационно-управленческой деятельности // Вопросы психологии. – 1982. – С. 165.
16. *Дудченко В. С.* Указ. соч. – С. 41-42.
17. *Чистякова Т. Н.* Целостные обучающие программы // Современные кадры менеджмента. Вып. 1. – М., 1997. – С. 93-96.
18. Там же. – С. 96.
19. *Дудченко В. С.* Программа инновационной игры. – Таллин, 1989. – С. 86-87.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Как бы вы оценили роль и полезность инновационных игр?

2. Что требуется для повышения эффективности таких игр? Всегда ли они находят конструктивное продолжение на практике?

3. Предложите свой вариант организации инновационной игры. Можно ли в предполагаемом игровом сценарии предусмотреть сразу и обучающее, и созидающее начала?

4. Есть ли, на ваш взгляд, возможность придать инновационной игре статус постоянного рабочего инструмента? Найти ей формы программного, последовательного развития и интеграции инновационного опыта?

Резерв на заметку

Упражнение дилетантов

В инновационных играх используются разные методы. В том числе имитируются так называемые «упражнения дилетантов». Рекомендую их применить при первом же удобном случае – будь то в игре или непосредственно в деле. Мотивировка выбора здесь более чем обоснованная. У дилетантов есть одно неоспоримое преимущество – перед ними нет фильтра в виде устоявшихся представлений о предмете профессиональной деятельности.

К упражнению дилетантов прибегают тогда, когда многократные усилия специалистов в поиске изменений не приводят к результату или их попытки не прибавляют ничего нового к уже известному («они роют яму в одном месте»).

Сущность метода заключается в том, что перед дилетантами (сколько их должно быть, решается в каждом отдельном случае по обстоятельствам) ставится проблема, к которой им предлагается подойти со своей точки зрения, в силу собственного опыта и понимания. Результаты их работы

передаются в специальную комиссию. Она отбирает наиболее приемлемые варианты и организует открытое обсуждение с участием авторов идей. После такой дискуссии подводятся окончательные итоги.

В роли дилетантов могут выступать в зависимости от характера задач как люди, совершенно далекие от данной области знаний или деятельности, так и люди, достаточно эрудированные на уровне теории, но без всякого опыта в практическом решении обсуждаемых проблем.

Из истории известно, что многие крупные открытия и нововведения делались неспециалистами в этой области. К примеру, художник Самюэл Морзе изобрел в 1837 году электромагнитный телеграфный аппарат, а год спустя – телеграфный код, известный как азбука Морзе. Еще раньше (1807 г.) другой американец Роберт Фултон создал первый в мире колесный пароход. Автор чудо-техники был ювелиром.

Кстати

Любопытно, что прямой потомок Р. Фултона по имени Мэри Фелпс Джекобс, больше знакомая в США как «блистательная Кроссби», является автором женского бюстгальтера.

Прототип бюстгальтера известен по фреске, которую откопали в городе Помпеи, погибшем при извержении Везувия почти две тысячи лет назад. Древние римлянки формировали бюст, пользуясь широкой полосой из мягкой кожи «мамилляре». В средние века это полезное приспособление предали забвению ради корсета. Лишь после долгих борений моды Мэри Джекобс с помощью служанки смастерила из носовых платков несколько лифчиков и предложила своим знакомым по доллару за штуку. Затея имела успех, и нововведение было запатентовано в 1915 году.

«Может быть, мое изобретение не так уж и велико, – говорила потомственная «изобретательница», – но оно родилось в чреслах моего великого предка».

(«Есть идея! — АИФ»)

Другая версия гласит, что первый лифчик официально продемонстрировала французская феминистка Эрмини Кадолль в 1889 году на Всемирной выставке в Париже. Это были две хлопчатобумажные чашечки на бретельках, которые пришли на смену корсету. Одновременно подтверждается патентный приоритет американки Мэри Фелпс Якоб (иная транскрипция фамилии), но год получения авторского свидетельства при этом – 1914-й.

Долгая история столь востребованной детали женского туалета подарила миру множество моделей, форм, разновидностей бюстгальтеров. Самые современные включают сложнейшую электронную начинку, позволяющую следить за состоянием живой ткани тела и вместе с тем выполнять защитные функции с помощью радиосигналов, посылаемых в спутниковую навигационную систему GPS. Появились даже лифчики в виде USB-клавиатуры. Если такой разложить на столе, то через соответствующий порт можно подключиться к компьютеру.

(«Комсомольская правда», 2009, 9-16 июля)

Быть или не быть?

В инновационных играх, которые мне довелось проводить в своем университете, рождалось немало идей в сфере социальных проблем. И у каждой из них были как сторонники, так и оппоненты.

Примерьте к себе обе эти роли на примере трех идей, высказанных студентами-инноваторами.

1. Предлагаем изменить отношение к школьному дневнику – дать ему роль не только документа, но и в некотором роде денежной единицы. Чтобы каждый школьник, имеющий «отлично» и «хорошо», мог «потратить»

оценки (как результат своего труда) на собственный досуг – бесплатные часы в игровом клубе, билеты в цирк, театр, кино и т.д.

Авторы инновации – В.Ким, М.Беломытцев

2. Наряду со свидетельством о рождении оформлять «Социальный паспорт семьи», дающий право при наличии в документе соответствующих записей на те или иные социальные льготы, особые формы социального обслуживания и т.п.

Автор инновации – А.Сичинава

3. Организовать обучение воспитанников детских домов половой роли в семье – восполняя дефицит их семейного опыта, преемственности отцовства и материнства.

Автор инновации – А.Ткаченко

4. Открыть в интернет-сети консультационный сайт для женщин, столкнувшихся с проблемой дискриминации в семье.

Автор идеи –Е.Слукина

Как вы можете оценить предлагаемые нововведения с позиций:

а) их сторонника?

б) их противника?

Сделайте общее заключение.

Глава 18. Инновационный потенциал и возможности развития

В этой завершающей раздел о человеке-инноваторе главе предстоит не только немного пофилософствовать, немного порассуждать по поводу научных понятий, но и чуть-чуть посожалеть о недовостребованном пока человеческом потенциале, об ускоряющемся, но все равно еще медленном продвижении коллективного разума к созиданию более совершенного будущего.

Эти «немного» и «чуть-чуть», разумеется, относительны. Просто всегда хочется больше, чем имеешь, особенно если еще и видишь, что возможности наши действительно превышают достигнутое. И человек вправе воскликнуть: «Почему!» И человек совершенно оправданно может спросить: «Почему?».

Очень хорошо, на мой взгляд, подступы к такой наступательной позиции обозначил американец Г. Эмерсон в своей знаменитой книге «Двенадцать принципов производительности», с перерывом в шестнадцать лет вышедшей и у нас в стране (второе издание – 1992 год). Понятие производительности или эффективности – то основное, что внес этот специалист в науку. Он трактовал эффективность как максимально выгодное соотношение между совокупными затратами и экономическими результатами. Выдвинутый им термин стал главным для рационализаторской (иными словами: инновационной) работы.

Меня, однако, привлекает в давнем и в то же время неустаревшем исследовании яркая, образная параллель между инновационными возможностями человека и эффективной самодостаточностью окружающей его живой природы. Нельзя не видеть определенных тенденций, к которым людям стоит не только пристальнее приглядываться, но следовать в их фарватере, сознавая, что корни во всем едины, ресурсы схожи и сопоставимы. Ведь посмотрите, как рассуждает Г.Эмерсон /1/.

Есть особая порода пауков, летающих на своей нити. В переводе с английского эта порода называется «воздушный шар». С каким презрением отнесся бы такой паук к нашим воздушным шарам, если бы только был способен заинтересоваться ими. В тихий солнечный день паук выпускает нить. Солнце нагревает ее, и она отвесно поднимается на воздух. Неизвестно, разыскивает ли паук, подобно парящим птицам, поднимающуюся воздушную струю, чтобы на этом месте выпустить свою нить, или же сама эта нить создает такую воздушную струю движением прилегающих нагретых молекул, но во всяком случае нить все поднимается и поднимается, пока паук не почувствует, что она может поднять и его. Тогда он открепляется от земли, взлетает вверх, и воздушные течения относят его в несколько часов за много миль, причем довольно тяжелое тело паука все время придерживается в воздухе тончайшей нитью, весящей в сто раз меньше. Здесь приспособление, нормализация (этим термином автор «Принципов» фактически заменяет адаптацию) окружающих условий достигает почти невероятной точности и тонкости. Учитывается все: и солнечный свет, и легчайший ветерок, и длина нити, и толщина ее.

Но другие насекомые разрешают еще более удивительные задачи, чем летающий паук. По земле человек бегает медленнее водяного жука, в воде он плавает хуже его, по воздуху тоже летает хуже. Он не может взбираться по веревке так быстро и легко, как взбирается по своей нити паук, не может и построить такой мост, который можно было бы сравнить с паутиной, не может и летать на воздушных шарах так безопасно и удобно, как летает паук. Но все это только механические операции, а вот светлячок (по - научному – светляк) производит свет с помощью химических процессов. Он не стал приспособляться к дневному свету, нормализовать себя к его условиям, не захотел дневного, безличного рассеянного света, а захотел иметь ночью свой собственный свет. И действительно, он создает в бархатной темноте ночей свой собственный быстрый и перемежающийся свет, на один момент делающий своего носителя светящимся центром видимого мира. Светлячок

не только отказался приспособляться к дневному свету и ночной тьме, но и переделал в своих целях весь порядок окружающего мира. Но и этим еще не кончается чудо. И у светляка, и у человека есть глаза, а в глазах есть тончайшие нервы, позволяющие воспринимать свет и сообщающие нам форму, окраску и отдаленность всех внешних предметов.

Таким образом, делает вывод Г. Эмерсон, имеются два совершенно различных способа нормализации или приспособления условий: либо нормализовать себя, чтобы стать выше неизменных внешних факторов – земли, воды, воздуха, силы притяжения, колебания воды, либо нормализовать внешние факторы, чтобы личность человека стала осью, вокруг которой движется все остальное. Оба способа очень хороши и удобны; но человек, самый младший брат во всей семье природы, пытается достигать великих целей, не приспособляясь к окружению сам и не приспособляя его к себе.

До самого последнего времени человек в лучшем случае подражал не светляку, а летающему пауку. Чтобы свободно ходить по каменистым путям, он придумал сапоги, чтобы скользить по льду, придумал коньки, чтобы двигаться по воде, придумал гребные и парусные суда. Но вот, наконец, он пробудился…

Описывая далее, в какой последовательности и какой динамике человек дошел до строительства дорог, колесных экипажей, паровозов, автомашин и самолетов – словом, «до жизни такой», Г. Эмерсон касается тех самых принципов, которые безотносительно к реальному состоянию той прошлой уже жизни позволяют понять, тем не менее, суть и направление развития людских устремлений.

Исследователь в своих размышлениях строит системное, непривычное для его поры научное здание. Ему ясны и многогранность процессов развития, поиска нового качества, и их взаимообусловленность. В иной, чем принято сейчас, терминологии в его концепции, по существу, присутствует системный подход. Он считал, что философия производительности нужна для того, чтобы возводить дороги, по которым любая организация могла бы

двигаться с наименьшим трением и максимальной скоростью; чем сложнее и разветвленнее действующая система, тем необходимее ей эта философия /2/.

Принципы, по которым строятся техника и практика производительности, полагал идеолог нововведений, можно сравнить с ребрами купола. Принципы – это ребра, но к кладке можно приступить еще тогда, когда эти ребра возведены лишь частично. Пользуясь соответствующими приборами, мы заполняем кирпичами расстояние между ребрами. По мере роста кладки постепенно растут и ребра, пока не сойдутся в верхней точке. При этом часть ребер может быть уже доведена доверху, а остальные могут быть еще не закончены: их нагрузку выдержат готовые ребра. Нужны, однако, нормализованные условия для точного, быстрого, полного учета и составления точных расписаний. Не составив хотя бы теоретического расписания, мы не можем знать, какие именно условия и до какой именно степени следует подвергнуть нормализации. А если не иметь теоретических норм, то как приступать к составлению надлежащих расписаний?

Если человеческий прогресс так безнадежно медлителен, то, быть может, это объясняется именно тем, что расписания и условия связаны между собой теснейшими взаимозависимостями. Мы составляем слишком скромные расписания, расписания слишком короткого прицела, и потому слишком мало приспособляем или нормализуем внешние условия.

Личинка признает только непосредственно очевидное. Только непосредственно очевидное признавали вплоть до последнего столетия и почти все люди. Эта врожденная привычка считаться только с очевидным все еще тяготеет над нами, как проклятье веков. Наши идеалы, наши расписания всегда были и остаются не слишком высокими, а слишком низкими. Восемнадцатичасовой поезд, связывающий два крупнейших американских города, до сих пор представляет собой удивительнейший пример расписания на длинную дистанцию; но автомобиль, ездящий по всем шоссейным дорогам – дорогам, которые далеко не так гладки, как

рельсовый путь, движется, будучи сравнительно маленькой машиной, при своем единоличном управителе быстрее поезда. Он выдерживает более долгое путешествие. Таким образом, перед лицом автомобилизма наши восемнадцатичасовые поезда представляются слишком медлительными.

Продолжая развивать этот, свойственный его времени образ, Эмерсон верит в грядущий прогресс. Несомненно, считает он, рано или поздно жиробус Бреннана, идущий по одному рельсу, не боящийся ни кривых, ни подъемов и потому сокращающий расстояние на одну пятую, будет где-нибудь, быть может, в Китае или Африке, покрывать за восемь часов то расстояние, на которое нашему скорому поезду требуется восемнадцать часов.

И как бы заключает: самое трудное в деле планирования при нормализованных условиях – это рассчитать на будущее, не перескакивая через настоящее /3/.

Столь длинная преамбула, помимо прочего, приводит к пониманию, по крайней мере, двух вещей: во-первых, внешне недопроявленного существования категории «инновационный потенциал» (ибо что, как не копившиеся потенциальные возможности людского сообщества предопределили перерастание количества в качество – скажем, сначала стали шить сапоги, чтобы предохранить ноги от каменистых троп, потом – прокладывать дороги, а еще позже – совершенствовать средства передвижения по ним) и, во-вторых, факта нахождения этих скрытых возможностей именно в настоящем – между прошлым (опытом) и будущим (неким искомым образом лучшего).

Что касается первого, то тут, как ни странно, выявляется явно затянувшееся, опаздывающее созревание понятия «инновационный потенциал» как категории инноватики. Не случайно еще пятнадцать-двадцать лет назад эта позиция называлась «белым пятном» вполне оформившейся теоретической и практической дисциплины /4/.

Несколько позднее сформировались те понятийные подходы, которые позволили более четко характеризовать категориальные особенности и варианты предлагаемых определений. Прозвучавшая среди других моя формулировка (см. главу «Сущность предмета и основные научные понятия») имела, по моему мнению, существенный «плюс» – инновационный потенциал выступал в ней как способность среды, коллектива и *человека* (подчеркну это) создавать и реализовывать возможности своего развития.

«Человек» в данном случае понятие, которое можно трактовать в зависимости от контекста как широко (обобщенный, ассоциированный образ члена общества), так и более предметно, целенаправленно (реальный субъект инновационного процесса, инновационной организации).

Допустим, в социологическом плане уровень человеческого потенциала, по версии Т.И.Заславской, системно дополняет структурные характеристики общества. Повышение или снижение этого потенциала служит фундаментальным критерием того, ведут ли осуществляемые преобразования к расцвету, обновлению общества или к его упадку, деградации. Человеческий потенциал – целостная характеристика жизнеспособности, готовности общества к саморазвитию, активному ответу на множественные вызовы современности, учитывающая личностные качества составляющих его индивидов /5/.

В том же ключе рассматривает академик Заславская и обозначенный ею *инновационно-реформаторский потенциал* трансформируемого общества. При этом она выделяет три составных компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. Под социально-инновационным потенциалом, что важно для нашего контекста, понимается готовность и способность массовых общественных групп к разного рода социальным нововведениям, освоению новых правил игры, обновлению базовых социальных практик. Причем особо подчеркивается, что данный потенциал зависит от интенсивности и социальной направленности действий широкого круга акторов, в основном принадлежащих средним слоям населения /6/.

Акцент на представителях среднего класса, на мой взгляд, здесь скорее заявка на будущее, чем отражение реального уровня инновационной активности этого слоя в сегодняшней России. Во-первых, не секрет, что нынешняя практика малых и средних предприятий, организаций (за исключением немногих, специализирующихся непосредственно на инновационных разработках) весьма далека от целенаправленной работы с нововведениями, поскольку люди в них трудятся, как правило, в челночном режиме и времени на креатив у таких «бегунов в беличьем колесе» не хватает просто физически. Торговля и посредническая деятельность, но не производство чего-либо – неизбежная и очень ограниченная сфера их интересов. Ни научно-технический, ни тем более социальный прогресс тут не востребованы в сколько-нибудь значимых масштабах. Во-вторых, ни в этом слое, ни на уровне уже более крупных отраслевых и корпоративных структур (промышленных, транспортных и т.п.) не обнаруживается в достаточной мере ни инновационной психологии, ни готовых к нововведениям человеческих, финансовых, материально-технических и прочих ресурсов – то есть того самого инновационного потенциала.

Вот, скажем, как характеризуют возможности такого рода проведенные в последние годы исследования.

Совместно с министерскими структурами Институт стратегических инноваций, со слов его директора А.И.Николаева /7/, провел по 36 параметрам два крупных замера инновационного потенциала предприятий и научно-исследовательских организаций. В качестве экспертов выступали сами их руководители. По мнению опрошенных, увереннее всего можно говорить об определенной готовности к собственной инновационной деятельности с точки зрения: а) состояния оборудования (так считают 67,3% экспертов); б) наличия задела научно-технических разработок (56%); в) подготовки выпуска опытной партии и организации серийного производства (54,8%). Менее всего люди пригодны сегодня к решению задач по защите интеллектуальной собственности и к экспертизе проектов (потенциал готовности здесь от 11,1 до 17%).

По данным И.Б.Гуркова /8/, опрос 2,5 тысячи человек (1998, 2000 и 2002 годы) подтвердил наличие прямой зависимости инновационных стратегий предприятий от человеческого фактора – целей и приоритетов руководителей, ведущих специалистов, настрой которых на внедрение инноваций в целом оказался очень невысоким. Преобладают главным образом новации «рутинные», означавшие скорее уступку необходимости, чем истинное творчество. У 60% предприятий инновационная деятельность практически отсутствовала, а еще 8% находились в состоянии перманентной реорганизации и вся новизна их практики заключалась только в этом. «Сбалансированных новаторов» (когда совершенствование технологий идет параллельно с новациями во всех других сферах) зафиксировано лишь 4%.

Человеческое начало при всей декларируемой исследователями многоаспектности понятия «инновационный потенциал», на мой взгляд, остается в большинстве своем все-таки в тени, и это отражает отнюдь небезобидные потери смысла и ролевого значения в инновационном процессе непосредственно творцов идей и созидателей нововведений. Хотя, конечно, не во всех вариантах определения сути и классификационных признаков инновационного потенциала человек остается за кадром.

Есть исследователи, которые делят инновационный потенциал на *человекоориентированный* и техникоориентированный, а есть те, кто в ресурсной составляющей инновационного потенциала отдает заслуженный приоритет *человеческим ресурсам*, которые выступают главной креативной силой при реализации нововведений /9/. Во всех подобных случаях определяющий мотив един: прерогатива в выборе решений закрепляется за человеком, инновационный процесс сосредоточен на возможностях творческой, социально активной личности (руководитель это или любой другой работник – непринципиально). Иное дело, что здесь, конечно, нельзя и абстрагироваться от готовности к инновационным изменениям среды, коллектива, окружающих инноватора-лидера. Нужен унисон, а не диссонанс условий, в которых будет совершаться инновационный процесс.

Совокупные условия с точки зрения инновационного потенциала в известной мере структурируются. В качестве его составных могут выступать базовые ресурсы (о них только что упоминалось); внутренняя и внешняя среда; целевые установки реализуемого новшества. Причем последняя позиция, многими по-разному называемая, должна особенно реально и предметно оцениваться именно в сочетании с остальными компонентами, предназначенными к участию в нововведении. Как при строительстве ребер эмерсонского купола (вспомните!), тут важно, с одной стороны, не сбиться с проектного расписания, а с другой – четко знать, какие именно условия и до какой степени будут влиять на любые стадии процесса, какие из них следует качественно менять уже по ходу создания инновации.

Иными словами, инновационный потенциал при наличии управляющего воздействия может менять свои качественные и количественные характеристики, и эта динамическая составляющая, естественно, неизменно остается в руках человека. Он должен оцениваться как «потенциальный актор потенциала» заранее, его возможности (в том числе психологические, физические, интеллектуальные) для определенных ситуаций нужно просчитывать с максимальной серьезностью и ответственностью. Ограниченность неких ресурсов временем и пространством может быть полностью или частично преодолена интенсификацией их использования, применением новых форм и методов организации работы, новых технологических средств. Однако совершенно очевидно, что всегда будет существовать и свой предел отклонений от оптимальных величин инновационного потенциала, с чем обязательно следует считаться.

Видимо, не без учета этих мотивов А.И.Николаев сводит инновационный потенциал к системе факторов и условий, необходимых для осуществления инновационного процесса и инновационного развития /10/. Это определение близко к целому ряду других, в частности и моему, но в нем, полагаю, несколько размывается или уходит в тень та часть понятия «потенциал», которая предполагает статичную, поддающуюся количественным измерениям

базу инновационных ресурсов. Между тем она, статичная величина, для оценки ресурсов обязательна в значительно большей степени, как представляется, чем часть динамическая, примерять которую приходится в основном для стадии реализации и диффузного развития новшества (то есть не для стартовых условий инновационного проекта).

По оценке М.Ю.Елимовой, можно выделить прежде всего три варианта употребления термина «инновационный потенциал».

Первый – инновационный потенциал новшества, оцениваемый по критериям:

а) интенсивности-экстенсивности, т.е. степени соответствия роста конечных результатов росту затрат на новшество – оценка объекта; а также степени соответствия суммарной эффективности факторов, участвующих в инновационном процессе, затратам на поддержание этого процесса – оценка процесса;

б) комплексности, т.е. по способности вносить изменения в другие подсистемы (например, технико-технологическую, управленческую, правовую, социально-психологическую);

в) радикальности, т.е. возможности предоставления новых практических средств для удовлетворения новых или уже известных потребностей, новизне качественных изменений в способах человеческой деятельности.

Второй – инновационный потенциал социокультурной среды, в которой осуществляется нововведение, ее экономических, институциональных, социальных, культурных характеристик. Это необходимое, но нередко недооцениваемое направление деятельности. За общими рассуждениями о «косности среды» нередко скрывается простое незнание ее инновационных характеристик и возможностей, равно как и неумение их использовать.

Третий – инновационный потенциал организаций, участвующих в нововведении. Речь идет о максимально полном использовании

профессионально-квалификационной подготовки специалистов, рабочих и организаторов для решения задач, возникающих при осуществлении нововведений. Кроме того, к инновационному потенциалу организаций относятся принятая в них научно-техническая политика, социально-психологический климат, установки в отношении нового и т. п. /11/.

Примерно в том же русле инновационный потенциал организации оценивают и многие другие современные исследователи. К примеру, С.А.Шовгеня отмечает его типичную зависимость от параметров организационных структур управления, профессионально-квалификационного состава работников, внешних и внутренних условий хозяйствования и прочих факторов. Вместе с тем этот автор обращает внимание и на весьма заметную тенденцию, сложившуюся уже достаточно давно: за характеристики инновационного потенциала зачастую выдаются показатели, относящиеся к компонентам общего потенциала организации, предприятия. В таких случаях собственно инновационный потенциал не вычленяется, не замеряется и, как следствие, не развивается /12/.

По существу, С.А.Шовгеня идет вслед за выводами, ранее сделанными в статье А.И.Николаева, где схематически показано (см. рис. 18.1) место инновационного потенциала в общем потенциале предприятия. Смысл подобного подхода сводится к двум принципиальным моментам. Один касается того, что инновационный потенциал составляет как бы ядро всего потенциала, органически входя в каждую его другую часть – производственно-технологическую, научно-техническую, финансово-экономическую и кадровую. Второй момент отражает сложные диалектические связи внутри общего потенциала и предлагает рассматривать инновационный потенциал (излагаю суть своими словами) как идентификатор реальных пропускных возможностей производства при планировании конечного результата любого из внедряемых новшеств /13/.

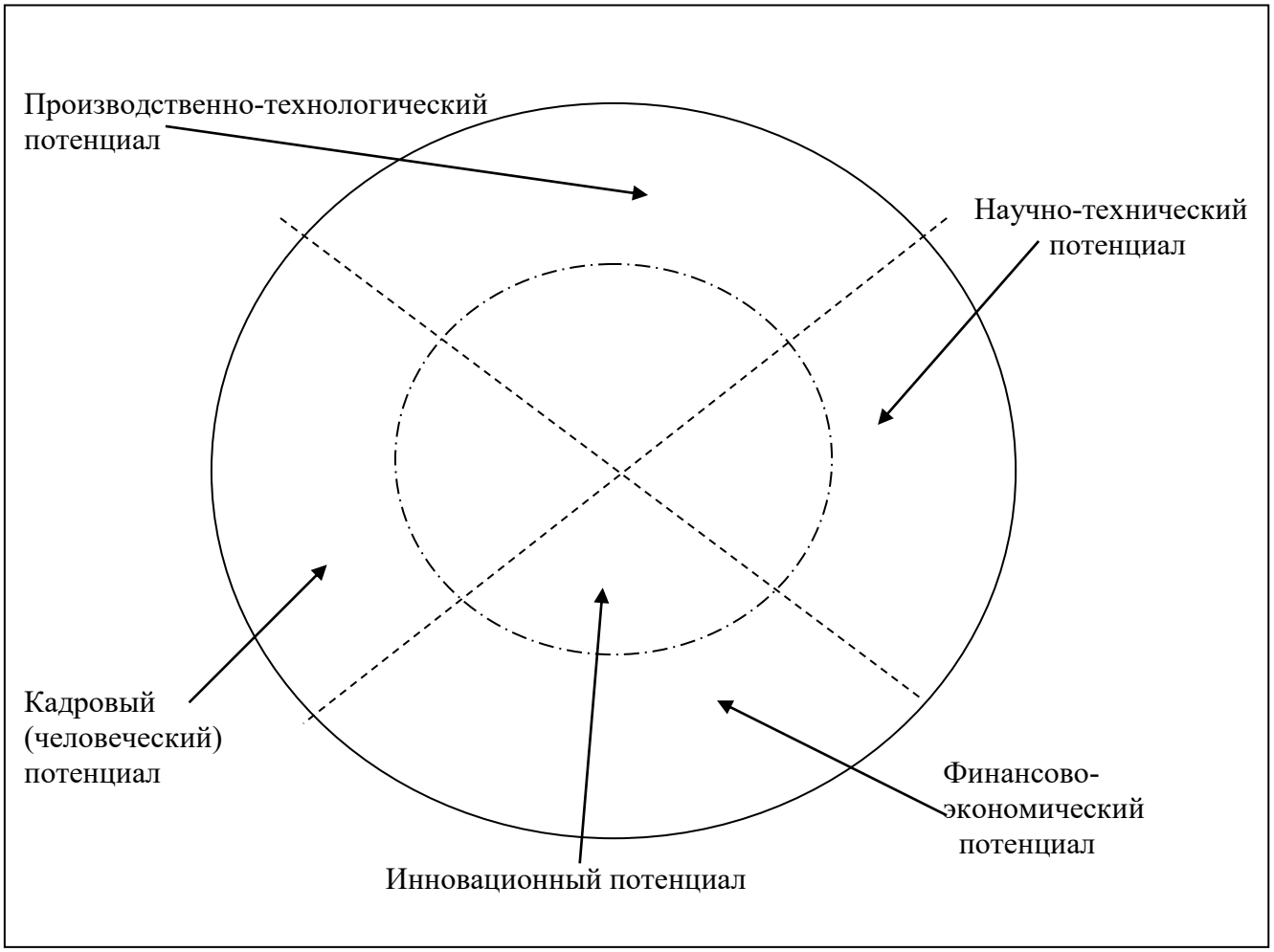


Рис. 18.1. Общий потенциал предприятия.

На мой взгляд, подобный анализ показывает, что в понимании инновационного потенциала порой происходит смешение разных, не всегда строго стыкующихся мотивов. В частности, я склонен был бы видеть в каких-то случаях то, что больше относится, допустим, к креативному потенциалу (возможности творческого самовыражения); где-то предпочел бы прямое указание на новые, прогрессивные технологии, потенциальные резервы управленческих и экономических структур, в которых человеческий фактор играет определяющую роль.

Наверное, косвенного присутствия человека не всегда достаточно даже в «правильных» определениях. К примеру, у того же В. С. Дудченко инновационный потенциал предстает как способность воспринимать, использовать и порождать новшества, в конечном счете – способность

решать проблемы новыми средствами /14/. Понятно, что за обозначенными действиями подразумевается человек. Почему же не назвать это его участие в явной форме?

В статье М.А.Марушкиной и В.Л.Тамбовцева инновационный потенциал трактуется как ключевое понятие в анализе инновационного процесса. Оно охватывает, по их мнению, не только характеристики, определяющие степень развития технологии (гибкость технологии, новая техника), но и характеристики инновационного климата, инновационной деятельности, проектного потенциала, условий воспроизводства сырья, материалов и трудовых ресурсов. Человек в этом перечне опять присутствует косвенно, и лишь вот в этих строках находится хоть в каком-то виде место субъекту процесса: «*Инновационный потенциал – это категория, выражающая способность существующей технологии и* ***ее агентов*** *создавать и реализовывать возможности развития»* /15/.

Полагаю, что можно согласиться, тем не менее, с большинством обобщенных характеристик, которые выделила в свое время М. Ю. Елимова:

- инновационный потенциал как способность к креативно-деструктивной и рецептивной деятельности;
- инновационный потенциал как готовность организации к саморазвитию;
- инновационный потенциал как показатель гибкости и адаптивности элементов организационного механизма;
- зависимость инновационного потенциала от характеристик и типа новшества;
- связь инновационного потенциала с социокультурными характеристиками среды;
- зависимость инновационного потенциала от степени идентификации работника с деятельностью, от статуса работника /16/.

Так или иначе названные позиции вбирают в себя основные элементы-резонаторы определений инновационного потенциала, фигурировавших в данной главе. Но важно еще суметь преломить обобщенные характеристики на отдельно взятый субъект инновационного процесса. В том числе, когда это касается сложных диффузных социальных перемен в нелинейной среде. Не случайно П.Штомпка, детально препарировавший такого рода специфику и типажи инициаторов инноваций (см. главы 6, 14), в конечном итоге подчеркнул, что каждый из персональных или коллективных субъектов обладает весьма различным инновационным потенциалом в зависимости от своего внешнего или внутреннего положения и отношения к той социальной системе, нормативная структура которой становится объектом изменений /17/.

Убежден, инновационный потенциал человека формируется и используется пока недостаточно продуктивно именно потому, что его взаимозависимости с практикой и деятельностной средой исследуются мало и неглубоко. Будь мы более строги и требовательны к результативности инноваций, то неизбежно серьезнее и основательнее заботились бы о воспроизводстве, саморазвитии и все большем наращивании ресурсных сил инноваторов.

Собственно, задаваясь вопросом, какие причины мешают инновационности развития, аналитики с неотвратимостью упираются в отсутствие благоприятной среды и должных стимулов. Хотя вместе с тем наступило и общее понимание того, что среда для инноваций не может быть статичной и ей необходима активизирующая динамика. И прежде всего на основе государственных приоритетов развития /18/. В сфере экономики и производства – это, как официально установлено на ближайшие годы, энергосбережение, космос, ядерные исследования, медицинские и информационные технологии. А в области социальной стратегии предпочтение отдано приоритетным национальным проектам, которые

концентрируют внимание на образовании, здравоохранении, проблемах сельской жизни, строительстве доступного жилья.

Однако нельзя не сознавать: инновационная среда, по всем научным канонам, естественная составная часть инновационного потенциала, в котором решающая доля ресурсов остается за человеком. Стимулиоовать призыв в инноватику свежих, молодых сил – это и образовательная задача. В свою очередь, чтобы ее решить, надо позаботиться о том, кто будет молодежь обучать, передавать ей знания, а кроме того, попытаться ускорить воссоздание некогда крепких и авторитетных научных школ /19/. То есть со всей остротой актуализируется потребность в налаживании воспроизводства потерянных обществом инновационных ресурсов.

Источники

1. *Эмерсон Г.* Двенадцать принципов производительности: Пер. с англ. – М., 1992. – С. 146-155.
2. Там же. – С. 208.
3. Там же. – С. 153.
4. *Елимова М.Ю.* К определению понятия «инновационный потенциал» // Методика активизации инновационных процессов. – М., 1988. – С. 16.
5. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004. – С. 104-105.
6. Там же. – С. 270.
7. *Николаев А.И.* Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №5. – С. 58-59.
8. *Гурков И.Б.* Инновационное развитие и конкурентоспособность: Очерки развития российских предприятий. – М., 2003. – С. 150-156.
9. См.: *Добров Г.М., Тонкаль В.Е., Савельев А.А.* и др. Научно-технический потенциал: структура, динамика, эффективность. – Киев, 1987; *Кокурин Д.И.* Инновационная деятельность. – М., 2001; *Бородина Е.* Человеческий капитал

как основной источник экономического роста // Экономика Украины. – 2003. – №7. – С. 48-53 и др.

10. *Николаев А.И.* Указ соч. – С. 58.

11. *Елимова М.Ю.* Указ соч. – С. 17-18.

12. *Шовгеня С.А.* Инновационная культура организации // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: Материалы международной научно-практической конференции: В 2 ч. – Белгород, 2006. – Ч.II. – С. 268-269.

13. *Николаев А.И.* Указ соч. – С. 58, 60.

14. *Дудченко В.С.* Программа инновационной игры. – Таллин, 1989. – С. 27.

15. *Марушкина М.А., Тамбовцев В.Л.* Уровневая модель в анализе инновационного процесса // Проблема интенсификации и диагностики нововведений. – М., 1984. – С. 31.

16. *Елимова М. Ю.* Указ. соч. – С. 21-22.

17. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. – М., 2005. – С. 441.

18. Шаговая доступность новой жизни: Беседа с И.Ю. Юргенсом//Нг-сценарии. – 2009. – 30 июня.

19. *Мохосоев И.* Возродить науку лишь «рублем» не получится.// Известия. – 2008. – 8 сентября.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Какое понимание категории «инновационный потенциал» вам ближе всего и почему?

2. Как соотносятся применительно к инновационному потенциалу человека прошлый опыт, практика настоящего и перспективы развития в будущем?

3. От чего зависят формирование и наращивание инновационного потенциала, эффективность его воспроизводства и саморазвития?

Тест для самооценки

В каждом человеке есть свой творческий потенциал. При определенных условиях он может раскрыться и подвигнуть владельца к действию, какому-нибудь нововведению. В пределах чисто умозрительной логики тут все понятно. Однако мало кто задумывается, в какой степени такой потенциал в нем существует и существует ли вообще.

Попробуйте проэкзаменовать себя на сей счет, выявив и оценив хотя бы некоторые признаки своего инновационного будущего. Сыграйте роль думающей цыганки, искренне верящей в дарованный ей прогностический метод.

Отметьте любым значком в квадратиках для ответа «да» или «нет». Сумма набранных «да» по предлагаемым позициям даст начальное, самое общее представление о вашей инновационной базе – творческих предрасположенностях возможностях.

Итак, приступайте и старайтесь быть точными:

– Есть ли у вас своя система сбора и систематизации информации по интересующим темам и проблемам? Да Нет

– Останавливает ли в этой информации что-то ваше внимание и не откладываете ли вы впрок какие-то идеи? Да Нет

– Замечаете ли вы за собой на работе и в быту стремление нестандартным образом решить обыденную, прив задач Да Нет

– Предпочитаете ли вы принимать решения не интуитивно, а сугубо логическим путем? Да Нет

– Часто ли у вас возникает желание задать вопрос «почему?» и попытаться найти на него ответ? Да Нет

– Формируете ли вы для себя некие гипотезы – касаются ли они истории или сегодняшних событий и коллизий? Да Нет

– Прибегаете ли к помощи образов, фантазий в процессе размышлений о работе и жизни? Да Нет

– Часто ли у себя на работе вы являетесь инициатором новых идей, подходов, решений? Да Нет

– Удается ли вам сочетать в своей деятельности теоретические и практические знания? Да Нет

– Возникает ли у вас потребность разобраться в неопределенных и неоднозначных ситуациях, когда они мешают делу? Да Нет

– Пытались ли вы когда-нибудь выразить себя в художественных формах, увлечениях – музыке, живописи, фотоискус Да Нет

– Считаете ли вы, что ваши ответы преимущественно совпадут с оценками, которые вам готовы дать по многим из названных позиций ваши коллеги, друзья, родственники? Да Нет

Можно полагать, что при наборе 75-80% «да» вам стоит с оптимизмом смотреть в будущее. Способности к инновациям у вас есть.

Афоризм с прицепом

Хотя мир в целом продвигается вперед, молодежи приходится всякий раз начинать сначала.

И. Гёте

Студенту тут есть к чему «прицепиться». Во-первых, вряд ли так уж жестко надо воспринимать это «сначала». Во-вторых, стоит ли сводить все к фатализму – инновационный потенциал молодежи может быть востребован обществом больше или меньше, но растущее поколение всегда по природе своей нацелено на неизведанное.

Задумайтесь: чего вам хочется и в чем прежде всего вы хотели бы обозначить новый путь?

Тренируя в этом отношении свою мысль, не забудьте заглавный для нашей учебы гражданский и личный мотив. Бальзаковский Гобсек копил деньги. Но что такое деньги без инноваций? Без движения фантазии и социального развития? Призовите и нацельте себя копить идеи – и у нас всех появятся деньги. Любой новый Гобсек умрет от зависти.

Копите идеи, товарищи и господа!

<u>РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.</u> ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС ЖИЗНЕСБЕРЕЖЕНИЯ

Всякое новое
начинается как ересь…

Конрад Лоренц

Новизна комбинации
создает
новизну результата.

Эмиль Дюркгейм

В последнее время в России, насколько можно судить по действиям федеральных властей, произошло осознание двух принципиальных вещей. Во-первых, на правительственном уровне окончательно поняли (в том числе по ходу мирового экономического кризиса) необходимость резкого усиления в программах социально-экономического развития на ближайшие годы инновационного начала и инвестиционной активности. Во-вторых, по совокупности глобальных для страны причин (прежде всего это острейший демографический кризис со шлейфом очень неприятных социальных аномалий) и вместе с тем учитывая последствия очевидного промышленного спада, признана сверхактуальной задача форсировать беспрецедентные по нынешним российским меркам инновационные социальные проекты.

Разумеется, эта констатация не является каким-то откровением. И свои потери народонаселения мы все прекрасно знаем: только за 1993-2006 годы количество россиян уменьшилось на 11 млн 250 тысяч человек. И о существовании колоссального разрыва с передовыми странами в области

высоких технологий и социализации экономики нам известно давно. Да и подчеркнутые сегодняшним кризисом социальные болезни общества диагностируются не первый год и плохо поддаются консервативному, не очень решительному лечению.

При этом, стоит напомнить, на объявленные руководством страны приоритетные национальные проекты (ПНП) по здравоохранению, образованию, строительству доступного жилья, развитию села на три года было выделено примерно 4 млрд долларов США (менее чем по 1,4 млрд в среднем по году). Коррекции, которые потом вносились, принципиально ничего не меняли. Правительство сохраняет докризисные социальные обязательства, и это своего рода инновационный прецедент, дающий право надеяться на благополучное продолжение заявленных программ.

Однако есть два момента. Одинаково серьезных для инновационной практики.

Первый: невооруженным глазом видна недостаточность субсидирования приоритетных проектов, рассчитанных на инновационное развитие страны. Накопленные до кризиса финансовые, золотовалютные ресурсы государства не стали дополнением ПНП, а в значительной мере ушли на покрытие внешних заемных долгов олигархических структур.

Второй: в правительственных планах модернизации ведущих отраслей хозяйства не всегда удается разглядеть и соотнести между собой затраты на науку, инновационные разработки и развитие таких профилирующих социальных сфер, как образование или здравоохранение. Допустим, расходы на образование в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года /1/ должны вырасти до 6,5-7% ВВП (2007 г. – 4,8%), на здравоохранение – до 5,7-7% ВВП (2007 г. – 4,2%). Но за счет каких инновационных приращений это будет возможно, если в те же сроки затраты на научные исследования и разработку инноваций планируется поднять лишь с 1,1% до 2,5-3% ВВП?

Диспозиция с точки зрения предполагаемого инновационного прорыва ясная и недвусмысленная. Нужно как можно быстрее поменять традиционную расшифровку двух знаковых российских «Д» (если кто не помнит: «дураки» и «дороги») – на «деньги» и «действие». Иначе говоря, плохо работающие для общества деньги сделать реально действующими. Не раздавать их на «съедение» – под зарплату, грошевые субсидии, а пускать в воспроизводство населения, науки и знаний, промышленности и сельского хозяйства, социальных объектов стратегического назначения. Ведь на одни только нефтедоллары, по оценке академика Н.Я.Петракова, можно было бы заново отстроить все заводы и НИИ /2/.

Пока сложно прогнозировать уровень инновационного подъема страны на ближайшие годы. Но то, что уже наступил момент говорить не только о посткризисной экономике и поддержании на плаву социальных отраслей, а именно об этапе их развития, это факт. Концепция социально-экономического развития до 2020 года декларирует переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития. В правительственном документе четко определено: «предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития... Переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста связан с формированием нового механизма социального развития, основанного на сбалансированности предпринимательской свободы, социальной справедливости и национальной конкурентоспособности» /3/.

Вектор направленности инновационной политики, это объективная данность, должна определять прежде всего забота о сохранении дееспособности народа и государства. Тут абсолютно беспафосный императив. Дилемма одна и она предельно откровенна: или в обществе побеждает, как ее квалифицировал профессор И.М.Ильинский, «этика жизнеотрицания» /4/, или в основу поведения власть имущих и государственной стратегии будут-таки положены философия и концепты жизнесбережения.

Как добиться победы второй из обозначенных альтернатив, консолидировать вокруг нее инновационный ресурс – главная тема заключительного раздела книги.

Глава 19. Приоритетные национальные проекты развития

Каждый из ныне действующих социальных проектов федерального уровня, несомненно, одинаково значим. Но за ними остается и то объединяющее их начало, которое придает им особый инновационный смысл. Собственно, этот смысл вполне прозрачен: раз мы ассоциируем проекты с начавшимся в России этапом развития (хоть и приторможенным мировым кризисом), значит должны сознавать и саму суть развития – оно же всегда сопряжено с новым выбором, новыми подходами, новыми способами достижения модернизационных целей.

Укрепление здоровья нации, системы образования, приближение стандартов строящегося жилья и сельского быта к современным цивилизационным нормам – все это в конечном счете предполагает повышение качества жизни человека, создание фундамента под новую в наших условиях идею «благосостояния для всех». Но какими средствами будет достигаться столь всеобъемлющая цель? Какую их часть возьмет на себя инновационная составляющая?

Чтобы разобраться в этом хотя бы схематично, надо попытаться взглянуть на стоящие за национальными проектами общее и частное, новое и перспективное глазами инноватора-аналитика. Как минимум следует установить:

а) что требует изменений;

б) в каком направлении должны эти изменения происходить;

в) на какой инновационный прецедент стоит ориентироваться в расчете на желаемый диффузный эффект;

г) что даст новый подход в случае его реализации в обозримом будущем.

Общее у всех заявленных программ развития сводится, на мой взгляд, к возвращению государству регулирующей роли в сфере национальных

интересов. Стратегическое развитие страны на примере приоритетных национальных проектов (ПНП) получает тот механизм управления, без которого трудно было бы рассчитывать на получение реального жизнесберегающего результата ни в одной из отдельно взятых областей социально-экономической жизни.

Такая нагрузка на государство при наличии рыночных отношений (даже столь деформированных, как в России) не может считаться угрозой «свободной экономике». Достаточно провести параллели с широко известными по их результатам моделями государственного регулирования экономики во времена «великой депрессии» в США (Д.Кейнс с его теорией, так удачно реализованной Ф.Рузвельтом) и послевоенной реформации в Германии (Л.Эрхард и его доктрина, изложенная в книге «Благосостояние для всех»). Нет ни одного серьезного исследователя, научного авторитета, который отрицал бы сегодня необходимость участия государства в регулировании экономических и социальных интересов общества.

На пике нынешнего экономического кризиса естественным образом вернулся интерес исследователей /5/ прежде всего к опыту государственного регулирования в условиях депрессивного спада 1929-1933 годов. Масштабы потерь того периода в чем-то сопоставимы с ситуацией 2008-2009 годов. А значит, и есть резон вспоминать теоретические дискуссии сторонников доктрины Кейнса и противостоявших им приверженцев неолиберализма.

Д.Кейнсу принадлежит концептуальное и прикладное обоснование идеи использования государственного вмешательства в сферу экономики и распределения в период кризисов и депрессии. Воплощением его подхода стали меры, предпринятые правительством США в самом начале кризиса, когда государство решительно вторглось в управление образованием, здравоохранением, гарантировало населению прожиточный минимум, взяло на себя обеспечение престарелых, инвалидов, неимущих. Социальное законодательство нового курса Рузвельта закрепило за наемными работниками целый ряд правовых инноваций, В частности, трудящиеся,

организованные в независимые от предпринимателей и государства профсоюзы, получили возможность влиять на условия найма и труда, добиваться антикризисных действий со стороны владельцев предприятий и административных структур.

Академическая общественность, выражавшая поначалу протест и несогласие с доктриной Кейнса, вынуждена была постепенно примириться с новым подходом. Впоследствии концепцию государственного участия идеологи индустриальных стран сделали основой их экономической политики. Более того - теоретические взгляды Кейнса определили базовые ценности государств, получивших с середины XX зека статус социальных.

В какой бы степени антикризисный опыт прошлого времени не учитывался сегодня, он все же не может восприниматься в качестве прямой управленческой или поведенческой кальки. Конечно, и применительно к судьбе российских ПНП этот опыт будет полезным, если иметь в вицу уже не только государственную социальную стратегию, но и тактику распределения расходов на проекты в изменившихся из-за кризиса условиях.

Характерным для ПНП стал замеченный, видимо, многими прагматизм – рациональная ориентация на наличный потенциал ресурсной базы. Идти за «ресурсом» приходится неизбежно, без этого любой проект (в первую очередь социальный) будет едва ли ни аферой.

Но что хотелось бы отметить особо: прагматизм такого рода не вступает в противоречие с тенденцией к социализации экономики.

Причем социализация здесь – не только некая пропорциональная условиям общества социальная нагрузка на производимый продукт или нормирование его потребительского качества; существенна еще и нравственная сторона экономики, что часто вспоминают сейчас ученые то в связи с несправедливым, морально ущербным распределением доходов между гражданами страны /6/, то по поводу категории благосостояния и качества жизни населения /7/.

По большому счету здесь вообще все взаимосвязано. Нравственное здоровье неразрывно с физическим, без физического здоровья невозможно добиться ни полноценного воспроизводства знаний и человеческих ресурсов, ни промышленного или демографического роста. Более того, мораль и нравственность впору считать реальным инновационным ресурсом, ибо для позитивных изменений, декларируемых нацпроектами, нужны определенная политическая воля, настрой на укрепление ослабленных сегодня семейных и общественных ценностей.

На многое не хватает не столько денег, сколько осознанной решимости и просто гражданской совести, элементарной человеческой порядочности. Именно тут прежде всего требуются изменения. И только при выполнении этого условия можно серьезно говорить о продолжении жизнесберегающих программ.

Не случайно, полагаю, о морально-нравственных устоях общества, социальной ответственности бизнеса почти синхронно забеспокоились и те, кто обеспечивает научное (социологическое) сопровождение реформаторской политики, и те, кто до сего дня привычно уповал во всем на якобы универсальные, по их убеждению, рыночные регуляторы. Очень показательно, что настроение большинства слоев «неолигархического» населения стало меняться еще накануне объявления о запуске ПНП, то есть не в унисон новой проектной конъюнктуре, а заведомо раньше и, следовательно, по другим, более общим причинам. Зеркально отразили эти перемены, в частности, материалы опросов общественного мнения периода 2005-2006 годов и довольно жесткие, хотя вместе с тем и конструктивные выступления как сторонников, так и скептиков, критиков нацпроектов.

Любопытно, насколько совпадает готовность видеть в общенародных социальных программах показатель возвращения государству регулирующей роли в сфере национальных интересов с уверенностью граждан в главенствующей функции того же государства в установлении моральных основ общества. На последнем сделали акцент 45% москвичей – участников

опроса «Состояние нравственных устоев в российском обществе» (2005 г.). Уровень нравственности в стране при этом респонденты оценивают крайне низко: 29% считают положение здесь катастрофическим, а еще 42% – плохим и проблемным. При обсуждении результатов опроса, который проводило агентство «Имиджленд», эксперты выдали весьма многозначительные выводы /8/, и ряд из них стоит иметь в виду, по крайней мере, на ближайшее обозримое будущее.

Во-первых, нельзя не согласиться, что необходимое условие успешного развития страны – это в том числе и наличие хотя бы некоторого взаимного доверия между людьми, уважения и порядочности. Отсутствие четкого и признанного всеми духовно-нравственного кодекса поведения, несомненно, чревато потерей так выстраданной обществом социальной стабильности. Чтобы снять существующие угрозы, надо создать новый общественный договор, который будет основан на системе ценностей, разделяемых большинством граждан и – внимание! – активно защищаемых государством.

Во-вторых, даже если полагать, что функции прямого влияния на нравственность граждан у государства ограничены, то у него всегда много иных средств, чтобы улучшать моральный климат в стране, создавать условия, когда оставаться подлецом тому же бизнесмену было бы просто невыгодно. Ведь основой стабильного развития рынка, как заметил еще Макс Вебер, опять же служит здоровый моральный климат. Государство является априори тем субъектом, в чьи обязанности входит не только устанавливать общие правила игры, но и формировать базовые инфраструктуры, без которых бизнес работать не может. Например, нравственный и правовой фундамент под систему рыночных договоров и соглашений.

В-третьих, следует не забывать – и в данном случае я непосредственно проецирую это на приоритетные национальные проекты – о взаимосвязи морального климата с системой образования, жизненными ценностями подрастающего поколения, социальным содержанием труда, личным достатком и семейным благополучием людей.

Надо заметить, что моральное возрождение нации, нравственное воспитание очень многие относят к задачам семьи и школы. Например, по опросам ВЦИОМ 2006 года /9/, абсолютное большинство россиян (72,4%) отдает пальму первенства семье и на второе место ставит школу (15,4%), оставляя далеко позади литературу, искусство, СМИ, церковь, трудовые коллективы и т.д.

Сами педагоги, между тем, роль школьного воспитания готовы по-прежнему поддерживать, но вынуждены призывать к помощи государства, ибо по известным и в первую очередь экономическим причинам авторитет педагогики на сей день сильно подорван. В этом смысле характерно неоднократно звучащее ныне в самых разных устах и источниках заключение экспертов: «Все государства, добившиеся в XIX-XX веках экономического прорыва, начинали с объявления образования своим приоритетом» /10/.

Россия тоже начинает декларируемый новый этап развития с провозглашения образования и здравоохранения национальными приоритетами. Именно здесь наряду с модернизацией промышленности общество вправе ждать наиболее глобальные изменения, которые должны и могут повлиять на все остальные сферы, включая и те, что относятся к еще двум ПНП. Но есть ли полная ясность в том, как будут реализовываться предназначенные народу проекты?

С одной стороны, организационно судьба национальных проектов обеспечена – своевременно создан Совет по их реализации на высоком правительственном уровне, под его эгидой трудятся рабочие группы по направлениям, регулярно проходят контрольные заслушивания ответственных за выполнение программ у президента и председателя правительства. Сложился свой постоянно действующий механизм управления. С другой стороны, слишком обтекаемо и осторожно сформулированы основополагающие цели, и далеко не всегда удается разобраться, что и во имя чего требует изменений, а что лишь нуждается в элементарном поддержании деньгами до «прожиточного минимума».

Некоторые коллеги горько иронизируют, задавая друг другу вопрос, кто победит в пореформенной борьбе: образованная бедность или необразованная, но организованная преступность? И основания к такой иронии есть. Находится немало фирм, заинтересованных в освоении выделенных под проекты средств (всем известны, к примеру, истории с прокручиванием миллиардов, выделенных на приобретение льготных лекарств), и в то же время фактически нет таких, которые хотели бы своими средствами помочь социальным программам серьезно и масштабно. Что же касается понимания целей, то нельзя же, допустим, ограничивать его абстрактными заключениями о гипотетической пользе предполагаемых действий (вариант оценки проекта **«Образование»** /11/: «Инновационность подхода заключается в том, что относительно краткосрочная реализация проектов может стать катализатором долгосрочных системных изменений по основным направлениям развития системы образования РФ»).

На примере проекта «Образование» инновационный смысл оценить не так просто, поскольку фрагментарность демонстрируемых целей очевидна, а идеология изменений, похоже, не без боязни за содержание припрятана в «подстрочнике».

Как сообщала пресс-служба министерства образования и науки РФ, под национальным проектом понимается стимулирование инновационных программ, информатизация системы образования (за два года 20 тысяч российских школ планировалось подключить к сети Интернет), развитие системы подготовки к армии (за те же два года предполагалось создание не менее 100 учебно-военных центров), целевое финансирование учебных заведений на основе грантов, поддержка инициативной и способной молодежи, а также педагогов-новаторов. Учащимся и студентам, добившимся выдающихся успехов в учебе, науке, общественно значимой деятельности, победителям олимпиад, молодым изобретателям выделено 5 тысяч грантов. Ежегодно 10 тысяч учителей будут награждаться президентскими премиями в размере 100 000 рублей.

В комментариях министра, других руководителей ведомства неизменно подчеркивается стремление улучшить с помощью действующего проекта материально-техническую базу учебного процесса, поднять заработную плату преподавателям, педагогам. Однако при этом не определены до конца реальные (адресные) способы решения проблемы ресурсного обеспечения. Ссылки на некие экспериментальные прецеденты в регионах, связанные с апробацией нормативно-подушевого финансирования и так называемой «отраслевой системой оплаты труда», не имеют под собой сколько-нибудь законченного опыта, чтобы судить о возможности каких-либо масштабных продолжений. Иные же новации целиком зависят от местных ресурсов и носить системного характера не могут.

Несомненно, наблюдаемая картина вписывается в общий контекст экспертных оценок, характерных для последних пет. Типичная формулировка большинства исследовательских работ**:** «несовершенство нынешней системы управления инновациями в сфере профессионального образования выражается прежде всего в ошибочности отдельных инновационных решений и, как следствие, в неудовлетворительных результатах инноваций» /12/. Правомерность подобных обобщений подтверждается в любой из областей отраслевых нововведений – модернизации всего образовательного пространства, подготовке новых образовательных стандартов, экспериментов с ЕГЭ, введении европейских моделей организации высшего образования (с бакалавриатом, магистратурой) и т.п.

С одной стороны, демонстрируемые образовательные инновации призваны показать желание России поспеть за Болонским процессом. Ведь 2009-2010 учебный год должен окончательно превратить Европу в единое образовательное пространство. И федеральным чиновникам хочется унифицировать отечественные дипломы, сертификаты, ученые звания, учебные программы во имя пресловутого «равенства прав и возможностей» российских и западных граждан. Но, с другой стороны, задачи

приоритетного национального проекта «Образование» оказались как бы сами по себе, а болонская стратегия министерства науки и образования – сама по себе. С помощью проекта латаются дыры в вузовском и школьном хозяйстве, в то время как амбициозные цели насильственной и очень поспешной "болонизации" разрушают системную основу достаточно прочной образовательной традиции в стране, и никто при этом внятно не говорит в какую иену обойдутся государству такие реформы.

Надо полагать, не без оснований в печати и общественном мнении возникла мысль, что сегодняшний экономический кризис хороший повод для ревизии Болонских соглашений /13/. Главное, что смущает – неспособность сохранить в меняющейся системе очевидные достоинства годами проверенных практик, форм, оценочных критериев. Почему все другие ведущие страны Европы сумели совместить свои давно принятые нормы и квалификации с болонской моделью, а Россия не смогла (или не хочет)?.. В Германии и Франции, допустим, сохранили степень, аналогичную нашему доктору наук, а соответственно и четырехступенчатую систему образования вместо типовой болонской (бакалавр + магистр + доктор наук, аналог российского кандидата). Шотландцы вообще оставили привычные для себя шесть ступеней. Ряд вузов – например, британский Оксфорд и французская «Эколь политехник» – просто отказались войти в процесс принудительной интеграции.

Кан ни удивительно, но и с выбором тактики для внедрения ЕГЭ происходит почти то же самое, что и с моделью высшего образования. Опять торопливость, отсутствие готовых технологий, базовых материалов. Экспромты, а не эксперименты. Конструктивная критика (причем на самых разных уровнях) явно опаздывает за развитием событий /14/, да и большей частью игнорируется министерскими штабами и правительственными организациями.

Принудительно расширяются границы использования ЕГЭ – но никто открыто не восстает против полного игнорирования, а по сути и ликвидации подлинных критериев знаний, их замены тестовой лотереей по типу телеигры

«Как стать миллионером». И самое печальное – нет никакой ясности по поводу того, ради чего разрушается одна система и вместо нее вводятся фрагменты, куски другой. Поднять зарплату педагогам – это понятно. Повысить уровень информатизации до мировых стандартов – понятно. Но зачем называть инновационным подходом слом системы, имитацию ее приспособления к международному рынку образовательных услуг?!

Насколько важно придерживаться в образовательной политике разумной самодостаточности, свидетельствует пример соседней Финляндии. Доля расходов на образование здесь в четыре раза выше, чем в России; все школы – государственные, большинство вузов – тоже, повышение квалификации для временно безработных – бесплатное. И при этом страна занимает первое место в мире (!) по развитию инноваций /15/.

Образование призвано отвечать потребностям общества. В этом солидарны все разумные люди. И появление соответствующего национального проекта – естественный ответ на потребности, сформировавшиеся за последние революционные годы. Только вот, как справедливо отмечают читатели «Литгазеты» /16/, у нас в стране понятие «общество» тихо, незаметно подменили на понятие «рынок». Образование теперь должно или обязано ориентироваться на потребности рынка. В результате получается все чаще не оборот знаний, а оборот денег.

Вопрос об обороте денег применительно к ПНП не случаен, тут отнюдь не игра слов. Крупный инновационный проект всегда подразумевает обоснованное, просчитанное по позициям и этапам финансирование. Когда цели, механизмы их достижения и промежуточные, а также дальние и диффузные эффекты конкретизированы, распределение средств контролировать достаточно просто. Если же все размыто и отсутствуют внятные критерии, возникает кем-то предусматриваемая возможность отдать деньги на прокрутку «своим» фирмам, что и было с теми миллиардами на льготные лекарства в проекте «Здоровье», о чем ранее уже упоминалось. Но то же самое может происходить и с покупкой компьютеров и налаживанием

Интернета для школ и вузов, с использованием денежных грантов для поощрения учителей-инноваторов и т.д.

Рыночные интересы не должны определять порядок ведения дел в социальных инновационных программах, однако и сами программы следует строить так, чтобы обществу была видна суть происходящего, включая в равной мере и финансовую, и нравственную стороны процесса. Иначе хорошая идея теряет значительную часть своего смысла.

Жизнесберегающая идея всех четырех ПНП сомнений не вызывает. В то же время легко обнаруживается недостаток ее концентрации. В проекте **«Здоровье»**, скажем, важны задачи материнства и детства, деторождаемости – то есть формирование демографической перспективы. Делая одно, тем не менее, нельзя недооценивать другое. На это обратили внимание участники 11-го конгресса педиатров России, остро поставив вопрос о состоянии здоровья подростков и необходимости внесения в действующий национальный проект специальной программы. Врачей крайне тревожит, что более 30% мальчиков не могут служить в армии, 40% подростков ограничены в выборе профессии по показателям здоровья. У 80% девочек и 40% мальчиков есть проблемы с репродуктивным здоровьем, а значит, они потенциально бесплодны /17/.

Подобные вопросы возникают не только у педиатров. Каждая отрасль здравоохранения, любая медицинская специальность, та или иная категория больных тоже вправе выставить свой счет на недовложенные в них внимание и деньги государства. Объединяющая тут причина одна: несистемность планируемых изменений.

Если целью ставится иметь в стране платную для всех граждан медицину, то тогда таковой должна быть гласно объявлена вся система. Причем ее новый статус следует как положено закрепить в Конституции, убрав из нее декоративные «остатки прошлого». Если же правительство с молчаливого согласия общества собирается пойти на компромисс и разделить здравоохранение на разные по назначению части (платную – для

богатых граждан, социальную – для умеренно- и малоимущих, привилегированную – для матерей и детей), то эти части опять же должны быть четко квалифицированы законом и выделены в самостоятельно управляемые системы. Тогда и ясно будет, где центр вложений и в чем общественный смысл ожидаемых перемен.

Иным способом невозможно уйти от двусмысленности наблюдаемых диспропорций и перекосов в реализации проектных директив: допустим, платить хорошо участковому врачу и оставлять на нищенской зарплате врача-специалиста, давать современную технику в одну больницу и не давать в другую, менее престижную, давать дорогие лекарства одним больным и не давать другим.

Лишь системная прозрачность может дать поддающийся контролю результат. А главное, возможность эффективнее потратить проектные средства. В этом еще легче, чем в здравоохранении, убедиться на примере программ по строительству **доступного жилья**.

Сам термин «доступное жилье» появился в официальном обиходе относительно недавно. Раньше его использовали в ином контексте. Теперь он приобрел особый и очень острый социальный смысл. Жилья в стране строят все больше, появилось немалое число собственников, имеющих по несколько и даже по десятку-другому квартир в самых разных районах страны или своего города. В то же время стоимость квадратного метра в новостройках давно перевалила за ту отметку, которая могла бы считаться предельной для человека, имеющего среднестатистический в регионе заработок. Строители и продавцы жилья ориентируются в ценах на богатых клиентов (в том числе оптовиков), социальная сторона вопроса их абсолютно не интересует (у беспредела рынка свои специфические законы).

Может ли государство чем-то компенсировать в сфере жилья вопиющее расслоение общества на богатых и бедных? До появления на свет нового Жилищного кодекса в очереди на получение квартир в стране стояло 6,5 миллиона семей. Отныне их количество ограничивается только

малоимущими семьями, остальных нуждающихся государство из-под своей опеки выводит и включать в очередь на бесплатные квартиры перестало. Вот на них-то «остальных» и рассчитан, надо полагать, национальный проект «Доступное жилье» – он предполагает вложение своих собственных (заработанных) и банковских ипотечных денег в строительство домов с разумным стоимостным пределом.

Но почему решение этой задачи должно быть связано с созданием «системной прозрачности»? Известно, сколько так называемых «дольщиков» строительных пирамид было обмануто за последние годы, сколько шло и идет судебных процессов по защите их прав. Известно о спекулятивных играх на рынке строительных материалов и труда, запутанных историях с покупками и продажей земельных участков под жилые комплексы. Если все эти тенденции сохранятся, то решать жилищные проблемы наших граждан, по мнению бывшего министра В.Яковлева, нам придется еще 300 лет /18/.

Усиление прозрачности – не гарантия, но хотя бы реальная возможность дополнительного общественного контроля и, что важно с точки зрения интересов национального проекта, неизбежная для регулирующей роли государства мера целевого, защищенного от воровства использования бюджетных средств. В стране есть альтернативы обманным строительным пирамидам. Предлагается немало передовых технологий и форм организации доступного жилья. Однако без должного контроля (прозрачности) судьба даже самых привлекательных проектов будет упираться в примитивную дилемму, о которой постоянно напоминает отечественная пресса /19/: кто победит – новаторы или мафия? Говоря менее эмоционально, все сводится к банальному ожиданию – удастся ли сломить сопротивление тех сил, в чьих руках сегодня преимущественно остаются и строительный рынок, и цены на жилье, и сверхприбыли от эксплуатации столь острой по-прежнему нужды человека, его потребности на домашний очаг и надежную крышу над головой.

Усугубленную экономическим кризисом ситуацию с обеспечением населения доступным жильем анализировал на августовском совещании 2009 года председатель правительства В.В.Путин. Касаясь значения приоритетных национальных проектов в решении кризисных задач, он особо подчеркнул необходимость усиления позиций государства на рынке жилья и поставил цель добиться того, чтобы с учетом уровня доходов граждан стоимость одного квадратного метра в квартирах массовой застройки не превышала 30 тыс. рублей. Это существенная деталь, иллюстрирующая все более реалистичный подход правительства к проблемам жизнесбережения и социального благополучия людей.

Меньше, как правило, в СМИ и научных публикациях комментируется приоритетный национальный проект **«Развитие АПК».** Может быть, и потому, что многие его направления естественным образом продолжают тематику трех других ПНП. Взять те же жилье, проблемы сельской школы, врачебной и фельдшерской помощи жителям деревень, дальних поселений… Инновационный смысл агропроекта, однако, гораздо шире и касается он в равной степени и социальной, и производственной жизни, и элементарного приближения села к современным благам цивилизации.

Например, в Якутии проектные программы включают несколько принципиальных для северных территорий тем. Наибольший интерес сельчан, по оценке президента республики В.Штырова /20/, вызывает программа «Обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов на селе». Этим категориям должны были построить (приобрести) 115 индивидуальных жилых домов (квартир) общей площадью свыше 8 тысяч кв.метров. Финансирование программы имеет три составляющих: бюджет РФ – 30%, бюджет региона – 40%, привлечение собственных и заемных средств – 30%. Но это только небольшая часть республиканских планов, связанных с развитием АПК. Здесь действуют еще три инвестиционных проекта по созданию животноводческих комплексов, серьезные деньги вкладываются в кредитную кооперацию, мощный импульс получил рынок

лизинговых услуг. Особый акцент делается на развитие оленеводства и табунного коневодства как основы традиционного уклада жизни коренных народов Севера.

Последний момент характерен и в целом для всего сельскохозяйственного сектора страны. В министерстве сельского хозяйства РФ /21/ применительно к ПНП выделяют роль малых форм ведения дела – крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств. Причем не только в плане производства рыночного товара, но и с точки зрения сохранения сельского расселения, народного образа жизни и традиций, участия в трудовом воспитании молодежи. Признанием их огромного значения в аграрной экономике и потребительской кооперации стало включение в национальный проект направления «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в АПК» (главное тут – субсидирование процентной ставки по кредитам).

Разумеется, содержание национального проекта по АПК носит разносторонний и весьма объемный характер, в той или иной мере относится ко всему комплексу жизни села. Инновационность подхода поэтому здесь заметна прежде всего тогда, когда берешь какую-то отдельную сферу – и в данном случае показательный пример как раз с определением роли и стимулированием малых форм хозяйствования. А это значит, что новизна действий, способ решения того или иного вопроса носят сугубо адресный характер, дифференцируются в зависимости от условий территории и уклада жизни ее населения.

Простая эта истина – тоже одна из закономерностей реализационной практики ПНП. И она требует такой же системной прозрачности, как и остальные особенности приоритетных программ. Динамика развития АПК или иные длительные по времени изменения, предусматриваемые проектными нововведениями, становятся основным критерием при оценке текущих и грядущих результатов.

Итак, некоторые общие выводы:

1. Появление в России приоритетных национальных проектов – несомненная инновация для управленческой и социальной практики федерального уровня.

2. Инновационный смысл четырех заявленных ПНП связан в первую очередь с началом нового для страны этапа: государство и общество обозначают ими движение в направлении «благополучия для всех» после пережитого разрушения прежней общественно-политической и экономической системы.

3. В реализации национальных проектов ведущую роль взяло на себя государство, создав свои структуры управления и установив регулярный контроль за ходом идущих процессов. При этом ресурсное обеспечение программ, как свидетельствует практика, опирается на очевидный прагматизм и умеренный оптимизм.

4. Для успеха ПНП, их эффективности с учетом масштаба и социальной направленности проектов необходимо доверие к их содержанию и исполнителям со стороны населения, граждан страны. Нужен определенный морально-нравственный климат, объединяющий всех причастных к достижению инновационных перемен. Создать то и другое – пока в полной мере не удается.

5. При бесспорно благих целях приоритетные национальные проекты страдают, тем не менее, недоговоренностью, не дифференцированы достаточно четко по промежуточным и конечным ожидаемым результатам. Виной этому недооформленная, неполная системность выделенных подпроектных тем и направлений, что делает вероятным распыление средств и маловероятной нейтрализацию наблюдаемых негативных прецедентов как на уровне профильных министерств, так и региональных или местных властей.

6. Новая по форме и масштабу инновационная деятельность, которую олицетворяют ПНП, нуждается не только в перманентном осмыслении, но и в конструктивной помощи – в том числе и силами науки,

специалистов разного профиля. Эта сторона общего для государства и общества дела должна тоже получить адекватное отражение в управленческой практике федеральных и региональных штабов.

7. Анализ и оценка практики ПНП позволяют утверждать, что существенным ее недостатком является отсутствие отраслевых и территориальных центров инновационного развития, которые реализовывали бы целевые научные и прикладные разработки. Эту роль могли бы выполнять ведущие университетские комплексы. Но вопрос не столько в том, чтобы они имели возможность осуществлять полный инновационный цикл, связанный с созданием социальной или технической инновации /22/, сколько в получении необходимых полномочий, права на ответственное управление процессом и приданными ему ресурсами.

Источники

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662 – р.
2. См.: *Кива А.* Астрологам виднее? // Литературная газета. – 2006. – №38.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.
4. *Ильинский И.М.* Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. – М., 2006. – С. 437.
5. См., напр.: *Горшкова И.Д.* Государственная политика в социальной сфере: эволюция, концепции, современные тенденции//Социальная безопасность: методология политического анализа/Коллективная монография. – М., 2009. – С. 167-168.
6. *Львов Д.С.* Стратегия для России: что мешает нашему прорыву в будущее? // Повышение качества жизни населения – важнейшая проблема Российской Федерации: Сборник научных докладов и статей. – М., 2006. – С. 13.

7. *Попов Ю.* Россия в поисках духовных скреп // Известия. – 2006. – 5 апреля.

8. См.: *Бабицкий Ф.* Модель как ресурс // Литературная газета. – 2005. – №26.

9. Россия. – 2006. – 11-17 мая.

10. См.: *Бабицкий Ф.* Указ соч.

11. См.: *Добренькова Е.* Реформы в российской системе образования // Наука-культура-общество. – 2006. - №5. – С. 41.

12. *Гусева Т.С.* Социальное управление инновациями в сфере профессионального образования/Автореф. дис… канд.социол.наук. – М., 2009. – С.15.

13. *Лемуткина М.* Ревизор для бакалавра // Московский комсомолец. – 2009. – 21 сентября.

14. См., напр.: *Абрамов А.* Момент истины уже наступает/Независимая газета. – 2009.— 15 марта; Ильинский И., Плаксий С. Еще раз про ЕГЭ//Технолог (г.Белгород, БГТУ). – 2009. – 20 февраля.

15. *Бузгалин А.* Поймать ветер истории//Литературная газета, – 2008. — №6

16. См.: Чем обернется ЕГЭ // Литературная газета. – 2007. – №5.

17. См.: Московский комсомолец. – 2007. – 9 февраля.

18. Литературная газета. – 2006. – №21-22.

19. Там же.

20. *Штыров В.* Шаг вперед: Проблемы реализации приоритетных национальных проектов в Якутии // Социальная политика и социальное партнерство. – 2006. – №10. – С. 5.

21. *Гордеев А.* Между городом и деревней // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. – 2006. – №4. – С. 89.

22. См.: *Тарабаева В.Б.* Инновационное развитие вузов: проблемы управления конфликтами. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 10-11.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Каким вам видится инновационное содержание приоритетных инновационных проектов, если оценивать их через призму задач повышения качества жизни человека?
2. Что предполагает главное каждый из отдельно взятых проектов?
3. Есть ли в ПНП слабости, которые можно назвать принципиальными?
4. С какими из сделанных в главе выводов вы согласны, а с какими – нет? Поясните почему именно.

Дайджест

«Мариинки» - хранительницы семейного очага

Специализированное раздельное обучение мальчиков и девочек было популярно в дореволюционной России. А первые мариинские училища появились еще при императрице Марии Федоровне, благодаря которой они и получили свое название.

«Мариинки» есть в целом ряде городов, но там девочки обучаются в гимназиях и школах, и лишь в Кургане – в учебных заведениях начального профессионального образования. В лицее №6 «мариинки» получают не только профессиональные знания и навыки (продавец-контролер, кассир), но и осваивают будущую роль матери – хранительницы семейного очага. Действует свой комплекс учебных дисциплин: этика и психология семейной жизни, дизайн и эстетика быта, граждановедение, занятия в хореографических, театральных, фольклорных кружках.

(«Новый мир» /г.Курган/, 2005, 9 декабря)

Воспитатели в погонах

Минобрнауки и МВД начали специальный проект: в школах будут работать милицейские инспекторы. Более 1600 воспитателей в погонах уже появились в средних учебных заведениях.

Родители смогут прибегнуть к помощи инспектора, если им кажется, что ребенку угрожает опасность, если у ученика пропали личные вещи или он был ограблен старшими ребятами. Офицеры милиции будут заниматься неблагополучными родителями, которые не уделяют своим детям должного внимания или плохо на них влияют, а также бороться с распространением наркотиков и детской преступностью.

(«Здоровье школьника», 2006, №3)

Домашний врач

Ситуация в поликлиниках Пнзы удивляет горожан. В медучреждениях исчезли длинные очереди. А для того, чтобы попасть на прием к врачу, некоторым пациентам не нужно даже выходить из собственного дома.

Кабинеты участкового врача не в поликлинике, а непосредственно на самом участке, в городе начали появляться в прошлом году. Пензенская администрация отдает под амбулатории муниципальные помещения и квартиры.

Пациенты этих амбулаторий уже забыли, что такое ходить в поликлинику. Здесь можно получить необходимые процедуры, сдать анализы и выписать больничный лист. Чтобы обеспечить больным эти услуги, участковым врачам пришлось пройти переподготовку, предусмотренную программами нацпроекта «Здоровье».

(ТВ-сюжет, 2008, 17 марта)

Многодетные въедут в коттеджи

В 2010 году в Москве будет завершено строительство всех 440 запланированных коттеджей для семей с пятью и более детьми, сообщила первый вице-мэр Людмила Швецова.

Она напомнила, что дома предоставляются многодетным семьям временно – до тех пор, пока все дети не достигнут совершеннолетия. При этом семья остается в очереди на улучшение жилищных условий.

(«Metro, 2009, 6 октября)

Учебное задание

Из трех предлагаемых ниже вариантов вы вправе выбрать любой. Но желающие могут выполнить и все задания сразу. Но главное – не спешить. Приоритетные национальные проекты – долгосрочная задача, и есть время, чтобы успеть и подумать, и сделать что-то полезное.

Вариант 1-й: Какую логическую модель инновационной программы для уровня национального проекта вы посчитали бы оптимальной? Какие элементы она должна включать в первую очередь?

Вариант 2-й: Что вы могли бы предложить для укрепления инновационного содержания и организационных форм каждого из четырех ПНП?

Вариант 3-й: С какими наиболее интересными, на ваш взгляд, начинаниями в проектных программах вы встретились за последнее время? В чем их новизна и перспективность?

Глава 20. Прикладная социализация, или Фундамент жизнесбережения народа

Появление приоритетных национальных проектов, о которых шла речь в предыдущей главе, отражает стремление общества и государства остановить разрушительные для человека процессы, восстановить саму нашу способность к приращению здоровья, социального благополучия, интеллектуального и физического ресурса. И в этом смысле очень значимо с точки зрения государственных и общественных перспектив все то, что относится к формированию молодой трудовой и гражданской смены, ее участию в инновационных переменах.

Вернуть элементарный порядок, духовные ценности, производственно-экономический потенциал после перенесенных в 1990-е годы катаклизмов отнюдь не просто. Это сегодня всем ясно. Социальная адаптация молодежи в новых реальностях не смогла сохранить прежние традиции, потеряла организованное и сколько-нибудь целенаправленное начало. Общепринятые институты социализации – семья, школа, вуз, трудовой коллектив, средства массовой информации, молодежные организации и объединения – лишь частично восстанавливают сейчас неизбежные для целого поколения потери.

Логика скрытых в такой ситуации угроз не требует детальных пояснений. Начинающей свою трудовую жизнь молодежи свойственны, как известно, специфические возрастные качества, которые заметно ослабевают по мере взросления человека. У молодых выше ресурс здоровья, психологической устойчивости, адаптации к меняющимся условиям жизни, учебы, работы. Они смелее, готовы рисковать, не отягощены стереотипами прежней практики, не боятся нововведений. То есть в целом молодежь представляет собой естественным образом восполняемый и мобильный по своему характеру инновационный потенциал для поступательного развития общества, научно-технического и социального прогресса. И следовательно,

когда сокращается общее количество молодежи, падает и этот потенциал, уменьшается его живая ресурсная база.

Чем компенсировать возникающие потери? За счет чего совокупный инновационный потенциал молодежи может сохранить требуемые временем и ситуацией параметры?

Во-первых, следует приучить себя к мысли (и это касается прежде всего государственных стратегов), что надо больше уважать и беречь молодое поколение, ибо в сложившихся демографических условиях несопоставимо возрастает с каждым годом общественная ценность любого растущего, набирающего силы человека.

Во-вторых, нужна определенная переоценка качества инновационного потенциала – больший удельный вес необходимо обеспечить новым знаниям, повысить уровень образовательных стандартов, роль научно-исследовательской практики в вузовском учебном процессе.

В-третьих, вся молодежная политика государства обязана тесно сопрягаться со стратегическими задачами национальной безопасности страны. Не только на стадии подготовки молодого специалиста, в системе профессионального образования, а с самого рождения ребенка семья, школа, местные и федеральные власти должны иметь в своем распоряжении самый современный арсенал средств для полноценного воспитания и обучения граждански мотивированной личности, понимающей свою ответственность за будущее государства, общества и своего народа.

Никто никогда не спорил и не спорит сегодня: чтобы стать достойным профессионалом, нужна определенная стартовая готовность. Ведь не побежит, допустим, современный марафонец свои 42 км 195 метров, если не получил предварительной подготовки, не знаком с тактикой, психологией и физиологией бега на сверхдлинную дистанцию. И точно так же рискованно давать старт в долгую трудовую жизнь молодому человеку, который толком ничего не ведает об ожидающих его нагрузках, заботах, опасностях и которому недосуг было научиться неким правилам хорошего общественного

тона, умению ставить сообразные социальным нормам жизненные цели и управлять своим временем, другими личными ресурсами. Особенно временем, имеющим свойство быстро лететь и никогда не возвращаться, о чем предупреждал еще древнеримский поэт-философ Вергилий, столь любимый Пушкиным.

В любом вузе образовательный процесс предполагает и получение знаний, и формирование личности будущего специалиста. Или проще, его воспитание. И вот как раз об этой стороне образовательного процесса в последние полтора десятилетия предпочитали не говорить (не стану уточнять – почему). Предпочитали, хотя вековой практикой со всей очевидностью доказано, что без прочных общественных ориентиров и подпорок, с детства и юности усвоенных социализационных норм ни один человек находится в системе общественных отношений бесконфликтно не может и о какой-либо самоотдаче с его стороны в таком случае думать не приходится.

Позиция ученых, профессуры вузов, педагогов в данном случае не всегда однозначна, а порой и противоречива. Нередко приходится читать или слышать едва ли не взаимоисключающие вещи. С одной стороны**,** утверждается, что без постойного воспитания невозможно образование, более того – учеба бесполезна невоспитанному, знания без воспитания опасны. С другой – тут же заявляется: одно из самых распространенных заблуждений, что можно воспитать взрослого человека. Преподавателю, дескать, вменяют в обязанность воспитывать студента, а офицерам – новобранцев в армии, хотя эффективность их педагогических действий будет заведомо чрезвычайно низкой /1/. Наличие подобных крайностей, давайте признаемся, очень мешает социализационным процессам в обществе и прежде всего – в сфере образования.

Конечно, можно не рассматривать новые целевые установки буквально как стремление сделать из выпускника некий отформатированный под воспитательные лекала инновационный продукт. В то же время очевидно, что истина опять же где – то посредине, и надо искать элементы усиления

воспитательной работы с учетом возрастной психологии учащихся, особенностей их меняющегося менталитета, но обязательно формируя при участии самих же студентов сообразную времени перемен общественную среду – и в рамках непосредственного учебного процесса, и за его пределами, в зонах повседневного человеческого общения (включая досуг, волонтерство, клубные интересы, спорт и т.п.).

Недавно, в частности, я предложил изменить систему студенческой практики для специальности «социальная работа». Сделать так, чтобы организация и содержание практики в центрах реабилитации, домах инвалидов и престарелых, любые иные формы социального презрения становились реальным делом студента и преподавателя, а оценивались бы они по результатам внедрения инноваций, трансформации заимствованного опыта, проведенной своими силами экспериментальной проверки.

Здесь уместна параллель с возобновившейся практикой студенческих строительных отрядов, у которых, не стоит забывать, общественная составляющая всегда была главенствующей. Отряды воспитываются в коллективном труде, используя при этом полученные в вузе знания и формируя те профессиональные навыки, которые делают старшекурсника, будущего выпускника компетентным и социально ориентированным специалистом.

Надо сказать, что потенциал старшекурсников в этом отношении сейчас, похоже, вообще никак не востребован. Превалирует стереотип: потенциал студента будет нужен после получения им диплома о высшем образовании, то есть вне вуза. Но ведь возможности человека копятся не по заданному календарю. И уже накопленному нужен какой-то выход. Плюс энергия и романтика молодости. Пора самого расцвета интеллекта. И что?

За пять лет обучения в вузе старшекурсник – по определению – становится обладателем немалого опыта. Тут и опыт учёбы, и опыт

всестороннего общения, и опыт молодой, отнюдь не одномерной гражданственности. Разница в облике человека, только пришедшем учиться, и им же, но спустя несколько лет – порой просто огромна. Не заметить этого нельзя. Не реагировать – тоже.

Много лет назад я как куратор группы первокурсников пригласил на встречу с ними товарищей со старших курсов. Тема заявленного разговора: «Если бы я стал вновь первокурсником». Как слушали новички умудрённых опытом старших! Они с изумлением наблюдали рассуждения пятикурсников, которые сами себе задавали вопросы о том, что удалось, а что нет за проведенные в вузе годы. Если не удалось, то почему? почему? почему?.. Откровений хватало. И горечи – тоже. Но ответы часто обескураживали и заставляли более юных задумываться. Философия ошибок простая: «Думал, что успею. Не успел».

Характерно, что в Высшей комсомольской школе (предтече нынешнего МосГУ) в 1970 – 1980-е годы практиковалась форма коллективного кураторства (шефства) старших курсов над младшими. Эта технология воспитания была очень эффективна. Особенно при подготовке к первым экзаменам, первой курсовой работе и т.д. Думаю, подобная преемственность опыта учебы и жизни, независимо от квалификации технологий, имеет значение на все времена, но для восстановления общественного смысла образования она необходима в первую очередь. Не подменяя собой, конечно, остальных вариантов управляющей педагогики.

Отдельно хочу заметить: предложение активизировать потенциал старшекурсников для его всестороннего и более гармоничного развития ресурса будущего специалиста не противопоставляется иным существующим формам участия вуза в судьбе своих воспитанников. Например, в Уральском государственном педагогическом университете по инициативе самих студентов много лет действует Центр

послевузовского сопровождения выпускников. Мне приходилось не раз общаться с его руководителем профессором В.М. Байлуком, и должен констатировать, что идея преемственности учебного и трудового процессов здесь проявляет себя вполне продуктивно. Возможность видеть материализованные результаты вузовской педагогики на примере бывших выпускников – дополнительный стимул и для сегодняшнего студента, и для преподавателя, научного руководителя.

В штатах многих вузов сейчас есть проректоры по воспитательной работе, те же функции заложены в деятельности факультетских деканатов. В их действиях есть стремление модернизировать общественную жизнь студентов, сделать её полезнее (не утилитарно, духовно), приблизить к задачам будущей профессии. Чтобы оставаться после вуза в своей профессии, специальности и уважать сделанный выбор, надо уверовать в свою способность быть настоящим профессионалом, компетентным и умеющим организовать востребованное обществом дело. Кто, как не воспитатель учебного заведения, должен взять на себя обязанность формировать это уважение и эту веру. Взять и показать, по каким направлениям следует искать удачу. Действуя сообща и стратегически выверено. Не боясь открытых дискуссий и конкуренции. Не страшась нововведений.

Насколько разнообразны возможности воспитания в вузе, настолько и отличны друг от друга способы их реализации. Однако у каждого из них одна и та же стратегическая задача. Стратегия же должна оставаться в центре управления вузом, а значит, отсюда будут во всех случаях исходить и планирование воспитательной работы, и прогнозирование ожидаемых результатов, и учет, контроль, информационное сопровождение действующих учебно-воспитательных программ. То есть та самая системная полнота, которая должна быть положена в обоснование подходов к теме инновационного образования.

Предлагаю внести ясность и воспринимать инновационное образование прежде всего как систему, нацеленную на достижение страной стратегического развития своих кадровых ресурсов.

В стратегии образования всё должны определять глобальные государственные задачи. Инновационное образование – не потому таковое, что широко использует новшества, постоянно обновляет средства обучения, педагогические приемы, а потому, что строится с ориентацией на перспективу, опережающее развитие, загодя формирует прогрессивные стандарты для учебного и воспитательного процесса. При наличии как раз такой системы естественный продукт образования – специалист с инновационным мышлением, психологией созидателя, понимающий всю суть общественных потребностей и ставящий эти потребности превыше личных интересов.

Соответсвенно стратегии опережающего развития необходим новый вгляд и на потребности самой высшей школы, и на значение и роль в обществе её выпускников. Рыночные интересы никогда не могут иметь самодавлеющего характера в сфере образования, и если некая их доля всё-таки сегодня неизбежна, то сторить образовательные программы надо так, чтобы всем был до конца виден неоднозначный смысл происходящего, включая не всегда сочетающиеся финансовую, социальную, нравственную стороны процесса. Хорошо бы как минимум добиться, чтобы успех инновационного образования определял не оборот рынка, а оборот знаний, умений, компетенций.

Сложные политические события в стране, те отнюдь не только позитивные последствия реформ, которые мы наблюдали и наблюдаем, заставляют критически отнестись к невостребованности воспитательной, социализационной функции в учреждениях образования. Здесь главным образом две плоскости проблем – профессионально-производственная и общественно-политическая, гражданская.

Потери в производственной сфере, где дефицит компетентных и ответственных профессионалов заявляет о себе все острее с уходом из дела старшего поколения, носят разный характер. Тут и причины, связанные с глобальными изменениями общественного состояния – в частности, резкое сокращение с начала 1990-х годов объемов производства (более чем в два раза), уход значительной части специалистов в коммерцию или в зарубежные фирмы, и причины, которые прямо проистекают от нарушения системных качественных критериев, преемственности гражданских духовных и этических ценностей.

Показательно, замечу, что в тех отраслях, где реструктуризация проходила с определенным соблюдением государственных и общественных интересов, меньшим разрушением корпоративных стандартов и сложившихся культурных ценностей (сюда в первую очередь следует отнести железнодорожный транспорт), там относительно меньше пострадали и внутрипроизводственные отношения, управленческие команды, сохранился в основном кадровый костяк, а вместе с этим остались и понимание системного порядка, производственной дисциплины, социальной ответственности, необходимости сохранить корпоративному сообществу реальные перспективы к развитию в новых, теперь уже рыночных условиях.

С одной стороны, некие определяющие качественные признаки, несомненно, легче обеспечить в автономно замкнутой отраслевой системе. Допустим, железнодорожная корпоративная среда, носители ее ценностей и стандартов при изменении внешних условий в состоянии на какое-то время удержать, скажем так, «моральные устои» своего профессионального сообщества, имея за спиной экономические преимущества монополиста транспортных услуг. С другой стороны, было бы наивным предполагать, что люди этой системы не будут никак реагировать на коммерческие свободы и соблазны рынка, устоят в обстановке всеобщего падения нравов и не станут менять более строгие нормативы прежней профессиональной жизни на либеральный «порядок», сулящий некоторые, пусть и временные

материальные или карьерные выгоды. Редко кто в подобной ситуации думает о нравственных издержках, и уж тем более не держатся за голые принципы молодые работники, над которыми не довлеют ни культурные традиции отрасли, ни корпоративный устав.

Любая отрасль производства, услуг в человеческих своих проявлениях отражает нравственное состояние общества, государства. Все, что свойственно сейчас поведению социальных групп и слоев, профессиональных сообществ, а равно и поведению маргиналов, криминалитета, казнокрадов, неизбежно создает всевозможные преломления, деформации в общественном сознании, мировоззрении граждан. Далеко не каждому из них удается сформулировать для себя целевые жизненные установки, которые были бы защищены от влияния обесцененных социальным переделом моральных и культурных норм.

В известной мере, полагаю, здесь уместна параллель с коллизиями в армии, ставшими предметом широкого обсуждения. Дикие случаи дедовщины, покалеченные морально и физически молодые солдаты – результат длительного пребывания общества в «нравственной самоволке». Не всем идеологам газетных и интернет-страниц нравится, когда министр обороны именно в таком контексте оценивал подобные факты, но он был совершенно прав: в непрофессиональной армии ее внутренняя среда формируется привносимой призывниками моралью, нравами опущенного до уровня самовыживания офицерского корпуса. И это тенденция минимум двух десятилетий. Отдельные факты, частные аномалии были и раньше, будут и потом. Однако своей концентрации и перехода в разряд «явления» они достигают по очевидным причинам. Потери в воспитании, забытые в том числе и самим обществом обязанности по сохранению и воспроизводству преемственных связей между ценностями старших и молодых поколений обернулись в конце концов вседозволенностью что в армии, что в гражданской жизни, неспособностью ставить заслоны беззаконию и преступности.

Разумеется, гротескные в чем-то параллели нельзя абсолютизировать. К примеру, сеть железных дорог имеет свою общественную специфику, однако люди, приходящие сюда работать, столь же зависимы от среды, которая их сформулировала. И коли она выполнила свою воспитательную роль плохо, то новичкам корпорации или предстоит пройти организованную системой принудительную социализацию, уже с акцентом на требования профессии, или придется адаптироваться самостоятельно, беря все непредсказуемые риски целиком на себя. Причем в первом случае возможны профессиональная подготовка и переподготовка, получение нового базового или дополнительного образования.

Вообще, конечно, принципиален прежде всего вопрос о мере организованной (или управляемой) социализации молодых и не только молодых работников. Далеко не всегда этот вопрос сколько-нибудь четко ассоциируется в представлениях людей с профессиональной адаптацией, карьерным ростом, формированием личной и корпоративной культуры. А между тем, если разобраться и соотнести практику с научными основами, то обнаружится немало вещей, весьма не посторонних для управления и производственными, и образовательными процессами. В том числе решительно опровергающих тот распространенный в обиходном сознании мотив, что социализация будто бы инструмент лишь воспитания и становления, взросления детей, подростков, юношества. Это не так. Даже совсем не так.

То, что социализационную функцию нельзя выпускать из виду на всех этапах жизни человека, понимая в то же время особую значимость периода его социального взросления, теоретически обосновали еще классики обществознания, философии и социологии.

Современные зарубежные и отечественные ученые при оценке научных представлений о социализации предлагают прислушаться в первую очередь к концептуальным положениям К.Маркса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений. Становление личности, считал

ученый, не есть результат пассивного приспособления к социальной среде, а есть осуществление созидательных действий по изменению и окружающего мира, и личностных природных свойств /2/. В такой постановке вопроса ясно видны как активное начало в формировании человеком своего социального «я», так и перманентность его адаптационного состояния, равная всему сроку биологического бытия.

В сходном русле объективистская теория Э.Дюркгейма исходит из двойственной природы человека: есть его биологическая сторона (природные способности, психические состояния) и есть его социальная сущность, создаваемая путем воспитания (нормы, привычки, идеалы). Именно общество не только возвысило человеческий тип до уровня достойного образца, но и оно же конструирует этот тип сообразно своему устройству и своим потребностям. Воспитание, по Дюркгейму, воспроизводит в людях коллективное сознание, поддерживает и укрепляет однородность в обществе. Соответственно цель воспитания ученый видел в формировании ребенка как социального существа, а процесс воспитания – в целенаправленной социализации молодого поколения /3/.

Уточнить тут следует два момента. Во-вторых, Э.Дюркгейм исходит из того, что любое общество обладает правом сформировать человека сообразно моральным, интеллектуальным и физическим идеалам, отвечающим сложившимся историческим традициям, особенностям развития общества. Во-первых, и это важно с точки зрения меры воздействия на процесс, в ходе социализации человек должен приобщиться к социальным нормам, которые обладают **принудительностью**, императивностью, что обеспечивает соблюдение этих норм всеми. Причем принудительность, конечно, не исключает и добровольного следования общественной морали, которая преимущественно и выступает инструментом обуздания биологической рефлексии человека, направляет ее в социально-нормативное русло.

Регулятивная роль общественных норм вытекает из естественных потребностей человека в социальном порядке. Не только общество и его

главенствующие образования, но и сами граждане, представляющие те или иные группы, слои, сообщества, одинаково осознанно ориентируются на упорядоченные действия. Все базовые установки социальной системы, полагал Т.Парсонс /4/, формируют у людей устойчивою приверженность к определенным общепринятым ценностям и стандартам поведения.

Собственно говоря, на том же основывалась, можно считать, и позиция М.Вебера /5/, когда он предполагал возможность понимания отдельно взятым человеком других людей, всей окружающей его социальной реальности, а соответственно и ориентации поведения личности на установленный обществом порядок. Больше того, не случайно наличие «регулярного порядка» в дискуссиях моих коллег-социологов трактуется сегодня как некий условный, но всеобъемлющий баланс, приближающий к социальному равновесию весь существующий набор человеческих интересов и устремлений.

В соединении с мотивами классической теории мысли такого рода помогают лучше понять «балансовую» функцию социализации. К примеру, Ч. Миллс /6/ подчеркивает, что имеются два главных средства, при помощи которых поддерживается социальное равновесие. Первое – это социализация, посредством нее новорожденный индивид делается социальной личностью, то есть приобретает мотивы для совершения действий, требуемых или ожидаемых другими. Второе средство – социальный контроль, имеющий в виду все возможные способы поддержания порядка среди людей. Суть заявлена ясно, и следовать ей достаточно просто: и социализация как инструмент гражданского порядка, и контроль как форма управления порядком в равной мере опираются на преемственные критерии, нормы, ценности, которые и создают искомое равновесие в обществе.

Не приходилось нигде раньше ее встречать, но мне представляется очень важным вычленить здесь мысль, весьма знаменательную для понимания места социализации в обеспечении социального равновесия. Условия российских реформ, реструктуризация отраслей и производств

выявили очевидную слабость социализационного потенциала для старших поколений – вынужденных адаптантов. Если в процессе социального становления молодежи новые рыночные критерии и нормы поневоле внедрялись в сознание подрастающей рабочей смены, тех же будущих выпускников вузов и технических училищ за счет образовательных программ, близкой молодым современной информационной среды, то о социализационных средствах для более старших возрастов никто особенно и не подумал. Преобладала стихия переходного периода, именно она учила и готовила жить по-новому. И это лишний раз подтвердило стереотип неверного, ограниченного понимания социализации. Она не равна становлению личности, она должна идентифицироваться со всем жизненным циклом человека, со всеми этапами его социального развития и совершенствования.

Как бы там ни было, но только непрерывно идущая социализация является для общества гарантией того, что новые поколения смогут полноценно воспроизвести опыт поколений старших, сохранить существовавшие до них социальное равновесие и взаимодействие, не разрушить основополагающие ценности, потеря которых была бы чревата многими негативными последствиями. Социализации предназначено предотвратить социальную аномию, дезорганизацию гражданских устоев, утрату культуры, перспектив общественного развития и жизнесбережения.

Человек становится социальной личностью, будучи одновременно и объектом, и субъектом социализации. Он усваивает социальные нормы и культурные ценности не только для того, чтобы продемонстрировать обществу свою гражданскую лояльность, но и чтобы успешно самореализоваться, достичь неких профессиональных, творческих, интеллектуальных вершин. С этой точки зрения цели, которые ставит перед собой индивид в согласии с общими установками общества, могут оказаться более или менее адекватными степени их осознанности, характеру условий жизни, возможностям и личностным ресурсам человека. И вопрос тут в том,

сможет ли сам индивид обнаружить какие-то расхождения между своими запросами и своими возможностями, а затем и изменить цели или способы их достижения, либо эти функции возьмет на себя внешняя управляющая система. То есть будет ли в данном случае больше проявлена субъектность в процессе социализации, или же акцент сместится на управление объектом.

В контексте темы последнее представляется более существенным, ибо до сих пор процессы социализации продолжают считаться малоуправляемыми, а задачи так называемых «агентов социализации» формулируются чаще всего вяло, вне контекста принятых управленческих технологий. На эту особенность обратил внимание О.П. Сольский, который счел большим парадоксом позицию тех, кто предпочитает видеть в социализации «естественный», без управляющего воздействия ход вещей /7/.

Уточню: основными агентами социализации /8/, как правило, выступают семья, система образования и воспитания, объекты культуры, круг личного и коллективного общения, средства массовой информации, общественные формирования и неформальные группы, трудовые коллективы, деловая среда, государственные учреждения, институты гражданского общества.

Уточню второе: социализация имеет свою типологию, в которой определенным образом учитываются зоны влияния только что названных агентов, а с другой стороны – причем это гораздо главнее – содержательный спектр процесса, когда социализация подразделяется на познавательную, профессиональную, правовую, политическую, трудовую, экономическую и т.д.

Уточню и третье: социализация включает две параллельные составляющие связанного с ней совокупного процесса – социальную адаптацию и интериоризацию (интернализацию). Одна означает, как определяет А.И.Ковалева /9/, приспособление человека к социально-экономическим условиям, ролевым функциям, социальным нормам и требованиям, среде жизнедеятельности. Другая составляющая целиком

относится к внутреннему миру человека, усвоению и интерпретации им социальных норм и ценностей для личного пользования.

В третьем уточнении, на мой взгляд, стоит обратить внимание на то, что интернализация, предполагающая широкое усвоение в интересах внутреннего «я» общепринятых установок, должна иметь в виду еще и их творческое изменение. Иначе нечем будет подпитывать прогресс самих действующих в обществе норм и ценностей. Но этот мотив почти всегда уходит в тень.

Может быть, причиной недобора нормативного творчества и в данном случае становится все тот же дефицит внешнего управления социализацией?

Почему любой отдельно взятый элемент процесса ориентирован на активное участие в его интерпретации самой социализируемой личности, но в то же время игнорируется тот известный факт, что и хорошо налаженная самореализация все равно всегда дает гораздо больший результат при дополнительном управляющем воздействии на социализацию еще одной стороны?

Со всех точек зрения понятно, что довольно нелепо выглядят или выглядели бы рассуждения о правовой или политической социализации без планируемого в них участия управляющей стороны, когда: а) отлично видно, в какой мере область права или сфера политики как таковые зависят от управления ими; б) абсолютно алогично надеться на дееспособность присущих им агентов социализации при отсутствии, допустим, в органах юстиции и власти, СМИ и учреждениях образования управляющих ими лиц и структур.

Вывод отсюда следует однозначный: налицо проблема управляемости социализационным процессом, преодоления своего рода стеснительности теории и практики, не стремящихся внятно признать отставание институтов социализации от требований времени, невыполнение ими социального заказа на укрепление ослабленных в обществе нравственно-этических норм,

моральных и культурных ценностей, на формирование инновационного начала.

* * *

Можно ли усилить воспитательную и инновационно-созидательную роль социализации? И нужно ли вообще ставить вопрос об управлении перманентным процессом гражданского и профессионального развития будущих и нынешних специалистов, работников производственной и социальной сфер? Полагаю, на эти правомерные сегодня вопросы следует отвечать утвердительно. И в силу уже называвшихся причин (включая научные обоснования), и потому, что без выравнивая социализационных траекторий, без смещения направленности личных и корпоративных программ в сторону общегражданских и общегосударственных интересов уровень нравственных, моральных потерь, которые несет общество, может превзойти допустимую критическую черту.

Если в самой простой схеме рассматривать социализацию как процесс сближения норм поведения, жизненных ценностей и устремлений человека с принятыми в стране законами, нормами общежития, культурными и духовными стандартами, то достаточно определенно можно проецировать задачи такого процесса на любую отдельно взятую социальную систему. Проецировать целенаправленно, стремясь формировать ту самую причастность людей к идее коллективного сознания, о которой писал Э. Дюркгейм.

Возникает потребность вычленить специфику подобной, более адресно ориентированной социализационной работы. Причем в качестве локализуемого объекта здесь могут выступать отрасль, корпорация, социальные учреждения, их отдельные структуры, а также выстроенные в виде целевых комплексов учебно-производственные конгломераты (например, профильные образовательные учреждения и предприятия, совместно реализующие стратегические цели, связанные с развитием кадрового потенциала отрасли или корпорации).

Предполагаемую в этом случае специфику вполне логично квалифицировать как прикладную, выполняющую заданные практикой задачи в той или иной сфере деятельности. Соответственно и тип такой социализации может идентифицироваться по тем же признакам. То есть в ряду других видов возникает право выделять **прикладную социализацию** /10/**.**

Непривычное для принятой типологии название нуждается, разумеется, в некоторых понятийных уточнениях.

Во-первых, за прикладной социализацией необходимо признать целевое назначение, она обслуживает практические задачи локального объекта (независимо от его масштаба, который может достигать, к примеру, федерального уровня).

Во-вторых, прикладная социализация должна носить стратегический, долгосрочный характер, ибо формирование личностных качеств, образовательных и профессиональных приращений требует большого времени и целого комплекса долгодействующих факторов.

В-третьих, для прикладной социализации в отличие от других видов социализационного процесса, где менее акцентирован момент управления объектом и больше стихийного начала, обязательным является управление в рамках локальной системы, решающей с помощью социализации свои общественно значимые проблемы.

В-четвертых, диапазон задач прикладной социализации касается по меньшей мере двух основополагающих сфер жизни человека – гражданской и профессиональной, и следовательно, в социализационном процессе должны сохраняться преемственные воспитательные, образовательные и производственно-деятельностные параллели, допустимые точки пересечения которых призваны координировать управленческие штабы, взаимодействующие в многопрофильной корпоративной системе.

Исходя из этого, *прикладную социализацию можно определить как вид социализационного процесса, предназначенный для выполнения заданных*

практикой задач в одной из сфер деятельности для достижения стратегических, долгосрочных целей в системе гражданского и профессионального развития личности.

Феномен прикладной социализации, если иметь в виду все выявленные ее особенности, заключается в том, что стратегически пролонгируемая зона управляемого воздействия на становление и развитие «человека системы» (той же, допустим, социальной сферы) не просто увеличивает время и содержательный диапазон контролируемого процесса, а привносит в этот процесс естественную связь общественных (корпоративных) и личных интересов, целеориентирует их на реализацию взаимовыгодных планов. Одно дело, скажем, планировать профессиональный рост, служебную карьеру только для себя и совсем иное – сопрягать такие личные перспективы с совпадающими по целям программами развития организации, где эффективность кадрового потенциала оценивается не односторонне, потребительски, а с достаточной мерой социальной ответственности.

Прикладная социализация, по сути, как бы выполняет пока негласный, но уже реально существующий социальный заказ: помогает поддерживать в обществе социальное равновесие и одновременно напоминает о неизбежной проблеме воспроизводства человеческих ресурсов, игнорировать которую становится все опаснее. Ведь воспитание будущего специалиста, придание его карьере общественно значимых ориентиров, поддержка профессионального, семейного статуса, приращение качества жизни на всех последующих этапах трудовой деятельности – это и общий материальный, финансовый достаток, и гарантированная самоотдача на рабочем месте, и сознательное участие в достижении высоких инновационных результатов.

Рассматривая прикладную социализацию как долгосрочное средство поддержания в человеке целеориентированного начала, нельзя упускать из виду, что влияние на этот процесс должно быть разумно распределено между всеми его участниками. Каждый этап жизни предполагает для личности своего главного «поводыря». И если мы говорили ранее о неоправданном

нередко акценте на социализацию исключительно для людей молодого возраста и фактическом отсутствии социализационных форм для более старших поколений, то мотив такого рода есть повод понимать сегодня уже гораздо шире по причине, которая обозначена в самом начале главы.

Приоритетные национальные проекты при отправных своих целях и задачах не могут игнорировать присущий им, скажу мягко, «побочный недостаток»: они предполагают разъяснительную работу, настраивание общественного мнения на соучастие людей в достижении важных обществу и государству результатов, но в программы реализации ПНП не включена отдельной строкой серьезная социализационная работа – дифференцированная по статусным категориям граждан и возрастам, близким и дальним срокам, сбалансированная по личным, общественным и государственно-стратегическим интересам.

Разумеется, речь здесь не идет об обычной социальной рекламе, где преобладает «распространение знаний, художественных ценностей, другой информации с целью формирования определенных взглядов, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей» /11/. В этом смысле ПНП в существенной мере подкрепляются телевидением, печатными изданиями. Серьезная же социализационная работа в русле национальных проектов видится прежде всего инструментом новой социальной политики: во всех сферах экономики, производства, техники, социальной жизни должны появиться единые по духу и своей направленности нормы человеческого сотрудничества, моральные ценности, которые соответствовали бы желаемым изменениям. В том числе настраивали бы на преодоление демографического кризиса, реанимацию трудовых ресурсов и производственного потенциала, укрепляли семейные приоритеты и помогали всестороннему (не только физическому) оздоровлению населения.

Стратегия прикладной социализации, будучи принятой на официальном государственном уровне, позволила бы скрепить приоритетные национальные проекты общей идеологией жизнесбережения, объединить их

надведомственными целями и, что может стать главным, максимально сблизить формируемую под новое время психологию людей (гражданскую по своей сути), существующие порознь адаптационные механизмы отраслевого, корпоративного, первичного производственного уровня и содержащиеся в проектных программах общезначимые долгосрочные ориентиры.

Схема организации прикладной (всегда – целевой!) социализации при таком подходе могла бы иметь:

а) *идеологию*, основанную на приоритетах (ценностях) национальных проектов с их идеями жизнесбережения и воспроизводства человеческих ресурсов;

б) *управляющий орган* (реализация проектов + формирование адекватной их целям психологии социального действия);

в) *пакет норм, образцов поведения* для всего комплекса социализационной работы, среди которых отдельное место занимают правовые нормы (они особенно важны в военных организациях, где социализация и воспитание несут свою дополнительную нагрузку /12/);

г) *социализационные программы* для этапа вхождения молодого человека во взрослую жизнь (семейное, дошкольное, школьное, вузовское воспитание);

д) *социализационные программы* отраслевого (корпоративного) уровня;

е) *социализационные программы* первичного производственного уровня с учетом специфики организационно-правовых форм предприятий, фирм и учреждений, объемов и характера их деятельности;

ж) *мониторинговый контроль,* позволяющий отслеживать динамику тенденций и результаты реализации национальных проектов на фоне управляемого государством и обществом социализационного процесса.

Столь инновационный подход неизбежно потребует множества коррекций и уточнений, если будет взят на вооружение. Однако его возможности следует оценивать гибко. Что-то наверняка востребуется

быстрее, а какие-то идеи, не исключено, покажутся кому-то преждевременными. В русле предлагаемой схемы, тем не менее, остается то рациональное, на что рано или поздно, но обязательно появится свой заказчик.

Источники

1. См.: *Карпенков С.* Образование и развитие через воспитание // Вузовский вестник. – 2008. – №2.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. – Т.42. – С.265; Т.23. – С. 188.
3. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с фр. – М., 1995. – С. 252, 254-255.
4. См.: *Parsons T.* The Sosial System. – Glencoe, 1951. – P. 41-42.
5. См.: *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. – М., 1995. – С. 21-32.
6. *Миллс Ч.* Высокая теория // Американская социологическая мысль. Тексты/Под ред. *В.И.Добренкова.* – М., 1994. – С. 153.
7. *Сольский О.П.* Особенности политической социализации молодежи в условиях местного сообщества / Дис… канд. социол. наук. – М., 2004. – С. 23.
8. См., напр.: *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. – М., 1994. – С.114; *Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи: Теоретические вопросы. – М., 1999. – С. 243-257.
9. *Ковалева А.И.* Социализация // Социологическая энциклопедия: В 2 т. – М., 2003. – Т.2. – С. 446.
10. См.: *Усманов Б.Ф.* Феномен прикладной социализации // Мир транспорта. – 2006. – №1.
11. Социологический энциклопедический словарь / Ред. *Г.В.Осипов.* – М., 1998. – С. 271.
12. См.: *Агранат Д.Л.* Особенности правовой социализации студентов – юристов в условиях военного вуза // Знание. Понимание. Умение. – 2008. - №3. – С.92.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Как вы понимаете суть социализации и в чем видите ее преломление к задачам приоритетных национальных проектов?

2. Правомерно ли, на ваш взгляд, считать социализированной именно ту личность, которая наделена умением подавлять индивидуальные интересы во имя общественных?

3. Какой новый аспект подразумевает названная в главе «прикладная социализация»?

4. Насколько реально сделать управляемым социализационный процесс во «взрослом» трудовом коллективе? При рыночных отношениях?

5. Что может стать элементами инновационной системы, предназначенной для организации прикладной социализации под цели и задачи национальных проектов?

Экспресс-анализ

Предлагаю самый доступный способ, чтобы убедиться в наличии или отсутствии стыков между мотивами приоритетных национальных проектов и формирующей социализационные цели практикой каждого из звеньев государственной или корпоративной системы.

Возьмите две недельные подшивки любой федеральной газеты и местной городской газеты. Попробуйте найти в них:

а) сообщения о том, как идеи национальных проектов реализуются применительно к работникам того или иного трудового коллектива, к их личным и семейным проблемам;

б) информацию о том, как местные органы власти формируют у населения представления о целях и базовых ценностях национальных проектов;

в) факты, которые хотя бы в самом общем виде свидетельствовали о преемственности стратегии образовательной, производственно-трудовой и социальной сфер города, региона, отрасли.

Сделанные при этом обобщения и выводы дадут, будем полагать, немало аргументов в пользу прикладной социализации.

Что такое хорошо и что такое плохо

Историческая педагогика эволюции

На выставке новоделов из коллекций военно-исторических клубов Казани впервые были собраны воедино научные реконструкции военных доспехов и мундиров, оружия прошлых веков.

Идея экспозиции принадлежит клубу «Витязь», существующему при Национальном музее Республики Татарстан. Он объединяет взрослых, для которых погружение в древность стало увлекательным хобби, и детей, чьи интересы к истории выходят за рамки школьной программы. Изучение основ различных ремесел, участие в археологических раскопках и ролевых играх, дающих возможность «погрузиться» в далекое прошлое, позволяют членам клуба по-новому осознать миссию человека на Земле, свою ответственность за воспитание подрастающего поколения и будущее родной страны.

В.Хабаров, Г.Назипова (Казань)

Фронтовая радиостанция по-прежнему в строю

Жители хутора Прикубанский Краснодарского края создали музей собственной истории.

Теперь почти все хуторяне могут считать себя собирателями и хранителями старины: кто-то принес старинную икону, кто-то пресс, которым казаки виноград давили на вино, домотканый ковер своей бабушки, пресс для медовых сот, прялку… Есть в музее и такой уникальный экспонат, как действующая радиостанция, собранная еще в годы Великой

Отечественной войны. Ее подарил фронтовик, бывший военный радист В.Гнездилов. Он был в числе освободителей хутора от немецких захватчиков. Ветеран живет в Калининградской области, но более 60 лет поддерживал с хуторскими радиолюбителями связь с помощью этой фронтовой радиостанции.

(«Труд», 2006, 27 января)

Борьба с матом – это надолго

Наверное, нет местечка в необъятной нашей Родине, где не услышишь нецензурные выражения. И трудно доказывать, насколько они противоестественны – не понимают, не верят таким доводам.

Группа ученых РАН, исследовавшая влияние «великого и могучего русского языка» на жизнь нашего общества, пришла к неожиданному выводу. Оказывается, с помощью образов, создаваемых мысленно при разговорах, человек созидает или разрушает свой генетический код. Выяснилось, что молекулы ДНК могут обмениваться информацией посредством акустических волн.

Значит, молекула способна слышать нашу речь и воспринимать наши мысли. При этом она определенным образом реагирует на полученную информацию, оздоравливаясь или заболевая. Например, классическая музыка увеличивает ресурсы генетического аппарата человека, а проклятия разрушают программы, отвечающие за правильное функционирование организма. Информация может фиксироваться в ДНК, тем самым влияя на здоровье последующих поколений.

Не исключено, что одна из причин нездоровья наших детей в том и заключается: нецензурную лексику они слышат чаще, чем слова любви и нежности.

(«За Калужской заставой», 2005, 12 октября)

Летом прошлого года «Труд» сообщал, что в Белгородской области началась борьба со сквернословием. Теперь можно сказать, что объявленный «поход против мата» не оказался временной кампанией.

Правительство области утвердило подробный план мероприятий, направленных на искоренение сквернословия. Намечена большая работа с детьми и молодежью. Это и внеклассные занятия по культуре речи и поведения, и меры по популяризации русского языка, и единые дни борьбы с ненормативной лексикой, и коррекции правил поведения в образовательных, медицинских, культурных, спортивных учреждениях, в которых будет содержаться прямой запрет на нецензурщину.

(«Труд», 2005, 30 марта)

Знания повысили в цене

Все более и более распространенной проблемой у американцев становится нежелание детей учиться. Различные факультативы, повышающие мотивацию к обучению, уже не помогают, поэтому в США решили воздействовать на нерадивых школьников конструктивным способом; за каждый приход на занятие и заботу во время урока ученикам выплачивается «пособие» в размере 8 долларов. В некоторых школах, где эта система уже введена, наблюдается увеличение посещаемости занятий и интереса к получению знаний.

("Мир новостей",2008, 13 Февраля)

Проектное задание

В схеме организации прикладной социализации, которая еще долго будет носить инновационный характер, каждый из элементов нуждается в детализации и развитии. Но главное – схема должна восприниматься в двух ракурсах. Один предполагает универсальность и потому допускает абстрактность. Другой заведомо ориентирован на реальный управляющий объект, некую зону социализационных действий и воздействий.

Возьмите на выбор удобный для вас объект (предприятие, организацию, социальный центр, муниципальное образование) и спроектируйте для него свою организационную схему, свои программы и руководящие структуры. И подготовьте подобающие аргументы, чтобы защищать проект перед компетентным жюри.

Удачи вам!

Глава 21. Индекс социального развития: страна – территория – личность

Перебрасывая своеобразный мостик из предыдущей главы, хочу лишний раз подчеркнуть неизбежную взаимосвязь социализационных процессов и приоритетных программ жизнесбережения народа. Никакой национальный проект не достигнет больших целей, если любой потенциальный их участник не будет им соответствовать своими внутренними убеждениями, устремлениями, личными качествами. Качество жизни масштаба страны или отдельной территории – это всегда еще и производное совокупных личных качеств граждан, населения. Хотя зависимости здесь, конечно, совсем не арифметические.

Личные качества включают физическое и нравственное здоровье, знания и способности, навыки и умения, психологию творца или, наоборот, ретрограда, а также многое другое. И вопрос в том, когда мы примеряем к будущему специалисту или нынешнему труженику те или иные характеристики, в какую сторону повернется завтра развитие личности, какие интересы в человеке станут преобладать – эгоистические, крайне индивидуалистические или общественные, коллективистские. Причем тут важны именно те критерии и соответствующие им механизмы, которые были бы наглядной опорой и для самой развивающейся личности, и для управляющего социализацией звена. В этом случае определенные целевые функции можно делегировать как образовательным или производственным организациям, так и органам власти, все больше сознающим всеобщую ответственность за жизнесбережение и судьбу столь неоднозначных сегодня в России социальных ценностей.

Идея, которую я собираюсь изложить, родилась на перекрестье нескольких общецивилизационных тенденций. И с этой точки зрения, если основываться на игре слов, она может называться «тенденциозной». Но таковой ее могут посчитать – причем уже вполне серьезно – и те ученые,

которые скептически смотрят на любую попытку научно, осознанно управлять индивидуальным развитием человека, личности.

Сначала о реальных тенденциях, чей временной диапазон не превышает 15-20 лет, и потому есть основание числить их принадлежностью и века прошлого, и века нынешнего.

Масштабы и характер перемен на грани двух тысячелетий сделали естественным употребление слов «глобалистика», «глобальные проблемы», «глобализация» и множества производных от них, близких по смыслу определений. Введя эту терминологию в научный оборот тридцать лет назад, Римский клуб в 1990 году еще более расширил ее общественное предназначение. Отталкиваясь от философско-политической концепции глобального мышления, рассматривавшей современный этап человеческой цивилизации как становление взаимозависимого и целостного мира, члены клуба в первом своем коллективном докладе обозначили переживаемую на Земле ситуацию в виде «первой глобальной революции».

На мой взгляд, перевод понимания идущих процессов в такую плоскость имеет под собой ряд принципиальных проблем, отражающих общие тенденции цивилизационного развития.

Ученые отмечают, что если переход от первобытнообщинного строя к оседлому фермерству занял тысячелетия, а начатая два века назад в Англии промышленная революция географически (всеохватно) до сих пор не завершена, то ростки глобальной революции, только-только обозначившись, могут точно так же неопределенно долго пробиваться сквозь прочную броню старопрочного мирового управления. Но эти тенденции сторонники глобализации никоим образом не связывают с какой-либо идеологической основой: провозглашенная революция, по их мнению, формируется под воздействием сугубо геостратегических потрясений, социальных технологических, культурных и этнических факторов.

Подобная оценка представляется неточной. Прежде всего потому, что она вступает в явное противоречие с главной революционной целью –

мобилизовать энергию людей и их политическую волю на создание нового глобального сообщества. Вопрос в другом – какое реальное содержание она в себе несет. Почему о ней чаще предпочитают молчать.

Полагаю, некоторая недоговоренность возникает по той причине, что за идеологией глобального развития стоит необходимость признавать в качестве движущей революционной силы не только транснациональные корпорации, международный банковский капитал, но и отнюдь не самые богатые социальные группы общества, народ тех стран, которые причастны к процессам глобализации. А это, как известно, достаточно деликатная тема: кому хочется лишний раз напоминать о роли народных масс в истории. Несомненно, удобнее обходиться иной, более близкой к социологии, чем политике, терминологией. Поэтому те же теоретики Римского клуба предпочли с самого начала заявить, что успех или крах экономического, социального и культурного развития наций в конечном счете будут определяться уровнем их человеческого потенциала и эффективностью его реализации.

Прогноз этих теоретиков, считает Т.И.Заславская, подтвердился, и конец XX века, по свидетельству многих ученых, ознаменовался резким изменением системы ценностей, целевых ориентиров и критериев общественного прогресса. На ведущее место вышли факторы, связанные с условиями жизнедеятельности человека, качеством его жизни. В настоящее время человеческий потенциал признается главной составляющей национального богатства и основной движущей силой экономического роста /1/.

При таком подходе, замечу, доход или прибыль как самодовлеющий смысл экономической модели развития отходит на второй план, а в качестве смыслообразующей ценности выступает уже расширение вариантов выбора человеком содержания и способов своего существования. Человек перестает быть только фактором производства, носителем социально-экономических и

политических перемен, а рассматривается принципиально иначе – как первостепенная цель социального и цивилизационного прогресса.

Утвердившая себя в мировой практике тенденция к оценке качества жизни не только экономическими показателями рождает свои неординарные продолжения. Возникло стремление (и, не исключено, появились уже вполне адекватные возможности) спроецировать прежние отвлеченные измерения социально-экономического состояния общества сначала на среднестатистического гражданина, а затем и на отдельно взятого индивида. Эта логика в свою очередь подталкивает как к осмыслению имеющегося материала, так и к поиску реальных форм контроля и управления индивидуальным развитием человека.

В 1990 году ООН ввела в обиход ежегодные доклады о развитии человеческого потенциала. В международном лексиконе появился новый интегральный показатель – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который отражал суммарный уровень социального развития населения отдельно взятой страны. Его преимуществом стали стремление комплексно отразить человеческое развитие, отказ от подхода к человеку исключительно как к экономическому ресурсу, фактору производства. Методология расчета ИРЧП оказалась достаточно универсальной для любого региона мира/2/.

В числе учитываемых показателей этого индекса – ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, индекс уровня жизни. Вместе они олицетворяют три главных качества – здоровую и полноценную жизнь, базовые знания, достойные условия жизнедеятельности. Важно при этом, что традиционные концепции экономического роста строились на величине валового национального продукта, а концепция развития человеческого потенциала исходит из ориентации на повышение качества жизни человека, расширение его возможностей во всех областях.

Согласно расчетам, максимально возможное значение ИРЧП – 1 (единицу) способна получить страна, в которой средняя продолжительность

жизни равна 85 годам, валовой внутренний продукт на душу населения (с учетом паритета покупательной способности) составляет 40 тысяч долларов США. Это государство, где 100% взрослого населения являются грамотными, а все, кто достиг соответствующего возраста, посещают начальную и среднюю школу или учатся в высшем либо среднем специальном учебном заведении.

Ближе всех к этим вершинам находилась некоторое время назад Норвегия, ее ИРЧП составлял 0,944. Самый низкий индекс был у Сьерра-Леоне, имевшей 0,275. А в отечественной табели о рангах, к примеру. Тюменская область заработала индекс 0.840.

Специалисты ООН проводят ежегодную оценку потенциала населения государств мира и определяют место каждого из них в общем ранжированном ряду. В зависимости от величины ИРЧП происходит деление на три группы. Индекс выше 0,800 единицы характеризует страны с высоким уровнем развития, от 0,799 до 0,500 – со средним и от 0,499 и ниже – с низким уровнем развития.

По опубликованным в 2007 году данным Россия занимала 67-е место в списке с индексом 0,802, то есть вернулась в число стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Однако среди европейских государств в рейтинге ИРЧП наша Федерация находится на последних позициях /3/.

Сторонники новой концепции /4/ отмечают, что в теоретическом плане развитие человеческого потенциала характеризуется двумя аспектами. Один из них – *формирование* самого потенциала, повышение уровня знаний, приобретение новых навыков, улучшение здоровья и т.д., второй – *использование* накопленного потенциала в производственных целях, для участия в политической и других видах деятельности, для отдыха, активного досуга.

При такой философской основе доход как цель и смысл экономической модели развития отходит на второй план, а в качестве главной ценности выступает расширение вариантов выбора человеком содержания и способов

своего существования. Человек перестает восприниматься как только фактор производства, носитель социально-экономических и политических перемен, а рассматривается уже шире – как цель социального и цивилизационного прогресса.

Принципиальный момент: концепция развития человеческого потенциала сводит воедино как сферу производства и распределения товаров, так и область использования потенциала человека.

На этом фоне появление ИРЧП как социального интегрального показателя приобретает все более расширяющийся смысл.

Во-первых, его особенность в том, что он упрощает восприятие чрезвычайно сложных общественных процессов, не искажая и не фальсифицируя их. Достигается это за счет сведений, сравнительные характеристики которых одинаковы для объектов и субъектов анализа, а кроме того, свою роль играет то, что математические расчеты, сопутствующие индексу, не требуют профессиональных знаний на уровне, превышающем университетские образовательные стандарты.

Во-вторых, возникает потребность в совершенствовании методики учета качественных характеристик человеческого потенциала. Пока индекс не может дать полного количественного представления по целому ряду параметров и не затрагивает непосредственно такие свойства, которые не имеют статистического или математического измерения. В их числе – политическая свобода, отношения между поколениями и степень их равенства, экологические условия развития личности, морально-этические оценки общественных отношений и т.п.

В-третьих, становится очевидным, что нельзя абсолютизировать интегральный смысл индекса. Его основным назначением в любом случае остается задача показать, в каком направлении осуществляется развитие и насколько далеко ушли страны с точки зрения накопления и использования человеческого потенциала.

В-четвертых, впервые возникает, на мой взгляд, совершенно невозможный ранее цивилизационный стандарт: можно относиться наглядно и в приближении к реальности сравнивать базовые (а для кого-то стартовые) условия жизни человека в той или иной стране, планировать его индивидуальное социальное развитие в соответствии с индексом расчетного человеческого потенциала на территории своего проживания.

Тенденция, сформированная при непосредственном участии ООН, коснулась, разумеется, и России. В рейтинге российских регионов за 2003 год, подготовленном российскими учеными по заказу этой международной организации, отражена показательная картина социального развития территорий нашей федерации. Первую строчку закономерно занимает Москва, на втором месте – нефтегазовая Тюменская область, на третьем – Республика Татарстан.

По мнению составителей российского рейтинга ИРЧП /5/, ситуация такова, что будь Тюменщина государством, она смогла бы смело войти в число развитых стран мира. Если смотреть на отдельные составляющие ИРЧП, то самый высокий душевой валовой региональный продукт был тогда отнюдь не в Москве, а именно в Тюменской области – более 25 100 долларов в год. В мире всего 12 стран, способных похвастаться лучшим результатом. Допустим, аналогичный показатель Японии на тот момент равнялся 25 130 долларам, Германии – 25 350. Со своими данными в этой категории Тюменская область могла бы занять среди всех учитываемых государств 36 позицию, тогда как Россия стояла в списке на 63 месте.

Пример с Тюменской областью подчеркивает несомненность той тенденции, что связана со всеобщим стремлением российских регионов выйти из состояния борьбы за выживание, характерного для реформ конца XX века, к формированию реальной стратегии развития. И что привлекает в первую очередь – поиск стратегических ресурсов напрямую коррелируется с оценкой человеческих ресурсов.

В 2003 году, формируя подобную стратегию, Белгородская администрация и областная дума в ее основу положили как раз идею воспроизводства и развития человеческого потенциала. Эта идея нашла последовательное отражение в программе улучшения качества жизни населения /6/.

По мнению белгородских разработчиков концепции, качество жизни представляет собой систему показателей, характеризующих уровень реализации потребностей человека, степень удовлетворенности его жизненных планов, соотнесенных с минимальными социальными стандартами и ресурсными возможностями общества. При этом указанные показатели должны подкрепляться уверенностью людей, что им удалось сохранить и не поставить под угрозу свою физическую и психическую целостность, личную свободу и условия для творчества.

Качество жизни населения, естественно, весьма различается в зависимости от социального статуса человека. Исследования, проведенные в Белгородской области, позволяют утверждать, что существуют проблемы, решение которых одинаково удовлетворяет различные группы населения, а есть те проблемы, степень разрешения которых совершенно по-разному оценивается людьми, имеющими отличное друг от друга социальное положение. К числу первых относятся: экологическая ситуация, услуги связи, благоустроенность территорий, качество медицинского обслуживания, уровень защиты прав личности, уровень образования. К числу вторых: размер доходов, состояние здоровья, размер имущества и собственности, степень защищенности обслуживания, возможности участвовать в управлении обществом, степень реализации жизненных планов.

На этом основании белгородские авторы делают вывод, существенный и применительно к работающим категориям населения, и применительно к категориям неработающих людей, включая студенчество: программа улучшения качества жизни должна иметь адресный характер,

разрабатываться и реализовываться с учетом дифференциации потребностей /7/.

При всей кажущейся непритязательности вывода за ним опять же стоят серьезные, вполне сложившиеся тенденции. Иного плана, чем ранее называвшиеся, но столь же многозначные, поскольку подтверждены практикой уже немалого числа стран. И практикой России – тоже.

С одной стороны, развитие социально-экономических процессов ускоряется, потенциал того или иного государства наращивается быстрее, и следовательно, у человека появляется возможность выбирать из большего количества жизненных стратегий, глубже интегрироваться в общественные взаимоотношения, достигать более высокой степени самореализации. Но, с другой стороны, наряду с данными глобальными тенденциями, как замечают исследователи /8/, коренные изменения в нашей стране привели к тому, что старые модели таких стратегий перестали работать, а новые далеко не везде успели сформироваться.

Новой тенденцией, по сути, стало то, что у человека возникли потребность и интерес к отдельным аспектам управления своей жизнью, но так и не появились четко понимаемые механизмы стратегического жизненного целеполагания и целедостижения, а равно и тот инструментарий, который учеными квалифицируется как принадлежность «экзогенного персонального управления» /9/.

Значение этой новой тенденции, связанной с трудностями самореализации человеческого потенциала, по-своему акцентировал и наблюдаемый сегодня глобальнай экономический кризис. Поставленные перед необходимостью самостоятельно искать выход из сложившейся на рынке труда ситуации, граждане (особенно молодые, не очень обремененные жизненным опытом) уже совсем не полагаются на государство, местные администрации и мало надеятся на помощь организаций, в которых работают. О чем свидетельствуют, в частности, данные социологических опросов ВЦИОМ в Феврале 2009 года и Волгоградской академии

государственной службы в августе 2008 года, позволяющие исследователям, во-первых, видеть определенные зависимости антикризисных мер с выработкой реальных перспективных целей, а во-вторых, ставить вопрос о неизбежности использования социальных ресурсов для достижения стратегически важных экономических результатов /10/.

Здесь мы, собственно, и подходим непосредственно к идее об индивидуальном индексе социального развития. Ибо из всего сказанного становится совершенно ясно: а) человеческий потенциал территории никто пока не связывает с показателями личного развития; б) качество жизни, которое формируется для человека, никто не соизмеряет с его личными стратегическими интересами; в) экономический рост и параметры социального развития региона, города никак не соотносятся с достижением личных жизненных целей.

Индивидуальный индекс социального развития (ИИСР), по моим представлениям, должен отражать в некоей совокупной величине, как и ИРЧП, интегральные характеристики реализуемой личностью жизненной стратегии и соответствующих ее социальному статусу жизненных целей.

В основе идеологии индивидуального индекса лежит мысль о том, что каждый человек хочет получить в жизни определенные преимущества, обеспечить себе удовлетворение неких потребностей, добиться профессионального успеха, сделать карьеру, наладить личную и семейную жизнь по наиболее возможным для себя стандартам.

При разработке необходимых критериев выбора и оценки жизненных планов возникает ряд задач двоякого рода. Во-первых, нужны показатели, позволяющие намечать и контролировать уровень качество жизни. Во-вторых, следует четко дифференцировать особенности каждой из групп населения, на которые ссылались, в частности, белгородские исследователи.

Что касается учитываемых показателей социального развития, то тут могут быть использованы многие из тех, которые определяют индекс развития человеческого потенциала или индекс качества жизни. И на этом в

данном случае не хочется делать главный акцент. Важнее более подробно сказать – хотя и тоже пока в заявочном варианте – о дифференциации групп и персональном индексе для представителей прежде всего студенческой среды.

У студентов характер действий по целеполаганию и целедостижению, как и у других людей, различен, причем меняется он не только в зависимости от принадлежности к той или иной группе учащихся, от возраста, но и с течением времени сообразно этапам становления человека как специалиста, профессионала и гражданина. Впрочем, несмотря на это, данные процессы имеют общие черты и закономерности, что позволяет на основе анализа эмпирической информации отобрать относительно единообразный инструментарий для сопровождения процедур разработки, учета и реализации жизненных стратегий человека.

В отечественных источниках есть ссылки на то, что многие западные исследователи говорят о трехфазной модели жизненного цикла человека, а японские специалисты выделяют четыре фазы (от рождения до окончания школьного образования, поступление на работу и создание семьи, трудовая жизнь, старость) /11/. При такой дифференциации, целенаправленно управляя качественными и количественными параметрами смены фаз, человек может максимизировать позитивную отдачу от каждого этапа.

Содержание целей и задач любого из этапов жизненного цикла имеет различное наполнение и, соответственно, оценивается своими показателями. В детстве человек чаще всего полностью зависит от родителей, семьи, он не способен, как правило, самостоятельно принимать судьбоносные решения. В зрелые годы обретается самостоятельность, и степень влияния на программирование своей жизни значительно увеличивается. Студенческий этап – это как раз своеобразный Рубикон, перейдя который, личность окончательно определяет генеральную линию своего развития.

На более ранней или более поздней стадии студенческого этапа формируется та разделительная черта, когда по одну сторону остается

экзогенное управление параметрами личности, а на весь оставшийся впереди период жизни главенствующее место занимает эндогенное управление. Экзогенное управление помогают осуществлять сначала родители, затем друзья, школьные педагоги, на студенческом этапе действует уже целый комплекс лиц и обстоятельств, содействующий социальному развитию. Эндогенное управление становится преобладающим в меру приобретения человеком самостоятельности, и стартовые условия, несомненно, формируются в момент приобретения профессии.

Если в целом индивидуальный индекс социального развития предполагает преломление на уровне личности интегральных показателей уровня и качества жизни в стране, на отдельной ее территории, то применительно к студенту и его среде можно говорить, что ИИСР – это стартовый индекс. С какими величинами знаний, здоровья, профессиональных умений, способностями и возможностями выбирать и быть выбранным выйдет из стен вуза начинающий специалист – таким потенциалом и будет определяться его собственное «я» и участие в совместно труде, творческом поиске, а в конечном счете – качество его жизни.

Принимая для студента ИИСР как стартовый индекс, необходимо реально представлять или, точнее, дифференцировать два момента.

Во-первых, четко подразделять, что именно относится к стартовой базе и непосредственно принадлежит самому студенту (в меру его обособленности от семьи, родителей), а чем он только временно пользуется (например, общежитием или взятым напрокат ноутбуком). Это существенно, ибо любые социальные приращения в будущем должны оцениваться по адекватной и вполне сравнимой шкале ценностей.

Во-вторых, следует не менее четко подразделять две линии индивидуального развития, ибо, по сути, возникает своего рода дилемма: что оставлять в формируемом индексе социального развития для общего пользования (то есть в соотносимом с официальной статистикой виде), а что

предполагать лишь для личного пользования, сохраняя в закрытом варианте (на своеобразном пин-коде). Это принципиальный момент, поскольку без такого компромисса любому молодому человеку, видимо, трудно рассчитывать на стратегическое управление своей профессиональной карьерой, интеллектуальным развитием, другими социальными приращениями к личной жизни.

С одним, первым моментом все достаточно понятно, тут действуют в общем-то апробированные критерии. Во втором случае, по совокупности складывающихся представлений, напрашиваются к рассмотрению следующие, отнюдь не взаимоисключающие решения:

а) каждому будущему специалисту, который готов ориентироваться на высокие критерии ИИСР, нужно сформировать комплекс параллельных личных программ открытого и закрытого типа (как минимум это могут быть стратегия индивидуального развития, ориентиры роста качества жизни, план профессиональной карьеры, планы личной и семейной жизни);

б) в распоряжение «индексируемого» передаются универсальная критериальная схема и типовые показатели, на которых основан расчет индивидуального индекса социального развития;

в) составители научных методик разрабатывают в соответствии с открытыми и закрытыми вариантами личных планов свою шкалу мониторингового отслеживания индивидуального социального развития (у студента и затем специалиста с вузовским дипломом).

Конечно, в данный момент формулируются лишь общие подходы к критериям, которыми надо будет руководствоваться при разработке механизмов и инструментария ИИСР. Но уже сейчас видна деликатность предстоящей работы. Нельзя никому навязывать личные программы социального роста. Можно только контролировать реальные или опосредованные показатели, динамику интегрального качества личной жизни и карьеры, социального благополучия. Тонкая материя ИИСР требует такой же тонкой научной организации.

Важны и общие особенности развития российского общества, влияющие на смыслосодержание и своеобразие процессов самореализации личности /12/, и добровольное принятие самим человеком принципов и программ личного развития.

Личность, сознавая программируемые ею цели, осмысленно корректируя собственные возможности и умения, в состоянии менять и наращивать качество не только своей жизни, но и влиять тем самым на тенденции социального развития трудового коллектива, региона, страны. И с этой точки зрения, несомненно, привлекательна позиция тех ученых, которые, как В.А.Никитин /13/, объективным критерием социального развития признают качество жизни, достигнутое всем обществом и каждой семьей на основе прогресса национального производства, роста материального и духовного благосостояния российских граждан.

Этими высокими материями мы сегодня чаще всего пренебрегаем. Но объективная связь между личным и общественным все равно неизбежно сохраняется. И не мешает время от времени оценивать человека и его жизнь по действительно большому счету. Со всей серьезностью и строгостью. Научной строгостью.

Не случайно в последнее время проблемам качества жизни, методам измерения его динамических характеристик уделяется все больше внимания /14/, а в ходе работы по приоритетным национальным проектам особую актуальность приобрели инновации в социальной сфере и тех отраслях, которые так или иначе связаны с жизнесбережением народа.

Показательно, что в рамках Концепции социально-экономического развития страны до 2020 года среди направлений перехода к инновационному типу задач первым обозначено приращение человеческого потенциала, включая улучшение условий и качества жизни, создание благоприятной среды для более полной реализации способностей каждого человека. Планируемые преобразования касаются приоритетов

демографической политики, здравоохранения и образования, социального комплекса и культуры, рынков труда и жилья /15/.

Сложились вполне определенные тенденции и инновационные запросы. И они, это естественно для природы социума, должны кем-то материализовываться. Нужны политические и организационно-управленческие решения. Причем не только в развитие уже начатого. Пора работать и на опережение.

Источники

1. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004. – С. 163.
2. См., напр.: *Соболева И.В.* Человеческий потенциал и условия на рынках труда // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе. – М., 2005. – С.157-159; *Лига М.Б.* Качество жизни как основа социальной безопасности: Монография. – М., 2006. – С. 192-194.
3. Социальные стандарты качества жизни: Сборник статей. – М.: Макс Пресс, 2008. – С. 16.
4. См.: *Жуков В.И.* Российский индекс развития человеческого потенциала // Муниципальный мир. – 2003. – №1. – С. 19-20.
5. Российская газета. – 2004. – 16 марта.
6. *Савченко Е.С.* Концепция программы улучшения качества жизни населения Белгородской области // Муниципальный мир. – 2003. – №1. – С. 27.
7. Там же. – С. 27-28.
8. *Коробейников Д.* Жизнь и карьера: стратегическое управление // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №6. – С. 77.
9. Там же. – С. 77-78.

10. См.: *Утина М.С.* Социальный капитал как ресурс антикризисной стратегии: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – №4. – С. 340-341.
11. Экономика труда и социально-трудовые отношения. – М., 1996. – С. 51.
12. *Кебина Н.А.* Смыслообразующие основы формирования и самореализации личности / Автореф.дис… док. филос. наук. – М., 2004. – С. 41.
13. *Никитин В.А.* Проблемы и направления реализации социального в обществе. – М., 2006. – С. 10.
14. См., напр.: *Субетто А.И.* Качество жизни: грани проблемы. – Кострома, 2004; *Григорьев С.И.* Основы становления социальной квалитологии как отрасли современного социологического знания. – М., Барнаул, 2004; Повышение качества жизни населения – важнейшая проблема Российской Федерации: Сборник докладов и статей по материалам III международного форума «Качество жизни: содружество науки, власти, бизнеса и общества». – М., 2006.
15. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662 – р.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. Какие тенденции общественного развития в России, на ваш взгляд, способствуют идее использовать в научной и управленческой практике индивидуальный индекс социального развития?

2. Почему на первый план в век всеобщей глобализации выходят факторы, связанные с условиями и качеством жизни человека? Есть ли здесь явные или скрытые противоречия?

3. В чем разница между введенным в оборот ООН индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП) и предложенным в этой главе индивидуальным индексом социального развития (ИИСР)?

4. Что общего между ИИСР и задачами социализационного процесса, программами приоритетных национальных проектов, ориентированных на жизнесбережение народа?

Экспертиза

Социальная паспортизация населения

На международной научно-практической конференции в Белгороде (2006 г.) В.М. Геращенко предложил проводить социальную паспортизацию населения регионов страны.

Социальный паспорт – по мысли автора, мониторинговое представление об объекте управления, куда входят все социально значимые сведения о человеке, определяющие его общественные, имущественные, правовые статусы. Создание такого информационного ресурса позволит повысить оперативность и координацию управления социальной сферой территории.

Под социальной сферой, что немаловажно, подразумевается при этом совокупность организаций и структур, непосредственным образом отвечающих за благосостояние, уровень качества и образ жизни людей.

Выступая в роли эксперта, напишите:

- *приходилось ли вам что-то ранее слышать об аналогичных предложениях, к какой категории (инновации, ретроинновации) относится данный случай;*
- *насколько близки между собой социальная паспортизация населения и идеи индексов человеческого потенциала, индивидуального социального развития? Обозначьте их стыки и дайте им свой комментарий;*

- *сделайте заключение о практической ценности социальных паспортов населения регионов.*

Дайджест

Ставрополь бережет здоровье

Проект «Здоровые города» зародился в канун последнего десятилетия прошлого века в Дании. Вскоре к нему присоединились 177 городов Европы и США. Участники акции понимают здоровье как гармоническое взаимодействие между физическими, психическими, социальными и духовными аспектами жизни людей.

Ставрополь подписал «Аалбергскую хартию» в 1994 году и начал участие в международном проекте с целевой программы «Образование и здоровье». Потом были и другие программы: социальной поддержки и содействия занятости населения, развития физической культуры и спорта, профилактики наркомании и алкоголизма, улучшения охраны труда и так далее.

Среди результатов – увеличение рождаемости, снижение заболеваемости детей, заметное уменьшение детской преступности и беспризорности, существенное сокращение безработицы в городе. В отдельных организациях (например, в центре стандартизации, метрологии и сертификации) сотрудники, которые ведут здоровый образ жизни, по итогам года получают премию в несколько тысяч рублей.

(«Российская газета», 2005, 1 февраля)

Курильщики глупеют быстрее

В аргументацию противников курения наука добавила еще один убийственный довод. Оказывается, у тех, кто курит, возрастная деградация интеллектуальных способностей идет в пять раз быстрее, чем у некурящих.

Этот факт подтвердил коллектив ученых из Национального института старения США под руководством доктора Леоноры Лоунер. Они протестировали 9200 человек старше 65 лет с интервалом в два года. И выяснили, что умственные способности курящих снижались на 0,16 пункта, а у некурящих – на 0,03 пункта в год. Это явление доктор Лоунер объяснила тем, что курение сужает кровеносные сосуды, питающие мозг, в результате чего ускоряется разрушение мозговых структур.

Данные американцев согласуются с материалами исследований в Великобритании (тестирование 1947 года и 2000-2002 годов).

(«Известия», 2005, 30 сентября)

Меньше дурман – полнее карман

На доске объявлений Калачинсного завода строительных материалов (Омская область) появился приказ директора о ежемесячной надбавке в триста рублей всем некурящим работникам. Легко подсчитать: за год здоровый образ жизни обещает к зарплате плюс почти четыре тысячи рублей.

Как считают на заводе, до 80% штата - курильщики. На перекупы у них за смену уходит по часу рабочего времени. В месяц на каждого набегает 24 часа - огромные потери, и вот вместо кнута предпочли пряник. Народу в курилках сразу поубавилось.

("Российская газета", 2008, 13 мая)

К батюшке на ковер

Во Дворце бракосочетаний города Воронежа нашли новый способ борьбы с разводами. Перед тем, как расторгнуть брак, супругам предлагается поговорить со священником.

Бракоразводная статистика и демографическая ситуация не могут не тревожить администрацию области. Воронежское управление, ведающее загсами, и Воронежско - Борисоглебская епархия РПЦ подписали

соглашение о сотрудничестве, одна из главных целей которого - повлиять на укрепление семейных уз граждан.

("Новые известия", 2008, 28 марта)

Курс молодого отца

Власти Липецкой области решили всерьез бороться с повальным разгильдяйством мужского населения и официально посвятили 2006 год отцам, чтобы они, в свою очередь, наконец-то посвятили себя семьям. Ведь по статистике, каждый шестой ребенок в области растет без папы, а потенциальные главы семейств видят смысл жизни не в продолжении рода, но в выпивке.

В областном центре прошел смотр-конкурс «Сын. Отец. Отечество», в котором участвовало более 500 человек. Финалом года должно было стать создание при каждой школе совета отцов. Кроме того, лучших пап будут выбирать сами дети – они напишут рассказы о своих родителях.

(«Новые известия», 2006, 26 февраля)

Звание – всем в назидание

Год назад в нашей газете был опубликован материал, который меня буквально потряс (Многодетные родители», «ЛГ», №5, 2006). Сергей Рыков рассказал о петербургской многодетной семье Юрия и Елены Мироновых. Статья – своеобразный гимн отцовству! Автор раскрывает педагогику отцовства и делает это очень убедительно.

После прочтения статьи у меня возникло предложение об учреждении почетного звания «Заслуженные родители…» В сегодняшней России эта социальная технология (почетное родительское звание) сыграла бы положительную роль.

Борис Усманов

(«Литературная газета», 2007, 21-27 марта)

Новый орден "Родительская слава"

Президент страны Дмитрий Медведев подписал Указ "Об учреждении ордена "Родительская слава". Им будут награждаться граждане России за заслуги в укреплении института семьи и воспитании детей.

Статус государственной награды предусматривает, что к ордену представляются родители (усыновители), состоящие в браке, заключенном в органах записи актов гражданского состояния, либо, в случае неполной семьи, один из родителей (усыновителей), которые воспитывают и/или воспитали четверых и более детей, образуют социально ответственную семью, ведут здоровый образ жизни, обеспечивают надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном воспитании детей, полное и гармоничное развитие их личности.

(Официальный сайт Президента России, *2008,* ***13 мая)***

Глава 22. Социальные технопарки в зонах управленческого партнерства

Объективно меняющаяся социальная политика в стране, появление приоритетных национальных проектов и модернизационных программ стимулируют инновационный поиск на всем социальном пространстве. Это касается социальной инженерии, социономии, управленческих и социальных технологий в самом широком их диапазоне, многих современных направлений научно-исследовательской деятельности. Но новые идеи в социальной сфере и социальной работе пока очень медленно пробивают себе дорогу. Впрочем, не лучше обстоит дело и с модернизацией производства. И все больше слышны разговоры о необходимости всеобщего «принуждения к инновациям» /1/.

Конечно, даже трудный, долго преодолевающий сопротивление среды инновационный процесс в любом случае приносит пользу. Не зря в чисто философском контексте принято считать, что дорога к цели не дается идущему и познающему человеку априори – она прокладывается как раз в ходе продвижения по ней. Не только идущий прокладывает дорогу, но и дорога делает идущего. Пройдя этот путь, он превращается в иного человека /2/.

Кроме того, есть и такой нюанс, как «предел новизны» (Э.Тоффлер). За некий короткий отрезок времени человек способен освоить новое только в границах возможного для себя. Ему может не хватить, допустим, знаний, опыта, психических или физических сил, внятно сформированного общественного заказа – полагаю, всегда что-то готово стать тем самым пределом. Задавая вопрос, как атаковать эту проблему, известный футуролог видел в качестве главного один путь: расширить адаптивные способности человека, в первую очередь – за счет образования, адекватного общему прогрессу /3/.

Та же социализация, о которой говорилось ранее, имеет аналогичные внутренние противоречия. Тут, правда, неприменимы методы типа «поспешай медленно», однако сбалансированность социализационного начала и методологического знания для снятия проблем подразумевается. Ведь, с одной стороны, успешная социализация предполагает позитивную адаптацию в обществе, принятие его изменений и реформаций. С другой – у человека проявляется способность в большей или меньшей мере противостоять общественным аномалиям – тем негативным, безнравственным проявлениям, которые отрицательно, антигуманно влияют на его жизнь, деятельность, самоутверждение.

Методология подготовки социальных работников в вузе, как констатирует петербургский профессор В.В.Горшкова /4/, обязана учитывать эти противоречия. Тот, кто вынужден полностью адаптироваться в социум, принимая не только положительные, но и негативные его проявления, определяет для себя позицию объекта, конформиста. Вместе с тем человек «неадаптированный» тоже может стать жертвой «неполноценной» социализации, выбирая активную позицию субъекта, вплоть до диссидентства или правонарушений.

Процессы модернизации общества, что важно для дальнейших рассуждений, в известной степени провоцируют оба типа социализации. И специалисты социальной сферы должны прийти к пониманию того, что им придется работать с человеком, принадлежащим пока противоречивому и не совсем предсказуемому обществу. Декларация демократических ценностей, призывы к развитию и уважению свободных личностей (и уточню: все это при сохранении вопиющего социального неравенства в российском социуме) на деле продуцируют условия, когда человеку чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно демонстрировать с пользой для себя и окружающих свою индивидуальную сущность. Даже столь нужные для эффективного функционирования государства и общества люди-творцы и те нередко становятся социально уязвимыми, поскольку не вписываются в категории

«спецов», «исполнителей», а пытаются утвердиться в роли уникальных и независимых творческих личностей.

Этот насыщенный взаимосвязанными направлениями «социальный перекресток» я не случайно обозначаю под методологическим углом зрения. Ведь, казалось бы, есть (или, по крайней мере, формируется) общепринятый инновационный подход. Серьезные научные силы разрабатывают и предлагают в помощь власти модернизационные проекты социальной сферы, специальной рабочей группой во главе с академиком РАН В.И.Жуковым года три назад была представлена на суд общественности «Социальная доктрина Российской Федерации» /5/. Только в период действия приоритетных национальных проектов проговорены многие стратегические и тактические решения… И все равно с методами, способами социальной перестройки полной ясности нет. Какими средствами достигать революционное качество социального продукта, неизвестно.

Разумеется, существует простая и в общем-то типичная схема организации масштабного (плоть до федерального уровня) инновационного действия. На примере ПНП она видна достаточно хорошо, чтобы понять ее принципы. Но эффективно сработать такая схема может, лишь имея предварительно просчитанные и сконструированные подетально звенья, этапы, управленческие механизмы. Причем в подобных масштабах вся совокупная конструкция должна еще быть согласована, сопряжена во множестве узлов с прочими государственными образованиями, смежными сферами и структурами. Далеко не всегда, однако, подобный способ оказывается оптимальным. Организаторы успевают одно и не успевают другое.

И вот в довершение ко всему появляется новая задача, которую надо подключить к уже действующей многосложной схеме. Допустим, мы хотим подкрепить национальные проекты целевой социализацией – то есть реализовать в обществе определенные установки, нормы и ценности, снабдив их соответствующими адаптационными механизмами и т.д. Сюда же в

качестве инструмента сопровождения предлагается идея мониторингового контроля на основе индивидуальных индексов социального развития. Словом, готов заработать целый комплекс социальных инновационных технологий. Но ясно в то же время, что сам собой он действовать не начнет. Нужны официальные заказчики, разработчики, управленческий штаб, команда исполнителей… А главное – кто даст толчок к воплощению инновационных идей?

Чтобы попытаться ответить на столь каверзный и беспокойный вопрос, хочу немного порассуждать о роли социологии и смежных ей наук. О возможностях практического использования их ресурсов и некоторых застаревших, требующих критики стереотипах.

Поначалу, полагаю, стоит вспомнить, что когда в середине 1960-х – начале 1970-х годов социология у нас в стране была реанимирована, не случайно вузовские учебные курсы в своих названиях оперировали словами «конкретные социологические исследования». Да и на вывеске головного академического института значились тогда те же слова. Связь с практикой, реальным социальным заказом в подтекстах явно доминировала, поскольку сам изначальный смысл социологической науки ассоциировался не с абстракциями сколь угодно дальнего прицела, а в первую очередь с наиболее актуальными потребностями текущей жизни и общественного развития.

Приведу для иллюстрации давний факт, услышанный мною на лекции в первый аспирантский год. Профессор В.А.Смирнов привел нам, еще неопытным исследователям, любопытный пример. Он касался изучения социологами свободного времени молодых специалистов Рыбинского моторного завода в Ярославской области. Когда ученые показали результаты проведенных опросов и свои заключения директору завода, тот задал резонный вопрос: «Ну, допустим, все так. А что вы предлагаете, чтобы свободное время использовалось полнее и лучше?» Ответа у социологов не было, им казалось, что они и так добросовестно исполнили заказ на исследование. И принципиальный директор отчет не принял!

Через несколько дней ученые снова пришли к директору и предложили идею строительства социально-бытового комплекса, в котором совмещались детский сад/ясли, столовая, библиотека и другие объекты повседневного пользования, которые очень здорово экономили время молодым специалистам за счет ликвидации бестолковых и долгих переходов-переездов из одного места в другое, чтобы решить проблемы семьи, досуговых занятий, элементарного быта. Директор воскликнул: «Вот это решение!» Тут же нашли необходимые средства, и спустя какое-то время комплекс был построен. Благодаря в том числе и социологам.

Еще пример. Лет десять назад, когда обычным явлением была задержка выплат пенсий, социологи предложили использовать для пенсионеров социальные чеки. Правительство Башкирии оперативно откликнулось на такую идею, и в короткие сроки удалось снять напряжение, грозившее большими потерями.

Белгородские социологи три года назад выдвинули – на основе результатов своего исследования – идею образовательно-культурных комплексов. Смысл понятен каждому, кто знает, как трудно сейчас в сельской местности порознь содержать школы, культурные объекты. Первыми такой комплекс построили в Яковлевском районе области. Примечательно, что объединение средств двух ведомств – образования и культуры – позволило сэкономить 8 млн рублей.

Приведенные примеры рождают два предложения.

Во-первых, целесообразно ввести в оборот естественное для научного участия в практике понятие «социологический проект». Оно должно предполагать с той или иной мерой полноты (в зависимости от характера социального заказа) несколько позиций: теоретико-методологическое обоснование предстоящей работы, формы полевых исследований, экспертизы, рекомендации и предложения по внедрению полученных результатов, а в заключение и конструкторско-технологическую часть,

которая подводит итог проектированию неких идей, объектов, программных продуктов.

Столь непростая и с участием разных специалистов работа требует соответствующей базы. Поэтому в связи с этим возникает и *«во-вторых»*: почему не позволить социологам тоже иметь, как и научно-техническим специалистам, свои технопарки? Чем эта прогрессивная и давно оправдавшая себя форма организации исследовательской и опытно-конструкторской практики противоречит направленности и содержанию социальных проектов?

Использование термина «технопарк» – не дань объявленной государством программе воссоздания инновационных центров, специализирующихся на научно-технической разработках. Уже приходилось касаться так называемых «терминологических расхождений». Технопарки – не обязательно буквально «технические парки» или «технологические парки». К термину применима и иная трактовка. Ведь в корне слова «технология» (а также «техника»), если ориентироваться на греческий первоисточник, – искусство, мастерство. Следовательно, по большому счету речь идет о парках мастерства или мастерских, где профиль занятий, специализации может быть самым разным.

Рассматривая технопарк под этим углом зрения, стоит подчеркнуть, что более свободная трактовка термина снимает какие-либо сомнения потенциальных оппонентов, боящихся вторжения социальной инженерии, социологов, психологов в святая святых научно-технических специалистов, и дело сегодня, таким образом, лишь за возможными организаторами и реализаторами поставленной инновационной сверхзадачи.

В идее технопарков меня привлекает еще и то, что проектирование прикладного социологического результата с использованием привычных инструментальных средств могут осуществлять многие смежники. Естественным образом в условиях технопарка произойдет разделение социологов на генераторов идей (научных лидеров), лаборантов (такие и

сейчас выполняют всю вспомогательную часть опросов), технологов-проектантов и технологов-производственников, занимающихся воплощением проекта.

Инициативу по созданию *социальных технопарков* могут взять на себя, к примеру, крупный государственный университет или один из профильных НИИ. Но кто бы это ни был, только с участием солидного и ответственного лидера способна по-настоящему заработать та система, которая призвана в должной мере реализовать инновационный потенциал той или иной территории страны. Здесь необходимо консолидированное участие государства, региональной власти, общественных ассоциаций, связанных с местным самоуправлением, а также профильных научных и внедренческих организаций. Иначе говоря, пришло время озаботиться тем, чтобы со всей серьезностью ставить вопрос о формировании под столь масштабные инновации соответствующей комплексной базы.

Впервые идея трансформации технопарков под социальные цели мною высказана публично на международном социологическом форуме в Казани (2005 г.) и в статье, напечатанной в «Социологическом вестнике» /6/. И потом я ретранслировал ее неоднократно в своих выступлениях и публикациях. Но только спустя какое-то время мне пришлось столкнуться со схожей по смыслу моделью. В интернет-сайтах появилось название «Социально-инженерный парк «Будущая Россия» /7/. Объявлено, что это инфраструктура, реализующая новый тип организации инновационной деятельности с целью инициирования и поддержки осмысленных общественных изменений. Основные направления деятельности парка: разработка методологии нововведений, прикладных методологических дисциплин для различных сфер жизни (политика, экономика, наука и техника, образование и т.д.) и осуществление на их базе общественно значимых проектов и программ, развитие прорывных наукоемких технологий. Одна из задач – смена господствующей технократической

парадигмы инновационной деятельности на социально-инженерную и создание новой инфраструктуры такого профиля в России.

Надо сказать, что некоторые дальние подступы к идее социальных технопарков можно рассмотреть (правда, под большим увеличительным стеклом) и в других фактах. Скажем, при желании условные ассоциации найдутся в мотивах создания на базе московских институтов РАН научно-образовательного комплекса в области гуманитарных и социальных наук – по сути, первого официально признанного исследовательского университета в стране. Он организован в 2005 году на основе Государственного университета гуманитарных наук, который возглавлял академик РАН А.Чубарьян /8/. И если исходить из того, что комплекс располагает прекрасной исследовательской базой – его учредителями наряду с министерством образования и науки, Российской академией наук являются академические институты психологии, философии и т.д., то легко предположить за ним высокие потенциальные возможности именно в сфере социальных интересов.

Или такой пример коллективного инновационного творчества. В подмосковных Химках в конце 2006 года проходила открытая деловая игра, в ходе которой отрабатывались идеи создания оптимального по всем своим жизнеобеспечивающим параметрам студенческого городка. Ее участниками были стипендиаты Благотворительного фонда Владимира Потанина. В течение нескольких дней до начала игры студенты общались в интернете, разбились на команды, выбрали капитанов, обсудили свои планы. Затем три дня уже в Химках шла защита инновационных проектов. Победила модель студенческого квартала, которую представила команда студентов МГУ и Высшей школы экономики. Основная ее мысль – иметь в вузовском городке единый координационный центр, способный объединить для конструктивной работы ныне разрозненные волонтерские организации, инициативные группы и прочие формы самодеятельной студенческой жизни /9/.

В таких фактах мне представляются существенными прежде всего два момента-тенденции. Во-первых, стремление актуализировать исследовательскую направленность образовательного процесса, усилить внимание к целеориентированной командной работе в социальных секторах науки. Во-вторых, просматривающийся все больше и больше интерес к взаимодействию, партнерству как альтернативе спонтанному поиску средств самовыживания вузов и научных учреждений.

Оба момента специфичны именно для российских условий, западные критерии здесь мало годятся. Однако в одном все-таки следовать универсальному критерию, несомненно, надо. Попустим, в рейтинге мировых вузов, опубликованном The Times Higher Education в 2009 году /10/, Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты, хоть и улучшили свои позиции по сравнению с предыдущим годом, остались все-таки далеко во второй сотне (155 и 163 места). Им трудно рассчитывать на большее, если примерно 25% от общего итогового балла дают показатели того, сколько выпускников университета получили Нобелевскую премию, а также премию Филдза и Тюринга. И все же главный критерий рейтинга нашим вузам должен быть столь же близок, сколько и другим университетским центрам, ибо иерархия учитывает в первую очередь совокупные научные исследования, которые ведутся в вузе – в том числе их социальную значимость, новизну, участие в открытиях.

То есть российские вузы уступают как раз в научно-исследовательской направленности своей образовательной деятельности. Это дало основание министру А.Фурсенко считать, что в стране современных университетов и институтов не более 10%, и чтобы улучшать в этом отношении ситуацию, надо менять оценочную систему: не формальное количество профессоров важно, а высокие индексы цитируемости, фондовооруженность, ресурсы, международные связи и т.д. /11/.

Разумеется, любые формальные показатели будут одинаково размывать картину, если те же научные исследования в вузе увеличатся в объемах, но

не обретут той инновационности, которую предполагают целеориентированность и комплексность технопарков на базе крупных региональных университетов. Может быть, некоторые аналитики и правы, упрекая всю отечественную науку в склонности к неким абстрактным исследованиям, нежелании заниматься истинными инновациями /12/, однако тут, на мой взгляд, скорее стоит говорить об отсутствии четко формулируемой цели, или ее нет, потому что нет подобающей организационной формы, выводящей на практику (как раз это компенсируют технопарки). Или подготовленный теоретиками, экспериментаторами "недоделанный продукт" должен сопровождаться научным маркетингом (кто-то обязан заранее вести поиск социального заказа).

Определенные сдвиги в сторону инноватики в вузовской науке уже произошли. Хотя в полной мере ее перспективы, направления поиска до конца еще не определились. В том числе из-за осложнений в финансировании с момента возникновения кризиса.

Очевидный позитив – выделение инновационной деятельности как основы целей современного университета. При этом предполагается разработка моделей учебно-научно-инновационных университетских комплексов с наличием в них организационных и ресурсных условий, обеспечивающих:

а) генерацию идей, проведение фундаментальных и поисковых исследований, получение патентов;

б) организационное подкрепление прикладных исследований, проведение опытно-конструкторских работ, создание макетных и опытных образцов новой техники и технологии;

в) производство инновационной продукции, организация маркетинговых исследований, передачу готовых проектов и продукции на рынок, диффузию нововведений /13/.

На нынешней стадии при наличии отмеченных сдвигов далеко не всегда, тем не менее, удается проследить связь научно-исследовательской

работы с интересами территорий. И не только из-за отсутствия прямых социальных заказов местных администраций на нужные им инновации. Профиль исследований все-таки чаще оказывается преимущественно технико-технологическим, и потому потребительские границы выглядят или слишком размытыми, или заведомо узкоадресными, сугубо отраслевыми.

Такие наблюдения приводят к мысли, что в рамках взаимодействия территориальных органов власти и инновационных центров (включая и вузовские) должна появиться некая общая система договорной инновационной деятельности, рассчитанной на совместный поиск новых проектов, решений, программ развития. Привлечение к общему знаменателю желаний одних (перегруженных каждодневными заботами администраторов) и возможностей вторых (имеющих налаженную технологию оценки опыта, трансформации идей, внедрения новаций) сделало бы гораздо продуктивнее весь комплекс целей и задач, который объединяет находящиеся в регионе организации.

Как минимум возможна та форма сотрудничества местной администрации и инновационного вуза, которая предусматривает лишь начальную поисковую фазу работы с нововведениями. Допустим, университет берет обязательство отслеживать и накапливать, систематизировать идеи под проблемную тематику, которая интересует служащих государственных или муниципальных учреждений. Получая первичную информацию, чиновники сами реализуют предложенную идею. В тех случаях, когда это трудно сделать самим, приглашают к соучастию в реализации университетских специалистов.

Схожая практика за рубежом получила название «брокеринга знаний» /14/. Компании, занимающиеся там инновациями, превратили выработку и тестирование новых идей в систему, которую может воспроизвести любая сотрудничающая с ними организация. Обычно такая система имеет в виду четыре стадии. Первая – отбор нужных идей из множества источников. Вторая - игра с этими идеями, их обсуждение и применение, поддержание их

жизнеспособности. Третья - изобретение новых способов применения старых идей, некоторые брокеры поощряют их «перекрестное опыление», создавая физические условия, которые позволяют или даже заставляют людей взаимодействовать друг с другом. Четвертая стадия – превращение многообещающих концепций в реальные услуги, продукты, процессы или бизнес-модели.

Стадийность сотрудничества, естественно, можно регулировать в зависимости от поставленных целей и характера решаемых сторонами задач. Это процесс творческий и достаточно гибкий. Показывая его возможности, надо лишь определить и осознать главное: в инновациях далеко не все должно быть сверхновым, старые идеи в новых условиях дают часто хороший результат именно потому, что «новое это хорошо забытое старое».

Не только применительно к социальным технопаркам, но и к их традиционным видам технопарков совокупный мотив широкоформатного сотрудничества представляется главным в развитии этой формы инновационной деятельности. Когда смотришь на современные трактовки российских подходов к теме, невольно бросается в глаза придание технопаркам своеобразной интегрирующей роли в инновационном обеспечении территорий, отраслей, направлений научно-технического прогресса.

В материале из Орла, например, технопарк выступает организацией, имеющей тесные связи с учебными заведениями и научными центрами, промышленными предприятиями, региональными и местными органами власти. По мнению О.В.Киселевой, он призван осуществлять на примыкающей к нему территории формирование современной инновационной среды для освоения научных знаний, изобретений, новейших технологий и продуктов производства. Причем подчеркивается, что развитие технопарков – это основной шанс России в XXI веке, чтобы создать массовую производящую отрасль критической важности и отработать партнерские отношения государства и бизнеса /15/.

Статус республиканского значения получил в Татарстане инновационно-производственный технопарк «Идея». Ему вменены в обязанности координация деятельности субъектов малого и среднего инновационного бизнеса, организация дополнительных рабочих мест для научных сотрудников и инженерно-технических кадров (студентов, аспирантов, выпускников вузов), предотвращения старения отечественной науки и «утечки мозгов» за границу.

И вот опять же интеграционный мотив высокого общественного звучания: республиканский технопарк призван привлекать инновационные компания и творческие коллективы из Поволжья и других регионов страны, чья деятельность соответствует его приоритетам, заниматься организацией совместных инновационных предприятий с целью создания мощной зоны регионального экономического роста /16/.

Характеризуя стратегию поведения этой «фабрики по производству инновационных предприятий», А.В.Аляев делит существующий здесь управленческий процесс на два основных блока: отбор и размещение компаний в бизнес-инкубаторе и в инновационно-производственной зоне технопарка. Соответственно на каждом этапе они получают под свои проекты и разработки все необходимые условия и услуги. При этом с учетом принципов самостоятельности и самоокупаемости предлагается матричная организационно-функциональная модель. Другие технопарки, как известно, используют иные модели. Скажем, когда они расположены на площадях университетов, им придается научный, финансовый, кадровый потенциал вуза, его техническая база. Такой организационно-функциональной структурой обладают, к примеру, соседи Татарстана научно-технологический парк «Мордовия» и Ульяновский технопарк. В виде автономной некоммерческой организации работает региональный технопарк «Удмуртия» /17/.

В Татарстане ужа многие годы руководство республики делает ставку на инновационное развитие. Идет целенаправленное формирование

отвечающей этим целям инфраструктуры, функционирует целая сеть технопарков.

Как подчеркивает президент Татарстана Минтимер Шаймиев /18/, большие надежды связываются со строящимся сейчас технополисом "Химград". В нем предусмотрены специализирующийся на высоких технологиях технопарк, опытно-промышленный центр, парк пилотных установок, бизнес-инкубатор. Крупные инновационные проекты реализуются в агропромышленном секторе. При этом главным условием становления инновационной экономики ("экономики знаний") стали инвестиции в человеческий капитал. А соответственно и особое внимание уделяется образованию, подготовке кадров, в частности готовится капиталоемкая, рассчитанная на новые модернизационные задачи программа развития системы образования республики на 2010-2015 годы.

По мнению лидера Татарстана, в инновационной деятельности государству правомерно отводится ведущая роль. Должна быть создана система стимулирования инноваций, в которой нужны понятные всем критерии и показатели. Пока же для "умной экономики" ни органы статистики, ни субъекты региональной власти так и не смогли предложить достаточно надежные оценочные механизмы, и это снижает как эффективность стимулов, так и возможность ускорить идущие инновационные процессы.

Технопарки любого профиля на той или иной территории должны интегрировать местные интересы и запросы, обеспечивать их реализацию как в научно-техническом плане, так и в непосредственной практике социума. Но нельзя забывать, что в нынешних условиях мы имеем дело с взаимодействием субъектов разных форм собственности, органов власти государства и местного самоуправления. Это не подчиненные друг другу структуры. Формально тут нет управленческой вертикали, которая бы придавала потенциальной системе инновационного поиска достаточную организационную прочность и обеспечивала общую ответственность за

результат. А значит и отсутствует административное право, система лишена официальных полномочий жестко контролировать выполнение стратегических целей.

Это серьезное противоречие, тем более если учитывать постсоветскую специфику России. Преодолеть его пока не удавалось в полной мере никому. Однако для судьбы технопарков (особенно социальных) выход видится в использовании идеи управленческого партнерства, высказанной в 2003 году Н.Я.Алейниковым /19/. Первоначально она целиком была ориентирована на снятие проблем в отношениях государственных и муниципальных (самоуправленческих) органов власти. По сути, здесь попытка стыковать местные институты гражданского общества с вертикалью государственного управления, а по форме – договор о целевом взаимодействии структур федерального, регионального и местного уровней в интересах населения данной территории. Тот самый общественный договор, который виртуально подразумевался давними европейскими теоретиками гражданского общества и предполагал делегирование управленческих полномочий государству от лица создающих его общества и граждан.

Концептуально в рамках договора об управленческом партнерстве могут присутствовать разработки и совместная реализация социальных программ адресного назначения и программ социально-экономического развития муниципальных территорий, в том числе:

- поддержка учреждений образования, здравоохранения, культуры, которые зависимы от источников финансирования разных уровней и разной принадлежности;
- юридическое оформление межмуниципальных связей, могущих при посредничестве государства помочь ликвидации социальных «неудобий» (допустим, путем строительства межмуниципальных образовательно-культурных или медико-оздоровительных комплексов);

- привлечение на корпоративных началах и под патронажем федеральных или региональных структур государства личных средств граждан в инвестирование местных инновационных проектов;
- создание единых информационных и коммуникативных систем, в частности для проведения согласованной социальной политики и оказания конструктивного воздействия на социализационные или адаптационные процессы.

Неполный этот перечень нужен в данном случае, чтобы показать легко проецируемые возможности управленческого партнерства на цели и задачи социальных и любых других технопарков или тех же приоритетных национальных проектов. Хотя потенциал партнерских договоров настолько велик (пока, конечно, лишь умозрительно), что впору признавать его универсальность – по крайней мере, в условиях сегодняшнего переходного периода. Лично у меня складывается убеждение: управленческое партнерство – лучшая форма управления национальными проектами, где так важна тотальная координация разнородных и не всегда взаимоподчиненных структур. С включением сюда социальных технопарков или без такового, но организационно объединить участников программ жизнесбережения народа обязательно потребуется.

Некоторые исследователи нередко склонны его отождествлять с социальным партнерством. При определенном терминологическом сходстве это, тем не менее, не одно и то же. Автор концепции Н.Я.Алейников справедливо разводит содержание двух понятий /20/. На мой взгляд, если коротко, то их отличие в том, что партнерство социальное касается лишь социально-трудовых отношений работников и работодателей и действует, когда на уровне предприятия, фирмы коллективный договор заключают администрация и профсоюз (трудовой коллектив), а на территориально-отраслевом уровне кроме руководства корпорации (компании), профсоюза в качестве третьей стороны-гаранта могут выступать представители

федеральных, региональных и местных управляющих органов. Партнерство же управленческое – это политически обусловленное взаимодействие, координация компетенций государственного управления и местного самоуправления, посреднической роли последнего между государством и населением (как, кстати, выглядит и роль профсоюзов в социальном партнерстве).

Управленческое партнерство стихийно де-факто развивается. Независимо от присутствия или отсутствия тех или иных терминов. Так, С.И.Кубицкий в исследовании взаимодействия российских рынков образования и труда оценивает его в контексте социального партнерства (социального диалога) сферы образования и работодателя-заказчика подготовленных этой сферой кадров /21/. Но здесь уже нет того, что предполагает коллективный договор или тарифное отраслевое соглашение, и смысл отношений вуза с потребителем его продукции скорее связан с *совместным управлением* подготовкой специалистов, чем с мотивами жизнеобеспечения участников производства, свойственными обычно договорам о социальном партнерстве.

«Партнерством на госуровне» назван опыт сотрудничества МЧС России и АФК «Система» /22/. Причем если участие холдинга в оказании гуманитарной помощи беженцам или пострадавшим от природной стихии не выходит за границы традиционной социальной благотворительности, то подписание соглашений с министерством о развитии специализированных авиационных технологий и создании или модификации вертолетной техники, разработке систем навигации и телематики, инфокоммуникаций уже явно претендует на квалификацию «управленческое партнерство». В данной ситуации АФК «Система» – своеобразный аналог технопарка для МЧС, заинтересованного в формировании и реализации целевых программ развития в зоне своих профессиональных обязанностей.

Управление «социалкой» на основе партнерских отношений между корпорацией «Илим Палп» и региональными администрациями /23/

заставляет по-новому взглянуть и на социальное партнерство, и на суть взаимодействия в социальной сфере городов и районов. Корпорация владела рядом целлюлозно-бумажных комбинатов в разных областях страны. Провозгласив, что внешними социальными затратами можно и должно управлять с помощью новых идей и подходов, ее руководство заключило соглашение с администрацией Архангельской области, которым были отделены сферы участия в финансировании объектов здравоохранения и соцкультбыта, определенеы порядок оплаты коммунальных услуг, условия создания дополнительных рабочих мест в дочерних структурах и малых предприятиях. Тем самым сделана попытка уйти от распыления средств и вместе с тем четко расписываются обязанности и доли взаимодействующих в этом секторе власти и бизнеса. Тут опять же никакого подобия социального партнерства, а некая вариация управленческого партнерства.

Предвосхищая возможные разговоры о новой угрозе патернализма государства, хочу заметить, что значимое место госструктур в системе управленческого партнерства никоим образом не мешает развитию самоорганизации бизнес-сообществ или гражданских форм власти, не разрушает нормального взаимодействия с населением. Этот вид партнерства отвечает как раз самым строгим демократическим установкам. Ведь в числе постулатов открытой политической системы есть и такой: «Чтобы взаимодействие гражданского общества и государства было эффективным, эти отношения должны быть не патерналистскими, а партнерскими» /24/.

Зоны или регионы управленческого партнерства, образуясь в разных концах государства, позволили бы, вернусь в заключение к своей основной мысли, наилучшим образом реализовать идею социальных технопарков, своей тематикой ориентирующихся на территориальные проблемы жизнесбережения. Создание типовых проектов и технологий – социальных и управленческих – не единственная их специализация, это очевидно. В первую очередь им стоит браться за масштабные целевые программы системного уровня. Такие, как приоритетные национальные проекты.

Источники

1. См.: *Самарина А., Цветкова Р.* Принуждение к инновации // Независимая газета. – 2009. – 7 октября.
2. *Князева Е.Н.* Ситуационное и автопоэтическое познание: нелинейные связи кодетерминации в познании // Нелинейная динамика в постнеклассической науке. – М., 2004.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего: Пер. с англ. – М., 2001. – С.404-430.
4. *Горшкова В.В.* Гуманистическая направленность воспитания специалистов социальной работы: Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 7-8.
5. См.: *Жуков В.И.* Социальная доктрина Российской Федерации // Социальная политика и социальное партнерство. – 2006. – №10. – С. 13-23.
6. *Усманов Б.Ф.* Технопарки для социологов: миф или реальность? // Социологический вестник (г.Казань). – 2005. – ноябрь.
7. http:// www.futurerussia.ru,
8. См.: *Покровский В.* Научно-образовательные лидеры // Известия. – 2005. – №37.
9. Труд. – 2006. – 20 декабря.
10. Metro. – 2009. – 12 октября.
11. *Фурсенко А.* Современных вузов в России – 10%, научных институтов – 5% // Известия. – 2008. – 9 сентября.
12. См.: *Ваганов Л.Г.* Технологические вызовы без ответов // Независимая газета. – 2008. – 8 сентября.
13. *Тарабаева В.Б.* Инновационное развитие вузов: проблемы управления конфликтами. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 11.
14. *Харгадон Э., Саттон Р.* Построение Фабрики инноваций // Управление инновациями: Пер. с англ. – М., 2008. – С. 67.

15. *Киселева О.В.* Национальный человеческий капитал и конкурентные преимущества России в XXI веке / Орловский государственный технологический университет. – http://www.plproject.ru/part08-012.php.
16. *Аляев А.В.* Технопарк как инновационная технология управления в регионе // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». – Казань, 2006. – Т.3. – С. 285.
17. Там же. – С. 287.
18. *Шаймиев М.* Мы можем! // Российская газета. – 2009. – 15 сентября.
19. См.: *Алейников Н.Я.* Управленческое партнерство: Монография. – М.: Профиздат, 2003; Его же. Управленческое партнерство в системе государственной и гражданской власти // Автореф. дис… докт. полит. наук. – М., 2004.
20. *Алейников Н.Я.* Управленческое партнерство в системе государственной и гражданской власти… – С. 44-48.
21. См.: *Кубицкий С.И.* Роль социального партнерства рынков образования и труда в современной России: Монография. – М., 2006.
22. См.: Россія. – 2004. – №22 (17-23 июня).
23. См.: Восточно-Сибирская правда. – 2005. – 13 января.
24. *Халий И.А.* Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв.ред. *М.К.Горшков.* – Вып.8. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 277.

Дидактический аутотренинг

Вопросы для проверки:

1. На чем основывается, по-вашему, авторская идея о социальных технопарках?

2. Как могут быть связаны между собой социальные технопарки и приоритетные национальные проекты?

3. В чем отличие социального партнерства от управленческого партнерства?

4. Почему именно управленческое партнерство может стать наиболее удобной формой сотрудничества для региональных социальных технопарков?

Техническое задание

При разработке проектов обычно принято сначала давать ТЗ. Считайте вы его получили и вопрос в нем поставлен предельно коротко: *«Обоснуйте структуру и рабочие площади социального технопарка, который будет обслуживать инновационные программы вашего города».*

Возможны два варианта выполнения задания:

а) экспромтом, на основе интуиции и житейского опыта;

б) путем знакомства с теорией вопроса и изучения прецедентной практики.

При одновременном выполнении обоих вариантов появляется шанс провести сравнительный анализ, во-первых, вашей способности быстро войти в тему, а во-вторых, проверить склонность к системной и глубокой проектной работе.

Выбирайте!

База для технопарков

Треть всех величайших научных открытий XX века сделана учеными бывшего СССР и России (телевидение, полупроводники, ракетостроение, космос, мирное использование атомной энергии, информационные системы и т.д.). В области технологий, в производстве важнейших образцов техники, по качеству высшего и среднего образования Россия по-прежнему находится на уровне высокоразвитых стран. На десять тысяч человек у нас приходится 37 ученых и инженеров – столько, сколько в США, и в полтора раза больше, чем в Германии.

Из доклада академика РАН Г.В.Осипова
на II Всероссийском социологическом
конгрессе (сентябрь 2003 года)

Красноярск – город инноваций и партнерства

Под таким девизом в декабре 2005 года здесь проходил первый социальный форум. В нем участвовали специалисты, приглашенные из Москвы, Новосибирска, Красноярска, и гости «с улицы» – любые желающие, готовые высказаться по новым проектам развития города.

Помимо дискуссионных площадок был открыт «социальный электронный супермаркет» – реально действующие отделения пенсионного фонда, фонда социального страхования, почты, социальной защиты, банковских учреждений, в которых давали квалифицированные консультации и советы.

(ИА «Regnum-KNews»)

В Москве их будет десять

Сразу после подписания президентом страны Федерального закона об инновационных предприятиях ПРИ зузах в столичном правительстве взялись за проекты их создания. Рассматривается и встречная инициатива ученых, профессоров, инвестиционных организаций. Планируется появление десяти вузовских хозяйствующих субъектов, которые будут заниматься разработкой новейших инновационных технологий, сотрудничать с московским правительством и бизнесом в этой и других исследовательских областях.

("Московская промышленная газета", 2009, 29 сентября)

Идеи в нацпроекты

Предложения «на посошок». Если есть желание, как у посетителей социального форума в Красноярске, то напишите:

Какие идеи, темы, проблемы в русле приоритетных национальных проектов нуждаются, на ваш взгляд, в первоочередной разработке будущими социальными технопарками?

1. _____
2. _____
3. _____

Спасибо за участие. Причем не только в этом тренинге, но и всех остальных, помещенных в книге.

И думайте, дерзайте постоянно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Программа модернизации российской жизни, провозглашенная руководством страны, целиком построена на идеологии инновационного развития. Ближайшие десятилетия отечественный научно-технический и социально-экономический потенциал будет сосредоточен на реализации стратегических задач, которые имеют целью радикально ускорить технологическое и техническое перевооружение производства, коммуникаций человеческого общения и управления социальными связями.

Ожидаемый качественный прорыв призван ликвидировать отставание России в инновационных областях, доведенное до кризисной точки ситуацией 1990-х годов. Однако важно, чтобы радикальным шагам сопутствовало понимание того, что для создания и распространения инноваций нужны не только развитые наука, производство, продвинутый потребитель новой продукции, но и стимулы, побуждающие людей приводить инновации в действие, привлекать необходимые финансовые средства, формировать благоприятные социальные условия и ориентации на научно-технический прогресс. Если такая ориентация положительная, то общество в конечном счете будет способно наладить себе инновационную систему, адекватную быстро меняющимся возможностям и потребностям.

Современная жизнь крайне динамична. Это установленный факт. И позволю себе сказать, «тормозить» она не собирается. Более того, все ускоряется. Как остроумно заметил немецкий профессор Ричард Мюнх, цивилизация ускоряется посредством бесконечной диалектики знания и незнания, решения и создания проблем, освобождения и захвата, равенства и неравенства. Общество попадает вследствие этого под растущее давление инноваций и далеко заходящего риска.

Понимание риска, впрочем, разное. Глобальные проблемы современности с неизбежностью требуют социальной активности, научно-технического прогресса. Они стали главным импульсом в лавинообразном

росте сегодняшней инновационной деятельности. Информационный взрыв и инновационный взрыв воспринимаются в результате почти тождественно. Но там,где «взрывают», пусть и с созидательной целью, не исключены и по-своему естественны малые и большие разрушения. Не случайно ученые со столь же нарастающим беспокойством оценивают перспективу нынешних тенденций развития человечества и считают, что в первой половине нового столетия при сохранении сложившейся ситуации можно ожидать катастрофических последствий для цивилизации.

Академик Н.Н.Моисеев эти кризисные явления связывал именно с форсированием производительных сил, достижениями науки и техники. И выход он видел – вот парадоксы диалектики! – тоже в развитии все тех же составляющих цивилизационного процесса. Клин клином – и никак иначе. То есть призыв развиваться еще больше, но в согласии с законами природы. А чтобы поиски выхода не опоздали, необходимы уже сейчас предельное напряжение творческого потенциала, бесчисленное количество открытий и изобретений.

Большой ученый незадолго до смерти высказал даже крамольную мысль: в присутствии студентов и преподавателей хочу подчеркнуть, заявил он, что новая цивилизация, по моему мнению, должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и с новых образовательных программ.

Разумеется, глобальные проблемы человечества беспокоят далеко не всех, и «бесчисленные» нововведения, которые создадут, не исключено, решающие изменения в социоприродной среде, своим возникновением будут обязаны – опять же парадокс – не столько эпохальным научно-техническим открытиям и изобретениям, сколько инновационному прогрессу, обновлению в организации общественного производства, политическом устройстве общества, образе жизни в целом. К России в данном случае это имеет особое отношение, ибо с этим связаны и государственная политика последних лет, и сам смысл приоритетных национальных проектов, которым в моей книге отведен завершающий ее раздел. Характер и динамика изменений в стране

должны наконец приобрести нормальную логику развития и прийти в соответствие с людскими приземленными потребностями на основе колоссального жизненного потенциала, до сих пор не востребованного в разумных, гуманистически мотивированных формах и пределах.

Нельзя не учитывать, что социологические опросы 2009 года показали очевидную отчужденность большинства россиян от идей модернизации и инновационного развития. По данным ВЦИОМ, почти 60% граждан не знают, какие группы могут стать движущей силой инноваций, а 23% уверены, что таковых нет вообще. О скептическом отношении населения к модернизационным планам сообщает и фонд «Общественное мнение»: даже среди самых активных и состоятельных граждан лишь около трети верят, что модернизация даст положительные результаты. Социологи Левада-Центра объясняют столь массовый скепсис именно тем, что люди считают себя исключенными из общественных процессов модернизации.

Ученые с патриотической, надо полагать, гордостью то и дело констатируют, что Россия располагает огромным интеллектуальным потенциалом, потрясающим запасом природных богатств, генетическим, географическим и каким еще угодно замечательным потенциалом. Только что в дидактическом аутотренинге последней главы со ссылкой на доклад академика Г.В. Осипова говорилось, что треть всех величайших научных открытий XX века сделана учеными бывшего СССР и России. По оценке отечественного экономиста А.И.Неклессы, сумма всех тех открытий и изобретений, научных заделов, которые имеются сегодня в стране, измеряется многими десятками миллиардов долларов. Почему все провисает?

Один из ответов: нужно активнее пользоваться теми средствами социального продвижения, которые наработаны в общественных структурах. Изучить, например, как поставлено продвижение новомодных религиозных сект, политической рекламы или новых торговых технологий!

Другой ответ, который бы я предложил в развитие первого: пришло время не просто целенаправленно продвигать нововведения, необходимо

создавать масштабную государственную систему их эксплуатации. Подходы к созданию технопарка, включая и социальные, лишь заявка пока на приближение к этому.

Некоторое время назад К.Оппенлендер (ФРГ), комментируя предпосылки к новой инновационной политике, выделял три движущие силы прогресса – инноватора, организацию и окружающую среду. И при этом называл в качестве объединяющего начала Совет по инновациям при канцлере Германии. Кроме того, он ссылался на опыт внутренней политики всемирно известной фирмы «Сименс», создавшей свою систему формирования и использования инновационного потенциала. Усилия ее руководства направлены прежде всего на тренировку изобретательности сотрудников, работу инновационных групп, утверждение в каждом психологии инноватора.

Попытки создавать нечто схожее есть и у нас. Свои инновационные советы существуют в Москве, Петербурге, Белгороде, Красноярске, других городах. Очень масштабно программируется инновационная деятельность в Московской области, где лидерами в этой области являются такие наукограды, как Королев, Реутов, Дзержинск, Дубна и другие. Вопрос, однако, в координации их усилий и затрат. В конечной эффективности научных разработок.

Известно уже давно, что даже маленькое движение в рамках чистой науки при хорошей технической и социокультурной «раскрутке» дает огромный диффузный резонанс в плане последствий. Потрясающие социальные инновации могут быть сделаны с помощью какого-нибудь ничтожного научного открытия, главное – построить формы его социального применения и инвестирования. В этом случае научные исследования – это ядрышки совершенно диковинных социальных приращений. А сейчас такой потенциал используется на одну десятую, не более: прогресс бежит вперед, и многие социокультурные и социотехнологические последствия элементарно не успевают реализовываться.

Вывод такого рода мы вправе трансформировать и на всю затронутую проблематику. Организация нового дела, экспериментальная проверка инновационных идей нуждаются в четком системном руководстве и разумных решениях. То есть во всем том, что определяет социально-технологическую культуру нового века и новых российских общественных приоритетов.

Во всех разделах своей книги в той или иной степени я касался этих проблем. Позиции и опыт социальных работников, социальных учреждений здесь, как легко было убедиться, разнятся. Одни пытаются бороться с нарастающими сложностями традиционными методами, без новаций. Вторые предпочитают новое, но уже апробированное, проверенное в других местах. Третьи идут на риск, эксперименты, пытаются приспособить разработки науки, инноваторов. Таких гораздо меньше – тонкий слой, как золотая фольга, где счет на микроны.

Можно ли этот слой наращивать – и тем более системно, последовательно? В первую очередь – с учетом постоянной учебы, формирования новой профессиональной психологии. Фирма «Сименс» тренирует своих сотрудников, внедряет в их повседневность инновационные навыки. Почему нельзя то же самое применять для социальных работников? Способности, как и мускулы, растут в процессе тренировки… Слабость (в том числе и материальная) системы российских социальных учреждений – не оправдание, чтобы вовсе не заниматься наращиванием инновационного потенциала.

Отдельная тема – молодые специалисты и руководители социальных учреждений, отраслей и предприятий социальной сферы. Им проще начинать работать по-новому, не имея за плечами прошлых стандартов, иного мышления. Ведь легче становиться, если следовать известному управленческому афоризму, «частью решения», а не частью проблемы». Хотя эту тему можно трактовать и шире: предусмотреть во всех вузах не просто факультативы, курсы по инноватике, а профильную специализацию

студентов и получение ими профессии «организатор инновационной деятельности» («новодел»). Такую специализацию можно и дифференцировать: организатор инноваций в социальной сфере, в образовательной сфере.

Особый акцент на социальной сфере оправдан, ибо в ее традициях методы и приемы организации, свойственные массовому производству, разработке техники. Но надо ломать стереотипы. Скажем, выпускник вуза – специалист по социальной работе должен выходить из стен учебного заведения социальным инноватором. Его дипломная тема обязана иметь статус инновационного социального проекта. Это очень актуально!

Вопрос о месте молодых в процессе модернизации российского общества вообще выдвигается все больше на передний план, поскольку самобытность наших условий вряд ли имеет аналоги в мировой практике. Мои коллеги не раз отмечали, что значительная часть сегодняшней молодежи является носителем представлений своих родителей и дедов о социальной справедливости, государственных правовых гарантиях на труд, бесплатное образование и здравоохранение, социальную защиту. Сформировался даже достаточно устойчивый и своеобразный «генетический код», способный обострять и усложнять существующие общественные противоречия. И на этом фоне, конечно же, нельзя ограничиваться сугубо частными, прикладными социальными инновациями, на уровне лимитированной своими специфическими рамками социальной работы.

Инноваторы, понятно, есть во всех сферах, и в любой из них свои трудности. И эти трудности надо учиться преодолевать, знать цели и критерии их оценки. Только тогда ясен будет смысл того, что и ради чего делает инноватор.

В свое время писатель Юрий Тынянов предупреждал: нельзя судить пулю по цвету, вкусу, запаху, она судима с точки зрения ее динамики. Далее он прилаживал эту сентенцию к анализу литературного произведения, а я использую ее применительно к инновациям. Так вот, обособляя трудности в

судьбе некоего социального нововведения, мы не должны ставить его вне исторических или более локальных временных проекций; тогда с помощью ретроспективного анализа, сравнения социального опыта могут быть быстрее достигнуты как нужная цель, так и определенное самоутверждение инноватора – социального работника.

Вне общественного контекста бесполезно искать знак равенства между «новым» и «хорошим» – на этот внутренний настрой человека тоже указывал Тынянов-исследователь. Вся суть «новой формы», по его мнению, в новом принципе конструкции, в новом использовании отношений конструктивного фактора и факторов подчиненных. Взаимодействие такого рода факторов должно неизменно разнообразиться, видоизменяться, чтобы быть динамичным. Принцип убойной пули!

Не буду заканчивать, однако, на столь агрессивной ноте. Напомню лучше классическую формулу, пригодную для сторонников любых стратегий, идеологий или отраслевых откровений. Она звучит вполне банально: подлинные взаимосвязи нового со старым открываются лишь тогда, когда это новое приобретает уже завершенную форму. Оставлю за скобками, само приобретает или благодаря чьим-то самоотверженным усилиям. Ведь чему-то мы уже научились!

В конце концов, надеюсь, определенные уроки по ходу наших совместных занятий с этой книгой извлечены. И если извлечены, то расставить самим читающим оставшиеся точки не составит, полагаю, особого труда. При всем том, конечно, что за страницами учебника остается настежь открытый и бессрочный главный урок – урок жизни. Вечная целина для инноваторов.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Адаптация – приспособление человека, личности к условиям внешней среды, к обстановке в коллективе, группе, принятие чьих-то позиций, норм поведения, приоритетов инновационной политики.

Алгоритм – набор, процедура действий, которые идут в намеченной последовательности и нацелены на получение определенных результатов.

Аномия – отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным установлениям.

Антология – (гр., букв. – букет цветов) – подборка наиболее характерных, представительных авторских работ.

Ассоциация – объединение, союз людей или организаций для выполнения какой-либо задачи, ведения какого-либо дела. Группа-ассоциация имеет сложившуюся структуру, но деятельность ее членов носит преимущественно индивидуальный характер.

Венчур – тип внедренческой фирмы, созданной с помощью рискового капитала и призванной работать с нововведениями.

Демаркация – установление границ на местности или в зоне условного размежевания интересов.

Детерминированность – свойство однозначности, определенности. Детерминантами в математике называют определители, с помощью которых находятся решения линейных систем уравнений.

Диверсификация – разнообразие, разностороннее развитие. По отношению к производству – одновременное развитие многих, не связанных друг с другом видов и направлений деятельности.

Доминанта – главенствующая идея, основной признак или важнейшая составная часть чего-либо.

Дуализм – двойственность, раздвоенность. В философии Декарта, Канта признание духа и материи, идеального и материального двумя самостоятельными, независимыми началами.

Идентификация – уподобление, отождествление с кем-либо, чем-либо.

Императив – повеление, настоятельное требование (в частности – действовать по правилам, чьим-то установлениям).

Инновация – есть воплощенное в жизнь новшество (идея), зафиксированное в сознании и практике человека изменение существующих реалий. В стратегическом значении – продукт управляемого человеком развития, который целенаправленно используется обществом и его структурами для достижения прогресса в той или иной сфере жизнедеятельности.

Институционализация – учреждение каких-либо новых общественных институтов, правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений. Институциональный – связанный с общественными институтами.

Интерпретация – истолкование, разъяснение смысла, значения чего-либо.

Константа – постоянная величина, неизменность.

Коллектив – группа, объединение людей, отличающиеся общественно значимой направленностью дел, высоким уровнем профессиональной подготовки, организационным и психологическим единством. Макрогруппа в рамках формальной или неформальной организации.

Конформизм – пассивное приспособление, отсутствие своего мнения. Конформист — человек, выражающий внешнее согласие с чужой позицией из-за боязни оказаться «не таким, как все».

Кооперация – сотрудничество; группа людей, которой свойственно единство целей и действия, но в которой в то же время нет еще достаточно выраженных психологических связей.

Корпоративность – отношения людей, сформированные общностью профессиональных и социальных интересов, потребностей, которые могут приобретать разные организационно-правовые формы и складываться в разных территориальных и отраслевых границах.

Корреляция – соотношение, соответствие, взаимосвязь, взаимообусловленность предметов, явлений, понятий, людских настроений и желаний.

Креатив – отражение созданных определенными людьми и в рамках общих для них протекций, обстоятельств социальных продуктов и производных от них условий.

Маркетинг – изучение рыночного спроса, ценообразования, планирование товарного ассортимента в целях обеспечения конкурентоспособности организации и стимулирования ее инновационного развития.

Инноватор – нововводитель, нововнедритель: человек, реализующий новую идею, вносящий определенное изменение в существующую среду.

Новатор – (лат. novator – обновитель) – человек, вносящий новые, прогрессивные идеи, принципы, приемы в какой-либо области деятельности.

Новация – (лат. novatio – обновление, изменение) – слово, изначально имевшее в виду прекращение обязательства по соглашению сторон путем замены его новым обязательством; например, выдача векселя взамен ранее выданного обязательства. В наше время является синонимом слова «новшество».

Онтология – философское учение о сущем, бытии; в отечественной науке традиционно рассматривается в единстве с теорией познания и логикой.

Парадигма – пример, образец, используемые для доказательства, сравнения, определения неких общих характерных черт исторического периода, этапа развития какой-либо области знания, техники, социальной жизни.

Переменная – в эксперименте или исследовании признак, который может принимать различные значения (например, пол, возраст, социальная группа, доход, род занятий).

Постулат – то же, что и аксиома, выступающая в роли истины, не требующей доказательства. Маленький нюанс: постулат – требуемая истина.

Редукция – сведение сложного к простому, а если буквально, от латинского корня, – то возвращение, отодвигание назад.

Рекреация – восстановление и укрепление физических, а в каких-то ситуациях и интеллектуальных сил человека.

Репродукция – воспроизведение чего-либо с помощью изобразительных, технических, биологических и прочих средств.

Рефлексия – самопознание личностью своего внутреннего состояния, умение представлять себя на месте другого человека, мысленно проигрывать ситуацию за него. Реакция нервных, мыслительных центров на возникающие внешние события.

Ротация – круговое движение, часто ассоциируемое с тиражированием текста на печатной машине соответствующей конструкции.

Самоорганизация – способность сложных систем к упорядочению своей внутренней структуры.

Синергетика – научное направление междисциплинарных исследований, использующее нелинейное мышление для выявления общих закономерностей самоорганизации, становления устойчивых системных образований естественного и искусственного происхождения.

Социализация – самостоятельное усвоение человеком жизненного опыта, самообретение им социальных качеств, необходимых для достойной адаптации в общественной среде. Способы формирования умений, соответствующих социальным ролям.

Стратификация – порядок, согласно которому неравенство с большой вероятностью передается от одного поколения к другому, формируя различные слои (страты) общества.

Тезаурус – полный набор систематизированных данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку ориентироваться в информационной среде.

Толстовство – направление общественной мысли и общественного движения в России конца XIX – начала XX веков. В их основе учение писателя Л.Н.Толстого, в котором он идеализировал патриархальный строй жизни и рассматривал исторический процесс с точки зрения вечных, изначальных понятий нравственного и религиозного сознания человека.

Топология – раздел математики, изучающий наиболее общие свойства геометрических фигур, не изменяющиеся при любых непрерывных преобразованиях.

Трансфер – перевод, передача, обмен, в которых участвуют разные категории предметной и социальной среды.

Трансформация – преобразование, превращение, в определенных случаях передача меняющихся параметров, качеств материального, электрофизического и социоприродного свойства.

Эволюция – процесс изменения, развития, естественного и последовательного приобретения нового качества.

Эвристика – наука, изучающая закономерности построения новых действий в новой ситуации. Эвристическая деятельность – форма активного отношения к действительности, в основе которого логическое мышление и творчество человека.

Эксклюзив – принадлежащие именно этому владельцу информация, право, общественный продукт и т. п.

Экспонента – показательная математическая функция с независимым переменным, в социологии – та независимая переменная, которая в процессе эксперимента или исследования объясняет происходящее или вызывает изменения в изучаемом явлении.

Энтропия – количественная мера неопределенности ситуации, упорядоченности системы и ее способности пребывать в таком состоянии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверин Ю., Дмитриева Е., Волкова О. Социологические исследования: место и роль в коммуникативных кампаниях, методология и методика проведения. – М., 2006.

Аверьянов Л.Я. В поисках своей идеи (Часть вторая). – М., 2003.

Александров Е. А. Основы теории эвристических решений. – М., 1975.

Альтшуллер Г. С. Найти идею. Введение в теорию решения изобретательских задач. – Новосибирск, 1986.

Ангеловски К. Учителя и инновации: Пер. с макед. – М., 1991.

Андреев В.И. Эвристика для творческого саморазвития. – Казань, 1991.

Аньшин В. М. Маркетинг нововведений: Учеб. пособие. – М., 1994.

Валдайцев С. В. Оценка бизнеса и инновации. – М., 1997.

Вилинов А.М. Управление социальными системами на основе творчества. – М., 2001.

Волчкова А. П. Управление инновационным процессом в современной школе: организационно-педагогический аспект / Автореф. дис… канд. пед. наук. – М., 1999.

Гапоненко Н. Инновации и инновационная политика на этапе перехода к новому технологическому порядку // Вопросы экономики. – 1997. – № 9.

Гинзбург Я.С. Эксперименты в разработке и внедрении нововведений / Автореф. дис… канд. экон. наук. — Новосибирск, 1983.

Гранин Д.А. Эта странная жизнь. – СПб., 2004.

Гребнев Е. Т. Управленческие нововведения. – М., 1985.

Дмитриев А.Г., Усманов Б.Ф., Шелейкова Н.И. Социальные инновации: сущность, практика осуществления. Учебно-методическое пособие. – М., 1992.

Добрынина О.Х., Хван А.А., Кулакова И.В. Психологическое обеспечение инновационной деятельности // Психологическое обеспечение инновационных процессов. – Новокузнецк, 1993.

Дудченко В.С. Инновационные технологии: Учебно-методическое пособие. – М., 1996.

Елфимов М. Возникновение нового: Философский очерк. – М., 1983.

Ефросинин В.В, Методика проектирования и реализации инновационной педагогической технологии как средства повышения качества образования / Автореф. дис… канд. пед. наук. – Тольятти, 1999.

Ильяева И.А. Общение: от Сократа до наших дней (философско-социологический анализ): Монография. – Белгород, 2005.

Инновации в образовании глазами социолога. – Екатеринбург, 1996.

Инновационный менеджмент / Под ред. С. Д. Ильенковой. – М., 1997.

Князева Л.В., Лаврененко И.М., Усманов Б.Ф. Генерирование и оценка идей по реализации региональной социальной политики. – М., 1998.

Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. – М., 1997.

Кретов Б.И. Личность и инновационные процессы в современном российском обществе. – М., 1993.

Кривоносова Л.А. Управление качеством жизни населения. – Хабаровск, 2005.

Кун Т. Структура научных революции: Пер. с англ. – М., 2003.

Лопатин В. А. Опыт инноваций // Психологический журнал. – 1984. – № 4.

Мазур И.И., Шапиро В.Д. Управление качеством: Учеб.пособие. – М., 2003.

Маркова А.К. Психология профессионализма. – М., 1996.

Мартынов С.Д. Профессионалы в управлении. – Л., 1991.

Маршак А.Л. Социология инноватики как прикладная наука: к постановке вопроса // Интеллектуальный ресурс как важнейший фактор управления отечественной промышленностью: Сб. статей. – М., 1996.

Мошняга В.П. Международные принципы и государственно-региональные особенности социальной работы: Учебное пособие. – М., 2000.

Мюллер И. Эвристические методы в инженерных разработках: Пер. с нем. – М., 1984.

Оппенлендер К.Х. Необходимость и предпосылки новой инновационной политики // Вопросы экономики. – 1996. —– № 10.

Перепелица П.С., Рыбалко В.В. Психология изобретательской деятельности. – Киев, 1981.

Петраков А.М. Информационные составляющие экономических моделей качества нововведений // Информация и российское общество. Тезисы доклада 1-го Международного конгресса. – М., 1998.

Поляков С.Д. Основы теории инновационных процессов в сфере воспитания / Автореф. дис… док. пед. наук. – М., 1994.

Робер М., Тильман Ф. Психология индивида и группы: Пер.с фран. – М., 1988.

Рудинова Ю.И. Подготовка молодого учителя к инновационной деятельности в школе / Автореф. дис… канд. пед. наук. – СПб., 1999.

Соколов В.Н. Педагогическая эвристика: Введение в теорию и методику эвристической деятельности: Учеб. пособие. – М., 1995.

Социальная инноватика в управлении: вопросы и ответы, структурно-логические схемы: Учеб. пособие для вузов / Иванов В.Н., Мельников С.Б., Мельникова Н.С. и др. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2004.

Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь. – М., 1996.

Сукисян М.А. Власть и управление в России: диалектика традиций и инноваций в теории и практике государственного строительства. – М., 1996.

Тард Г. Социальная логика: Пер. с фран. – СПб., 1996.

Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. – М., 1989.

Тичи Н., Девонна М. А. Лидеры реорганизации: Пер. с англ. – М., 1990.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л., 1929.

Тюрина В.Ю. Инновационная способность и инновационная восприимчивость: Конспект лекций. – Саратов, 1994.

Уайлд Д. Оптимальное проектирование: Пер. с англ. – М., 1981.

Уайт П. Управление исследованиями и разработками: Пер. с англ. – М., 1982.

Устинов В.А. Управление инновационной деятельностью в процессе создания новой техники, освоения производства новой продукции. – М., 1995.

Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают: Пер. с англ. – М., 1987.

Холостова Е.И. Социальная работа: Учеб. пособие. – 5-е изд. – М., 2007.

Хруцкий Е.А. Организация проведения деловых игр. – М., 1991.

Цыганов А.А. Совершенствование организационно-экономического механизма управления инновационной деятельностью / Автореф. дис...канд. экон. наук. – М., 1999.

Чупров В.И. Социальная инновация // Социологическая энциклопедия: В 2-т – М., 2003. – Т.2. – С.456-457.

Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. – М., 1999.

Юсуфбекова Н.Р. Общие основы педагогической инноватики: Методическое пособие. – М., 1991.

Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М., 2004.

ОТВЕТЫ НА УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ

Не все вопросы, которые заданы в «Дидактическом аутотренинга» по ходу освоения учебного материала, нуждаются в ответах-подсказках. В большинстве случаев справиться с заданиями помогают или само содержание книжных глав, или предполагаемый методикой обучения диалог преподавателя со студентами, совместный их разбор «тренировочных полетов.

К небольшому числу «проверяемых» ответов автором учебного пособия отнесены следующие:

1. «Ключ с правом передачи» — стр. /_/.

Задача для инноватора при выборе технологии управления

Ответ: Есть два варианта уменьшения «слонов»: а) можно, условно говоря, отойти от объекта на большое расстояние (абстрагироваться от реальных его масштабов), и «слон» а определенной дистанции, как зрительно это бывает на натуре, покажется сразу совсем небольшим — и такая иллюзорная метаморфоза «успокоит» волнения, хотя с точки зрения практики оставит все на нуле; б) чтобы сделать макрозадачу решаемой, поддающейся «фокусировке», надо разделить ее на части, «порезать» объект на куски — и последовательно решать ставшие более доступными и соразмерными нашим возможностям микрозадачи («большие, но вчера»); в этом варианте «слон» превращается уже в не страшное своими объемами инновационное задание.

2. «Нить Ариадны» — стр. /__/.

Ответ: Кратчайший путь для передвижения социального работника от дома к дому, где находятся его пожилые клиенты, соответствует «змейке» на обозначенном ниже рисунке.

3. «Тренировка»— стр. /___/.

Ответ на первое задание: В наборе букв пропущена согласная «я». Внимательный аналитик должен был заметить, что в этой своеобразной головоломке в качестве базовых взяты начальные буквы каждого очередного слова, элементам предложения, которое содержит сам вопрос задания.

Ответ на второе задание: Каждый медвежонок после «нововведения» носил бинтовую повязку, поэтому маленьким пациентам было ясно, что зверятам необходимо оставаться в больнице, чтобы поправиться, выздороветь. Фокус с бинтами, согласитесь, гениально простое решение!

Усманов Борис Фатыхович

Социальная инноватика. Учебное пособие.
Третье издание, переработанное и дополненное.
В авторской редакции.

ЛР №100035 от 12.08.97 г.

Подписано в печать 28.04.2007

Формат 60х84 $^{1}/_{16}$ Усл. п.л. Уч.-изд.л.

Тираж экз. 500 Заказ

Московский гуманитарный университет, 111395, г.Москва, ул.Юности, д.5/1